

Поведай нам, тъма

Ричард Лаймон

Оглавление

	3
Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	53
Глава 4	72
Глава 5	87

Нередко, чтобы ввергнуть нас
в беду, Орудья тьмы

предсказывают правду, И

честностью прельщают в
пустынях, Чтоб обмануть тем

легче в важном деле

«Макбет», акт I, сцена 3 [У.
Шекспир (Перевод Ю.
Корнеева)]

Глава 1

— Не нравится мне ваша затея, — сказала доктор Корин Дальтон.

— Ну, пожалуйста! Вот будет здорово! — Стоя на цыпочках, Лана продолжала стягивать с книжной полки плоскую коробку с планшеткой для спиритических сеансов. Лежавшие поверх нее игры зашатались, а самые верхние, «Монополия» и «Профессии», начали сползать.

— Осторожнее! — воскликнул Кит.

Быстрым движением руки коробки были остановлены, но кожаный стаканчик для игры в кости, до этого невидимый, соскользнул с наклонившейся коробки с «Монополией» и свалился. Когда он отскочил от лба Даны, та вздрогнула и, чертыхнувшись, выдернула коробку с планшеткой. Оставшиеся игры с грохотом опустились на ее место.

Говард усмехнулся.

«Поделом. Будет знать, как не слушаться старших», — позлорадствовал он.

Рассмеялись и некоторые другие гости.

Хозяйка дома не улыбнулась и не рассмеялась, но в ее глазах сверкнули веселые искорки.

— А я ведь предупреждала, что это не совсем удачная идея.

— Не подозревала, что вы расставляете мины-ловушки.

— Да, да. И время от времени мне везет: на них нарываются такие вот глупышки.

— Очень смешно, — буркнула Лана и, держа коробку под рукой, нагнулась за стаканчиком. Поставив его на полку, она повернулась и посмотрела в глаза собеседнице. — Нет, серьезно. Вы ведь не против того, чтобы мы попробовали? Я никогда не видела, как это происходит.

— Тогда тебе лучше оставаться в неведении.

— О-о-о-о! Силы тьмы! — завыл Кит.

Лана сверкнула на него глазами, явно не одобряя подобное вмешательство, затем, пожав плечами, с улыбкой обернулась к доктору Дальтон.

— Кори, ведь это обычная игра?

— Такая же обычная, как русская рулетка.

— У-у-у! — прогудел Кит.

«Конь с яйцами», — подумал Говард, но, будучи неглупым, оставил свое мнение при себе. Кит, несмотря на то что специализировался по

английской филологии, имел атлетическое сложение и соответствующие повадки и, вероятно, мог бы уложить его одним ударом.

Из угла кабинета послышался голос Дорис, сидевшей в мягком кресле:

— Если хотите знать мое мнение, то аналогия несколько искусственна.

— А твоего мнения никто не спрашивал, — заметил Кит.

Поднявшись на цыпочки, Лана изучала стопку игр.

— У вас там наверху револьвер, Кори?

— Разумеется, нет.

— Тогда зачем вы храните спиритическую планшечку, если она такая же опасная?

— Она, можно сказать, перешла ко мне по наследству. Видимо, мне все же следовало давно от нее избавиться.

— Это еще почему? — поинтересовался Кит.

— Нельзя легкомысленно относиться к неизведанному, — угрожающе произнесла Дорис, глядя широко открытыми глазами на Кита, хотя тот даже не смотрел в ее сторону. Затем, скинув тол-

стые ляжки с подлокотников, соскочила на пол и с важным видом направилась к остальным.

«А вот и наш толстенный Пак, — подумал Говард, — наш проказливый, педантичный чертенок». Палец Дорис угрожающе поднялся к потолку:

— В мрачных уголках Вселенной таятся темные силы, которые. . .

— Заткнись, а? — оборвал ее Кит.

— Ну, полно, — укоризненно посмотрела на него доктор Дальтон и, обернувшись к Лане, прибавила: — Послушайте, мы собрались, чтобы хорошо провести время. Хотите повалить дурака с этой штуковиной, ради Бога. Но только без меня. Договорились?

— Конечно! Замечательно! Ну, кто со мной?

— С тобой? Я. Не хочу упускать ни малейшей возможности! — выпалил Кит.

«Наверное, и не упускает», — подумал Говард.

Пропустив мимо ушей двусмысленную реплику, Лана обратилась к Дальтон:

— Сколько человек может играть одновремен-

но?

— Думаю, не больше четырех, иначе вокруг планшетки будет ужасно тесно.

— Ладно. Нужны еще два добровольца.

— Возьмите меня, — вызвалась Дорис.

Кит скривился так, словно предпочел бы «взять» клочок использованной туалетной бумаги, но на этот раз промолчал.

— Итак, трое, — объявила Лана. — Еще одного. Есть желающие?

Говард обвел взглядом присутствующих: профессор Дальтон отрицательно качала головой, сидевший в углу комнаты Глен набивал рот чипсами, на диване, сложив на коленях руки, в прострации застыла Анжела.

«Может быть, следовало подойти и присесть рядом, — подумал он. — Ведь и в самом деле почти что не общался с нею сегодня. Еще решит, что избегаю ее».

Но, ей-Богу, она какая-то странная. Будто с другой планеты или еще откуда-то и тоскует по дому.

Кит хлопнул его по плечу, причем сильнее,

чем надо было.

— Присоединяйся, Гаубица. Сможешь потеться коленками с Дорис.

Говард посмотрел на Лану.

— Не возражаешь?

— Конечно, нет. С чего бы?

Говард растерянно повел плечами, чувствуя, что свалял дурака, спрашивая у Ланы разрешения.

— Итак, Кори, в чем смысл игры?

Но не успела та и рта открыть, как вмешалась Дорис:

— Я уже это делала.

— И где же ты умудрилась подцепить слепого парня? — язвительно поинтересовался Кит.

— Ну это уже слишком, мистер Гаррис. Замечательно, что вы развили в себе способность забавлять самого себя столь поразительно плоскими шуточками.

— Хрю-хрю!

На левую грудную мышцу, монолитным бугром распиравшую тесную рубашку, с размаху опустился кулак Ланы. Словно деревянным мо-

лотком по сырому куску говядины.

— Прекрати!

Доктор Дальтон насупилась, но уголки ее плотно сжатых губ подогнулись книзу. Это выражение лица было знакомо Говарду — оно означало одобрение. Но, даже если она и радовалась тому, что Лана стукнула Кита, улыбку предпочла сдержать.

— У меня на кухне есть ломберный столик, — заговорила она. — Давайте-ка принесем его сюда. Тогда и остальные смогли бы поглазеть.

Они перешли в маленькую аккуратную кухоньку. Отодвинув от столика все стулья, хозяйка сложила один из них и, передавая Говарду, взглянула на него своим особенным взглядом. Никогда и ни на кого она так не смотрела, только на него. И он попытался вернуть ей такой же. Нет, это не было перемигиванием, но, похоже, заключало в себе тот же смысл: тайно разделяя порочную страсть к наблюдению за кривляньем и ужимками окружающих, они как бы вопрошали друг друга: «Что такие люди, как мы, делают в подобной компании?»

Почувствовав, что краснеет, Говард с досадой подумал о том, что подобное, вероятно, происходит с ним всегда при встрече с таким взглядом обожаемой преподавательницы.

Передав стулья Дорис и Лане, Дальтон присела и потянула за металлическую скобу, чтобы высвободить одну из ножек стола.

Плотно облегавшие ее белые шорты подчеркивали плавные изгибы ягодиц, а сквозь растянувшуюся на спине блузку розовела кожа и рельефно выделялись бретельки бюстгальтера.

Горло Говарда словно стянуло петлей, сердце заколотилось, а к паху горячей волной хлынула кровь.

Отвернувшись, он понес свой стул в кабинет.

Говард и записался на этот летний спецкурс лишь по одной причине: из-за доктора Дальтон. За три года учебы в Белморском университете он не пропустил почти ни одной ее лекции. Но ему все казалось мало. Такая красивая, умная, веселая и внимательная, она очаровала Говарда еще в первое утро его университетской жизни, как только шагнула на кафедру.

Он ей тоже нравился и знал об этом.

Но также знал и о том, что она никогда не думала о нем, как о потенциальном любовнике. И никогда не подумает. Во-первых, он опоздал родиться на целых девять лет. Конечно, не непреодолимый, но все же барьер. Во-вторых, он малообщительный, знающий жизнь только по книгам педант. В третьих, Дальтон ведет одинокий образ жизни и, по-видимому, не интересуется мужчинами, а уж прыщавыми двадцатилетними юношами так уж точно.

«Радуйся, что она хоть по-дружески к тебе относится», — успокаивал он себя.

Но ужасная тоска захлестнула Говарда, когда он опускал стул на пол в кабинете. Сегодня отмечали окончание летнего курса. Завтра сборы, послезавтра самолет домой. Теперь они увидятся только осенью, почти через два месяца.

Когда появились остальные со стульями и столиком, Говард уже пожалел, что согласился играть. Доктор Дальтон категорически отказалась от заигрывания с духами. Если бы он последовал ее примеру, то мог бы провести это время

с ней.

Пока выставлялись и фиксировались ножки, Кит придерживал столик на ребре, затем, слегка подбросив, поставил его прямо и по указанию хозяйки вынес на середину комнаты.

Кит сел напротив Ланы, Говард — напротив Дорис.

Лана как раз вытряхивала из коробки планшетку, когда к ним подошел Глен с пригоршней чипсов. Пол перестал трястись лишь после того, как он остановился за спиной Дорис. Устремив пристальный взор на планшетку, Глен запихнул себе в рот ломтик жареного картофеля.

— Хочешь сесть на мое место? — спросил его Говард.

— Когда в аду начнут кататься на коньках, дружок.

— Очень благоразумно, — похвалила доктор Дальтон.

«Интересно, не считает ли она, что я поступаю неразумно? — всполошился Говард. — Нет, она все видит. Понимает, что меня втянули».

Быть может, удастся уговорить Анжелу за-

нять его место.

И он повернул голову к дивану. Анжела пристально смотрела на него огромными печальными глазами.

— Анжела! — позвал он. — Не хочешь сыграть?

— Нет, спасибо.

— Не думай соскочить, Гаубица.

— Да вы, ребята, чокнутые, — фыркнул Глен, и мокрый кусочек жареного картофеля спланировал над головой Дорис и приземлился на планшетке. На букве «д» слова «да», в левом верхнем углу. Но, видимо, заметил это лишь Говард. — Разве никто из вас не читал «Заклинатель нечистой силы»?

— Так это же сказки, — бросил ему Кит.

— Вот, вот. Там как раз о том, как в одну коротышку вселились бесы, фу... доигралась с планшеткой.

— Добром это не закончится, — замогильным голосом произнесла Дорис и почему-то захихикала.

Лана, все это время читавшая что-то на зад-

ней стенке коробки, подняла глаза.

— Здесь говорится, чтобы мы легко, без каких-либо усилий, опустили пальцы на стрелку-указатель и просто начали задавать вопросы.

Положив коробку на пол, она установила пластмассовый указатель в форме сердечка посередине планшетки и положила на него два пальца правой руки.

— А обстановка? — воскликнул Кит. — Вам не кажется, что это должно совершаться в темноте?

— А как тогда читать послания? — поинтересовалась Лана.

— А фонарь? Есть у вас фонарь, профессор?

— Сейчас принесу. Еще вам, наверное, понадобятся ручка и бумага.

Лана подняла на нее взгляд:

— Неужто эта штука действительно заговорит?

— Меня бы это несколько не удивило, — бросила Дальтон, выходя из комнаты.

— Я погашу свет, — сказал Глен.

Едва он сделал первый шаг, Анжела потянулась к ночному столику, стоявшему с ее сто-

роны дивана, и выключила настольную лампу. Несколько секунд она посидела в темноте, неотрывно наблюдая за Говардом и остальными, затем поднялась и подошла к столику.

— Если никто не против, — заговорила она тихим нерешительным голосом, — я буду записывать.

— Умница, — похвалил Кит.

Но Говард подозревал, что она просто не хочет сидеть одна в темноте.

— Мне нравится вся эта таинственность, — восторженно произнесла Лана. — Боже мой, будет полный улет, если у нас что-нибудь получится.

— Души мертвых всегда стремятся к контакту с живыми, — промолвила Дорис, правда, на сей раз нормальным голосом.

Неужели она это серьезно?

— Души мертвых? — переспросил Говард.

— А кто же еще?

— А может, мы сами? Я немного читал о подобных вещах. И, кажется, общее мнение таково, что движение стрелки подсознательно контроли-

руется одним из участников сеанса.

— Что само по себе уже может быть любопытно, — живо отреагировала Лана.

— Премиленькая теория, — фыркнула Дорис. — Ну, чисто в духе времен королевы Елизаветы — так же просто, наивно и невежественно.

Кит закивал, улыбаясь:

— Точно, точно. Все умные люди знают, что это покойники разговаривают.

— Можешь насмеяться сколько тебе угодно, но... — Голова ее повернулась в сторону вошедшей в комнату хозяйки. — Эй, профессор, на спиритических сеансах указатель планшетки направляется подсознанием одного из участников или бестелесными существами?

— Я не специалист в данной области.

— Но вы ведь пользовались этой доской, правда?

— Да. Вот почему не хочу садиться за нее снова. Кому фонарь?

— Мне. Записывать буду я, — отозвалась Анжела, и Дальтон отдала ей электрический фонарь, шариковую ручку и блокнот.

— Готовы? — спросила Лана. — Пробуем?

Когда сидевшие за столом протянули руки вперед и опустили пальцы на указатель, доктор Дальтон сказала:

— Помните, о чем я вас предупреждала. И не упоминайте моего имени в своих дурацких вопросах.

— Моего тоже, — проронил Глен, заходя за спину Дорис. — Когда имеешь дело с призраками, осторожность никогда не бывает излишней. Хотя я совершенно не верю в их существование.

— Хорошо, хорошо, никого упоминать не будем. Давайте начинать.

— Вопросы должен задавать только кто-то один из нас, — прошептала Дорис.

— Тогда это буду делать я! — бросила нетерпеливо Лана. — Ну, поехали! — И заговорила чистым звонким голосом: — О, великий дух этой доски! Мы, твои покорные слуги, просим тебя ответить нам. Алло? Алло? Есть там кто-нибудь? Эгей! Вызываем на связь всех духов, вызываем на связь всех духов. . .

— Не паясничай, — пробормотала Дорис.

— Души с того света, мы умоляем вас пообщаться с нами. Обитатели потустороннего мира, вампирчики, призраки, хвостатые бести. . .

— Лана! Черт тебя возьми!

— Поговори с нами, о Великое Подсознание, о Великий Ид, расшевели эту таинственную стрелку. Ну же, а то мы теряем терпение.

Неожиданно кусочек пластмассы под их пальцами заскользил.

— Есть! — прошептал Кит.

— Тс-с-с.

Петлеобразные, с резкими рывками в стороны движения.

— Кто это делает? — строго спросила Лана.

Стрелка остановилась возле Говарда, в конце нижнего ряда алфавита, и его плеча легонько коснулось бедро Анжелы, наклонившейся вперед с зажженным фонариком.

— Буква «Я», — прошептала она, не сводя луча с указателя.

Стрелка оставалась неподвижной.

— «Я», — объявила Анжела.

— Ого, — пробормотал Кит.

— Это не лишено смысла, — заметила Лана. — Боже! Я ведь спрашивала, кто это?...

Пластиковое сердце устремилось в угол планшетки и остановилось на слове «нет».

— Не боженька, — прокомментировала Дорис.

— У этой штуковины еще и чувство юмора, — в голосе Кита прозвучали нервные нотки.

— Это ты подтолкнул туда стрелку? — накинулась на него Лана.

— Да нет же, клянусь.

— Говард?

— Не я, честное слово.

— Дорис?

Стрелка вновь пришла в движение, но уже совсем по-иному. На этот раз не было легкого скольжения по поверхности. Она двигалась замедленно, чувствовалось, что кто-то давит на нее, подталкивает.

— Именно такие ощущения были бы, если бы кто-нибудь из нас управлял ею, — заметила Дорис.

Убрав руку со стрелки, Лана поднесла пальцы к груди и принялась теревить верхнюю пуговицу

на блузке, не сводя глаз с планшетки.

— Что-то не так? — ехидно произнесла Дорис.

— Заткнись! — отрезала Лана.

— Что, нам теперь море не по колено, а?

— Давайте спросим о чем-нибудь, — предложил Кит.

Лана постучала ногтем по пуговице.

— Ну, я не знаю.

— На спиритическом сеансе именно это и делают, — напомнила ей Дорис.

— Давай, Лана.

— Ну, хорошо, хорошо. — Ее рука опустилась на указатель.

— Кто ты? — спросила она.

Стрелка медленно двинулась по алфавиту, достаточно долго задерживаясь на каждой букве, чтобы Анжела успела направить луч фонаря, зачитать и записать в блокнот. — Д-Р-У-Г.

— Друг, — объявила Лана. — Приятно слышать. И где же ты?

— Р-Я-Д-О-М.

— Спроси, он привидение? — зашептал Кит.

— Ты привидение?

Стрелка устремилась к серпу месяца в углу планшетки возле Говарда.

— Нет, — сказала Анжела.

— Не привидение. Уже легче. А кто ты?

— С-Л-У-Г-А.

— Чей?

— Т-Ы.

Лана коротко рассмеялась.

— Замечательно. И что же ты намерен для меня сделать, слуга?

— Д-А-Т-Ь.

— Ты собираешься мне что-то дать? Что же именно?

— Т-Ы-Д-А-Т-Ь.

— Я? Это я должна что-то дать?

— П-О-Ц-Е-Л-У-Й-К-Г.

— Эй! — воскликнул Кит. — Это обо мне. Он велит тебе поцеловать меня.

— Чушь!

— Я единственный здесь К. Г. — Кит Гаррис.

— Я должна поцеловать Кита?

Указатель заскользил в направлении солнца в верхнем углу и остановился на слове «да».

— Мне начинает это нравиться, — обрадовался Кит.

— Он что, считает себя Купидоном?

— Ты бы лучше сделала, о чем тебя просят, — бросила Дорис.

Убрав руку со стрелки, Кит встал и, сложив бантиком губы, перегнулся через столик.

Лана исподлобья посмотрела на него.

«К чему этот театр?» — подумал Говард. Ему точно было известно, что они встречаются и, вероятно, уже не только целовались.

— Это черт знает что, — пробормотала Лана.

— Тебе не обязательно подчиняться, — вмешалась хозяйка. — На твоём месте я бы не исполнила ни единого повеления.

— Ну давай, милая.

Тяжело вздохнув, Лана встала, наклонилась и поцеловала Кита в губы. Затем опустилась на стул и с некоторым раздражением произнесла:

— Ладно, доска. Я выполнила. Что дальше?

Когда их пальцы вновь легли на указатель, тот быстро понесся по доске.

— Т-Е-П-Е-Р-Я.

Глава 2

— Теперь он? — тихо произнес Кит.

— Ни за что! — выпалила Лана. Когда луч фонаря высветил ее лицо и Говард увидел стиснутые губы — как будто примятые невидимым ртом, — холодная дрожь пробежала по его телу.

Но потом ему стало ясно, что она делает это сама, испугавшись обещанного поцелуя.

Вдруг Лана скривилась и, отвернувшись от резкого света, бросила:

— Убери!

— Извини. — Анжела опустила фонарь.

— Как ты? — поинтересовался Кит.

— Если не учитывать того обстоятельства, что я чуть не ослепла. . .

— Почувствовала что-нибудь?

— Нет, конечно. Не будь смешным.

— В первый миг я подумал. . . — Кит осекся, как только стрелка дернулась в сторону. От неожиданности у Говарда перехватило дух.

Когда та остановилась, Анжела, склонившись над доской, направила фонарь на указатель и прочла: «Я». Но стрелка продолжала двигаться. Она останавливалась, затем передвигалась даль-

ше.

— Д-А-Т.

— Видите? — оживился Кит. — Какой там поцелуй. «Моя очередь давать» — вот что он имел в виду.

Лана шумно выдохнула и, чуть сгорбившись, через несколько секунд произнесла:

— Ладно, планшетка. И что же ты собираешься дать?

— К-Л-А-Д.

— Клад? Что ты имеешь в виду? Деньги?

Указатель понесло к улыбающемуся изображению солнца и остановило на слове «да».

— Ты собираешься дать нам деньги?

Пластиковое сердце под их пальцами оставалось неподвижным.

— Означает ли это еще одно «да»? — спросила Лана.

— Надо полагать, — заверила ее Дорис.

— Это мне уже начинает нравиться! — воскликнул Кит. — Добычу поделим, идет?

Лана не удостоила его ответом. Не сводя глаз с планшетки, она спросила:

— Где эти деньги?

Стрелка побежала по изогнутым рядам алфавита, останавливаясь ровно настолько, чтобы Анжела успела зачитать букву, затем продолжала движение.

— П-О-Д-У-Ш-К-А.

— Подушка? Под подушкой?

— Т-А-Х-Т-А.

— Сейчас проверим. — Глен поспешил к дивану. Включив лампу, он отбросил в сторону все три диванные подушки и начал поиски.

— Все, что ты там найдешь, мое! — крикнула ему со своего места хозяйка.

— Это — настоящий дух, — отозвался Кит. — Он открыл нам великую тайну забытого в диване клада.

— Они обожают всякие игры, — заметила Дорис.

— Вот, пожалуйста. — Глен продемонстрировал центовую монетку.

— О, это просто баснословное сокровище, — хихикнул Кит.

— Может быть, там найдется еще что-

нибудь. — Глен опустился на колени и просунул руку в щель между сиденьем и спинкой. — Ой-ой! Не падай! Гм. Никто не терял расческу? — После извлечения расчески поиски продолжились. — Еще монеты, — объявил Глен. Выудив, он пересчитал их на ладони. — Итак, пока что сорок шесть центов.

— Поперло счастье, — проронила доктор Дальтон. Глен вновь запустил руку в диван и стая водить ею туда-сюда.

— Ага... что-то... достал. — Он вытащил руку и разжал кулак. — Э?

«Всего лишь обертка из фольги, — подумал Говард. — Как для таблеток “алка-зельцер”, только красная».

— Ух ты! Извините, профессор.

— Ничего, просто выбрось, — голос Дальтон был какой-то смущенный, извиняющийся.

И Кит, и Лана рассмеялись.

— Ума не приложу, как это могло туда попасть.

— Ну да, — глупо улыбнулся Кит, — как же.

— Тут нечего стыдиться, Кори.

«Обертка от презерватива, — вдруг осенило Говарда. — Кто-то занимался этим с доктором Дальтон прямо на диване». И он представил, как нагая Кори распостерлась на диванных подушках, а на ней, стонущей и извивающейся, скачет какой-то мужик. Как могла она позволить такое?

А ты что думал? Девственница, что ли? Да ей тридцать лет. И она, вероятно, делала это со многими.

Нет! Говорит, что не знает, как это туда попало. Она бы не стала врать...

— Хватит там рыться, Глен, — прозвучал ее голос.

— Вот только... — Вытянув руку из дивана, он склонил голову над новой находкой. — Что за чертовщина?

На вид — какая-то скомканная бумажка.

— Еще один ключ к разгадке тайн бурной жизни профессора Дальтон? — ухмыльнулась Дорис.

— Успокойся, — буркнула хозяйка.

Кит прыснул.

Глен обеими руками стал разворачивать тугой

комок зеленоватой бумаги.

— Целый бакс? — поинтересовался Кит.

Расправив и туго натянув, Глен поднес бумажку к лампе.

— Господи боже мой! — воскликнул он. — Сотня!

— Да что ты мелешь?

Но Глен уже торопился к столику. Вклинившись между Китом и Дорис, он положил мятую банкноту на планшетку. Анжела осветила ее фонарем.

— И в самом деле сотня баксов. — Кит лукаво поглядел на хозяйку. — Полагаю, вам ничего не известно и об этом.

Доктор Дальтон подошла к столику:

— Да у меня никогда и купюры сотенной не было.

Лана устремила на нее пристальный взгляд:

— Как же она туда попала?

— Это подержанный диван, — начала Дальтон. — Я купила его на распродаже пару лет назад. Наверное, кое-что из этого хлама уже находилось внутри.

— Убедительная версия, — с иронией заметил Кит.

— Не столь существенно, каким образом деньги оказались в диване, — заговорила Дорис. — Важнее то, что дух привел нас к ним. Значит, ему было о них известно и...

— Думаю, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что кто-то мог обронить на диване несколько монет.

— Но стодолларовую банкноту, — пробормотала Лана. — Это, должно быть, какая-то шутка. Вообще, довольно странно, что планшетка членораздельно отвечает на вопросы, но... — Она перевела взгляд на Глена. — Эта сотня из твоего кармана, да? Решил раскошелиться, чтобы пощекотать нам нервы...

— Баксы были там, где я их нашел.

— Клянешься Богом?

— Клянусь.

— Анжела, ты ведь там сидела.

Та отпрянула назад, словно уходя от обвинения. Говард повернулся и посмотрел на нее. Анжела трясла головой, рот ее был открыт, но она

не произносила ни слова.

«Мне нужно вмешаться, — подумал он. — Слишком робкая, чтобы постоять за себя».

— Я не думаю... — начал было он.

Но его прервала доктор Дальтон:

— С тех пор, как вы начали эту дурацкую игру, Анжела и близко не подходила к дивану. Поэтому если она, конечно, не медиум, то откуда ей было знать, что планшетка предложит вам искать потерянные сокровища именно там. Кстати, о сокровищах. — Она подошла к Лане, протянула к столу руку и подняла банкноту. — Огромное спасибо, — промолвила она. — Дом-то мой, друзья.

— Мы что же, совсем ничего не получим?

— Ты и так от души повеселился за мой счет. Полагаю, это достаточное вознаграждение.

— И ты отдашь ей, Глен? — удивилась Лана.

— А что, это действительно ее дом.

— Это и вправду не ваши деньги?

— Послушай, я ведь уже сказала. Мне бы хотелось, чтобы они были моими, но это не так.

Когда Дальтон пошла прочь от стола, Кит опустил пальцы на указатель.

— Ну, давайте посмотрим, что нам еще скажут.

— Может, самое время остановиться? — проронила профессор.

— А как же мы? Вы-то разбогатели, а нам что, шиш?

— Думаю, можно было бы с вами поделиться. Почему бы и нет? В конце концов, деньги-то не мои.

— Это одни разговоры.

— Так было бы нечестно, — вмешался Говард.

— Я не возражаю. Если все останутся довольны...

Дорис протянула руку и положила пальцы на стрелку.

— Эй, люди! Мы установили контакт с доброжелательным духом. Узнаем же, что он еще нам скажет.

— Я бы не торопилась делать вывод о его благосклонности, — заметила доктор Дальтон.

— А по мне, так жутко щедрый, — возразил Кит. — Подкинул сотенку.

Его пальцы легли на пластиковое сердце. По-

сле минутного колебания Лана последовала его примеру.

— Присоединяйся, Гаубица.

— Если доктор Дальтон считает, что нам следует остановиться. . .

— Нет, нет, — прервала его хозяйка. — Может, действительно сейчас не самое подходящее время выходить из игры.

— Вы уверены?

— Я уверена в том, что прервись вы сейчас, то, не приведи Господь, еще сочтете планшетку каким-то потрясающим оракулом. Поиграйте еще немного, и я убеждена, ваше мнение быстро изменится.

И Говард положил пальцы на указатель.

— Ладно, — начала Лана. — Планшетка, мы нашли клад в тахте. Еще есть?

— С-Ч-А-С-Т-Е.

— А? Сейчас тебе? Моя очередь? Что ты себе? . . .

— Он хочет сказать «счастье», — объяснила Анжела.

— Счастье? Какое счастье? Богатство? Где?

Стрелка заскользила по доске. После каждой остановки Анжела вслух зачитывала букву:

— Д-А-Л.

— Дал что? — спросила Лана.

— Это может означать «даль», — заметила Анжела.

— Даль, как в словах «далекий», «далеко»?

Указатель понес их пальцы к улыбающемуся солнцу.

— Да, — произнесла Анжела.

— Где? Где богатство?

— Я-З-Н-А-Т.

— А?

Закончив записывать, Анжела поморщила лоб и уставилась в упор на послание.

— Ничего не понимаю, — вырвалось у Кита.

— «Я знаю», — пояснила Анжела.

— «Я знаю, а ты поищи». Да кто он такой, хвастунишка?

— Это игра, — раздался голос Дорис. — Он продолжает играть с нами.

Лана сердито покосилась на доску:

— Что ты хочешь?

— Б-Ы-Т-С-Т-О-Б.

— «Быть с тобой», — зачитала Анжела.

— Ну, ни фигя себе! — протянул Кит.

— Ответь ему «нет», — донесся голос Даль-тон. Проиигнорировав этот совет, Лана спросила:

— Где ты?

— Д-А-Л-Е-К-О.

— Ты мертвый?

Стрелка медленно перемещалась по спирали.

— Думаю, он не собирается отвечать, — прошептала Дорис.

Бесцельное движение продолжалось.

— Ладно, забудь об этом вопросе. Кто ты?

— Б-А-Т-Л-Е-Р.

— Тебя зовут Батлер?

— Д-А.

— Приятно было познакомиться, Батлер.

— Я-Р.

— Яр? — Кит озадаченно наблюдал за дальнейшими передвижениями стрелки.

— А-Д-Т-О-Ж.

— Яр? Ад тож?

— Бессмысленный набор слов, — посетовала Лана.

— Я рад тоже, — прочитала из своего блокнота Анжела.

— А этот Батлер вежливый парняга.

— Это с какой стороны посмотреть, — заметила Дорис.

— Батлер твое имя или фамилия?

— Я-Б-А-Т-Л-Е-Р.

— Я — Батлер.

— Возможно, «Я» — это первая буква имени.

— А может, это каким-то образом связано с его профессией, — предположил Кит. — Он ведь называл себя слугой.

— Но он сказал, что так его зовут. Итак, Батлер, вернемся к упомянутым тобой сокровищам.

— П-О-Ч-М-У.

— «Почему», — догадалась Анжела.

— Ты ведь первый завел разговор о них. Наверное, тебе хочется больше рассказать нам об этом. Что ты хочешь добавить?

— В-Г-О-Р-Е.

— Они в горе?

— А не означает ли это, что нам всем суждено горе? — не удержался Кит.

— Сокровища в горе?

— Д-А.

— Где эта гора?

— Я-З-Н-А-Т.

Лана тяжело вздохнула:

— Мне не нравится, когда меня водят за нос, Батлер. Меня утомили твои игры. Может, нам просто отпустить тебя. Будешь заниматься тем, чем был занят до нашего вмешательства. Ты ведь этого желаешь?

Стрелка устремилась в угол доски и застыла рядом с месяцем.

— Нет? Ну хорошо. Либо ты выкладываешь, где нам искать эти сокровища, либо прощай.

Указатель словно прирос к слову «нет».

— Пожалуй, не стоит ему угрожать, — высказала свою догадку Дорис.

— Пусть катится, — проворчала Лана, убирая руку. — С меня довольно.

Говард последовал ее примеру, Кит и Дорис сделали то же самое.

Сложив руки на груди, Лана криво улыбнулась:

— Видишь, Батлер, что бывает, когда нет сотрудничества. Эта палка о двух концах, мой друг. Указатель дернулся.

— Боже мой, — слетело с ее губ.

Анжела вздрогнула, и ее бедро толкнуло Говарда в руку.

Затаив дыхание, он наблюдал за скользящим сердцем. Медленное движение указателя по доске освещал луч фонаря. Когда он остановился, Анжела прошептала:

— В-Ы.

— Как такое возможно? — изумленно вскрикнул Кит.

— Тс-с-с.

— Д.

Подняв голову, Говард увидел, как доктор Дальтон шагнула к столику и склонилась над ним.

— А.

Упираясь руками в колени, она исподлобья воззрилась на планшетку, прикусив нижнюю гу-

бу.

— Т.

— «Вы дать», — сложила буквы Анжела.

— Кто? — переспросила Лана.

— А-Л.

— А. Л.? — спросил Кит. — Кто такой А. Л.?

— Может быть, это означает «а любой из нас»? — размышляла вслух Лана.

— Чьи-то инициалы? — предположила Дорис.

— Анжела Лоуган, — прошептала Анжела. —

Это я. Он имеет в виду меня.

— Батлер, ты хочешь, чтобы Анжела дала?

Стрелка метнулась вверх и замерла на слове

«да».

— Что ты хочешь, чтобы она дала?

— Б-Л.

— Кто такой Б. Л.? — поинтересовался Кит, но стрелка продолжала двигаться.

— У-3.

— Может быть, мне?

— Заткнись, Кит.

— К-У-Г-К.

Стрелка остановилась, и Анжела закончила

записывать послание.

— Что там? — спросила у нее Лана.

— Я не уверена. Может быть, «белый, узкий».

Г. К.?

— Г. К., по-видимому, это я, — отозвался Говард. — Говард Кларк.

— Все равно не вижу никакого смысла.

— Не знаю, — голос Анжелы дрожал. — Во всяком случае, это глупо. Он не собирается говорить нам, где искать сокровища.

— Может, и скажет, — возразила Лана. — Если сделаем то, о чем он просит. Дай-ка Говарду взглянуть, что ты там нацарапала.

Говард повернулся. Анжела пристально смотрела на него сверху вниз. Рот ее слегка приоткрылся, затем вновь закрылся. Передав ему блокнот, она осветила страницу фонарем.

Смысл послания моментально стал ясен Говарду. У него перехватило дыхание, и сердце глухо заколотилось.

— Ну...

— Выкладывай, Гаубица.

— Здесь говорится: «блузку Г. К.».

— Отлично! Сбрасывай ее, красотка!

— Кит! — рывкнула на него Лана.

— Давайте прекратим эту игру прямо сейчас, — повысила голос доктор Дальтон. — Я знала, что ничем хорошим это не закончится.

Но когда она потянулась за указателем, Лана перехватила ее руку:

— Секундочку, Кори. погоди! Ведь речь может идти о несметных богатствах.

— Вздор! Нет никаких сокровищ. Этот Батлер — кем бы он там ни был, черт побери, — просто использует вас для своих дешевых шуток.

— Как знать, как знать. Но давайте предоставим ему шанс. Давайте доиграем, ладно? Все, о чем нас просят, так это чтобы Анжела отдала свою блузку Говарду. Большие дела.

— Уверена, Анжела смотрит на это по-другому.

— Кори, она уже не ребенок. Пусть сама решает, хорошо? — Лана отпустила руку.

На секунду задержав взгляд на планшете, Кори резко сунула руки в карманы шорт.

— Да над вами лишь забавляются, — произ-

несла она. — Если вы думаете, что эта штукавина сделает вас богатыми, то у вас просто не все дома.

Лана подняла глаза на девушку:

— Ты ведь в бюстгальтере, да?

Анжела кивнула.

— Ну, тогда в чем дело? Тебя же не просят раздеваться донага. Когда идешь на пляж, на тебе, вероятно, еще меньше одежды.

— Но ведь это. . . дух или что-то вроде этого.

— Богатый дух, — уточнил Кит. — Не робей, Энжи. Часть сокровищ твои, не сомневайся. Поделим все поровну.

— Почему я?

— Может быть, он знает, что ты скорее всего откажешься, — начала развивать свою теорию Дорис. — Вот он и выбрал тебя. Думает, что ты не сделаешь это, а значит, и ему не придется делиться информацией.

— Виноватой во всем окажешься ты, — подхватил Кит.

— Не уступай, Анжела, — вмешалась Дальтон. — Никогда не позволяй никому уговорить

тебя сделать то, что противоречит твоим убеждениям и здравому смыслу.

— Но они все будут считать меня виноватой. . .

— А то как же.

— Кит! — рявкнула Дальтон. — Прикрой рот, черт побери!

— Может, так тебе будет легче. — Лана растегнула свою блузку и сняла ее. — Видишь? Ничего не случилось. — С этими словами она швырнула ее на пол и выпрямилась. На смуглом теле белела лишь тонкая полоска бюстгалтера. Без бретелек.

«Прикрывает не больше, чем бикини», — мелькнуло в голове у Говарда. Но от вида ее бюста у него захватило дух. Невозможно было оторваться от гладких склонов, ложбинки между ними, и Говард почувствовал тесноту в брюках.

— Ты тоже, Дорис, — распорядилась Лана.

— Эй, Батлера не интересовала. . .

— Поменьше разговаривай.

Вздыхнув, Дорис скрестила руки на выпуклом животе и, ухватившись за нижний край своего

спортивного блузона, стала поднимать его. Показалась грудь, закованная в бюстгальтер гигантских размеров. Стянув кофту, она сложила ее и опустила на колени.

— Они показали пример, — произнес Кит. — Теперь и ты можешь.

— Ладно, — тихо промолвила Анжела.

— Ради всего святого.

— Да все в порядке, Кори.

— В каком там, черт возьми, порядке.

Выключенный фонарик опустился на стол рядом с Говардом. Мельком взглянув в сторону, он увидел, что Анжела выдергивает край блузки из юбки.

Не желая еще больше смущать девушку, Говард перевел взгляд на Лану. Тем более, если бы он захотел посмотреть, это было бы слишком очевидно, потому что Анжела стояла совсем рядом, и ему пришлось бы повернуться на стуле и...

Кроме того, Лана была намного красивее. Говард поймал себя на мысли, что уже несколько минут пристально разглядывает ее груди. Бюст-

гальтер слегка прикрывал их вершины, ровно настолько, чтобы спрятать соски. Легкое движение, и застежка расстегнется.

— Не пялься, Гаубица.

Слова Кита неожиданно заставили его почувствовать себя так, словно его поймали на чем-то неприличном.

— Прошу прощения, — буркнул он и отвернул голову.

В сторону Анжелы.

Расстегиваться та начала снизу, и нижняя половина блузки уже висела нараспашку. Когда Говард перевел на нее взгляд, Анжела как раз расстегивала пуговицу на груди. Затем подошел черед той, что была у самого горла, последней. Потом она распахнула блузку. Взгляд ее был устремлен куда-то вдаль и мимо него, так что можно было безбоязненно понаблюдать за тем, как блузка сначала слетела с плеч, а затем и с рук.

Худая, и грудь маленькая. Но его почему-то бросило в жар, и острее всего это ощущалось в паху. Несмотря на то что единственный источ-

ник света находился у нее за спиной, света оказалось достаточно, чтобы Говард мог разглядеть то, что просвечивало через бюстгальтер. Тонкие, прозрачные чашечки плотно обтягивали два конусообразных бугорка с темными, высоко выдающимися сосками. Непропорционально большие, они походили на кончики пальцев, пытавшихся проткнуть прозрачную ткань.

Анжела повернулась, и свет лампы упал на левую грудь, почти нависшую над его лицом.

Никогда еще женская грудь не была так близко от него.

Под соском проглядывала крошечная веснушка.

Приподнимись он самую малость, и щека Говарда коснулась бы бюстгальтера, такого гладкого и мягкого, как легкий ветерок. Его словно вообще не существовало, а кожа под ним наверняка шелковистая и теплая. Можно было бы ткнуться в грудь лицом, ощутить мягкую упругость. А сосок уперся бы в веко.

— Вот, — шепнула она.

Звук ее голоса заставил его вздрогнуть.

Увидев протянутую ему блузку, Говард потупил взор и, положив блокнот и ручку на стол, взял ее в руки и стал медленно складывать, дивясь той странной магии, благодаря которой от этого обычного предмета одежды по его телу рассыпались электрические заряды. Казалось, теплые вибрации распространяются от кончиков пальцев по рукам и выше.

«Это всего лишь блузка», — напомнил он себе.

Но ведь она касалась ее тела, ласкала через бюстгальтер грудь, пряталась в юбке, укладывалась на трусики.

Его колени приняли на себя легкую ношу из освободившихся рук, вся тяжесть которой легла на вот-вот готовый прорвать брюки член.

«Перестань, — уговаривал он себя. — Девчонка так себе. Даже не нравится мне. Во всяком случае, не особенно».

— Эй, Гаубица.

— А?

Увидев, что пальцы Кита, Ланы и Дорис уже на указателе, Говард протянул и свою руку. Когда

кончики пальцев дотронулись до теплой пластмассы, он оглянулся на Анжелу.

Та неподвижно стояла в нескольких шагах от столика и, казалось, дрожала всем телом, прижав к груди скрещенные руки. Подобие улыбки скользнуло у нее по лицу, когда она перехватила его взгляд.

— Итак, Батлер, — начала Лана. — Мы продолжаем игру. Твоя подача.

Стрелка качнулась и остановилась на слове «да».

— Превосходно, — прошептал Кит.

— Скажи нам, где богатство.

Сердечко перенесло их пальцы в нижний ряд алфавита. Нагнувшись над темной планшеткой, Кит покачал головой:

— Нужен фонарь.

Взяв фонарь в левую руку, Говард включил его и направил луч на указатель.

— Я, — прочитал Кит.

Говард освещал путь стрелки, а Кит называл буквы:

— В-С-Т-Р-Ч-У-В-А-С.

— Я встречу вас, — вымолвила Дорис.

— Где?

От звонка в дверь у Говарда обмерло сердце.

Даже Лана сдернула руку с указателя.

— Пугливые зайцы! — воскликнул Глен.

Раздался еще один звонок.

— Да успокойтесь вы все, — сказала доктор Дальтон. — Пойду посмотрю, кто там.

— У меня такое чувство, — сострил Кит, — что это не свидетели Иеговы.

Глава 3

— Я пойду с вами, — предложил Глен после следующего звонка.

— Спасибо, буду тебе признательна.

«О, ты даже не подозреваешь, насколько признательна», — думала Кори.

— Что бы там ни предлагали, нам ничего не нужно, — бросил Кит обходившей столик хозяйке.

— Прекрати! — прикрикнула на него Лана. Вытянув перед собой руку, Анжела торопливо приблизилась к Говарду, и он вернул ей блузку.

«Бедняжка, — посочувствовала ей Кори. — Это и бюстгальтером-то не назовешь. Почему только я не топнула ногой?»

По крайней мере обошлось без сальных шуточек.

Но, Боже мой, какое, должно быть, унижение испытала девчонка.

Снова звонок, и накатившая с новой силой волна страха заставила ее позабыть об Анжеле. Уже почти полночь. Кого это принесло в столь поздний час?

Батлер.

Если это он, свалюсь замертво на пороге.

В прихожей Кори зажгла свет, остановилась и уставилась на дверь.

Когда Глен положил ей руку на плечо, она подпрыгнула.

— Это не он, — зашептал Глен. — Это невозможно. Вы понимаете, о чем я? Расслабьтесь, и все тут.

Кивнув, Кори глубоко вдохнула и выкрикнула:

— Кто там?!

— Корин?

Она ахнула.

— Что-то не так? — всполошился Глен.

Но Кори уже метнулась к двери, вырываясь из его рук. Ее силы таяли на глазах. Тяжело привалившись к двери, она отомкнула замок и, пошатнувшись, попятилась назад, потянув за ручку.

— Чед! — имя вырвалось у нее из груди еще до того, как Дальтон, поняла, что на крыльце стоит совсем другой человек.

На нее смотрел растрепанный бородатый незнакомец. Какой-то бродяга в поношенной шляпе, грязной рубашке и джинсах. За спиной

рюкзак, а в руке — деревянный посох.

Но голос был Чеда!

— Что вам угодно? — выпалила она.

Его лицо искривилось в гримасе, усы приподнялись, а губы подогнулись, обнажив зубы.

— Мне казалось, впрочем, теперь я уже не уверен, — заговорил он. — Просто хотелось увидеть тебя, Корин. Знаю, уже жутко поздно, да и явился я неожиданно, но...

— Чед? Это ты?

— Ну да, а кто еще.

— Боже мой!

— Ну, я вижу, вы его знаете, да? — пробурчал Глен.

Кори пожала ему руку и только кивнула в ответ, так как глаза обожгли навернувшиеся слезы.

— Ступай к остальным. — Когда Глен ушел, она промолвила: — Входи, Чед.

— Я не помешаю?

— А как ты сам думаешь? — Она шмыгнула носом и вытерла глаза, когда он переступал через порог.

Закрыв за собой дверь и повернув замок, Чед

прислонил палку к стене, опустил рюкзак на пол и положил на него свою шляпу. Когда спина его выпрямилась, Кори повисла у него на шее, и они крепко обнялись. Борода колола лицо, в нос ударил запах пота и дыма костра.

— Ты похож на «Дикаря с Борнео», — промолвила Кори, отступая на шаг.

— Шатался по горам, в лучших традициях Торо.

— Боже мой, как приятно тебя видеть!

— Прекрасно выглядишь, Корин.

— Ты тоже. Очень похудел. Не узнала тебя, честно.

— Сколько воды утекло.

— Да, немало, — согласилась она, чувствуя, как зашевелилось знакомое чувство старой обиды. — Мог бы хоть весточку прислать.

— Знаю. Я... — он лишь затряс головой. При виде его печальных глаз комок подкатил к горлу Корин.

— Ну ладно, ладно. Сейчас-то ты здесь. Это главное. Ты ведь останешься, да?

— Ну... у тебя гости.

— Да это несколько моих студентов летнего курса. Небольшая вечеринка, чтобы отпраздновать последний день занятий. Скоро я отправлю их по домам. И так уже повеселились вдоволь.

Чед широко улыбнулся:

— Буйная компания?

— Я бы не сказала. — Кори взяла его за руку.

— Представляешь, устроили спиритический сеанс, думаю, теперь и сами не рады своему легкомыслию.

— Это со старой планшеткой Джейка?

Она стиснула его руку, почувствовав, как стали всплывать тягостные воспоминания.

— С ней.

— Да, — вздохнул он, — немало хороших воспоминаний у нас с нею связано.

— И плохих тоже.

Кори провела гостя в кабинет. Там уже горел яркий свет. Девушки оделись, более того, Лана закрывала коробку из-под планшетки. Значит, треклятая игра закончена.

Лана подняла глаза и улыбнулась:

— Кто этот милый здоровяк?

— Я хотела бы познакомить вас со своим старым другом, Чедом Дальтоном.

— Дальтоном? — переспросила Лана.

— Моим деверем. — И, увидев на их лицах выражение удивления и замешательства, поняла, что никто из них не знал о ее былом замужестве. — Брат Чеда был моим мужем — произнеся это, она почувствовала какую-то душевную пустоту. — Он умер несколько лет тому назад. — И быстро добавила: — Так вот, мы с Чедом старые приятели. Чед, это мои студенты. Публика, конечно, разношерстная.

И она представила всех по очереди, а Чед радостно приветствовал каждого.

Когда знакомство завершилось, он с улыбкой кивнул в сторону закрытой коробки:

— Так что, говорят, планшетка вас жутко заинтриговала?

Лицо Анжелы покраснело.

— Довольно странно, — призналась Лана. — Не верится, что эта вещица действительно общалась с нами.

— Это ее прямая обязанность.

— Ну и что она вам поведала? — поинтересовалась Кори.

Лана бросила быстрый взгляд на Кита.

— Это вы о сокровищах?

— Сокровищах? — удивился Чед.

— Планшетка все намекала о каких-то спрятанных сокровищах, — объяснила Кори.

— Кроме шуток?

— Ты появился как раз в тот момент, когда они пытались дознаться, как добраться до этого клада. Так что, Батлер выполнил свою часть уговора? Что он вам открыл, после того как я вышла?

Лана лукаво усмехнулась:

— Это наша тайна.

— Эй, а чья планшетка, забыли?

— Мне казалось, вы хотели держаться в стороне?

— Пик Отчаяния, — проронил Говард. — Какая-то шахта.

— Я сама собиралась сказать, — оборвала его Лана.

— Прости, — буркнул он.

— И все? Пик Отчаяния?

— Сообщив это, указатель спрыгнул с планшетки. У вас имеется карта? — спросила Лана. — Просто любопытно было бы взглянуть, существует ли такое место.

— Это и я вам могу сказать, — заговорил Чед. — Пик Отчаяния находится в заповеднике дикой природы «Каньон Теней». Это примерно в восьмидесяти-девяти милях восточнее городка Рэд-Блафф.

— Рэд-Блафф?

— Это в Калифорнии.

— Вы там бывали? — оживилась Лана.

— Рядом. Пик Отчаяния я видел через долину.

— Странно это, черт возьми, — заметил Глен.

— Странно? — брови Ланы полезли на лоб. — Что странно? Батлер открывает нам, что сокровища находятся на пике Отчаяния. И в этот момент появляется человек, который бывал там. Что в этом странного?

— Совпадение? — зловещим голосом спросила Дорис. — Или рок?

Кит повернулся к Чеду.

— За сколько времени можно туда добраться?

— Да вы что? — всполошилась Кори.

— Просто из любопытства.

— Туда, наверное, больше четырехсот миль, — ответил Чед. — Но должен предупредить — район труднодоступный. От того места, куда можно подъехать на машине, до подножия горы по крайней мере день пути.

— Значит, понадобилось бы сколько — максимум два дня, да?

— Приблизительно.

— Кит, не вздумайте, — не удержалась Кори. — Я вам прямо сейчас могу сказать, что никаких сокровищ на пике Отчаяния вы не найдете. Ничего вас там не ждет, кроме неприятностей. Я не специалист по спиритизму — не знаю, что заставляет стрелку двигаться, кем или чем может быть этот Батлер. Но точно знаю, что этим планшеткам нельзя доверять. Да Батлер имел вас всех. Он с вами играет в кошки-мышки. Манипулирует, словно куклами. Вы только вспомните, что он вас заставил сделать.

Кит посмотрел на Анжелу, затем в глаза Кори.

— Он ничего не заставлял нас делать. Никто не принуждал Анжелу. . .

— Правильно, — перебила его Лана. — Она сделала это добровольно.

— Да перестаньте. Это вы все вынудили ее и сами знаете. Стоило Батлеру скомандовать «прыгайте!», как вы тут же спрашиваете: «А как высоко?».

— Я не знаю, что здесь произошло, — вмешался Чед, — но насчет планшетки Корин права. Эта коварная штука непременно обведет вас вокруг пальца. Поиски этих сокровищ обернутся пустой тратой времени.

Лана кивнула.

— Мне самой эта идея кажется не особенно привлекательной. Со слов Чеда ясно, что нам пришлось бы весь день идти пешком и, может быть, даже ночевать в палатках.

— Никаких «может быть» — это точно, — подтвердил Чед.

— Тогда я пас.

— И я тоже, — объявила Дорис.

Кит взглянул на Глена.

— А как ты, приятель? Участвуешь в экспедиции?

— От этих привидений у меня мурашки по телу.

— Трусло.

— Какой есть.

Кит смерил взглядом сначала Говарда, потом Анжелу.

— Не думаю, чтобы кого-нибудь из вас это заинтересовало.

— Нет, спасибо, — ответил Говард.

Анжела покачала головой.

— Профессор? Чед?

— Ну, дикой природы с меня на время хватит, — махнул рукой Чед.

— Похоже, ты в одиночестве, — заметила Кори. — И если у тебя еще осталась крупица здравого смысла, то откажись от этой глупой затеи.

— Не беспокойтесь. Я его знаю как облупленного. Ничего подобного Кит не предпримет в одиночку. — Отодвинув стул, Лана встала. — Впро-

чем, уже жутко поздно, и нам пора расходиться.

Пока она относила коробку с планшеткой к книжным полкам и запихивала ее под стопку других игр, все гости поднялись со своих мест.

Вернувшись к столику, Лана предложила.

— Давайте отнесем все это на место.

— О, это лишнее, — стала было отнекиваться Кори.

— Нет, вы уж позвольте нам.

И Лана сложила свой стул, а Кит перевернул столик на ребро, чтобы убрать ножки.

— Никто не прихватит мой стул? — спросил он, поглядывая на Кори.

Та сложила его стул и подняла.

Отправляясь на кухню, Лана оглянулась на Чеда.

— Ох, и напугали вы всех нас. Батлер нам как раз говорит: «Я встречу с вами», а тут, внезапно, динь-дилинь, звонок в дверь.

— Не подгадал, — развел руками Чед и поплелся вслед за всеми.

— А по мне, так в самое время, — возразила Кори. — Даже если бы ты пришел в четыре утра,

я бы не возмущалась. Потому что чертовски рада твоему возвращению.

В кухне Кит опустил столик в угол, начал выставлять ножки, но, скривившись, позвал Говарда.

— Закончишь, а? Мне нужно в туалет.

— Конечно.

Кит поспешно удалился, а Говард, поставив свой стул, наклонился, чтобы раскрыть остальные ножки.

— А вы, Чед, ходили в поход? — поинтересовалась Лана.

— Можно и так сказать. Мне пришлось довольно долго прожить в горах после весенней оттепели.

— Совсем один?

— Только я и матушка природа.

— Какая скука, — широко улыбнулась Лана. — Вы, наверное, отшельник?

— Это как раз обо мне.

— Круто, — заметил Глен.

Говард поставил столик на ножки. Пододвигая под него стул, Лана взглянула исподлобья на

Кори.

— Не предложите мне чашечку кофе перед уходом?

Просьба несколько удивила Кори, ей казалось, что Лана рвалась домой. Но Дальтон и самой захотелось кофе.

— Сейчас сварю свежий.

— О, не стоит беспокоиться, чашечки растворимого было бы вполне. . .

— Мне это совершенно не в тягость. Всего несколько минут, и тогда всем хватит. Тем более что мы с Чедом еще будем полуголодать, верно?

Тот улыбнулся:

— Весьма вероятно.

«Все будет как в старые добрые времена», — подумала она, вспомнив, как часто они с Чедом допоздна засиживались за ломберным столиком, пили кофе и вели бесконечные беседы в ожидании возвращения Джейка с работы. Сегодня будет так же.

И ей стала вспоминаться ночь того телефонного звонка, сообщившего о смерти Джейка.

Довольно об этом!

Прошмыгнув мимо Чеда, она открыла шкаф, достала кофеварку и, прихватив из холодильника банку молотого кофе, подошла к столу.

— Не буду заваривать слишком крепкий, — затараторила она, засыпая кофе в кофеварку. — А то не уснете до утра. Раз, два, три... Достаточно для аромата, но ложечка в нем стоять не будет. Чед, ты ведь знаешь, где чашки. Заодно пересчитаешь всех желающих...

«Мелю какой-то вздор», — оборвала она себя.

Но ведь он возник так внезапно. Сколь ни велика была ее радость, она понимала, что его присутствие будет постоянно напоминать о Джейке. Обо всех тех счастливых днях и часах, проведенных вместе, втроем. И о заботе и внимании к ней Чеда сразу после смерти Джейка. И о его неожиданном уходе. Как бросил ее, исчез из ее жизни на долгие пять лет.

Наблюдая, как капля за каплей наполнялась емкость кофейника, Кори чувствовала, что ее гнев растет.

«Пусть только не назовет какой-нибудь по-настоящему уважительной причины», — расплялась она.

Эй! Не кипятись! Он вернулся — и это главное.

Как он мог так поступить со мной?

Почему так внезапно вернулся, после того как прошло столько времени?

А теперь у него хватает наглости вести неприужденные разговоры с Ланой и Гленом о прелестях уединенной жизни. И Говард смотрит на него исподлобья, словно не особо радуясь его появлению. Анжела понурилась, будто обронила что-то.

«Да, досталось сегодня девчонке по их милости», — подумала Кори.

Не надо было вообще позволять им прикасаться к этой проклятой планшетке.

В дверь просунулась голова Кита.

— Небольшой антракт? — поинтересовался он.

— Собираемся попить кофе, — объяснила ему Лана.

— А мне казалось, мы уходим?

— Через несколько минут.

Когда чашки опустели, Кори поняла, что хотела бы, чтобы гости остались. Но никто не попросил добавки.

— Уже очень поздно, — объявила Лана. — К тому же я убеждена, что вам с Чедом о многом еще надо поговорить.

Прощаясь у двери, Кори коротко обняла каждого студента, затем вместе с Чедом провела их на улицу до машины Ланы.

— Как вы все туда втиснитесь?

— Получится, — заверила ее владелица машины. — Сюда-то мы добрались.

— Ну что ж, желаю вам всем хорошенько отдохнуть летом. Увидимся в сентябре.

В открытые окна машины ей дружно помахали и прокричали «до свидания!».

Задержавшись на тротуаре, Кори проводила автомобиль взглядом за поворот, затем взяла Чеду за руку и улыбнулась.

Вот и остались только мы вдвоем.

— Хорошие ребята, — задумчиво промолвил Чед.

— Да, неплохие. Ну что, пойдём допивать кофе?

— Может, чуточку попозже? — попросил он, когда они подходили к дому. — Я грязный, как свинья. Хотелось бы принять душ, если ты не против.

— Нет, что ты. Так я смогу выкроить немного времени, чтобы застелить свежее белье на твою кровать.

— Кровать? Свежие простынки? Не знаю, переживу ли я такое?

— Если ты предпочитаешь расстелить свой спальный мешок за домом. . .

— Уже пытаешься избавиться от меня?

— Не смей так даже шутить, Чед.

Глава 4

— Взял? — спросила Лана, как только они свернули за угол.

— Конечно, — ответил Кит. — Но лучше притормози.

Машина остановилась у края тротуара.

— Где она?

— Там, рядом с домом.

— Ты оставил ее там?

— Ты же не дала мне ключей от машины. Мне что, надо было положить планшетку на капот? Я спрятал ее в кустах возле входной двери.

— Ладно. Что ж, подождем минуту. Пусть зайдут в дом. — Она выключила фары и заглушила двигатель.

— Если вас интересует мое мнение, — заговорила Анжела, — то, по-моему, нехорошо все это. Стыдно.

«Это точно», — обрадовался Говард совпадению их мнений.

— А тебя никто и не спрашивал, — отрезал Кит.

Они сидели бок о бок, и Говард почувствовал, как Анжелу передернуло.

«Скажи что-нибудь, — понукал он себя, — не бросай ее на растерзание».

Но ведь до сих пор он и словом не обмолвился, как, впрочем, и она сама. Никто из них не взбунтовался там, у Дальтон, когда это действительно могло иметь какое-то значение.

Едва они прочли по буквам «пик Отчаяния, в шахте», как Лана вскочила со стула, схватила со столика планшетку с указателем и метнулась через комнату прятать их под диваном. А когда возвращалась на свое место, как раз подошел Глен, и она всем им объявила: «Я сейчас отвлеку Кори: уведу ее на кухню. А ты, Кит, быстренько отнесешь планшетку к машине. Мы отправляемся на поиски сокровищ. Вшестером. Когда войдет Кори, разыграем комедию».

К тому времени, когда вошли Кори и Чед, Лана уже закрывала крышку пустой коробки.

«Вот когда одному из нас следовало бить тревогу, — посетовал Говард. — Пока все не зашло слишком далеко. Я чуть было не сделал это, — напомнил он сам себе. — Черт возьми!»

Нет, на самом деле, он все ждал, что кто-то

другой проговорится и избавит его от необходимости становиться предателем.

— Ладно, Кит! Сходи за ней. Мы подождем здесь. Глен открыл дверь, и, когда вылезал из машины, его сторона немного качнулась вверх. Подождав на тротуаре, пока выйдет Кит, он вернулся на свое место и захлопнул за собой дверцу. Под его весом автомобиль вновь осел.

— Это воровство, если хотите знать, — не сдержалась Анжела. — Планшетка чужая.

Лана повернулась назад:

— Мы просто берем ее взаймы и вернем, как только все это закончится.

— Все равно это неправильно, — вмешался Говард, моментально почувствовав себя лучше. Почему он только не высказал своего неодобрения раньше?

— Кори наверняка наложила бы вето, догадайся она о наших планах. Ты же слышал ее. Для нее это все — бред сивой кобылы.

— Возможно, она права, — заявил Говард. Рука Анжелы как-то незаметно оказалась на его колене и после одобрительного пожатия осталась

там.

— Ты что-то имеешь против денег? — вмешался в разговор Глен.

— А кто тебе сказал, что мы найдем их?

— Батлер.

— Какой-то призрак, — пробормотала Анжела.

— Доктор Дальтон считает, что нам не следует принимать его всерьез.

— А ведь насчет ста долларов в диване он оказался прав, — заговорила молчавшая до этого Дорис. Наклонившись вперед, она положила руки на колени и стала раздвигать их в стороны, пока левое колено не толкнуло Говарда. Но она, казалось, этого даже не заметила. — Насколько я понимаю, существует лишь одна возможность узнать, говорил он нам правду или нет. И я, несомненно, готова посвятить несколько дней этому проекту. Если ничего не получится, по крайней мере, можно будет со спокойной совестью сказать себе, что мы сделали все возможное.

— Кроме того, — подключился Глен, — чуточку развеемся.

— Мне казалось, ты не хотела связываться с планшеткой, — заметил Говард, отодвигаясь от Дорис.

— Это было до того, как зазвенели монеты, приятель. Любой, кто посулит мне кучу денег, пусть забирает меня с потрохами. Парень всегда найдет, куда потратить. А уж я — так точно. Это ты у нас богатенький и тебе начхать, но...

— Я небогат. — Говарду почему-то вдруг сделалось неловко, но он тут же переборол в себе чувство вины. Почему надо стыдиться того, что его родители могут позволить себе оплатить его учебу? Это не грех и совершенно неважно мнение по этому поводу таких, как Глен. — Просто я считаю неразумным позволять какой-то картонке помыкать собою.

— Если Говард и Анжела против, — промолвила Лана, — может, им просто откланяться?

— Да, да, — подхватил Кит, — нам больше достанется.

— Так как, выходите из игры?

— Не знаю, — пробормотал Говард, косясь на Анжелу. — А ты как считаешь?

Та лишь слегка пожала плечами.

— Мы не собираемся вас принуждать, — продолжала Лана.

— Да какого черта? — бросил Глен. — Нам даже лучше.

— Это еще как сказать, — вновь заговорила Дорис. — Хотя я не считаю, что они должны поехать с нами против своей воли, можно предположить, что их отсутствие поставит под угрозу весь проект. Во-первых, Говард — один из тех, кто держал свои пальцы на указателе, когда мы вошли в контакт с планшеткой. Во-вторых, у Батлера, по-видимому, особый интерес к Анжеле. Я имею в виду его просьбу снять блузку в качестве условия, без выполнения которого он не пожелал сообщить точное местонахождение клада.

— Он знал, что только у нее такой просвечивающийся бюстгальтер, — выдвинул свою версию Глен. — Не иначе горемыка с того света сексуально озабочен.

Пальцы Анжелы сжались на ноге Говарда.

— Как бы там ни было, они оба — важные участники сеанса. Если их не будет среди нас,

когда мы доберемся до пика Отчаяния, нам, вероятно, не удастся вновь установить связь с Батлером.

— В этом есть логика, — согласилась Лана.

— Конечно.

— Если один из вас откажется, а Дорис окажется права, это может навредить всем нам.

— Они поедут, — сказал Глен.

Говард тихо засмеялся.

— Что смешного, Гови?

— Ничего, — пробормотал тот. Что толку выводить Глена из себя. Но раньше Глену так же, как Киту, нравилось насмехаться над педантичностью Дорис. А сейчас вот ухватился за ее теорию, словно это какая-то непререкаемая истина.

Неожиданно она перестала быть для него напыщенной дурой.

— Мы не собираемся никого принуждать, — повторила Лана.

— Если есть шанс найти деньги... — пробормотала Анжела.

— Молодчина, — похвалил Глен. — А как ты, Гови?

— Ты уверена? — обратился Говард к Анжеле.

— Все это пугает меня, — тихо промолвила девушка, глядя ему прямо в глаза, — но... моей стипендии хватает лишь на плату за обучение. Даже подрабатывая во все свое свободное время, я почти никогда не могу себе позволить... купить те вещи, которые мне хотелось бы иметь. Конечно, я понимаю, что шанс найти деньги, о которых говорил Батлер, на самом деле весьма сомнителен. Но все же я думаю, что мне лучше... понимаешь, попытать счастья. Ты ведь тоже поедешь, да?

Говард тяжело вздохнул.

— Ну, так что ты решил? — напирал Глен.

— Не наезжай, — осадила его Лана.

Говард действительно не знал, что делать.

Поехать вместе со всеми — означало бы предать доктора Дальтон. Мало того, что они украли ее планшетку, так еще и солгали ей, притворились, что не проявляют ни малейшего интереса к поездке. И, очевидно, не намерены делиться с нею деньгами, если найдут их.

Говард не доверял Батлеру. Кем бы тот ни

был, он был отвратителен уже тем, что заставил их делать все это.

С другой стороны, ему было жаль Анжелу, боится, а все же вынуждена идти на поводу у остальных, потому что так сильно нуждается в деньгах. И уже пострадала от этого Батлера. А они, вместо того чтобы вступиться, наоборот, уговаривали и даже принудили ее снять блузку.

А сам-то я каков?

Вот если бы я сказал, что, мол, не следует...

И вдруг Говард понял, что думает о том, какие у нее были груди и как ему хотелось дотронуться до них. Возбужденный воспоминаниями и все еще чувствуя ее ладонь на своей ноге, Говард представил себе, что если он согласится, то они будут вместе несколько дней. За которые многое может произойти.

Да и общество Ланы ему очень импонировало. Иногда она бывала просто невыносима, но что красива, так этого не отнять. А как быстро рассталась со своей блузкой. Несколько дней в пешеходных переходах с ночевками в палатках наверняка позволили бы ему в большей степени полю-

боваться ее прелестями.

Мысли эти, однако, не только приятно взволновали, но и заставили почувствовать себя виноватым.

«Я нужен Анжеле, — сказал он сам себе. — Я тот единственный, кому не наплевать на нее. И это самое главное».

И тогда он заглянул ей в глаза и сказал:

— Я поеду с тобой.

— Ты ведь делаешь это не только ради меня?

— А что в этом плохого?

Анжела ничего не ответила. Вместо этого, повернувшись, нежно чмокнула его в щеку. Хотя она при этом прижалась к нему плечом, грудь ее была еще достаточно далеко. Вот если бы она еще немножко развернулась...

— А в губы слабо? — поддразнил Глен, когда Анжела отстранилась от Говарда.

— Не суй свой нос, куда не просят! — вспыхнул тот.

Глен рассмеялся.

— Итак, — начала Лана, — теперь комплект. Сделаем вот что: я развезу вас всех по домам

и... — Она резко обернулась в сторону, услышав быстрое шарканье приближающихся шагов.

Кит подбежал к машине и, размахивая перед открытым окном планшеткой, потянул дверцу на себя. Облегающая его грудь трикотажная рубашка отдувалась в форме стилизованного сердечка.

— Посторонись, горилла!

Глен вышел из машины, а Кит в нее сел.

— Без проблем? — поинтересовалась Лана.

— Была там, где я ее оставил. А ты что думала, у нее ноги выросли?

— Сейчас меня уже ничто не удивит.

— Единственное недоразумение произошло у меня с указателем. Когда я сунул его в рубашку, стрелка заскользила по телу. Не иначе — хотела мне что-то сообщить.

— Ты шутишь, да?

Кит рассмеялся.

Опустившись рядом с ним, Глен захлопнул дверь.

— Видать, Батлер прощупывал твои сиськи.

— Да, да, если у кого они и есть, так это у тебя, приятель.

— И я горжусь ими. Хочешь потрогать?

— Тьфу ты, гомик.

— Прекратите, парни. — Лана завела мотор и отъехала от тротуара. — Нам нужно все хорошенько прикинуть. По-моему, не следует дожидаться утра.

— А ты хотела бы поехать прямо сейчас? — удивился Кит.

— Как только все соберутся. Судя по рассказам Чеда, ориентировочно поход займет три или четыре дня. Следовательно, понадобятся рюкзаки, спальные мешки, одежда, котелки и кухонная утварь.

— И еда, — добавил Глен.

— По пути остановимся в каком-нибудь городке. Там и купим еду и все остальное. У кого нет туристского инвентаря?

— У меня, — ответила Дорис.

— У меня тоже, — отозвалась Анжела. — Ничего, кроме спального мешка.

— А у тебя, Говард?

— Кое-что есть.

— Я могу раздобыть еще один спальный ме-

шок, — предложила Лана. — Для тебя, Дорис. Купим пару запасных рюкзаков там, где будем останавливаться.

— А кто за все это заплатит? — поинтересовался Глен.

— Расходы по финансированию экспедиции беру на себя, — заявила Лана.

— Отлично! Теперь я понимаю, почему ты мне нравишься.

— Компенсируете, когда отыщем припрятанное Батлером. Договорились? Сейчас я всех вас развезу, а потом соберу. Но давайте побыстрее. Соберите одежду и все, что у вас есть из снаряжения. Ночью, видимо, будет холодно, так что не забудьте прихватить куртки. Уже по дороге посмотрим, чего не хватает, и составим список покупок.

— Может, нам следует взять две машины, — сказал Кит. — Ведь впереди восьми-, а то и десятичасовая поездка, а здесь тесновато. У Гаубицы есть тачка. Он мог бы взять Анжелу и Дорис, и нам было бы посвободней.

— Тогда бы нам пришлось постоянно подстра-

иваться друг под друга, — возразила Лана.

— Кроме того, — добавил Говард, — у моей тачки перегревается двигатель. — Это было неправдой, но никто все равно не мог проверить.

— Давайте поедем на моей, — предложила Лана. — Думаю, нам лучше держаться вместе.

— Все мы связаны одной веревкой, — назидательно произнесла Дорис. — А кто захочет отвязаться, тому недолго и в петле оказаться.

— Прибереги свои сраные каламбуры для других, — буркнул Кит.

Глава 5

— Секундочку. Я принесу тебе что-нибудь набросить после душа. — Пройдя по коридору, Кори исчезла в спальне, а когда вышла, на ее согнутой руке висел старый клетчатый купальный халат Джейка.

— Ты хранишь его одежду? — удивился Чед.

— Совсем немного. Вот это, — сказала она, передавая халат, — несколько рубашек и то, что можно носить по дому.

— Наверное, его рубашки на тебе просто огромны. Улыбнувшись, Кори кивнула головой.

— Огромные, свободные и удобные. Вот почему я храню их, а не... ну, ты понимаешь, потому, что не смогла расстаться с ними. От ненужных вещей я давно избавилась. У меня нет ни брюк, ни нижнего белья, ни всего прочего, что ты мог бы надеть. Если хочешь, могу бросить твою одежду в стиральную машину, пока ты будешь принимать душ...

— Ничего, не беспокойся. Уже недолго до утра. Видимо, мне вначале стоило бы все обмыть из шланга.

Кори вновь улыбнулась.

— Неужто такая грязная? — Открыв бельевой шкаф, она достала аккуратно сложенное синее полотенце и мочалку из махровой ткани, отнесла их в ванную комнату и положила на полочку рядом с раковиной. — Что-нибудь еще?

— Этого вполне достаточно. Спасибо.

— Тогда увидимся позднее. — Выйдя в коридор, Кори притворила за собой дверь.

Накидывая халат на дверную ручку, Чед подумал о том, не защелкнуть ли ему дверь.

«Опасаясь, что вломится?

Такого никогда не было раньше, значит, и сегодня не произойдет. . . »

Дверь все же запер. Лучше исключить возможность, чем терзаться уже ставшими навязчивыми страхами.

Опустив сиденье унитаза, Чед сел, снял стоптанные пыльные ботинки и тяжело вздохнул. Какое это наслаждение — разуваться. Ботинки казались ему какими-то колодками, в которых ноги сводило судорогами и где они задыхались. Только теперь ноги могли дышать. Затем он стянул влажные грязные носки и засунул их в ботинки.

От влаги даже сморщились ступни.

Поднявшись, Чед снял с себя остальную одежду, свалил ее в кучу в дальнем углу и, отходя назад, увидел свое отражение в огромном зеркале.

Кори назвала его «Дикарем с Борнео».

Не так уж далеко от истины.

Почти три месяца в горах, а не стригся и не брился еще дольше. Густые спутанные волосы закрывали почти все лицо.

Когда Чед почесал бороду, из нее вывалилась сухая сосновая иголка.

Затем он шагнул в ванну, задернул занавеску и включил душ. Вода, полившаяся из распылителя, была холодной, но он давно привык и к более холодной. От этой не выступила гусиная кожа и хозяйство внизу не сморщилось. В ней не плавали кусочки льда. Но, надо полагать, придется теперь привыкать к такой.

В старые добрые времена в этой же самой ванной комнате он часто стоял под таким горячим душем, что, когда выходил, все зеркала покрывались толстым слоем осевшего на них пара.

Теперь ему казалось, что то был совсем другой человек.

Смущенный и закомплексованный ребенок, застенчивый толстяк, бредивший Корин.

Чед выдавил на ладонь лужицу густой тягучей жидкости и понюхал. Шампунь Корин. Тот же хорошо знакомый аромат. И он представил ее сидящей в этой ванне и намыливающей голову, но тут же прогнал образ из головы.

«Ну вот, — подумал он, — не так уж сильно я изменился».

Но на этот раз все будет по-другому.

Чед надел халат Джейка и завязал пояс узлом. Ткань прилипла к пояснице, где полотенце оставило несколько капель воды, подвернутые рукава не доходили даже до локтей.

Это потому, что его носит Корин.

Не буду больше думать об этом.

Наклонившись, он нашел в переднем кармане джинсов расческу и, подойдя к зеркалу, с большим трудом привел в порядок волосы и бороду. Затем, собрав одежду и сунув ее под мышку, под-

нял ботинки и, пронеся все это через дом, отодвинул стеклянную дверь, вынес наружу и оставил на внутреннем дворике рядом с рюкзаком.

Ночь была теплой. Легкий ветерок играл полами халата, прижимая их к ногам. Повернувшись, Чед увидел свет кухонного окна и почувствовал, как неприятно шевельнулось что-то внутри.

Корин, вероятно, сидит за столиком и ждет меня.

Может быть, не стоило возвращаться?

Несколько запоздалая мысль.

Там, в горах, принимая это решение, он был уверен, что созрел. Возмужал духовно и физически. От застенчивого толстяка, считавшего себя неудачником, не осталось и следа, и теперь он мог предстать перед Корин совершенно новым человеком.

Новый человек, как же! Меня даже не узнали. Более того, Корин еще и испугалась.

Но страх как рукой сняло, едва она поняла, кто я. И, похоже, ужасно обрадовалась.

Правда, нервничает.

Да мы оба нервничаем. Это вполне естественно.

— Прислушиваешься к зову природы?

Сердце глухо забилося. Чед повернулся к стоявшей в дверях Корин. Босая, в красной шерстяной ночной рубашке, доходившей почти до колен, что, впрочем, не помешало ему увидеть сквозь ткань ее бедра — свет шел у нее из-за спины. . .

Ни к чему мне это.

Почему она не осталась в той одежде, в которой была до этого? Потому что я тоже в одном халате.

Верно, подумала, что если переоденется для сна, то и я не буду чувствовать себя так неудобно.

— Если хочешь, можно попить кофе и здесь.

— На кухне будет в самый раз.

Чед шагнул в ее сторону и, когда она повернулась к нему боком, заметил под ночной рубашкой бюстгальтер.

Слава Богу.

А по пути на кухню мельком разглядел проступавший чуть повыше ягодиц поясок. Значит, и в трусиках.

Чувство напряженности несколько ослабло.

Он сел за столик. Корин принесла кофейник и, наполняя его чашку, сказала:

— Пришлось сварить еще. — Рука ее дрожала. Налив и себе, она отнесла кофейник на прежнее место, села напротив Чеда и, отпив глоток, спросила: — Ну, как тебе здесь? Что ты чувствуешь после возвращения?

— Чутьочку непривычно. А как ты все это время, нормально?

Кори пристально посмотрела ему в глаза, и уголок рта ее слегка приподнялся.

— Было одиноко.

— Я думал, ты вышла замуж, у тебя дети.

— Почему ты ушел вот так, Чед?

Так вдруг. Словно удар кулаком. А ведь знал, что спросит. Но оказался не готов, несмотря на то, что так часто повторял в уме всевозможные ответы.

— Мне пришлось.

— Так ты написал в своей записке. Это не объяснение. Я что-то не так сделала?

— Нет, ты ни в чем не виновата.

— Ты уверен? Я знаю, я... напилась в ночь накануне твоего ухода. Но, мне казалось, мы развлекались, и было весело. Мы ведь не поссорились, нет? Бог свидетель, я много раз старалась припомнить все, что случилось той ночью. Кое-что я представляю довольно смутно, но... не сказала ли я чего-нибудь обидного?

Чед в растерянности смотрел на нее.

— Нет! Конечно же, нет!

— Тогда почему?

— Я влюбился в тебя.

Устремленный на него взгляд на какой-то миг застыл, затем медленно опустился на чашку.

— Извини, — прошептал Чед.

Не поднимая глаз, Кори тихо произнесла:

— Извинения здесь не очень-то уместны.

— Ты была женой моего брата.

— Его вдовой.

— Да. Когда я ушел. Но я полюбил тебя еще задолго до этого. Почти с того момента, когда впервые увидел тебя. И мне становилось все хуже и хуже, пока я не стал терять ясность мысли.

— О Боже! — Кори подняла на него глаза. —

Я даже не догадывалась.

— И не должна была. Да и ноги бы моей здесь никогда не было, если бы кто-нибудь из вас двоих догадался. И уж, конечно, вы не разрешили бы мне жить с вами после смерти мамы.

— Да, определенные сложности возникли бы.

— И чего бы я добился, если бы открылся тебе? Мне не нужна была твоя жалость, а это самое большее, на что я мог надеяться. Так что лучше было держать все это в себе.

Нахмурившись, Кори закачала головой. Вид у нее был смущенный и обеспокоенный.

— Ты был в меня влюблен? Но ни словом ни действием определенно не давал мне никогда повода заподозрить это. . . Теперь, когда я вспоминаю, сколько раз мы оставались наедине, только ты и я, и ты никогда. . . Боже мой, да ведь ты сам уговорил меня не бросать Джейка!

— Мне хотелось проломить ему башку. Просто сердце рвалось на части, когда я видел, какую адскую жизнь он тебе устроил. — Воспоминания тугим обручем стиснули горло Чеда. — Я возненавидел его тогда за то, что он делал. У

него была ты. Ты! Как ему вообще в голову могло прийти путаться с другими женщинами? Как он мог так относиться к тебе?

Рука Кори протянулась над столом и нежно легла на его руку. Черты ее лица расплылись, и он понял, что смотрит на нее сквозь слезы.

— Вот черт! — буркнул Чед и отвернулся, чтобы вытереть слезы другой рукой.

— Все хорошо.

Шмыгнув носом, Чед вымученно улыбнулся.

— Может, прекратим этот разговор, пока я не наделал еще больших глупостей?

Кори сжала его руку:

— У меня есть лучшее предложение. Бог с ним, с кофе — он все равно уже остыл. Я сейчас принесу бутылочку шотландского виски, и мы пропустим по стаканчику успокоительного на сон грядущий.

— Хорошо.

Кори убрала руку, отодвинула назад стул и встала.

— Давай перейдем в кабинет. Там будет удобнее. Да и закуска там найдется. Ты пока иди, а

я сейчас подойду.

Присев на корточки, она что-то доставала из буфета, когда Чед прошел мимо, направляясь в кабинет. Ему было немного не по себе, и в голове — словно клубился туман. А еще было стыдно своих слез. Но признание он все же сделал. Во всяком случае, в основной части. Признался в любви. А это самое главное, и, возможно, то, что ей действительно следовало знать.

Диванные подушки еще валялись на полу, и, когда Корин вошла, он укладывал на место последнюю.

— Глен разобрал диван в поисках денег.

— Ну и как?

— Извлек сотенную купюру.

— Что, серьезно?

— Понятия не имею, как попала она туда, но, благодаря ей, дети уверовали в планшетку, словно в оракула.

— Меня удивляет, как ты вообще разрешила им взять ее в руки.

— Большая ошибка. — Сев на диван и наклонившись над кофейным столиком, она нали-

ла виски в два стакана, принесенные из кухни, и подняла один.

Приняв стакан из ее рук, Чед повернулся к ближайшему креслу.

— Садись здесь, я не кусаюсь.

— Ты уверена, что можешь мне доверять?

Когда она зацепила пальцами и потянула вниз его боковой карман, полы халата стали расходиться. Чед прижал рукой халат и опустился на диван. Качнувшись через край, виски плеснулось из стакана на халат и просочилось на бедро.

— Извини. Я не хотела, чтобы ты облился. Принести салфетку?

— Ничего, высохнет.

Она повернулась к нему и, посмотрев прямо в глаза, сделала небольшой глоток и опустила стакан. Кончик языка медленно заскользил по губам.

— Жаль, что я не знала.

— Не знала чего?

— Что значит, чего? Боже правый, Чед!

— Это бы все испортило.

— Вовсе нет. Это бы ничего не испортило.

Кроме тебя, у меня никого не было. Даже еще до того, как Джейка убили. Даже когда я еще не знала о других его женщинах. Для него всегда существовала только его работа, работа и больше ничего. Я овдовела задолго до того, как Джейк вошел в тот магазин. Еще в тот день, как он приколот себе на грудь полицейский значок. А потом ты переехал к нам, и мне уже не было так одиноко. Ты так много значил для меня.

— Как друг, — проронил Чед, пригубив стакан. От виски по телу разлилось тепло. — Если бы ты только знала, что творилось у меня в душе. . . все время приходилось притворяться.

— Потому что ты любил меня?

— Потому что любил и потому что хотел тебя. И так сильно, что чувствовал себя больным. А после того, как Джейка застрелили, мне стало еще хуже. У меня никак не шло из головы, что ты теперь свободна. Мы проводили так много времени вместе, утешая и поддерживая друг друга. Каждый раз, обнимая тебя, я едва преодолевал соблазн. . . попытаться что-нибудь сделать. Я возненавидел себя самого. Мне станови-

лось все хуже и хуже. И я ушел.

— О, Чед!

— Рано или поздно...

— Что?

— Я, наверное, попытался бы тебя изнасиловать.

Отпивая виски, она пристально смотрела на него темно-синими, бездонными глазами.

— Может быть, и не стоило себя сдерживать.

— Я не шучу.

— Я тоже.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Это не было бы изнасилованием, Чед. Учтывая то, как я к тебе относилась. Думаю, просто технически невозможно изнасиловать того, кто сам хочет близости.

— Ты хотела меня?

— Во всяком случае, вряд ли попыталась бы тебя остановить. — Губы ее печально искривились. — Ну а теперь жалеешь, что ушел?

— Я всегда сожалел об этом.

— Но не так сильно, как я, это уж точно.

— Я бы так не сказал.

— По крайней мере, ты знал почему ушел. Для меня же это выглядело так. таинственно исчез мой единственный на свете друг. Каждый день я ломала голову над этой загадкой.

— Что ж, теперь ты все знаешь.

— Теперь знаю, черт возьми!

Осушив залпом стакан, Кори отвернулась и стала опускать стакан на стол. Но в самый последний момент стукнула им по столу и резко повернулась к Чеду с ярко горящими глазами:

— Тебя убить мало! Думаешь, я страдала из-за того, что Джейк таскался с теми бабами? Да ты взгляни лишний раз в зеркало! — Голос ее дрогнул, глаза заполнились слезами, которые тут же хлынули по щекам. — Да будь ты проклят! Эгоистичный сукин сын! Как ты мог так поступить с другом, тем более с тем, кого, как ты утверждаешь, любил?

Толкнув его в грудь, она отвернулась и сжалась в комок, обхватив голову руками.

В растерянности Чед поставил стакан на стол и положил руку на содрогавшуюся спину Корин.

— Не прикасайся ко мне! Убирайся отсюда!

— Хорошо.

Чед поспешил из гостиной. Но ее всхлипывания были слышны и в коридоре. Словно острые лезвия, кромсающие грудь. Закрывшись в комнате для гостей, Чед сел на кровать.

Боже мой, что случилось?

Ему казалось, что она все так хорошо принимает. Намного лучше, чем он ожидал. И вдруг, БАХ! Все шиворот-навыворот. Ничего не понятно.

И что теперь делать? Я не могу уйти.

Не могу и остаться. Она велела уходить.

Сгорбившись, Чед тер руками лицо.

Она не это имела в виду.

Хочешь пари?

Знал ведь, что такое может случиться.

Давай одевайся и убирайся отсюда. Не стоило возвращаться.

Чед поднял голову и несколько секунд рассеянно озирался вокруг, пока не понял, что одежду и рюкзак оставил во дворе.

Что теперь?

Как до них добраться, не попадаясь на глаза

Корин?

Никак не получится.

Надо немного подождать. Возможно, она ляжет спать.

И тогда до его слуха донесся слабый шум текущей воды. Вероятно, из ванной комнаты.

Чед бросился к двери, приоткрыл ее и просунул голову в коридор. Дверь в ванную была закрыта.

Идя по коридору, он не сводил с нее глаз. Когда звук воды оборвался, Чед скривился и, замедлив шаг, тихонько прокрался мимо двери. Через несколько шагов он услышал, как дверь открылась, но продолжал идти. Ему стало дурно и очень хотелось обернуться.

Нет, не смей. Она прогнала тебя, а без вещей уйти невозможно.

— Чед!

Ее голос словно хватанул его за сердце.

Он остановился и повернулся.

Красные, припухшие от слез глаза, раздраженный кирпичного цвета нос, мокрые пряди волос, прилипшие ко лбу. Судя по тому, как ночная

рубашка лежала на гладких бугорках ее груди и отдувалась над сосками, Чед понял, что бюстгальтера больше не было.

— Я как раз шел... чтобы взять рюкзак и вещи.

— Нет, не надо.

— Ты же сказала, чтобы я ушел.

— Ты хочешь уйти?

— Нет.

Она медленно направилась к нему.

— Забудь о всех тех ужасных вещах, что я тебе наговорила.

— Я их заслужил.

— Это потому, что мне так не хватало тебя. Ты причинил мне такую боль.

Чед раскрыл объятия, и Корин шагнула навстречу и прижалась к нему.

— Я никогда больше не обижу тебя, — прошептал он.

— Ты уже не уходишь? — Ее теплое дыхание щекотало ему шею.

— Если только не вышвырнешь меня.

Кори крепко обняла его, затем разжала объ-

ятия и запрокинула голову. Он поцеловал ее в мягкие открытые губы, вбирая в себя ее дыхание. Она застонала и изогнулась.

Когда пенис начал напрягаться, упираясь ей в живот, Чед быстро шагнул назад и отвернулся.

— Почему бы мне не помочь тебе прибраться после вечеринки?

Неожиданно он спиной почувствовал тепло ее тела.

— Это может подождать до утра. — Руки Корин медленно опускались, глядя через мягкую ткань его грудь, живот и бедра, а затылок через густые волосы ласкали ее поцелуи. Грудь так сильно прижалась к его спине, что он услышал не только тяжелое участившееся дыхание, но и глухие удары ее сердца.

— Корин, — произнес он, задыхаясь.

— А?

— Тебе... не надо этого делать.

Она ничего не ответила. Руки ее продолжали ласкать его через халат, с каждым разом подбираясь все ближе к паху. Пояс развязался, и халат слегка распахнулся. Когда ее руки нырнули

внутри и заскользили по животу, полы разошлись еще шире.

— Тебе не обязательно. . .

— Ты еще любишь меня?

— Я всегда буду. . .

— Тогда молчи. — Корин сбросила халат с его плеч, и, если бы не прижимала его телом, тот уже упал бы. Она продолжала гладить его по груди, затем руки ее скользнули ниже. Дрожь от возбуждения, Чед завел руки за спину, нащупал край ее ночной рубашки, приподнял его и стал ласкать гладкую теплую кожу ягодиц. Пальцы непроизвольно сжались на упругих холмиках, когда ее рука нежно обвилась вокруг его члена, скользнула по нему вниз и легонько стиснула мошонку.

Затем она убрала руку и отступила назад. Халат упал на пол, и Чед обернулся.

Сняв через голову и сбросив на пол ночную рубашку, Кори застыла на месте, пристально глядя на Чеда. В ее глазах сверкал какой-то безумный огонек, рот приоткрылся, грудь раздувалась мехами, дыхание было шумным и прерывистым.

Протянув вперед руки, она взяла его за запястья и подвела обе его руки к своим грудям. Лаская гладкую и нежную кожу, Чед чувствовал, как дрожит ее тело. Когда же он провел большими пальцами по соскам, Кори вздрогнула, ахнула и отбросила его руки. Широко разведя их в стороны, она подалась вперед и остановилась, когда в живот ей уперлась головка пениса, а соски коснулись его груди. Затем, медленно раскачиваясь из стороны в сторону и глядя ему прямо в глаза, она стала тереться об него.

— Ты так... себе представлял это? — прошептала она сиплым голосом с придыханием.

— Даже близко не мог себе представить подобного. То, что ты сейчас делаешь, просто невообразимо.

Она продолжала раскачиваться, и Чед почувствовал, что оставляет на ее животе влажную скользкую дорожку.

Продолжая удерживать его руки разведенными в стороны, Кори подняла их над головой, потянула вниз и осталась стоять, а Чед опустился на колени. Когда его губы коснулись живота, она

отпустила его запястья, и он начал гладить тыльную сторону ее бедер.

Держась за его плечи, Кори широко расставила ноги и начала медленно садиться, скользя по его груди внутренней стороной бедер. Волосы между ними, казалось, повлажнели. Она стала опускаться медленнее, плотно прижимаясь к нему животом, а его руки все крепче сжимали ее ягодицы. Когда его лицо оказалось между двумя холмами груди, он повернул голову и поцеловал ускользящий из-под губ сосок одной из них.

Корин опускалась все ниже, принимая Чеда в себя. Она была тугой, скользкой и глубокой. Опускаясь все ниже и ниже, она, казалось, засасывала его внутрь. Затем их лица оказались на одном уровне, и губы слились в поцелуе.

— Добро пожаловать домой, — прошептала она.

Глава 6

Собрав вещи, Говард подошел к окну своей квартиры на втором этаже и посмотрел вниз. Среди нескольких машин, припаркованных у края тротуара, «Форда» Ланы не было.

Пустынная и безлюдная дорога убегала вдаль, мрачно бледнея под уличными фонарями и чернея в тени деревьев.

Не хотелось выходить туда.

Не хотелось оставлять безопасную комнату и высовывать нос на улицу среди ночи Бог знает с кем и Бог весть за чем.

Однако он дал слово.

И Анжела на него рассчитывает. Нельзя подводить ее.

Но и доктора Дальтон он не собирался обманывать.

Следовало позвонить ей сразу же, как только вошел в квартиру, а он лишь подумал об этом. Думал и когда переодевался, и когда паковал вещи.

Все откладывал.

Настоящий трус — испугался прослыть доносчиком.

Подожди еще немного, и, наверное, станет слишком поздно. Появится Лана, а вместе с ней и отговорка, чтобы вообще не звонить.

Вероятно, уже и так было слишком поздно беспокоить Корин. Позвони он раньше, она, возможно, еще успела бы подъехать, чтобы перехватить группу, остановить их.

Может быть, он еще не опоздал...

Говард обошел вокруг кровати, взял приглашение на вечеринку, присел у тумбочки и дрожащими руками развернул бумагу. Внизу, под адресом и указаниями, как лучше добраться, стоял номер телефона.

Звонить?

Ей обязательно надо сообщить.

Нравится, попросит задержать их. Доехать сюда можно минут за десять, не больше. А я мог бы что-нибудь придумать, чтобы заставить их подождать. Например, сказал бы, что надо в туалет. И тогда просто сидел бы там, пока она подъедет.

Говард посмотрел на часы. Без двадцати пяти два. Больше часа прошло, как все они покинули

ее дом. Наверное, уже спит.

Так надо разбудить.

А возможно, еще и не ложилась. Говорила же что-то о первых петухах, о том, что будет полуночничать с тем парнем, который так неожиданно нагрязнул.

Деверь.

Боже, оказывается, она была за кем-то замужем. Вдова. Может, поэтому и казалась такой одинокой. Наверное, еще в трауре или что-то вроде этого.

Говард понял, что мысли его разбредаются. Лучше позвонить, пока не слишком поздно. Лана могла появиться в любую минуту.

Он взял телефон с тумбочки, поставил на колени и снял трубку. В ухе зазвенел зуммер.

Взгляд застыл на номере, напечатанном на приглашении, сердце колотилось.

Давай!

В попытке успокоиться, Говард глубоко вздохнул. Затем быстро набрал номер и стал напряженно вслушиваться в непривычно звучащие короткие гудки.

Что ей сказать?

Только правду.

Раздался первый длинный гудок.

Вероятно, напугаю до смерти. Звонок среди ночи. Чего доброго, подумает, что кто-то умер.

Представилось, как Дальтон сидит за столом на кухне. Услышав звонок, вздрагивает, возможно, даже проливает кофе. Отодвигает стул, встанет, встревоженно глядит на того парня, Чеда: «Кто бы это мог звонить в такое время?» Подбегает к телефону. Был ли у нее на кухне телефон? Этого Говард не знал.

Сколько уже было длинных гудков?

По крайней мере шесть или семь.

Восьмой, девятый.

Ну, где же ты там?

Даже если она спала, то первая пара звонков должна была разбудить ее. Уже вполне могла бы дойти до телефона.

Двенадцать.

А что тот парень, Чед? Неужели не может подойти к телефону?

Возможно, они куда-то вышли.

Возможно, ошибся номером.

Может, это козни Батлера — не позволяет нам соединиться.

Глупости! Вероятно, набрал не тот номер, и телефон трезвонит в пустом доме — хозяева в отпуску или где-то еще.

Повесить трубку и попробовать перезвонить?

Звонков, наверное, уже не меньше девятнадцати-двадцати.

Говард положил трубку на рычаг и уставился на приглашение. Он был убежден, что набрал правильный номер, потому что внимательно следил за тем, на какую кнопку опускался палец. Может быть, на карточке записан неправильный номер?

Стоп! Ее номер занесен в телефонную книгу, он и сам несколько раз ей звонил.

Поставив телефон на пол, Говард сел на колени перед тумбочкой, приподнял стопку журналов на нижней полке и начал было вытаскивать телефонную книгу.

Но его остановил автомобильный гудок.

Приехали!

Затолкнув книгу на место, Говард подбежал к окну. На улице появилась новая машина, но она не была похожа на «Гранадугу» Ланы. У той на крыше не было багажника.

«Но теперь есть, — понял он. — Должно быть, один из тех съемных, быстро устанавливаемых».

На полке багажника не было ничего, кроме рюкзака и небольшого чемодана. Чемодан?

Снова гудок.

Это ты, Лана, здорово придумала. Хочешь разбудить весь квартал, да?

Подбежав к кровати, Говард поднял рюкзак и просунул руки в ляжки. По пути к двери похлопал по карманам джинсов. Ключи, бумажник, нож, чековая книжка, на всякий случай.

Ничего не забыто?

Блокнот с адресами?

Но тут же вспомнил, что опустил его в рюкзак. Завтра надо будет как-то позвонить домой, чтобы родители не приехали напрасно в аэропорт. Может быть, когда будем заезжать в магазин за продуктами и всякой всячиной.

Когда-то он уже порывался записать номер

телефона доктора Дальтон в свой адресный блокнот, но передумал, опасаясь, что кто-нибудь мог увидеть. А потом — всякие глупые вопросы.

Слабак. Большие дела, если бы кто и увидел.

Бросив прощальный взгляд на телефон, Говард открыл окно, погасил свет и шагнул в коридор.

Когда он подходил к машине, открылась правая передняя дверь. Появившийся оттуда Глен обошел машину и приблизился к Говарду.

— Давай сюда, приятель, — сказал он и, взяв рюкзак, поднял на багажник и стал привязывать. Тем временем Говард наклонил голову и заглянул в салон.

За рулем сидела Лана, рядом с ней Кит, на заднем сиденье — Дорис.

— Порядок! — Глен похлопал по рюкзаку и поспешил на другую сторону машины.

Говард открыл заднюю дверь, сел и захлопнул ее за собой.

— Вот и хорошо, — произнесла Лана. — Забираем Анжелу и в путь.

— К волшебнику страны Оз, — сострил Кит.

Когда Глен опустился на переднее сиденье, машину качнуло. Затем громко хлопнула дверь.

— Полегче, сломаешь, — буркнула Лана и нажала на педаль газа.

Когда дом скрылся из виду, у Говарда внутри все похолодело и съежилось. Вряд ли он чувствовал бы себя хуже, если бы его похитили какие-нибудь террористы. Почти полная машина, но ни настоящего друга, ни союзника среди этих четверых.

Станет полегче, когда подберем Анжелу.

Хотя, если разобраться, она не больше, чем просто знакомая. Вне занятий они встречались крайне редко. И, во всяком случае, до сегодняшнего вечера их связывало лишь то, что на курсе они держались как-то особняком. Оба избегали общества, прикрываясь застенчивостью. Точно беглецы, опасющиеся погони. Будучи сходными в этом и осознавая это, они инстинктивно тянулись друг к другу — но так и не сблизились настолько, чтобы стать настоящими друзьями.

Дорис тоже держалась в стороне, но по дру-

гой причине. Она считала себя выше других и не скрывала этого. Поэтому Говард едва выносил ее. А теперь ему предстояло провести с ней на заднем сиденье всю ночь. . .

Может быть, Анжела передумает.

Если она откажется, то и я не поеду.

Говард выглянул из окна. Проезжали мимо университета. Вид старых знакомых строений, газонов и аллей против ожидания не подействовал успокаивающе. Наоборот, университетский городок выглядел удручающе. Воображение рисовало прячущиеся в кустах у дорожек фигуры, темные силуэты, скрывающиеся в пустых аудиториях, и он перевел взгляд на затылок Ланы.

Хотелось, чтобы кто-нибудь заговорил. Тишина была гнетущей.

Когда они свернули на 10-ю улицу и въехали в опустевший деловой район, Говард сам решил нарушить молчание.

— А где живет Анжела?

— Знаешь магазин «1000 мелочей» на Черри-стрит? — отозвалась Лана.

— Угу.

— Напротив букинистического, — пояснила Дорис. — Называется «Гэббиз».

— О! — Говард заходил однажды в «Гэббиз», еще первокурсником. И с тех пор избегал этого района. — И она там живет?

— Как раз над тем самым магазином, — уточнила Лана.

— Боже мой.

Как можно жить в таком месте, тем более не имея машины. А когда она допоздна засиживается в университетской библиотеке и ей приходится возвращаться домой одной?... Как только она не боится?

— Ты бы видел типов, которые там крутились, когда мы ее высаживали, — заметил Кит.

— Никакие они не типы, просто нуждающиеся люди, с которыми судьба обошлась...

— Тогда усынови парочку. Что, слабо? Вон того, например. Возьми к себе домой.

Говард сразу увидел, о ком шла речь: по тротуару еле передвигал ноги оборванный бородатый полупризрак, присосавшийся к бутылке, обернутой целлофановым пакетом. Несмотря на

теплую ночь, на нем было пальто, а огромных размеров брюки волочились по тротуару.

Лана повернула за угол, на Черри-стрит.

В нише, у входа в ломбард, Говард увидел темную скрюченную фигуру.

Машина медленно проехала мимо спящего бродяги, свернула к тротуару у магазина «1000 мелочей» и остановилась. Затем Лана посигна-лила.

— Ты сдурела? — всполошился Глен.

— Так, может, поднимешься за ней?

— Спасибо, что-то не хочется. — И он начал поднимать стекло в своем окне.

Окно рядом с Дорис было уже закрыто. Она протянула руку и вдавила кнопку замка. Кит посмотрел на нее.

— Зачем ты это сделала? Ты же не боишься этих несчастных горемык?

Дорис ничего не ответила.

От следующего гудка Говард вздрогнул.

— Она, наверное, услышала тебя еще в первый раз, — заметил Кит.

— Все алкаши в округе тоже, — обронил Глен.

— Ну и что? Они пьяницы, а не каннибалы.

— Надейся, надейся, — пропыхтел Глен.

— Дайте ей пару минут, — предложил Кит.

Они стали ждать. Только окно Ланы осталось открытым. Говарду очень хотелось, чтобы и она подняла стекло и заблокировала дверь. Неужели пребывание в таком месте не вызывает у нее ни малейшего беспокойства?

Наверное, прикроет окно в рекордное время, как только вблизи появится какой-нибудь бомж.

Один из них стоял напротив, через улицу, перед закрытым магазином спиртных напитков, соседствующим с «Гэббиз», и, по-видимому, наблюдал за ними. Стоял неподвижно, и только его правая рука через каждые несколько секунд взлетала к голове и стучала по виску.

Повернувшись назад, Говард выглянул в заднее стекло. Позади машины вроде никого не было. Их сигналы, вероятно, разбудили пьянчужку у входа в магазин, но тот никуда не шел.

— Будет лучше, если кто-нибудь поднимется посмотреть, в чем задержка, — в конце концов предложила Лана.

— Ну как, Гаубица?

Лана повернулась и посмотрела на него.

— Не возражаешь? Ты знаешь ее лучше, чем мы.

— Ну... — Говарду очень не хотелось выглядеть трусом в глазах Ланы.

— Пожалуйста.

— Конечно. А почему бы и нет?

— Вот и молодец, — одобрил его Глен.

Лана протянула руку над спинкой, указывая на магазин «1000 мелочей».

— Там справа наружная лестница. Анжела вошла в дверь на самом верху.

— Хорошо.

Распахнув дверцу, Говард быстро глянул назад и, убедившись, что оттуда никто не приближается, шагнул из машины и захлопнул дверцу.

Вход и витрины темного магазина были закрыты на ночь металлическими жалюзи. Сквозь грязные желтые шторы второго этажа сочился мутный слабый свет.

Говард обошел машину сзади и прямо перед собой, в узком темном закутке между магазином

и ломбардом, увидел лестницу.

Пройдя тротуар, он остановился у первых ступенек и посмотрел вверх. Слишком темно, чтобы разглядеть кого-нибудь. Но назад дороги не было.

И, глубоко вздохнув, Говард стал подниматься. Доски скрипели под его дрожащими ногами. Когда он опустил в карман руку и нащупал гладкую пластмассовую рукоятку складного ножа, стало немного легче.

Только вряд ли он успеет его выхватить. . .

Каждый раз, ставя ногу на очередную ступеньку, Говард ожидал наткнуться на что-то темное и отвратительное.

Как может Анжела взбираться по этой лестнице ночью?

Наконец он добрался до маленького балкончика наверху, постучал в сетчатую дверь и тихо позвал.

— Анжела, это я, Говард.

Тишина.

Тогда он постучал еще раз.

А что, если они послали меня по другому ад-

ресу? Решили подшутить, завести дурачка в наилучший квартал города, заставить выбраться из машины и постучать в незнакомую дверь. Показываются теперь со смеху.

Нет, слишком они серьезно относятся к поискам сокровищ Батлера, чтобы тратить время на озорство.

Щелкнул замок. Внутренняя дверь приоткрылась, но только самую малость. В узкую щель брызнул свет.

— Убирайся. — Писклявый, с хрипотцой голос Мужской или женский — определить невозможно. Но наверняка не Анжелин.

Так и подмывало развернуться и сбежать вниз по лестнице.

— Здесь живет Анжела Лоуган?

— Нет. Пошел на фиг!

— Ладно. Я только подумал...

Откуда-то из глубины квартиры донесся глухой стук. словно удар ногой в стену или дверь.

— Анжела!

В ответ едва слышно прозвучало его имя.

— Эй, почему вы говорите, что ее здесь нет?

— Пошел ты...

Кто это? Ее мать? Отец?

Дверь стала закрываться.

— Ее что, заперли? Я сейчас вызову полицию.

Дверь остановилась. Щель теперь была не больше дюйма.

Еще один глухой стук.

— Говард. — Далекий, приглушенный голос.

Что, черт возьми, здесь творится?

Может, сбегать к машине и привести Кита и Глена? Они встретят насмешками. «Проблемы, Гаубица?» Кроме того, это, может быть, какие-то семейные дела, а ему не хотелось давать им лишний повод для насмешек над Анжелой.

— Я только хочу переговорить с ней минуту. Если вы меня не впустите, клянусь, я вызову полицию.

— Она занята.

— Тогда я иду в полицию. — И Говард шагнул в сторону лестницы.

Дверь широко распахнулась, заливая все вокруг потоком света. Открыл тощий, горбатый старик в одних боксерских трусах. За исключе-

нием лысого черепа, весь он кучерявился седой шерстью. Лицо лоснилось от пота, а глаза за толстыми линзами выглядели неестественно огромными.

— Какого хрена ты достаешь меня среди ночи? Заходи, сопливый ублюдок.

— Почему бы вам не... не разрешить ей подойти к двери?

— Тебе она нужна, ты и заходи.

— Ладно. — Говард придержал открытой сетчатую дверь, ожидая, пока старик повернется и заковыляет прочь. Он старался не смотреть на его горб, шишковатый и оцетинившийся волосами.

За порогом его окатила горячая волна, пропитанная смрадом дешевых сигар. Позади хлопнула сетчатая дверь.

Судя по внешности старика, Говард ожидал увидеть грязную берлогу. Мебель действительно была старой, но беспорядка не наблюдалось. Напротив, везде чистота и порядок. Если бы не ужасная духота и сизый вонючий сигарный угар, обстановка могла бы показаться даже приятной.

Почему этот старый хрен не открывает окна?

— Так и будешь торчать там? — жестом волосятой руки горбун пригласил Говарда следовать за ним.

Еще один глухой удар. Из коридора в другом конце комнаты.

— Угомонись, я иду.

Войдя в коридор, они остановились у закрытой двери, из-за которой доносилось тихое жужжание. Возможно, вентилятор. Выходящий из-под двери электрический шнур тянулся вдоль плинтуса по коридору до удлинителя, уходящего в главную комнату.

— Анжела?

— Говард? — раздался голос из-за двери. — Тебе лучше... уйти.

— Почему? — «Если бы она не хотела, чтобы я ей помог, то зачем выкрикивала мое имя?» — Что происходит?

— Ничего. Просто уходи. Пожалуйста.

— Это с этим сопляком ты сегодня шаталась?

— Я же говорила тебе, это была студенческая вечеринка.

— Он тебя трахал?

— Нет!

— Сука!

— Никто не делал ничего плохого. — У Говарда помутилось в глазах от стыда и возмущения. И от смущения. Если бы этот тип знал, что произошло на самом деле. . .

— Говард. Пожалуйста. Будет еще хуже. Уходи. Скажешь остальным, что я заболела.

— Полюбуйся, до чего ты ее довел.

— Скеррит, нет! Пожалуйста!

Хихикая, старик отодвинул задвижку и открыл дверь.

Глава 7

Пахнуло жаром. А еще крепким запахом пота и ментола.

Шкаф светился красным светом.

На полу, у ног Анжелы, жужжал не вентилятор, а калорифер.

Взгляд Говарда застыл на девушке.

Этого не может быть!

Анжела стояла у задней стенки тесного встроенного шкафа, кисти ее рук были привязаны к рейке для вешалок. Одетая она была в тренировочный костюм, и, возможно, даже не один; этот наряд делал ее похожей на огромный кочан капусты. Верхний серый слой выглядел мокрым. Влажные волосы прилипли к голове, с покрасневшегося лица капал пот.

Она повернула голову в сторону, видимо, сильно смутившись.

— Скажи ему, пусть отвалит, — приказал Скеррит.

— Уходи, Говард, — едва слышно шепнула она. — Пожалуйста.

— Что это?!

— Ты что, не расслышал? А ну пошел вон!

— Меня просто наказали. Все в порядке.

— В порядке?! — Говард подскочил к шкафу, присел навстречу ужасной жаре и повернул ручку нагревателя.

— Эй! — Скеррит схватил его за плечо. Вскочив, Говард резко повернулся на каблуках и обеими руками с силой толкнул горбуна в потную грудь. Тот ахнул и отлетел назад.

— Нет! — вырвалось у Анжелы.

О стену Скеррит ударился спиной, вернее горбом. Очки слетели, а колени подогнулись, он медленно начал сползать по стене, пока не сел на задницу.

Говард в ужасе наблюдал за ним, потрясенный содеянным.

Скеррит злобно сверкнул глазами.

— Лежи! Лежи, черт побери! — Говард сунул руку в карман, извлек нож и открыл лезвие.

— Не трогай его!

— Ты, ублюдок, да я тебя...

— Заткнись! И не рыпайся! — Говард повернулся, пригнулся и выбросил калорифер в коридор. Затем шагнул в шкаф. Чертова жарница! —

Он что, пытался тебя убить?

— О, Говард.

Когда он начал перерезать веревки, удушливый запах ментола обжег ноздри. — Что это за вонь?

— «Бен-Гэй».

— Что?

— Знаешь, такое согревающее растирание. Мазь. Он пользуется ею против артрита.

Говард вдруг вспомнил запах школьной раздевалки. Как, вернувшись с беговой дорожки, он натирает «Бен-Гэем» стертые ноги. И как тогда обжигало, словно огнем.

— На тебе эта мазь?

— Повсюду, — голос ее дрожал.

Наконец Говард перерезал веревки.

— На теле? Под этими кофтами?

Анжела грузно завалилась на него и обвила руками.

— Это сделал Скеррит?

Кивок.

— Боже ты мой! — Говард развернулся боком и вывел ее из шкафа. Руки стали влажными от

мокрой одежды, на ощупь такой толстой. Сколько же всего на ней кофт?

Он осторожно прислонил ее к стене. Девушка немного осела, но не упала.

Скеррит все еще сидел на полу. Правда, успел уже натянуть очки. Увеличенные линзами глаза презрительно застыли. Они казались огромными-преогромными.

— Вставай! — скомандовал ему Говард, махнув ножом в сторону шкафа. — Влезай!

— Ты позволишь ему сделать это, ангелок?

— Говард, не надо. Пожалуйста.

— Как ты можешь защищать этого типа?

— Я квартирую у него. И он не берет с меня платы.

— Значит, ему дозволено мучить тебя?

— Ты ничего не понимаешь.

— Куда мне! Скеррит, марш в шкаф!

Старик с трудом поднялся и вытаращил налившиеся кровью глаза на Анжелу.

— Ты еще очень пожалеешь об этом.

Говард схватил его скользкую руку и толкнул горбуна в шкаф. Ногой закрыв дверь, он резко

зادвинул щеколду.

— Выпущу перед уходом.

— Я не могу никуда пойти.

— Ты не можешь остаться. Он — псих.

— Вовсе нет. Просто... строгий.

— Строгий?

— Ну да.

Слегка наклонившись вперед, Анжела ухвати-лась за нижний край спортивной кофты и начала сдирать ее с себя. Вместе с ней потянулась дру-гая, красная, и еще одна, серая. С огромным уси-лием стянув все три через голову, она швырну-ла мокрые тряпки на пол. На ней осталась лишь полинявшая синяя кофта, такая мокрая, словно побывала под душем.

— Такое он делал всего несколько раз.

— Всего несколько раз?! Какой велико-душный! Отступив от стены, Анжела сбросила несколько пар спортивных брюк, оставив на се-бе лишь синие. Наступив на стянутые брюки, она высвободила босые ноги.

— Обычно он вполне нормальный. Все это из-за того, что я тайком ушла на вечеринку.

— Сумасшедший. Нельзя жить с такими людьми.

— Мне больше негде.

— Правильно, ангелок, твою мать! — донеслось из шкафа.

Анжела скривилась и поглядела на Говарда печальными, полными отчаяния глазами.

— Эй, ты там, заткнись!

— Он прав, — прошептала Анжела. — Мне не по карману снимать квартиру. . .

— Не беспокойся, я помогу тебе с квартирой.

Она покачала головой.

— Иди. Скажешь остальным, что мне нездоровится. Я не могу уйти.

— Ты пойдешь. Пусть мне даже придется тащить тебя силой. Но будет лучше, если я скажу им что-нибудь. Они ждут на улице. Прими душ, а я вернусь через пару минут.

Анжела покосилась на дверь шкафа.

— Даже не думай об этом. — Говард взял ее за руку. Рукав был мокрый насквозь. — Где туалет?

Он кивнула в сторону открытой двери, рядом по коридору. Говард потащил ее за собой. Рукав

скользнул по ее руке. Пот и «Бен-Гэй».

— Хорошенько обмойся под душем. В машине будем сидеть рядом, и я не желаю дышать этой гадостью всю дорогу до пика Отчаяния.

От ее несчастной улыбки защемило сердце. Заведя девушку в ванную, Говард включил свет и вышел.

— Лучше запрись, так, на всякий случай. Вдруг он вырвется. Но я мигом вернусь. Так что ни о чем не беспокойся.

— Ты ведь никому не расскажешь о Скеррите, правда?

— Нет. Ни за что.

Закрыв дверь, Говард подождал, пока щелкнет замок. Проходя мимо шкафа, он с силой ударил по нему кулаком. За дверью вскрикнули, но Говард уже шел дальше.

Спускаясь по лестнице, он вспоминал, как нервничал, когда поднимался по ней. Боялся столкнуться с каким-нибудь пьяницей. Смешно. Испугался алкашей, а Анжела живет с душевнобольным садистом.

С мужиком. Старым и уродливым, но все же

мужиком. Который не взимает с нее платы за постой. Только для того, чтобы наказывать девушку, когда ему только вздумается? И как еще он ее использует?

Пусть даже квартира бесплатная, как можно жить с таким чудовищем? Разве что сама с причудами. Или бедность довела до такого состояния, что она готова смириться с чем угодно, лишь бы закончить колледж.

Опустившись с последней ступеньки, Говард прошел мимо угла магазина и остановился на тротуаре.

Машины Ланы на прежнем месте не оказались.

— Вот здорово! — буркнул он.

Затем поглядел по сторонам. Нигде не видно.

Не видно было и бродяг, хотя, надо полагать, они прятались по темным закуткам и просто не попадались на глаза.

Куда исчезла Лана?

Не так уж и долго я был там, наверху. Минут десять, не больше.

Поехали без нас?

Это казалось маловероятным.

Ну а если и вправду уехали, то не придется участвовать в безумных поисках сокровищ Батлера. Можно было бы вернуться в безопасную квартиру и забыть обо всем.

А как же Анжела? Пойдет ли она с ним? Проведет ли эту ночь у него?

Мысль о том, что это вполне возможно, приятно взволновала, но исчезновение Ланы и других ребят оставило неприятный осадок: словно его бросили, обманули и унизили. Говард почувствовал себя маленьким мальчиком, покинутым в трудную минуту друзьями.

Наверное, никогда и не собирались брать нас с собой.

Так их доли увеличиваются.

Но как же тогда быть с теорией Дорис о том, что Батлеру, вероятно, нужны и он, и Анжела?...

Из-за угла в конце квартала вырулил автомобиль. Щурясь от яркого света фар, Говард заметил на крыше багажник.

Неужто передумали?

Говард чертыхнулся, но почувствовал опреде-

ленное облегчение.

Подъехав к тротуару, машина остановилась перед Говардом.

— Где Энжи? — поинтересовался Глен.

Говард подошел к открытому окну.

— Еще не собралась.

— Вечные фокусы, — фыркнул Кит. — Ох уж эти женщины!

— Ей немного нездоровится. Сидит в туалете.

— Расслабило желудок? — спросил Глен.

— Да. А где вы были?

— Какая-то задница решила было завязать с нами знакомство. Вот мы и решили, будет спокойнее, если начнем разъезжать.

— Колесили по кварталу, — отозвалась с другой стороны Лана.

— А я было подумал, что вы уехали без нас.

— И не мечтай, Гаубица.

— Анжела еще долго провозится? — занервничала Лана.

— Не могу сказать. Минут, пожалуй, десять. Я обещал ей вернуться и помочь упаковаться.

— Какой паинька, — поддразнил Глен.

— Хорошо, — сказала Лана. — Мы поехали дальше по кругу. Поторопи ее. Впереди дальняя дорога.

— Ладно. До скорого.

И машина отъехала. Быстро поднявшись по лестнице, Говард вошел в гостиную. Когда подходил к коридору, услышал звуки льющейся воды, а проходя мимо шкафа, проверил дверь. Та была надежно заперта. Все это время он опасался, что Скеррит сможет выбить ее. Наверное, выродок все же боится его, поэтому и предпочел сидеть взаперти, нежели подвергать себя риску нового нападения.

Вспомнив о том, как толкнул старика, Говард почувствовал угрызения совести.

А что, если тот действительно сильно ушибся? Черт побери, ему уже наверняка около семидесяти.

Говард подошел ближе к двери.

— Скеррит, как ты там?

— Оставь меня в покое, ты, хреносос!

— Я выпущу тебя, когда мы соберемся.

— Попробуй только увести ее, пришью обоих.

— Сначала найди нас, старый кусок дерьма. «Как глупо, — пожурил себя Говард, торопясь в прихожую. — Самонадеянно и по-детски. Все равно что показывать оттопыренный средний палец хулигану, пригрозившему отобрать у тебя часы».

Говард подошел к двери ванной комнаты. Вода все еще лилась. «Пока она в душе, — подумал он, — безопасно».

Воровато озираясь, Говард подошел к дверному проему по другую сторону коридора и заглянул внутрь. Лампа возле аккуратно убранной однопальной кровати. Комод с зеркалом, кресло-качалка. Везде чистота и порядок, только на полу пара старых мокасин, а на кровати — брюки и рубашка. Видимо, комната Скеррита.

Когда он поспешил дальше, сердце забилося сильнее. Последняя дверь была слева. Подойдя, Говард пошарил в темноте по стене, щелкнул выключателем, и, задержавшись на секунду, чтобы вновь услышать звуки льющейся воды из ванной комнаты, вошел в комнату.

Мятный аромат «Бен-Гэя» все еще висел в

горячем воздухе.

Должно быть, здесь Скеррит натирал ее.

Место преступления. Спальня Анжелы.

На полу под окном был разостлан матрац, сверху клетчатый спальный мешок. А на нем — серый плюшевый котенок с оторванным ухом. Вдоль стены — пара картонных коробок с аккуратно сложенной одеждой. В углу раскладной стул, небольшой журнальный столик, на котором среди стопок книг и папок стояла переносная печатная машинка. Стенной шкаф без дверцы, внутри — какая-то одежда на нескольких плечиках, пара туфель, на полу — чемодан.

Больше напоминает камеру, чем спальню.

Боже мой, бедняжка. Так жить.

Комок подкатил к горлу.

Взгляд упал на одежду, в которой она приходила на вечеринку. Разбросана по полу, точно ее срывали: плиссированная юбка, голубая блузка, белые носки и кроссовки, красные, в стиле бикини, трусики, тонкий, прозрачный бюстгальтер.

Неужели Скеррит раздел ее донага, расшвыривая одежду куда попало?

Должно быть, когда увидел, какое на ней нижнее белье, старикашка и вовсе спятил.

Или зверски возбуждился.

А может, это он заставляет ее носить такие вещи.

Наверное, сам и купил. Почему знать, что там у них за отношения.

Наклонившись, Говард поднял лифчик и стал рассматривать свои пальцы сквозь тонкую ткань, вспоминая, как выглядела ее грудь. Маленькая и гладкая, с такими огромными сосками.

Неужели и их Скеррит натирал мазью?

Намазал той дрянью ее всю. Так она сама сказала.

Все тело?

Грязный ублюдок!

Из ванной комнаты донесся слабый шипящий звук, и наступила тишина. Говард ахнул, выронил бюстгальтер и подхватился, сразу почувствовав себя виноватым, словно его поймали за руку на чем-то постыдном.

«Ей еще надо вытереться», — успокаивал он себя, торопясь к двери.

Какая дверь?

Дверные петли, но никакой двери на входе в ее спальню.

Вот чертов выродок!

Оказавшись в коридоре, Говард замедлил шаг и как можно тише проскользнул мимо ванной комнаты и мимо шкафа в гостиную. Уже садясь в кресло, услышал, как там открылась дверь. Затем послышались тихие шаги.

Анжела остановилась в дверном проеме. Вокруг талии было обвязано белое полотенце, другое она прижимала к груди. Прилипшие к голове черные волосы ниспадали до плеч.

— О, я только хотела убедиться, что ты вернулся, — робко улыбнулась она.

— Тебе стало легче?

— Намного. Спасибо.

— Я говорил с ребятами. Просили, чтобы мы поторопились.

Лицо ее приняло озабоченный вид.

— Ты ведь ничего им не говорил, да?

— Они думают, что тебя расслабило.

— Чудесно, — и лицо ее засветилось настоя-

щей улыбкой. — Огромное спасибо.

— Тебе помочь собрать вещи?

— Нет, спасибо. Побудь здесь. Я быстро.

Когда она отвернулась, Говард мельком увидел обнаженную спину и изгибы ягодиц под полотенцем. Затем Анжела исчезла в коридоре.

Глубоко и прерывисто вздохнув, Говард представил себе, как девушка вдет к себе в спальню. И мысленно пошел за нею, чтобы подсмотреть. Двери ведь там не было.

Довольно!

Такие гадости к лицу Скерриту.

И Говард принялся осматривать гостиную, стараясь отвлечься и не думать об Анжеле.

В глаза ему бросился телефон, на подставке возле входа в кухню.

Еще раз попробовать дозвониться доктору Дальтон? Может, на этот раз ответит.

Надо будет искать ее номер в телефонной книге или звонить в справочную, но...

Ты в своем уме?

Слава Богу, что прошлая попытка оказалась неудачной. Что, если бы он рассказал ей о плане

и она остановила их?

Теперь он понимал, что им необходимо отправиться на поиски сокровищ Батлера. Анжела не может вернуться к этому маньяку. Да я бы и не позволил ей, черт возьми. Деньги — для нее единственный выход. И даже если мы потратим время попусту, гоняясь за миражем, попытка — не пытка.

Найти те деньги — ее единственный шанс.

«Нет, не единственный, — мысленно возразил он самому себе. — У нее еще есть я».

В этот момент до него донесся голос Анжелы. Говорила она очень тихо, и ничего невозможно было разобрать.

Подскочив из кресла, Говард сделал пару шагов в сторону коридора и остановился.

Это не мое дело.

— Ты не можешь уйти! — хныкал Скеррит. — Что я буду делать?

Анжела что-то ответила.

— А как тебе понравится, если я вышвырну твое барахло? Сожгу его?

Что, если она выпустит его?

И Говард пошел в коридор.

Понуриив голову, Анжела стояла, чуть наклонившись вперед и упершись руками в дверь стенового шкафа. На ней была та одежда, которая недавно валялась на полу в спальне, волосы собраны сзади в хвостик. У ног — чемодан и свернутый спальный мешок. Бросив короткий взгляд на Говарда, она снова посмотрела на дверь.

— Это всего на несколько дней, — промолвила она. — Пожалуйста. Ты ведь сможешь обойтись без меня несколько дней, так ведь? Это очень важно.

— Если уйдешь, пожалеешь! Пожалеешь, что родилась на свет!

Анжела ожесточенно хлопнула ладонью по двери:

— Скеррит!

— За все, что я сделал для тебя.

Она снова поглядела на Говарда. Ее покрасневшие глаза блестели.

— Я должна ехать.

— Ну и проваливай, шлюха! Катись к чертям собачьим!

Оттолкнувшись от двери, Анжела наклонилась, подняла чемодан и спальный мешок и пошла к Говарду. Губы ее были плотно сжаты, подбородок дрожал.

— С тобой все в порядке? — прошептал он.

Она покачала головой.

— Станет лучше, когда мы поедем. Мне не следовало ходить на эту вечеринку. Он должен был вырубиться — всегда напивается к десяти-одиннадцати часам. Никак не ожидала, что попадусь. Рассчитывала незаметно проскользнуть внутрь и так же незаметно выскользнуть, и...

— НЕ УХОДИ!

Анжела вздрогнула.

— Пойдем. — Взяв у нее чемодан, Говард бережно подхватил ее под локоток и повел к входной двери.

— Спускайся на улицу, я на одну минуту.

— Ты собираешься его выпустить?

— Да.

— Не бей его.

— Не буду.

Выйдя с нею на лестницу, Говард поставил

чемодан.

— Если машины не будет, не беспокойся. Они скоро подъедут.

— О Боже, Говард. Не надо мне было этого делать.

— Все будет хорошо, обещаю.

Какое-то мгновение она пристально смотрела ему в глаза, затем пошла вниз по лестнице.

Говард вернулся в квартиру. Сразу за порогом остановился и, сняв туфли, медленно подкрался к двери стенного шкафа.

Из-за двери доносились жалобные стенания.

Старый ублюдок ревел.

Осторожно отодвинув щеколду, Говард повернулся и на цыпочках вернулся к своим туфлям, сунул в них ноги и спешно пошел на выход. На балконе подобрал чемодан, притворил дверь и быстро побежал вниз по ступенькам.

Глава 8

Проснувшись рано утром, Кори повернула голову и увидела рядом с собой на кровати Чеда. Он лежал спиной к ней, на боку, укрытый до пояса простыней.

Вот он, здесь. Вернулся наконец.

Сердце Кори до краев переполнилось радостью, и она с трудом справилась с желанием прижаться к гладкой спине Чеда, обнять и никуда не отпускать его.

Пусть спит. Ночь была бурной.

Улыбнувшись, она устремила взгляд в потолок и, забросив руки за голову, медленно и глубоко вздохнула. Простыни на ней не было, но тем приятнее. Легкий ветерок из распахнутого окна нежными волнами ласкал тело, наполняя комнату ароматом травы и сосен.

Лежать бы так целый день. Или, по крайней мере, пока Чед не проснется. Займемся любовью, а потом позавтракаем.

Потягиваясь, Кори наслаждалась легкой напряженностью мышц и сознанием того, почему они стали такими.

Досталось же тебе, малышка. И внутри, и сна-

ружи. Вероятно, походишь денек кавалеристом.

Кори тихо рассмеялась, но ее смех, видимо, совершенно не потревожил крепкого сна Чеда.

Может, взять и разбудить его?

Нет, сначала почистить зубы.

Кори медленно и осторожно, чтобы не всколыхнуть кровать, встала и поковыляла к двери.

«Не так уж и плохо», — подумала она.

В коридоре на глаза попались ночная рубашка и халат Чеда, и улыбка заиграла на ее лице. Взгляд остановился, и прошлая ночь вновь ожила в памяти: вот она снова опускается на сидящего на коленях Чеда; вот она чувствует, как он проникает в нее; как потом никто из них долго-долго не шевелится, словно оцепенев, осознав, что наконец-то они вместе, слились воедино в едином желании — чтобы этот миг длился вечно.

И тогда зазвонил телефон.

— Не будешь снимать трубку? — прошептал Чед.

— Ты в своем уме?

Затем приподнялась, опираясь на его плечи

и чувствуя, как где-то в самой глубине образуется продолговатое пустое пространство — щемящая и сладостная полость, которой она наслаждалась те несколько мгновений, пока трезвонил телефон и которую она заполнила своим головокружительным падением, принимая Чеда на всю его длину.

Телефон.

Кто, черт возьми, мог звонить в такое время? Неужели этот звонок никогда не умолкнет?

Но кто-то назойливо пытался привлечь ее внимание, когда Кори неожиданно почувствовала, как пол уходит из-под ног, и повалилась на спину, а Чед толкнул ее так сильно, что она проехала спиной по ковру, и после этого толчка никто из них уже не мог сдержаться.

Когда же Кори перевела дух, она сказала:

— Не знаю, как ты, но мне кажется, что звенело в ушах.

Чед рассмеялся, и дрожь его подтянутого живота передалась ей, а пенис слегка задергался где-то глубоко внутри нее.

— Я так спешил, чтобы ты могла ответить.

— Какая забота, но ты чуточку опоздал.

— Извини. Я старался.

— Вероятно, просто ошиблись номером или какой-нибудь придурок. Если что-то важное, перезвонят.

Но никто не перезвонил.

«Наверное, что-то не очень срочное, — убеждала она себя, приседая на корточки, чтобы поднять ночную рубашку. — Если бы это было действительно серьезно... если что-то случилось с мамой или папой... Маловероятно. Наверняка перезвонили бы».

Именно это Кори твердила себе прошлой ночью, когда ею начинало овладевать беспокойство. Один раз, когда Чед оставил ее, чтобы сходить в туалет, она даже хотела встать с кровати и позвонить домой. Однако уже было начало третьего ночи и очень не хотелось будить родителей. Тогда бы они, не дай Бог, могли подумать, что случилось какое-то несчастье.

Значит, надо позвонить сейчас. Просто убедиться, что у них все в порядке.

Набросив ночную рубашку, Кори отнесла ха-

лат в спальню, повесила на спинку кровати, затем тихо вышла из комнаты и пошла в кухню к телефону. На часах было уже пять минут десятого. Скорее всего родители уже встали.

И она набрала их номер.

Длинных гудков было всего два.

— Алло?

— Привет, мама. Как дела?

— Ах, дорогая. Какая жалость, но твой отец уже уехал играть в гольф. Он огорчится, что не удалось поговорить с тобой.

«У них все в порядке. Я так и знала», — но, подумав об этом, Кори ощутила, как к горлу подкатил комок.

— Ничего не случилось? — донеслось с другого конца.

— Нет, что ты. Вчера закончила занятия с летней группой студентов и просто решила позвонить.

— Ты не приедешь?

— Может, через недельку-другую. Но пока не знаю, когда именно.

— Ну тогда сообщишь. В последнюю неделю

августа мы поедem на встречу выпускников, но в остальное время абсолютно свободны.

— Прекрасно. Я позвоню через несколько дней.

«Говорить или нет?»

— А отгадай, кто заявился вчера вечером?
Чед.

— Чед?

— Ну да. Как снег на голову. Я устраивала вечеринку для ребят одной из моих групп, и вдруг около полуночи звонок. Открываю дверь, а он тут как тут.

Тишина. Не следовало говорить ей.

— Надеюсь, припас уважительное оправдание.

— Мама!

— Наверное, ты забыла, что он заставил тебя пережить? Оставил одну в такое время. Как раз когда ты начала понемногу приходить в себя. Взял и ушел, даже не попрощавшись. Надеюсь, по крайней мере, ты высказала этому молодому человеку, что ты о нем думаешь.

— Да, мама, — призналась Корин, краснея

при воспоминании о попытке сорвать злость.

— Ну и что же он сказал в свое оправдание?

— Что сожалеет об уходе.

— Ну еще бы! А не сказал, почему это сделал?

— Просто посчитал, что не вправе дольше оставаться. После смерти Джейка... он решил, что ему больше нечего делать в этом доме. Понимаешь, ну вроде не хотел показаться навязчивым. Это было просто досадное недоразумение. Он догадывался, какие чувства я к нему испытываю.

— Это еще не оправдание.

— Может, и не оправдание. Впрочем, все это было так давно, а теперь он вернулся.

— И все же, почему вернулся?

Вопрос застал ее врасплох.

— Не знаю, — ответила она и подумала: «А ведь действительно не знаю». — Он пришел довольно поздно, и мне было как-то недосуг спросить об этом.

— Ну, думаю, тебе не мешало бы поинтересоваться.

— Да. Спрошу. Он еще не проснулся, но...

— Что ж, советую тебе, когда он все-таки встанет, не премини выяснить, почему молодой человек ни с того ни с сего появляется среди ночи да еще спустя столько лет. Ведь у него могут быть какие-то неприятности. Полагаю, расспросить его об этом следует как можно подробнее. Во всяком случае это было бы первое, что я сделала бы, причем еще до того, как впускать его в дом. После такого продолжительного отсутствия. К тому же он всегда был со странностями. Неизвестно, в какую скверную историю он мог влипнуть.

— Мама, я уверена, что у него нет никаких неприятностей. Ну, извини, мне пора. У меня бекон на огне. Передавай привет папе, ладно?

— Передам. А ты будь поосторожнее с Чедом. Нельзя быть слишком...

— Знаю. Мне действительно пора, мама.

— Хорошо. Скажу отцу, что ты звонила. До свидания, милая.

— Пока, мама. Я скоро позвоню. — Повесив трубку, Корин тяжело прислонилась к кухонной стене.

Господи! Когда я научусь держать язык за зубами? Никогда, наверное. По крайней мере хоть всего не разболтала.

Пройдя в гостиную, Кори заметила беспорядок, оставшийся после вечеринки, и принялась собирать пустую посуду из-под закусок, стаканы и использованные салфетки. Приподнятого настроения как не бывало. Мама умела это делать.

Это все потому, что она беспокоится обо мне. И ведь права — мне действительно не мешало бы узнать, почему Чед вернулся.

Это имеет значение?

Возможно.

Кори поняла, что до этого момента объясняла его возвращение невозможностью больше оставаться вдали от нее. Но, быть может, у него были иные причины.

Предположим, другая женщина. Может быть, они порвали отношения, поэтому он и решил вернуться. Не получилось там, почему бы не попробовать здесь. А вдруг повезет?

Что ж, повезло.

Корин внезапно почувствовала себя исполь-

зованной и униженной — и встревожилась. Ведь Чед с такой страстью объяснялся в своих чувствах, что у нее и мысли не возникло о других женщинах. Дура!

Боже мой, только без поспешных выводов. И что с того, если у него была другая?

Как что?!

Никогда бы не отдалась ему так легко.

Даже не пользовались презервативами. Вот черт!

Безопасный секс меньше всего занимал ее мысли в ту минуту. Но если он был с одной женщиной, то спокойно мог быть и с целой дюжиной. Кто знает? Может, у него СПИД?

Не думай об этом! Это всего лишь игра буйного воображения. Насколько известно, он никогда не прикасался к другим женщинам. Успокойся и закончи уборку.

Корин снова вернулась в гостиную и осмотрелась. Все в порядке, везде прибрано.

Когда взгляд упал на тахту, она вспомнила об обертке от презерватива. Интересно, что с ней сделал Глен? Вероятно, унес с собой в качестве

сувенира.

Боже! Ребята решили, что он мой.

Эта проклятая планшетка вывела их прямо на него.

Батлер. Точно знал, что обертка там, и выманил Глена к дивану, соблазнив деньгами. Только ради того, чтобы обнаружилась эта улика. Типичные проделки планшетки. Нравится ей позабавиться за чужой счет, унижить.

Очень не хотелось, чтобы та упаковка снова попала кому-нибудь на глаза.

Опустившись на колени, Кори поползла вдоль дивана, просунув под него руку. Обертка не обнаружилась, нашелся лишь кусочек поджаренного картофеля. Бросив его на столик, она направилась к полкам.

Если уж я смутилась, то бедняжке Анжеле, вероятно, хотелось провалиться на месте.

Не следовало позволять им заходить так далеко.

Вообще не нужно было разрешать садиться за планшетку.

Встав на цыпочки, Кори потянулась вверх,

захватила коробку с планшеткой и потянула ее на себя. Вместе с коробкой сдвинулись и все лежавшие сверху игры. Когда коробка наполовину высунулась, Кори приподнялась чуть выше и толкнула остальные игры назад.

— Доброе утро.

От неожиданности Кори вздрогнула, затем оглянулась через плечо на Чеда.

— Доброе утро.

— Помощники не нужны?

— Собираюсь выбросить эту чертову штуковину, пока она не наделала еще больших неприятностей, — объяснила Кори и снова потянула за коробкой.

— Я ее тебе достану, — с этими словами Чед направился к ней.

— Не беспокойся. — Кори толкнула назад верхние игры и уже почти вынула коробку, когда его руки обвились вокруг нее, а губы прикоснулись к шее. От поцелуя по телу пробежала приятная дрожь. Изгибаясь от удовольствия, Кори выпустила из рук коробку. Та упала, ударив ребром по пальцам ноги, но не больно.

Оттолкнув ее носком в сторону, Кори повернулась и обняла Чеду. Но, когда тот попытался поцеловать ее в губы, шепнула:

— Нет, подожди секунду. — Сердце ее колотилось, но не от волнения. Ей стало немного не по себе. И от потрясенного, подавленного взгляда Чеды не стало легче. Даже напротив.

— Что случилось?

— Нам... надо поговорить.

Чед поморщился.

— Конечно, конечно.

— Э, да это так, пустяки.

— Нет, не пустяки. Когда говорят: «Нам надо поговорить», речь всегда идет о чем-то серьезном. — Он опустил руки, точно решив, что их прикосновение могло обидеть ее.

Кори не разжала объятий. Даже через халат она чувствовала, какое горячее у него тело.

— Просто... мне непонятно, почему ты все же вернулся.

— И это все?! — в его голосе прозвучало облегчение.

— В сущности, да.

— Из-за тебя.

— Но почему? После такой разлуки...

— Так много времени мне понадобилось, чтобы повзрослеть. Ведь уходил я совсем ребенком.

— Каким там ребенком? Всего лишь на два года моложе меня.

— Но я не был готов для тебя. Недостоин. Толстый, инфантильный, эмоционально расхлябанный. Ты заслуживала большего.

— Как глупо. Я любила тебя.

— Возможно, но я был неудачником. И мне нужно было время, чтобы стать достойным тебя. Чтобы я почувствовал это.

Кори улыбнулась:

— Значит, теперь, по-твоему, ты стал достойным?

— Ведь я вернулся, не так ли?

— Вернуться вернулся. — Она крепко стиснула его в своих объятиях, затем снова посмотрела в глаза. — Такой сильный и заросший.

И его руки вновь легли на нее: большие и теплые, это чувствовалось даже через ночную рубашку. Скользнули по спине и остановились на

ягодицах.

— А других... у тебя было очень много? — прошептала она.

— Других чего?

— Женщин.

Чед промолчал. Казалось, ее сердце вот-вот выскочит из груди.

— Чед? Были?

— Таких, как ты, не было.

— Но любовницы были?

— Это имеет значение?

— Да!

— Замечательно. — Судя по тону голоса, его это забавляло.

— Были?

— Тебе не дает это покоя, а?

— Просто хочу знать.

— А у тебя с этим делом?

— Я первая спросила.

— Понимаешь, это очень интимный вопрос.

— Понимаешь, твои руки сейчас тоже в очень интимном месте.

Чед крепко сжал ее ягодицы.

— Чед! Скажи.

— Несколько женщин у меня было, — начал он. — И некоторые из них стали моими хорошими друзьями. Но ни с одной из них я не ложился в кровать.

— А на полу в коридоре? — спросила она уже с видимым облегчением.

Чед коротко рассмеялся, затем, сдвинув руки на спину, привлек ее к себе.

— Никого у меня не было. С тех пор, как я встретил тебя.

— Никого? За все время, как мы познакомились? Даже в колледже? Ты шутишь, да?

— Знаю, это может показаться несколько странным.

— Звучит совершенно невероятно.

— Что ж, ты спросила. Тебе было бы приятнее, если бы я сознался, что переспал с дюжиной? Не думаю, чтобы ты хотела услышать именно это, не так ли?

— Вовсе нет. Но это правда? У тебя не было до меня женщин?

— Правда.

— Боже. Теперь я чувствую себя так... очень особенно, в определенном смысле. Ну... не знаю, виноватой, что ли. За то, что я...

— Я влюблялся и в вечерние зори. Но не винить же за это солнце.

— Нет, но все-таки...

— Прошлая ночь с лихвой окупила все ожидания.

Кори зажала ему рот поцелуем и сильнее прижалась к нему. Его дыхание обожгло ей рот, а руки нежно ласкали через ночную рубашку. Через какое-то время она отняла губы.

— Ты теперь такой взрослый, сильный и мужественный. Посмотрим, сможешь ли отнести меня в спальню.

Чед смог.

В животе Чеда заурчало.

— Надо полагать, это означает, что ты проголодался. Мужчины, мужчины. Вам бы только потрахаться да пожрать.

— Ужасно проголодался, женщина. Но ты не дергайся. Сейчас сварганю какой-нибудь хавчик.

Корин улыбнулась:

— Приготовишь завтрак? Серьезно?

— Эй, да я чудеса выделываю со сковородкой.

— Вот и здорово. Приму ванну, пока ты будешь стряпать.

— Отличная мысль. А то глянь, как ты взмокла. Кори игриво шлепнула его по заду.

— Ну ладно. Все там же, где и было раньше. А что ты приготовишь?

— Как насчет яичницы с колбасой?

— Уже слюнки текут. — Легко коснувшись губами ее рта, Чед стал сдвигаться вниз, скользя по ней. Поцеловав груди, затем живот, он сполз в конец кровати и встал на ноги.

— Ты по-прежнему любишь, чтобы верхушка была не зажаренная?

— Было бы очень неплохо.

После его ухода Кори достала чистую одежду, но держала ее на вытянутой руке. Потому что действительно нуждалась в хорошем душе. Чед поддразнивал шутя, но был не так уж далек от истины. Ее тело мало того что лоснилось от пота, но во многих местах было еще и липким.

Когда она задвигала ящик комода, в комнату заглянул Чед.

— Что, по-твоему, это должно означать? — В руках у него была коробка из-под планшетки: лоток в одной руке, а крышка в другой.

Кори нахмурила брови.

— А где планшетка и указатель?

— Хороший вопрос. Я просто остановился, чтобы поднять коробку. Раскрылась при падении, когда ты ее уронила. Внутри пусто.

— Боже мой!

— Кажется, тебя обокрали.

— Боже мой, — снова пробормотала она, быстро сообразив, что это могло означать. — Чертовы идиоты!

— У меня создается впечатление, что они собираются отправиться на поиски сокровищ.

— Знаю, знаю. Черт побери! Ладно, это их проблемы, так ведь? Если они такие дураки... А мне нужно в ванную.

Чед вышел за ней в коридор.

— Может, еще не поздно их остановить. Знаешь, где они живут?

— Черт с ними. Они сами сделали выбор. — У двери в ванную комнату она повернулась к Чеду и покачала головой. От волнения перехватило дыхание. — Как эти дурошлепы могли?

— Они еще такие дети. А планшетка пообещала богатство.

— Какие идиоты!

— Пойду-ка готовить завтрак. — Слегка пожав ей плечо, Чед удалился.

Лежа в ванной, Корин не могла думать ни о чем другом, кроме своих студентов.

Зачинщицей наверняка выступала Лана — у нее для подобных авантур хватало и ума и смелости. А где она, там и Кит. Возможно, эта парочка и унесла планшетку, а остальные — ни слухом ни духом. Наверное, Кит и умыкнул ее. Когда якобы выходил в туалет. Все тогда были в кухне. Вероятно, именно в это время он и выкрал ее.

«Если в деле замешаны только эти двое, — успокаивала Кори себя, — тогда все еще не так плохо».

И вдруг поняла, что по-настоящему беспокоилась лишь за Говарда и Анжелу.

А следовало бы за всех. Они были ее студентами, и она в равной степени отвечала за всех.

«Планшетка моя. Значит, и виновата буду я, случись что-нибудь. С любимым из них», — думала она.

Но ближе всех ей все равно были Говард и Анжела. И Кори не могла отрицать этого. Ее отношение к ним было особым. Они были чувствительнее других. Одиночки и наверняка одинокие. Менее зрелые по сравнению со своими сокурсниками и, конечно, более ранимые. Мысль о том, что вовлечены и они...

Нет, слишком умны!

Но слабовольны.

Вот Говард, например. Не хотел ведь садиться за планшетку. А как легко его уговорили.

А бедная Анжела. Ее даже заставили снять блузку.

Если бы Лана захотела вовлечь их в свою чертову авантюру, то они вряд ли бы сумели противостоять ее воле.

В конце концов Корин пришла к выводу, что не так уж важно, кто участвует: только Лана и

Кит или вся ватага — их нужно остановить.

«Нельзя допустить, чтобы мои подопечные бродили в горах. И уж ни в коем случае не с моей планшеткой для спиритических сеансов. Тем более что в руках этого проклятого Батлера они превратились в слепых марионеток. Нет, только не после того, как все они, не задумываясь, исполняли любые его прихоти прошлой ночью!»

Обмывшись на скорую руку, Корин выбралась из ванны, вытерлась, причесалась и быстро оделась.

В кухне ее встретил аромат кофе и жареных колбасок. Стоявший у плиты Чед улыбнулся через плечо:

— У тебя потрясающий вид.

— Мне надо выяснить, что замышляют эти сорванцы.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— В настоящий момент — нет. Занимайся завтраком. Я умираю с голода. — Корин сняла трубку настенного телефона, позвонила в справочную и спросила у телефонистки, значится ли у них номер телефона Ланы Тэйт.

У такой девчонки должен быть телефон.

И он действительно был.

Набрав номер, Корин стала слушать гудки.

Чед, слегка хмурясь, внимательно наблюдал за ней.

Кто-то поднял трубку.

— Алло? — Голос был женский, но не похож на голос Ланы.

— Алло. Лана дома?

— К сожалению, нет. Ей что-то передать?

— Это Корин Дальтон, одна из ее. . .

— О, доктор Дальтон. А я Сью Хьюз.

Корин знала эту девушку, студентку-отличницу, специализирующуюся по психологии. В прошлом семестре Сью посещала ее продвину-тый курс занятий по письменной практике.

— Как дела, Сью?

— О, чудесно. Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Мне очень надо поговорить с Ланой. Ты не знаешь, когда она может вернуться?

— Ее не будет несколько дней, а может, и дольше. У Кори все вдруг оборвалось внутри.

— Надеюсь, ничего срочного? — спросила Сью.

— Нет. Она... почувствовала небольшое недомогание, когда мы прощались с ней прошлой ночью. Просто хотела справиться о ее самочувствии.

— Она выглядела отлично. Я уверена, что с ней все в порядке. Ведь ясно, что никто не отправится в поход, — тем более она, — чувствуя себя неважно.

— Она отправилась в поход?

— Верно. Этой ночью.

— А в котором часу?

— Не знаю точно. Но было уже за полночь. Она появилась дома только наскоком — чтобы сгрести вещи. Затем поехала собирать остальных.

— Среди ночи?

— Вы ведь знаете Лану. Поживешь с ней немного и перестанешь чему-нибудь удивляться.

— Не знаешь, кто еще поехал с ней?

— Ну, наверняка Кит. Да еще Дорис Уитни. Лана попросила меня одолжить мой спальный

мешок для Дорис, но мне не хотелось... Впрочем, я все же отдала его Лане с тем условием, что она сама будет в нем спать, а Дорис отдаст свой. Это не потому, что я имею что-то против Дорис, просто показалось, что мне будет приятнее, если им будет пользоваться Лана, и...

— А еще кого-нибудь она не упоминала?

— Что-то случилось, профессор?

— Не уверена. Не знаю. Послушай, на самом деле я звонила не для того, чтобы поинтересоваться здоровьем Ланы. Ребята толковали о поездке в горы. Я считала, что мне удалось их отговорить. У некоторых из них совершенно нет никакого опыта жизни в условиях дикой природы. Поэтому-то я и была против. И в конце концов они вроде бы решили отказаться от поездки.

— А вот поехали все же. Но вам незачем так волноваться. Мне доводилось ходить в пешие походы с Ланой, а что касается Кита, так мне достоверно известно, что он провел не одну ночь в палатках. Так что они прекрасно представляют все трудности. И, я уверена, смогут позаботиться обо всех, кто пошел с ними.

— Хотелось бы надеяться. Так ты говоришь, что они отправились еще ночью?

— Возможно, около часа ночи, но я не уверена.

— Что ж, большое спасибо, Сью. Ты мне очень помогла.

— Ну что вы. А вам действительно не стоит о них беспокоиться. С ними ничего не случится.

— Наверное, ты права. Желаю тебе хорошо провести время, Сью.

— И вам тоже. По крайней мере, то, что от него осталось. До свидания, профессор.

— До свидания. — Кори повесила трубку и хмуро поглядела на Чеда. — Они уехали ночью.

— Я слышал.

— По меньшей мере трое. Вероятно, еще и Глен. А может, и всей гурьбой. — Она снова позвонила в справочную, узнала номер Говарда и набрала его. После двенадцатого звонка положила трубку. — Господи, похоже, что они все поехали.

— И что ты собираешься теперь делать?

— Не знаю.

- Нет, знаешь.
- Блин!
- Убежден, без проводника тебе не обойтись.
- Так что же нам теперь, ехать за ними?
- Думаю, у нас нет другого выбора.

Глава 9

Оставив всех у входа в магазин спортивных товаров, Говард направился к телефону-автомату, который заметил, когда проезжали мимо.

Несмотря на жару, пройтись пешком было приятно.

«Не так уж все и плохо», — подумалось ему.

Хотя воспоминания о проведенной в машине ночи не доставляли особенного удовольствия.

Совсем не из-за докучливых попутчиков.

После того как Лана заправилась на кругло-суточной заправочной станции «Мобил» и они выехали за город, почти никто не разговаривал. Оставив половину заднего сиденья Дорис, Говард придвинулся к Анжеле, которая тут же прислонилась к нему. И его рука легла ей на плечо, как только Дорис погрузилась в сон.

Ему долго не удавалось уснуть: голова шла кругом от разных мыслей.

Думалось о докторе Дальтон — как все они подвели и обманули ее. Интересно, почему она не сняла трубку? Может, уже не могла? У Говарда даже неприятно засосало под ложечкой. А не

прикончил ли ее Чед? Подозрительный тип, а его внезапное появление среди ночи... но вроде вели они себя как добрые друзья. Тем более его видели все участники вечеринки, и в случае чего они могут дать показания. В конце концов Говарду удалось убедить себя в том, что версия об убийстве совершенно несостоятельна. А значит, не было никакого смысла переживать из-за этого. Доктор Дальтон, вероятно, пребывала в добром здравии.

В эти долгие часы бессонницы Говард вспоминал планшетку: просто поразительно, как вообще она могла поведать им что-то вразумительное, не говоря уже о том, каким образом самопроизвольно пришла в движение. И кто этот Батлер? Дух? Призрак? Сила, спроецированная кем-то из присутствующих в комнате? Но кем бы ни был этот Батлер, в нем определенно таилось что-то недоброе. Но ведь не соврал же он насчет «клада» в диване. Так, может, и об ожидавшем их богатстве сказал правду? Только вот что он попросит за указание его точного местонахождения? Наверняка что-нибудь весьма странное.

Но больше всего Говард думал об Анжеле. Вновь и вновь мысленно возвращаясь к минутам, проведенным в квартире Скеррита, он часто ловил себя на мысли, что пытается представить себе случившееся там сразу же после возвращения Анжелы с вечеринки. Да и сама вечеринка никак не выходила из головы. Как ее заставили снять блузку. И его собственное малодушие. И то, с каким видом она стояла тогда рядом и ее груди просвечивались сквозь бюстгальтер.

В машине она сразу же уснула, но Говарду не спалось: его мучили мысли о докторе Дальтон, о планшетке и Анжеле. Воспоминания, опасения и тревоги кружили в голове безумным хороводом. И постоянно напоминавшее о себе чувство близости к Анжеле, спавшей у него на груди. Искушение прикоснуться к ней временами становилось просто непреодолимым. Тем более никто бы никогда ни о чем не узнал, даже она сама — если бы не проснулась. Представилось, как он трогает ее груди через блузку. Можно было бы даже расстегнуть пуговицу и просунуть руку внутрь. И скорее всего безнаказанно. Или еще лучше — за-

браться рукой под юбку.

И, хотя руки чесались, Говард подавлял в себе подобные желания, понимая, что щупать спящую — занятие недостойное. Да и одному Богу известно, сколько унижений ей уже довелось испытать от этого ублюдка Скеррита.

Ей сейчас только этого не хватало: проснуться и обнаружить, что еще и я решил ее облапать.

Когда рука затекла, Говард осторожно высвободил ее, перенес над головой Анжелы и опустил перед собой. Подождав, пока пройдет покалывание и онемение, он бережно отодвинул девушку и прислонил ее к дверце.

Но их ноги все еще соприкасались, и его взгляд переместился вниз, скользя по складкам юбки. Говард сомкнул веки, но нога стояла перед глазами. Он сложил руки на коленях, а в его воображении рука исчезала под юбкой. Бедро Анжелы было гладким и теплым, но затем рядом оказалась почему-то уже не она, а доктор Дальтон, и его рука коснулась шелковых трусиков. Руку отстранили, и он услышал шепот:

«Говард, мне стыдно за тебя. Мне казалось,

ты выше этого».

«Я принял вас за Анжелу».

«Это не оправдание, Говард. Поверь мне».

Резкий поворот машины отбросил его на Анжелу и, пробудившись от тревожного сна, Говард увидел за окном серое небо. Сознание как-то отстранение фиксировало происходящее: машина стоит на обочине, Анжела сонным голосом спрашивает: «Что-то случилось?», Лана ей отвечает: «Нет, смена водителей. Никаких проблем», а до этого открывались дверцы, впуская в салон студеной воздух. Затем за рулем сидел уже Кит. Машина тронулась, и Говард вернулся в мир причудливых и красочных видений.

... Говард вздрогнул и проснулся, судорожно ловя ртом воздух. Сердце бешено колотилось.

Они стояли на заправочной станции, и за окном был ясный день. Анжела озабоченно морщила лоб.

— Кошмары, да? — шепотом спросила она.

— Да.

Откинувшись на спинку, он прикрыл глаза и попытался успокоиться.

Скеррит, — припомнилось ему. Кто же, если не Скеррит. Старикашку он увидел в длинном и темном туннеле, где рядышком были подвешены за руки Ангела и доктор Дальтон. Их обнаженные тела блестели от пота в пламени факела горбуна. Женщины визжали и корчились, а Скеррит, злобно хихикая, подскакивал то к одной, то к другой и тыкал в них факелом. А Говард все бежал и бежал, выкрикивая на бегу: «Остановись!» Выудив из кармана складной нож, он попытался открыть самое большое лезвие, но оно не поддавалось. Даже обломился ноготь на большом пальце. Мучитель, видимо, не замечал его приближения, потому что продолжал хихикать и обжигать пленниц. Но женщины увидели Говарда: крики боли чередовались с призывами поторопиться и поскорее спасти их. Говард попробовал выдернуть лезвие зубами, но зубы выкрошились, и он сплюнул обломки. Только тогда он вспомнил о пружине и нажал на кнопку. Лезвие со щелчком выскочило, и Говард бросился на злобного старика. Скеррит взвыл, когда нож воткнулся ему в спину, в горб, такой мягкий и совершенно лишен-

ный костей. Кожа лопнула, и наружу выплеснула густая кровянистая жидкость. Затем из дряблого сдувающегося мешка высунулись маленькие ручки, схватили Говарда за щеки и потянули к себе. Такие крохотные, а сколько в них было силы. Они притягивали его все ближе и ближе к зияющей прорези. В темных недрах горба сверкнули глаза и разверзлась пасть... В паническом ужасе Говард подпрыгнул и проснулся.

— С тобой все в порядке? — встревоженно спросила Анжела.

Говард устало открыл глаза.

— Да. Не обращай внимания. Просто кошмары...

— Вот и у меня тоже, и такие жуткие. Как хорошо, что уже утро.

— Да, да. — Только теперь Говард оглянулся по сторонам. Дорис до сих пор спала; водительское сиденье пустовало. Повернув голову, он увидел Кита возле машины. Тот заливал в бак бензин. — Где остальные?

— Пошли в туалет.

Когда Лана и Глен вернулись к машине, Го-

вард провел Анжелу к зданию заправочной станции и вошел в мужской туалет. Облегчившись, он помыл руки и лицо холодной водой и вышел на свежий воздух.

Ярко светило утреннее солнце. Ночь кончилась.

А вместе с ней наконец и долгие часы мучений.

Он подождал Анжелу. Такой юной и прекрасной, какой она вышла из женской уборной, Говард ее никогда не видел. Красивой и беспечной. Будто жизнь ее была совершенно безоблачной. Улыбаясь, она взяла его за руку.

— Ну разве здесь не мило? — произнесла она по пути к машине.

— Да, чертовски мило.

— Того и гляди, передумаю возвращаться назад.

— А, вот и наши голубки! — выкрикнул из окна Глен.

Говард с удивлением обнаружил, что эти слова совершенно не задели его. Анжела, мельком взглянув на него, покраснела и стиснула ему ру-

ку.

Когда они устроились на заднем сиденье, Кит завел машину. Глен, сидевший с другой стороны Ланы, повернул к ним расплывшееся в улыбке лицо.

— А я видел, чем вы занимались ночью, когда думали, что мы спим.

— Да ну? — вымолвил Говард, поражаясь своему спокойному отношению к подколке.

— Ревнуешь, Гленни? — спросила Анжела. Говард совсем не ожидал услышать от девушки такой задорный и дерзкий ответ. Тем более, что ничего между ними и не было. И рассмеялся. Скорее он ожидал, что Анжела станет отрицать, мол, ничего подобного, или попросту смущенно потупит глаза.

Что с ней происходит?

Но, чем бы это ни было, ему это нравилось.

И Говард поймал себя на мысли, что ему этим утром нравилось буквально все. пустынное шоссе, по которому они ехали, аромат воздуха, темная зелень пронесившихся мимо лесистых пригорков, словно заново родившаяся Анжела, си-

девшая рядом, и даже общая полушутливая и полусерьезная беседа, временами переходившая в оживленный спор.

Удивительно, но он как-то перестал чувствовать себя чужаком. И, судя по поведению Анжелы, она, видимо, испытывала нечто подобное. По крайней мере, так ему показалось.

Словно неожиданно они стали одной семьей. Непонятно, как это могло произойти. Когда они выезжали, Говарду казалось, что его окружают совершенно незнакомые люди. Это он четко помнил. И вот, всего за одну ночь между ними возникла какая-то близость.

Свои чувства к Анжеле он еще мог понять. Но при чем здесь остальные? Неужели их свела ужасная ночь, проведенная в тесной машине? Или то, что они вместе бороздят неизведанные дали в этой безумной погоне за сокровищами?

Как бы там ни было, но Говарду по душе пришлось это новое чувство товарищества. И нравилось быть здесь.

Позавтракать они остановились в Реддинге, в кафе. Запивая яичницу с беконом и ломтика-

ми ржаного хлеба черным кофе, Говард подумал, что никогда не ел ничего вкуснее. Сверившись с картой, Лана сообщила, что через час они будут в Рэд-Блаффе, и предложила сделать там остановку, чтобы запастись провиантом и сделать другие необходимые покупки.

— Потому что дальше, — объявила она, — совершенно безлюдные места.

Домой Говард позвонил из уличного автомата. Трубку снял отец, мать подключилась к параллельной линии.

Он уже решил рассказать им правду. По крайней мере, какую-то ее часть.

— Я на несколько деньков припоздаю, — сказал он, — если вы не против.

— Что так? — поинтересовался отец.

— Ребята пригласили меня на вылазку.

— Вот и замечательно, — вмешалась в разговор мать. Она всегда уговаривала его завести новых друзей.

— Мы планируем выехать сегодня и пробыть в горах пять-шесть дней. Никаких возражений?

— Я не против, — ответил отец. — Будет здорово. Твои друзья знакомы с местностью, куда вы направляетесь?

— Да. Они уже бывали там.

— Ну тогда все в порядке.

— А с этими ребятами ты достаточно хорошо знаком? — осведомилась мать.

— Ну да. У нас было несколько общих курсов.

— Это хорошо, что они пригласили тебя.

— Да, славные ребята.

— Позвонишь, когда вернешься?

— Непременно.

— А как же твой билет на самолет? — спросил отец.

— Так я его еще не покупал. Собирался забронировать сегодня, но решил подождать до возвращения.

— Замечательно. Сообщишь, когда тебя встречать.

— Конечно. До свидания.

— Будь осторожен, милый.

— Обещаю.

— Не скучай, — сказал отец.

Повесив трубку, Говард с облегчением вздохнул. Он опасался, что столь резкое изменение планов будет встречено родителями в штыки, но, похоже, они с радостью восприняли новость о его небольшом приключении. Ясно, что их отношение было бы совсем иным, если бы он рассказал им все. Особенно о девочках. Слава Богу, не пришлось много врать.

В спортивный магазин Говард возвращался в благодушном настроении.

Войдя в зал, он увидел Кита и Глена, набравших в тележку всякую еду.

— Ну и как отнеслись к этому твои старики, Гаубица?

— Без проблем.

— Должно быть, врал безбожно, — заметил Глен. — Иначе тебя вздрючили бы.

— То, чего они не знают, им не повредит.

— Ага, вот поэтому-то я ничего не рассказываю своим, — промолвил Глен и вернулся к сбору съестного. В тележке были свалены в кучу пакеты с различной высушенной снедью и фруктами, упаковки нарезанного ломтиками бекона, концен-

траты для пудинга и прохладительных напитков, банки растворимого пунша, какао и кофе, плитки «тропического» шоколада и пачки печенья. Говарда больше интересовали девчонки, но он решил какое-то время побыть рядом с Гленом и Китом.

Выбирал в основном первый. Видимо, он точно знал, что ему надо, но всякий раз, обнаружив на полках какую-нибудь диковинку, восклицал. «Ты гляди!» или: «Пойдет!». Глен не возражал против выбора и лишь время от времени подсмеивался над энтузиазмом приятеля. Кит сказал Говарду, чтобы тот не стеснялся и брал с полка все, что приглянулось.

— О, мне кажется, Глен великолепно с этим справляется, — бросил Говард и пошел разыскивать девчонок.

Он нашел их в дальнем углу торгового зала. Завидев его, Анжела улыбнулась. В руках у нее были красные пакеты. Лана передала Дорис пару бутылок горячительного, и та положила их в тележку.

— Все прошло нормально? — поинтересова-

лась Лана.

— Нормально.

В тележке уже лежали плащ-палатки, пластиковые фляги для воды, наборы посуды и столовых приборов. Все в двойном экземпляре.

Лана заглянула в список, составленный по дороге.

— Ну вот, почти все, — сказала она. — Остается только туалетная бумага, мыло и средства против насекомых.

И они направились в другой отдел.

— Что вы решили насчет палатки? — спросил Говард.

— Обойдемся. Тем более, так долго мы не собираемся там торчать. Если попадем в грозу, разместимся в моей и в Гленовой.

— Будем уповать на благоприятную погоду, — добавила Дорис.

— Двух вполне достаточно. И они такие тяжелые — вспотеешь таскать за собой.

— Глен набирает столько еды, — заметил Говард, — что в наших рюкзаках вряд ли нашлось бы местечко для еще одной палатки.

Лана рассмеялась.

«Ну вот, мои слова развеселили ее».

И Говард обрадовался. Попробовал было придумать еще какое-нибудь остроумное замечание, которое вновь вызвало бы ее смех, но решил не испытывать судьбу.

Чуть приотстав, он пошел рядом с Анжелой за тележкой.

— Давай поднесу.

— Да, спасибо.

И Говард взял у нее из рук оба пакета.

— У тебя есть все необходимое? — спросил он.

— Вроде да. Я ведь раньше никогда не бывала на вылазках.

— Думаю, в список попали в основном все предметы первой необходимости. А что-нибудь теплое на ночь у тебя есть?

— Мои тренировочные костюмы.

Тренировочные костюмы. Шкаф... Сердце Говарда затрепыхалось в груди.

— Интересно, они уже высохли? — промолвила она и как-то странно на него посмотрела.

В этом взгляде были смущение, сожаление, нежность и надежда. И у Говарда от него стало легко на сердце и радостно: как хорошо, что он удержался от соблазна и не полез к ней прошлой ночью в машине. И ему очень захотелось обнять Анжелу.

— Ты взяла куртку?

Девушка покачала головой.

— Она такая большая и тяжелая.

— Давай купим тебе ветровку.

— Нет, право. . .

— В одной кофте ты можешь продрогнуть. Я все-таки куплю, ладно?

— Нет, ты совсем не обязан это делать.

— Но я хочу. Ты можешь вернуть мне деньги, когда мы найдем сокровище Батлера, — предложил Говард. — Если тебя это больше устроит.

— Что ж, ладно.

Они отделились от Ланы и Дорис и в секции верхней одежды выбрали облегченную красную ветровку. Анжела примерила ее; вид у нее был потрясающий.

Рядом стоял женский манекен в розовой фу-

ражке с длинным козырьком, фиолетовом топике и шортах. Шорты были под цвет топика, но из такой тонкой атласной ткани, что шевелились от малейшего движения воздуха в магазине.

— А как насчет шорт? — спросил Говард. — Ты взяла их с собой?

— Да, взяла. Говард, ты не обязан покупать мне больше ничего. Серьезно.

— В таких тебе было бы здорово. В горах порой стоит страшная жара.

Подойдя вплотную к манекену, Анжела внимательно посмотрела на шорты. Затем пощупала материал двумя пальцами и, обернувшись через плечо, заглянула ему в глаза.

— Ладно. Если ты твердо убежден, что хотел бы их на мне увидеть.

«Она догадалась, что мне просто хотелось увидеть ее в них, — понял он. — И она идет мне навстречу!»

— Тебе в них будет удобно, — сказал он. А не удастся ли уговорить ее на топик? Нет, пожалуй, не стоит перегибать палку.

Говард подождал, пока она покопается в ки-

пах шорт, лежавших рядом.

— Тебе нравится фиолетовый?

— Цвет на твое усмотрение.

Анжела выбрала белые.

— Тебе понадобится головной убор, — заметил Говард. — Ты взяла с собой что-нибудь?

— Нет.

— Вот классная фуражка.

— Да.

Они подошли к вешалке с такими же фуражками, как на манекене. Анжела выбрала себе белую, надела ее и повернулась к Говарду.

— Нравится?

Тот взял оба пакета в одну руку, вытянул освободившуюся и заломил козырек вверх.

Анжела весело улыбнулась.

Господи, какой у нее был счастливый вид! И как она хороша!

— Шикарно. Берем. Может, подберешь себе еще что-нибудь?

— И так слишком. Пойдем лучше искать остальных.

— Тогда давай мне это, я пойду заплачу. —

Вручив Анжеле ее кульки, он взял у нее ветровку, фуражку и шорты и поспешил к кассе. Девушка отправилась разыскивать остальных членов группы.

Глава 10

— Наверное, это оно и было, — сказала Лана.

— Не наверное, а точно, — заявила Дорис.

Говард выглянул в заднее стекло. Указателя он не увидел, зато обратил внимание на то, что шоссе позади пустынно.

— Хвоста нет.

Кит начал сдавать назад, и знак показался — справа у обочины. На деревянной дощечке было вырезано «ОЗЕРО КАНЬОНА ТЕНЕЙ — 22 мили». Стрелка указывала на грунтовую дорогу, сворачивавшую в лес.

— Двадцать две мили по такой? — скривился Глен.

— Хуже, — заметила Лана. — Если верить моей карте, дорога обрывается за несколько миль до озера. Так что придется еще пройти немного пешком, чтобы разбить лагерь.

— Какой ужас, — пробормотал Кит.

Вывернув руль, он поехал вперед. Как только шоссе осталось позади, машину тут же начало трясти и раскачивать из стороны в сторону. Говард посмотрел на Анжелу. В этот момент ее подбросило и кинуло на него. Девушка усмехнулась и

схватилась за его ногу. Он накрыл ее руку своей и украдкой взглянул на Дорис. Грузные щеки его соседки вибрировали. Выглянув из заднего окна, Говард увидел вьющийся за автомобилем шлейф желтой пыли.

— Придется немного потерпеть, — промолвил Кит.

Говард посмотрел на часы. Четверть двенадцатого. Когда выехали на поляну в конце дороги, было десять минут второго.

Они выбрались из машины. Говарда качало, словно он только ступил на берег с корабля после шторма. Опершись на крыло, он посмотрел по сторонам. На поляне было достаточно места для нескольких автомобилей, но, кроме их машины, других транспортных средств не было. Солнечный свет почти не проникал сквозь кроны окружающих деревьев, и только несколько косых лучей расцвечивали яркими пятнами ковер из хвои, шишек и веточек.

— Как здесь замечательно! — воскликнула Анжела.

— Да, хорошо.

— Как бы не так, — отозвался Глен, распутывая веревки багажника. — Жара умопомрачительная.

— Все равно удивительно, — возразила Анжела. Потянувшись, она глубоко вдохнула и шумно выдохнула.

После того как из машины все выгрузили, Кит и Глен начали раскладывать на капоте провиант и прочие запасы на шесть кучек. Тем временем Дорис и Анжела перегружали содержимое своих чемоданов в купленные рюкзаки. Говард увидел, что Анжела взяла с собой своего одноухого игрушечного котенка. К счастью, никто другой этого не заметил.

Говард открыл свой собственный рюкзак, добавил в него свою долю с капота, закрыл его и привязал к нему спальный мешок. Затем помог подготовиться Анжеле. Когда он уже собирался оттянуть вниз верхний клапан ее рюкзака, она остановила его.

— Секундочку.

Присев на корточки, она открыла пакет из спортивного магазина, достала ветровку, фураж-

ку и шорты, скомкала пакет и бросила его в багажник. Затем свернула куртку и положила в рюкзак. После этого надела фуражку, вступила в шорты, натянула их под юбку, сняла юбку и тоже сунула в рюкзак.

— Теперь можешь закрывать, — сказала она. Закрыв рюкзак, Говард привязал сверху к раме спальный мешок.

— Не одолжишь мне свой ножик? — попросила она.

Говард достал из кармана нож. Когда открывал главное лезвие, неожиданно вспомнил ночной кошмар. Но воспоминание улетучилось, как только она взяла нож и подняла блузку. Ее живот, хотя и белый, выглядел почти смуглым, по контрасту с белоснежными шортами.

Анжела стянула концы блузки узлом, чтобы они не болтались и не мешали. Затем, развернувшись, потянула за ярлычок, прикрепленный жесткой пластиковой ниткой к поясу шорт, и обрезала его.

— Спасибо, — поблагодарила она, возвращая нож Говарду, а шепотом прибавила: — За шорты

тоже спасибо. Они просто сказочные. В них так легко и прохладно. — Затем распустила узел, и нижняя часть блузки опустилась сверху на шорты.

Убирая нож, Говард увидел, как Лана засовывала в боковой карман рюкзака пластиковую стрелку от планшетки. Неприятно засосало под ложечкой. Глаза б не видели этой штуковины!

«Но ведь, если бы не планшетка, их бы здесь не было, — напомнил он себе. — Надо быть ей благодарным, а не страшиться ее».

Но рано или поздно, вероятно после наступления темноты, они соберутся у костра, прикоснутся пальцами к стрелке и попытаются войти в контакт с Батлером. Их будет шестеро, и они будут одни в этом диком месте в окружении ночи.

От этих мыслей что-то неприятно зашевелилось в животе, и его обдало холодом.

Может быть, стрелка не будет двигаться. Может, мы потеряли Батлера, оставили его в доме доктора Дальтон.

Подергивания в животе стали стихать.

Просто не надо думать о планшетеке и о Бат-

лере. Может быть, ничего плохого и не случится. Во всяком случае не стоит волноваться о том, что может произойти. Пустая трата времени, которая к тому же грозит испортить все хорошее. Все может обернуться прекрасным отдыхом или увлекательными приключениями, или еще чем-нибудь в этом роде, если не отравлять себе жизнь напрасными переживаниями. Может даже оказаться, что это будут самые лучшие деньки в их жизни.

Присев на корточки, он открыл боковой карман рюкзака, достал из него потрепанную старую фетровую шляпу и надел ее.

Анжела рассмеялась.

— Эффектно, да? — спросил он.

— Ты похож на контрабандиста тридцатых годов. Лана взглянула на него через плечо.

— Вылитый Джед Клэмпет.

Дорис хмыкнула. Она повязывала на голову красный платок; подмышки ее заголились. Хотя рукава были обрезаны у самых плеч, ей, видимо, было ужасно жарко в этом спортивном свитере. Такие свитера она носила постоянно, невзирая на

погоду. Наверное, считала, что они ей очень идут. Но Говарду трудно было представить, чтобы ее вообще что-нибудь могло украсить.

Лана захлопнула крышку багажника, бросила на нее сверху свой рюкзак и прогнулась назад, чтобы продеть руки в лямки.

— Все готовы? — спросила она.

— Похоже, тропа начинается вон там, — указал рукой Кит.

— Тогда в путь! — скомандовал Глен.

Говард помог Анжеле надеть рюкзак и увидел, что Дорис никак не может натянуть свой. Он сделал шаг навстречу.

— Помощь не требуется?

— Я до сих пор прекрасно справлялась со своими делами, — ответила та, закидывая рюкзак за спину.

— У нас бывают дела? — отозвался Глен. — Ну и где мы подбираем таких крутых парней?

— В Институте Брейля, — подхватил Кит.

— Какой остряк, — огрызнулась Дорис. — Я просто переломилась от ржачки.

— Ребята, не заводитесь. — Лана отступила

на несколько шагов от машины и внимательно на нее посмотрела, словно пытаюсь вспомнить, не забыто ли что. Затем развернулась и пошла к указателю. Возле него остановилась и подождала остальных.

Около указателя все и собрались. Две короткие планки указывали на одну тропинку. На верхней было написано: «ОЗЕРО КАНЬОНА ТЕНЕЙ — 4 мили». На нижней: «ПИК ОТЧАЯНИЯ — 9 миль».

— О, Боже, — буркнул Кит.

— Не так уж и плохо, — возразила Лана. — Всего пять миль от озера до горы.

— Интересно, эти пять миль до вершины горы, — спросил Глен, — или только до ее подножия?

— Скоро узнаем, — ответила Лана. — А пока будем думать, как добраться до озера.

И она пошла первой. За нею последовал Кит. Сделав несколько шагов, он, очевидно, решил, что тропинка достаточно широкая для двоих, прибавил шаг и пошел рядом с Ланой. Следующим шел Глен.

— Прошу, — промолвила Дорис и жестом пригласила Говарда и Анжелу пройти вперед.

— Ты уверена, что хочешь идти замыкающей? — поинтересовался Говард.

— А почему бы и нет?

— Отставших пристреливают.

Анжела засмеялась.

Дорис презрительно хмыкнула.

— Бога ради, Говард. Уж не начал ли ты брать уроки по остроумию у Траляля и Дуралая?

— Нет, я просто. . .

— Ты неплохой парень. Почему бы тебе таким и не оставаться?

— Мы идем, — вмешалась Анжела. — Это не так уж важно. — И потянула Говарда за рукав.

Они поспешили по тропинке, оставив Дорис позади. Когда завернули за поворот, впереди показался Глен. Они замедлили шаг. Анжела сделала несколько шагов в сторону и оглянулась, затем снова повернулась вперед.

— Мне кажется, ты ей нравишься.

— Фи.

— Что в этом плохого?

— Начать с того, что она чересчур язвительная и все время хандрит.

— Думаю, это все от одиночества.

— Отчего ей не быть одинокой? Все ее ненавидят. А ей, похоже, только того и надо. Ну вот скажи, если бы мы пошли последними, ей что, было бы кисло?

— Тогда бы пристрелили нас.

Говард рассмеялся.

— Лучше пусть ее, чем нас.

— Это так, но давай попробуем быть с нею поласковее. Понимаешь? Я имею в виду, что мы сейчас в одной лодке, и у нее здесь совсем нет друзей, а Кит и Глен так зло над ней насмеваются.

— Они и нас поддевают.

— Да, но это совсем другое дело. Потому, что у меня есть ты, а у тебя — я.

От этих слов в груди Говарда шевельнулось какое-то странное теплое чувство.

Если бы она произнесла их вчера, понял Говард, он скорее всего пришел бы в ужас. Хотя он всегда чувствовал, что их с Анжелой что-то

связывает, особого влечения к ней он никогда не испытывал. Более того, зачастую просто из шкуры лез, чтобы избежать ее компании. Для него она была «таинственная Анжела», «отмороженная» и «меланхоличная дама».

С прошлого вечера его отношение к ней определено изменилось.

С того момента, как девушка сняла блузку. В тот миг он впервые по-настоящему захотел ее. И позднее, когда нашел ее в шкафу у Скеррита, он начал действительно тревожиться за нее. С тех пор его чувства к Анжеле все время усиливались, и теперь, после ее слов «у меня есть ты, а у тебя — я», Говард задумался о том, а не влюбился ли он?

«Немыслимое дело, — внушал он себе. — Если я в кого-то и влюблен, так это в доктора Дальтон».

Если бы пришлось выбирать между ними, он бы ни минуты не колебался. Но сейчас, глядя в глаза Анжеле, он неожиданно понял, что этот гипотетический выбор мог бы оказаться не таким уж и легким. Еще вчера он бы и не задумался.

Но теперь...

— С тобой все в порядке? — встревожилась она.

— Да.

— Что-то не так?

— Нет. Гм.

— Когда я сказала, что... ну это, что у тебя есть я, а у меня — ты... — ее лицо стало пунцовым. — Я имела в виду... как это лучше выразить... только, что мы вроде как друзья. А у Дорис совсем нет никаких друзей.

— Я постараюсь быть к ней повнимательнее, — отозвался Говард и посмотрел назад, на Дорис. Та сильно отстала и едва плелась. — Попросить ее составить нам компанию?

Анжела рассмеялась.

— Ну, это было бы уж слишком.

Какое-то время они шли молча. Затем Говард произнес:

— Я рад, что мы здесь. Ей-Богу.

— И я тоже.

Вскоре лес вокруг поредел, и тропа повела вверх по скалистому, залитому ослепительным

светом склону. Ноги стали свинцовыми, жара выжигала мозги. От лямок рюкзака ломило плечи, пот ручьем катился по лицу. Рубашка и трусы прилипли к телу. Штанины вельветовых джинсов, казалось, с каждым шагом наждаком терли по бедрам, плотная материя совершенно не пропускала воздух.

Говард пожалел, что не переоделся в шорты еще перед подъемом. Но сейчас он не собирался останавливаться, чтобы исправить свою ошибку. Может быть, он решился бы на это, если бы позади не тащилась Дорис.

По крайней мере, не нужно волноваться о том, чтобы не обжечь на солнце ноги.

— Как дела? — Говард взглянул на Анжелу. Мокрое лицо и учащенное дыхание. Сквозь растянутую до середины бледно-голубую блузку, которая почти вся пошла темными пятнами от влаги, поблескивала грудь. Но шорты струились по ее ногам, словно рдеющий на ветру флаг, и, похоже, ногам было прохладно.

— Батлер. . . определенно заставит нас потрудиться за свои денежки.

— Мне кажется, весь его замысел заключается в том, чтобы извести нас.

— Возможно, — произнесла, запыхавшись, Анжела. — Неужели есть люди, которые получают удовольствие от подобных странствий?

— Все удовольствия получаешь сразу, когда делаешь остановку.

— Если мы до нее доживем.

В конце длинного пыльного подъема они наткнулись на Лану, Кита и Глена, которые отдыхали на камнях, скинув рюкзаки. Глен, зажмурившись, хлестал воду из пластиковой фляги. Кит сидел, скрестив ноги, в тени, отбрасываемой скалистым карнизом. Лана оседлала валун и натирала руки лосьоном от загара.

— Когда я закончу, ты тоже намажься, — обратилась она к Анжеле. — На такой высоте солнце может изжарить.

Они сняли свои рюкзаки. Без тянущего вниз веса Говард почувствовал, что вот-вот взлетит. Ветерок через рубашку остудил горячий пот на спине.

— Думаю, мы уже недалеко от вершины, —

заметила Лана, натирая ноги лосьоном.

— Вот бы кто-нибудь пронес меня остаток пути, — произнес Глен.

— Помечтай, — ответил Кит.

— По сравнению с такой прогулкой футбольная тренировка — просто забава.

— Думай о том, в какой замечательной физической форме ты будешь после этого, — сказала Лана.

— Если не окочурюсь.

Показалась покрасневшая и запыхавшаяся Дорис. Поравнявшись с ними, она тут же привалилась к плоскому камню.

— Как дела? — спросил ее Говард.

Дорис нахмурилась, но ничего не ответила.

Будь после этого любезным с нею.

Анжела присела на плоский камень с лосьоном Ланы в руке. Когда она наклонилась вперед, чтобы выдавить его на ноги, в затененном разрезе блузки показалась ее левая грудь. На Анжеле был бюстгальтер, возможно тот же самый, в котором она приходила на вечеринку. Та часть, которую мог видеть Говард, походила на неболь-

шой прозрачный кулечек, прилипший к груди. «Должно быть, мокрый и прохладный», — подумалось Говарду. Он представил, что кулечек этот исчез и место лоскутка материи заняла его рука.

Устыдившись своих мыслей, Говард отвел взгляд и стал наблюдать, как девушка наносит лосьон на длинную стройную ножку. Ему захотелось самому растереть его. И тогда перед глазами встала другая картина: сидящий перед нею на корточках Скеррит; его плотоядный взгляд, когда он жирно намазывает ее ноги и между ними обжигающей мазью.

Грязный вонючий ублюдок!

У нее теперь есть я. Ей уже никогда не придется позволять этому старому извращенцу прикасаться к себе.

А если ей нравилось, когда ее натирали этим дерьмом? Может быть, захочет, чтобы и я ей это делал.

Нет, не нравилось. Какая безумная мысль!

Но такая волнующая.

Довольно об этом! Только больной Скеррит мог до такого додуматься. Я никогда бы не сде-

лал ей ничего подобного.

Говард быстро отвернулся, присел перед своим рюкзаком и уставился на лесистую долину внизу.

Скеррит еще долго не выходил у него из головы после того, как все вновь тронулись в путь. Он ненавидел старика за его издевательства над Анжелой, но прекрасно понимал, что к его ненависти подмешана зависть: Анжела жила с этим типом, была его жертвой и его рабой.

«Она могла бы жить и со мной, — напомнил себе Говард. — Я совершенно один. И я бы никогда не сделал ей больно».

Возможно, когда все это кончится, она согласится жить со мной. Ведь к Скерриту она уже не может вернуться. Я куплю ей билет, и мы вместе полетим ко мне домой. Она сможет пожить в комнате для гостей до самого осеннего семестра.

Подпишутся ли под этим мама с папой?

Объясню им, что ей больше негде жить. О Скеррите, разумеется, ничего рассказывать не буду.

Пока они карабкались по горной тропинке, Го-

варда подмывало расспросить ее поподробнее о горбуне. Как получилось, что она живет с таким извергом? Сколько они уже вместе? Как еще он над ней издевался? Бил ли? Подглядывал ли, когда она раздевалась?

Трахал ли?

Это был основной вопрос.

Говард совершенно не был уверен в том, что хотел бы услышать ответ на него. Но спросить Анжелу он не мог. А вскоре понял, что вообще не смог бы задать ей ни одного вопроса о ее взаимоотношениях со Скерритом. А мог лишь предаваться тягостным размышлениям и терзаться сомнениями весь этот длинный и изнурительный подъем в гору.

Наконец подъем закончился. Вершина горы все еще маячила высоко над ними, но тропа поворачивала вдоль склона и вела на перевал, откуда круто спускалась в поросшую лесом долину.

— Теперь, наверное, уже не так далеко, — предположил Говард.

Вид у Анжелы был крайне измученный, но она нашла в себе силы улыбнуться.

— Не так уж и плохо.

— По меньшей мере, там будет тень.

— Хотелось бы надеяться, что не придется карабкаться еще на одну гору.

— Наверное, нам придется подниматься на пик Отчаяния.

— Не сегодня. Лана сказала, что мы разобьем лагерь у озера. Просто невозможно представить, что здесь в самом деле есть озеро.

Однако вскоре Говард разглядел сквозь деревья блеск водной глади.

— Глянь-ка туда, — сказал он.

— Сказка! — И Анжела ускорила шаг.

Чем дальше, тем большая часть озера открывалась их взору. За поворотом они встретились с Ланой, Китом и Гленом, которые ждали их у развилки.

— Тихо воды несет... — продекламировал Глен, указывая на озеро.

Его берег был впереди, сразу за поляной, обустроенной под лагерную стоянку. Даже место для костра оборудовано: уложенные кругом камни, окруженные наспех сколоченными скамейка-

ми из расколотых напололам колод. Кто-то оставил гриль и даже небольшую кучку хвороста для растопки. Земля под ногами испещрена пятнами солнечного света, гладь озера переливалась.

— Вполне прилично, — заметил Кит.

— Прежде чем разбивать лагерь, давайте хорошенько осмотримся, — предложила Лана. — Может, найдем место получше.

— Или нарвемся на отряд герл-скаутов, — сказал Глен.

Анжела с тревогой взглянула на Говарда.

— Что? — спросил он.

— Мы можем встретиться с Батлером.

Все обернулись к ней.

— Он сказал «мы встретимся». Помните?

— У шахты, — возразил Кит. — А шахта должна быть на пике Отчаяния, а мы... что? В пяти милях оттуда.

— Да, — подхватил Глен. — Зачем так пугать?

Глава 11

Кори наклонилась вперед и облокотилась на руль. Ветер из открытого окна развеивал волосы, трепал воротник и короткие рукава блузки. На спине блузка не шевелилась — клетчатая материя, похоже, приклеилась к коже.

— Устала? — поинтересовался Чед.

— Нет, все нормально. Просто остужаюсь.

— Если хочешь, я тебя сменю.

— Я продержусь еще немного. Сколько там уже натикало, часа три? — она посмотрела на ручные часы. — О, только половина четвертого. А мы выехали когда, в час?

— Чуть раньше.

— А кажется, будто прошло намного больше, чем два с половиной часа.

— Когда получаешь удовольствие, время летит быстро.

Откинувшись на сиденье, Кори протянула руку и легонько пожала ногу Чед.

— Боюсь, собеседница я неважная. Извини.

— Да полно, ты — восхитительная собеседница.

— Я раздражена, и этим все объясняется. Ты

здесь наконец, ты вернулся, а нам приходится гоняться за этими треклятыми детьми. Ух, я бы разорвала этих паршивцев!

— Когда мы приедем в горы, это будет просто чудо. Нет ничего прекраснее гор.

— Тогда почему ты их покинул? — она взглянула на него лукаво.

— Ты лучше.

— Скоро, вероятно, запоешь по-другому.

— Может быть.

Она со смехом игриво ударила его кулаком по бедру.

— Тогда скажи мне, помимо того, что ты все это время чахнул по мне, чем ты еще занимался на лоне природы? Неужели просто бродил, весело распевая и общаясь с бурундуками?

— Ты почти угадала.

— Нет, серьезно.

— Ну, зимой подрабатывал на горнолыжных базах. В первую зиму работал официантом, вторую — барменом и наконец дорос до лыжного инструктора. Каждую весну собирал все необходимое и отправлялся в одиночные странствия. В

цивилизацию обычно возвращался не раньше середины сентября.

— И тебе нравилась такая жизнь?

— В основном. Знаешь, как говорил Торо? «Упростать, упростать, упростать».

— Вот именно.

— И еще: «Никогда не встречал общества более общительного, чем одиночество».

— О присутствующих мы не говорим, да?

— Верно.

— Думаю, сама я свихнулась бы от столь продолжительного одиночества.

— Ну, за зиму я успевал получить довольно приличный заряд общения. И иногда сталкивался с туристами. Хотя и пытался держаться подалеже от главных туристских маршрутов, но все же изредка люди словно вырастали из-под земли.

— Тогда вы садились у костра и беседовали до утра?

Он засмеялся.

— Да, иногда. Но чаще я старался избегать их. Судя по тому, как пугаются некоторые лю-

ди, наткнувшись на меня, можно подумать, что я какой-то бука.

— Их можно понять. Я сама вчера обомлела от страха. Полагаю, это в основном из-за бороды.

— Ну а сейчас, надеюсь, вид у меня достаточно безобидный?

— Приятно иметь возможность разглядеть твое лицо.

Утром, после того как было принято решение отправиться в погоню за детьми, Корин поехала за покупками. Оставшись дома, Чед загрузил всю свою одежду в стиральную машину и, пока та трудилась, налег с бритвой на усы и бороду. Его немного волновала реакция Кори, но когда она вернулась, ее радость была неподдельной.

— Эй! — воскликнула она с улыбкой. — Я тебя узнаю. — И погладила щеки, поцеловала и потерлась лицом о его лицо. — Ай-ай, прошлой ночью я позволила себя трахнуть какому-то дикому горцу. Если бы знала, что сегодня появишься ты, то, возможно, смогла бы обуздать свое вожделение.

— Я видел, как он выходил, — подхватил Чед. — Он посетовал, что ты слишком пылкая

для него, и пожелал мне удачи.

— Он был довольно мил в своей мужиковатой грубости, но я предпочитаю тебя.

Затем Кори продемонстрировала свои покупки. Кроме еды и всего, что требовалось для поездки, она купила Чеду одежду: носки, узкие плавки разных цветов, две пары прогулочных шорт с глубокими карманами и клапанами на пуговицах, три рубашки с короткими рукавами и эполетами и шляпу, ну точно такую, какую надел бы Индиана Джонс.

— А кнут?

— Не было твоего размера, — промурлыкала она, спуская с его плеч халат. — Пойдем посмотрим, как ты будешь выглядеть во всем этом.

— Мне казалось, что мы торопимся.

— Но мы ведь не сможем выйти из дома, пока ты не оденешься, так ведь?

Воспоминания заставили Чеда улыбнуться.

— Что? — встрепенулась Кори.

— Просто прекрасное самочувствие. Все радует.

— А мне было бы еще лучше, если бы работал

кондиционер.

— Тебе не нравится свежий воздух?

— Свежий воздух — это здорово. А вот без горячего могла бы обойтись.

— Ты о нем еще с завистью вспомнишь сегодня ночью, когда будет отмерзать хвост.

— Я рассчитываю на то, что ты сумеешь согреть меня.

— Ну, я, конечно. . .

Тах-тах-тах-тах-тах. . .

— Какого черта!

Кори затормозила. Автомобиль уже не трясло так сильно, да и хлопки замедлились. Тах-тах-тах.

Первая тревога отпустила, и Чед с облегчением вздохнул.

— Пробили шину! — громко произнес он, стараясь перекричать глухое уханье.

— Блин!

— Да съезжай на обочину, и я поменяю колесо.

— Думаешь, у меня есть запаска? — с досадой кинула она, съезжая на полосу торможения.

— У тебя нет запасного колеса?

— В настоящий момент нет. Я собиралась сдать его в ремонт, но... Попробую дотянуть до съезда с шоссе.

До пандуса оставалось не более пятидесяти ярдов. Вверху Чед заметил вывеску заправочной станции «Мобил». Но биение продолжалось. Слово кто-то стучал молотком по передку.

— Может, лучше не рисковать? Я могу сходить за помощью.

— Доедем.

— Во что только шина превратится.

— Закрадывается подозрение, что ей все равно капут.

— А диск...

Кори съехала на пандус.

— Ну, не знаю. Кажется, шина еще сопротивляется.

— Ну мы уже почти приехали.

— Ну давай же, крошка, — шепнула она.

В конце пандуса Кори свернула вправо, пустила машину накатом вдоль дороги, затем вывернула на заправку и остановилась перед ремонт-

ным боксом. Он был одноместный, на подъемнике стояла «Тойота». Возившийся под ней механик, заметив их, кивнул и вернулся к работе.

— Наверное, это будет еще не скоро.

Кори ничего не ответила; грузно откинувшись на спинку, она положила руки на колени и, сложив губы трубочкой, стала медленно выдувать воздух, ее раздувшиеся щеки при этом опадали. Вид у нее был измученный, но радостный. Когда она повернула голову к Чеду, уголок рта приподнялся.

— Ну, разве нам не повезло?

— Если нам суждено было проколоть шину, — согласился он, — полагаю, лучшего места мы выбрать не могли бы.

Корин закатила глаза вверх.

— Кто-то там нас любит.

— Если он нас так любит, зачем ему тогда уродовать нам колесо?

— Не придирайся к мелочам, — бросила она, толкая дверцу.

Чед вышел из машины. Приятно было вновь встать на ноги, хотя они еще немного дрожали.

Страх всегда оказывал на них такое действие, а когда по ушам ударил этот грохот и машину затрясло, он перепугался до чертиков, пусть даже всего на одну секунду, прежде чем успел догадаться, в чем дело.

Наверное, и Кори здорово струхнула.

— Боже правый! — воскликнула она, склонившись над левым передним колесом.

Чед подошел к ней.

Колесо не спустило, но выглядело так, словно с него сняли скальп. Большая часть протектора оборвалась. Оставшийся кусок болтался, и Чед понял, что было источником стуков: при каждом вращении колеса отслоившийся пласт протектора молотил по машине; хромированный ободок на задней части колесной ниши был помят.

— Похоже, у вас проблемы, — услышался голос механика. На ходу вытирая руки грязной красной тряпкой и гоняя во рту зубочистку, к ним неторопливо приближался плотно сбитый смуглый человек, похожий на мексиканца, но без латиноамериканского акцента. — Ага, — промолвил он, опускаясь на корточки перед колесом. — Да-

леко на таком не доедешь. Вам повезло, что оно не взорвалось.

— Я считала, что такое случается только после наварки, — заметила Кори.

— Совсем необязательно. Обычная проблема у радиальных шин со стальным кордом. Где-то чуть повышенный износ, может быть, структурный дефект или слишком большой пробег по такой жаре, и оно бах! трах! — и капут! — Подняв глаза на Кори, он широко открыл рот и языком перевернул зубочистку. — Не желаете приобрести новую шину?

— Не думаю, что у меня есть выбор.

— Я мог бы поставить вам запаску, но тогда у вас могут быть неприятности, если еще одно колесо помашет вам ручкой.

— Тем более, что у меня и запаски-то нет.

— Даже так, — механик уперся руками в колени и, побряхтывая, встал. — Если согласны, выкачу вам парочку отличных новых радиальных шин, ничуть не хуже тех, что стоят у вас сзади. Обойдутся вам примерно по восемьдесят баксов каждая. — Он улыбнулся. — Более того, готов

предложить вам самые выгодные условия — две по цене двух.

Кори со смехом покачала головой и заглянула в глаза Чеду.

Тот тоже не удержался, чтобы не улыбнуться.

— Даже не знаю, как можно отказаться от столь заманчивого предложения.

— Мне оно тоже нравится.

— Тогда сделаем так: поставим новых малышек спереди, хорошенько их отбалансируем, негодное колесо выбросим на свалку, а другое бросим в багажник как запаску. Таким образом спереди, где это важнее всего, у вас будет совершенно новая парочка.

Кори посмотрела на Чеда. Тот согласно кивнул головой.

— Замечательно, — сказала она механику. — Сколько времени на это уйдет?

— Дайте мне час. Секундочку, я выпишу квитанцию. И сразу же начну. — И он поплелся прочь, засовывая тряпку в задний карман комбинезона.

Когда механик вошел в офис, Кори сказала:

— Все не так уж и плохо. Потеряем всего какой-то час.

— Да, могло быть гораздо хуже.

Она кивком указала на кафе через дорогу:

— Почему бы нам не заглянуть туда. Можно было бы перекусить, пока будут менять шины. Тогда нам не придется останавливаться в дороге на обед. Сэкономим немного времени.

— Думаю, можно уже не беспокоиться о времени, — заметил Чед. — Мы так поздно выехали, а теперь еще и это. Боюсь, сегодня нам уже не суждено их догнать.

Кори пристально посмотрела на него. Лицо ее немного перекосилось, так что обнажились верхние зубы.

— Мы обязаны попытаться, — произнесла она.

— Попробуем. Но мы даже не успеем съехать с главной дороги до темноты.

Тем временем подошел механик с планшетом.

— Там, в офисе, я уточнил цену. Шины обойдутся вам всего в шестьдесят девять долларов девяносто девять центов за штуку плюс по де-

сять баков за установку и балансировку.

— Прекрасно, — пробормотала Кори. Судя по голосу, настроение ее резко ухудшилось. Оставалось лишь гадать, огорчила ли ее такая цена или она загрустила после слов Чеда о том, что у них нет никаких шансов найти ее студентов сегодня.

«Вероятно, все же беспокоится о детях», — решил он.

Механик вручил ей планшет, к которому был приколот наряд на выполнение работ.

— Вам нужно вписать имя, адрес и номер телефона.

На конце грязной лески, привязанной к глазку металлического зажима, болталась шариковая авторучка. Кори поймала ручку и начала заполнять наряд.

— Советовал бы вам зайти в «Расти», — промолвил механик, тыкнув пальцем в направлении кафе. — Посидите, отдохнете, чего-нибудь выпейте и перекусите. Когда машина будет на ходу, я подойду и дам вам знать.

— Спасибо, — ответила она, возвращая ему планшет.

— Ключи в зажигании?

Кори кивнула. Взглянув на Чеда, она взяла его за руку, и они пошли.

— Мне это не нравится.

— Я уже понял.

— Я имею в виду твои слова.

— Я так и догадался. Извини.

Кори стиснула его руку.

— Это не твоя вина. Ты прав. Ночь застанет нас далеко от ребят.

Они подождали на тротуаре, пока мимо пронесется джип — «Рэнглер», затем шагнули на проезжую часть и быстро перешли дорогу.

— Просто мне страшно за них, — сказала она.

— С ними все будет в порядке.

— Боже, хотелось бы надеяться. Но... может быть, тебе это покажется глупым, а вдруг так и предполагалось, что мы не сможем настичь их? По крайней мере, вовремя, понимаешь?

Чеда так и подмывало подразнить ее.

Да, звучит глупо, это точно.

Но она так покраснела. Несомненно, Кори отлично понимала, в какое нелепое положение ста-

вило ее подобное высказывание, но все же доверяла ему настолько, чтобы поделиться даже такими мыслями.

— Это просто дефект шины, — поспешил заверить ее он. — С подобными проблемами люди сталкиваются на каждом шагу.

Кори вымученно улыбнулась:

— Так ты считаешь, что это не проделки Батлера, направленные на то, чтобы задержать нас?

— В таком случае он не ахти какой специалист своего дела. Почему он тогда не сорвал протектор с шины, когда мы были за двадцать миль от ближайшего автосервиса? И, если уж на то пошло, почему не испортил рулевое управление, чтобы мы разбились? Или просто не отбросил в сторону всякие там церемонии и не разнес нас на кусочки взрывом?

— Думаю, ты прав, — согласилась Кори.

Чед распахнул дверь «Расти», и они вошли в зал. Воздух внутри был кондиционированный, и Чед сразу почувствовал ледящий холодок от промокшей одежды.

— Садитесь, где вам нравится, ребята! — вы-

крикнула женщина из-за стойки.

Они прошли в переднюю кабинку, и Чед сел напротив Кори.

— Я знаю, что ты прав, — сказала она, наклонившись вперед и положив локти на стол. — У нас случилась небольшая поломка. Нет никаких оснований приписывать это действию сверхъестественных сил.

— Совершенно никаких.

— Но я никак не могу избавиться от мысли, что за всем этим мог стоять Батлер. Если у него достаточно сил, чтобы водить стрелку по планшетке, может, в его силах сделать и что-либо другое. И, возможно, он не желает, чтобы мы нарушили его планы.

Глава 12

— Смелей, трусишки! — выкрикнул Глен, поглядывая через плечо на Говарда и Анжелу. Раздевшись до боксерских трусов, он стоял по колено в озере.

— Мне и здесь неплохо, — отозвался Говард. Анжела, сидевшая на плоском камне и болтавшая босыми ногами в воде, прибавила:

— Мне тоже. Кроме того, я не взяла с собой купальник.

— Подумаешь. Можешь купаться в нижнем белье, никто тебя не выдаст.

— Ты окоченеешь, — заметил Говард.

— Здесь не настолько плохо. — И, словно в доказательство своих слов, Глен стал отходить от берега. Вода начала подниматься по его ногам, и, когда достигла паха, он резко дернулся и вскрикнул: — А-а-а-а! Мои яйца!

Анжела засмеялась.

— Не настолько плохо, — сказала она Говарду.

— Уверен, вода очень бодрящая.

Глен задрожал и стал отдуваться. Он слегка прогнулся и выставил в стороны руки с сжатыми кулаками.

— У тебя такой вид, словно ты вступил в медвежий капкан! — выкрикнул Говард.

— Мне хорошо. Мне хорошо. Через минуту мне будет хорошо.

— Меня радует, что на его месте не мы, — заметила Анжела.

— И меня тоже.

Это было правдой. Ему не хотелось лезть в ледяную воду. Но тогда у него — да и у Анжелы — появилось бы оправдание для того, чтобы раздеться до исподнего. Если бы она захотела, он бы тоже сделал это.

Однако, как только встал вопрос о купании, девушка категорически отказалась: «Только не я». И никто особенно не пытался ее уговорить. Так что Говард, почувствовав некоторое облегчение, но еще больше досаду, заявил:

— И я тоже не полезу. А вы можете замерзнуть, если желаете.

Затем они с Анжелой побрели к берегу и нашли там этот валун: плоский и довольно гладкий, покато спускавшийся к воде. Как только устроились на нем, Анжела сняла кроссовки и носки и

опустила ноги в озеро.

— Как водичка? — поинтересовался Говард.

— Холодная, как лед. Но довольно приятно.

— Ты уверена, что не хочешь искупаться?

— Я не взяла купальник.

— Я тоже, но не думаю, что у других они есть.

Тогда Анжела усмехнулась и подняла брови.

— Думаешь, они пойдут купаться голышом?

— Возможно.

— Я бы не стала. Только не в присутствии Кита и Глена.

«Но сделала бы это в моем присутствии?»

— Я тоже. Только не в присутствии Дорис.

Она рассмеялась.

Примерно в это время к берегу подошел Глен. Говард вовсе не удивился бы, увидев, что в последний момент тот сбросил трусы и ринулся в озеро, сверкая голым задом, но трусы были все еще на нем, и они были мокрыми.

— Была не была! — Глен подпрыгнул несколько раз на месте, очевидно мобилизуя все свое мужество. Затем вскинул вверх руки и бросился вперед. Его огромная туша грузно плюхнулась,

раздвигая воду. Через мгновение вода хлынула назад и сомкнулась над ним.

— Сподобился, — заметила Анжела.

— Не иначе чокнутый.

Голова Глена вынырнула на поверхность, и он завопил:

— Мамочка!

— Как там? — крикнул Кит.

Глен перевернулся в воде и ответил:

— Надо немного времени, чтобы привыкнуть. — Голос его был звонче, чем обычно.

— Если ты терпишь, то и мы сможем, — слышался голос Ланы.

Говард вдруг почувствовал какое-то радостное возбуждение.

— Наверное, они тоже пойдут купаться, — сказал он, но тут же подумал: «Бессмысленное замечание». Впрочем, нужно было что-то сказать. Усилием воли он задержал свой взгляд на Анжеле.

В чем будет Лана? В лифчике и трусиках? Совсем без ничего?

— Наверное, мазохисты, — промолвила Анже-

ла и отклонилась немного назад, чтобы посмотреть. Говард тоже повернул голову в ту сторону.

На стройном мускулистом и загорелом Ките были обрезанные джинсы.

Лана не была нагой. И не в нижнем белье. На ней был купальник. И даже не бикини, а цельный костюм почти без выреза.

«Ну что ж, — подумал Говард. — Значит, так тому и быть».

Но он тут же заметил, что у ее костюма были и свои преимущества. Блестящий материал плотно облегал тело и подчеркивал каждую деталь. Когда она зашла в воду, Говард увидел, что костюм полностью обнажал спину, а туго натянутый небольшой треугольник почти не прикрывал ягодицы.

Лана зашла в озеро по бедра и затем, не останавливаясь, сделала рывок вперед, изогнулась и ушла под воду.

— Чего же ты ждешь, Кити?

Кит словно не слышал Глена. Он неподвижно стоял по щиколотку в воде, уставившись в то место, где исчезла под водой Лана. Затем,

оскалившись и потирая руки, пробормотал: «О блин!» — и с воплем бросился вперед, молотя ногами, словно перед ним была не вода, а вражеские укрепления.

— Смелее! — крикнул Глен.

Кит издал боевой клич и нырнул.

Глен со смехом подбросил в воздух кулак:

— Здорово!

Лана вынырнула и встала не более чем в шести футах от Говарда.

«Должно быть, развернулась под водой и поплыла к берегу», — подумал он. В том месте, где она стояла до этого, вода была по пояс.

Протирая лицо обеими руками, Лана не обращала на него никакого внимания. Ее волосы, цвета сена после дождя, были гладко зализаны, плечи и руки лоснились. Когда она опустила руки, Говард увидел, что купальник прилип к ней, словно тонкий кожаный чулок. Будь он телесного цвета, а не ярко-синего, можно было бы подумать — по крайней мере, если особо не присматриваться, — что она нагая.

Глядя на нее, Говард почувствовал, как в брю-

ках у него что-то зашевелилось.

Облегающая ткань раздувалась на грудях. Она выглядела абсолютно гладкой по всей поверхности, за исключением вершушек. Там ее растягивали небольшие острые соски.

Говард поймал взгляд Ланы и, надеясь, что она не заметила, как он ее разглядывал, поинтересовался:

— Как водичка?

Когда она выдыхала воздух, с губ ее слетел сноп тончайших брызг, подбородок слегка дрожал.

— Еще чуть холоднее, и на ней можно было бы кататься на коньках. Но я знала, на что шла. Можно привыкнуть. Вам обоим действительно не мешало бы окунуться.

— Я лучше посижу здесь и посмотрю, как вы трое посинеете, — отозвалась Анжела.

— Послушай, если это только из-за того, что у тебя нет купальника. . .

— Ну, это одна из причин.

— Нет таких законов, по которым ты должна раздеваться. Ты могла бы прыгнуть в воду в той

одежде, которая на тебе. Что бы там ни было.

— Ладно, я подумаю.

— Ну а у тебя какие проблемы, Говард?

Он пожал плечами:

— Я так хорошо сижу.

— Как хотите. Но вы никогда не узнаете, как это здорово, пока сами не попробуете. — С этими словами она присела в воду, оттолкнулась от дна и заскользила по воде на спине. Сложив руки вдоль туловища, она задргала ногами.

Говард наблюдал, как Лана медленно удалялась от берега. Ее длинные ноги блестели на солнце. Торчащие над водой груди слегка колыхались в такт движениям ног.

— Здорово выглядит, правда? — промолвила Анжела.

— Неплохо.

— А ты не хочешь окунуться? Если хочешь, иди. Знаешь, тебе не обязательно торчать здесь только из-за меня.

— Я не горю желанием, но, если хочешь, окунись.

Анжела поморщила нос.

— Ну тогда давай не пойдём, а скажем, что ходили. — Повернувшись, она прищурилась и окинула взглядом поляну, на которой были оставлены вещи.

— Что там такое?

— Я не вижу Дорис.

Говард обернулся и поглядел в ту сторону.

— Может, зашла за дерево переодеться или еще для чего-нибудь.

— Я очень сомневаюсь, чтобы она решилась искупаться.

— Ну могла отозваться на зов природы. Или уединилась, чтобы подуться на нас.

Анжела усмехнулась:

— Какой ты злой.

— Куда бы она ни пошла, мне просто хотелось бы, чтобы она какое-то время не возвращалась. Когда ее нет рядом, обстановка намного приятнее. У меня создается впечатление, что Дорис только и ожидает подходящего момента, чтобы излить на кого-нибудь свою желчь.

— Надеюсь, с нею все в порядке. Меня тревожит только это.

— А что с ней случится?

— Не знаю. А тебе ничего не кажется странным? Я хочу сказать, когда ты видел ее в последний раз?

— Думаю, не больше десяти-пятнадцати минут назад, — ответил Говард. Дорис, как ему вспомнилось, сидела тогда в тени, прислонившись спиной к дереву, пока другие обсуждали, что делать раньше: разбивать лагерь или искупаться. Она так и осталась сидеть там, а дебаты все еще продолжались, когда они с Анжелой пошли к озеру.

— Она сидела под деревом, — сказал он.

— Да.

— Куда бы она ни пошла, ее рюкзак остался.

Анжела улыбнулась:

— И что это означает?

— А то, что нам не повезло. Она не откинулась от нас. И не летит с горы так, что тропа горит под ногами, возвращаясь назад к цивилизации.

— Может, следует пойти поискать ее?

— Возможно, — произнес Говард. — Но лучше

подождем еще немного? Вероятно, она вот-вот покажется.

— А я и не тороплюсь.

Оба одновременно повернулись к озеру. Лана, Кит и Глен уже заплыли на середину, они смеялись и плескались. Глен, похоже, плыл вдогонку за Ланой, тогда как Кит быстро удалялся в другом направлении.

— Думаешь, они играют в салки? — поинтересовалась Анжела.

— Похоже.

«И мы могли бы сейчас находиться в воде и играть вместе с ними», — подумал Говард.

И он представил себе, как гонится за Ланой, вытягивает вперед руку, чтобы осалить ее, и его рука касается ее голой попки. Она будет такая холодная-прехолодная. Может быть, даже шершавая от гусиной кожи. Но в глубине такая теплая.

И он удивился сам себе: как мог он грезить о Лане, когда рядом сидела Анжела?

Возможно, потому что это безопасно. Ты знаешь, что Лана недоступна.

Там, посредине озера, ее догнал Глен. Он схватил ее за щиколотку, и они оба ушли под воду. Затем всплыли, вспенивая воду. Лана со смехом вырвалась и быстро-быстро попятилась от него.

— Эй, ты, — выпалила она. — Смотри мне!

— Сама такая.

— Старый развратник.

— Что ты ей сделал? — крикнул Кит в изумлении.

— Осалил, вот и все.

— Да? И куда?

— Не твое дело, — отозвалась Лана. — Я иду, держись! — И она кинулась на Глена, который отпрянул в сторону. Но после нескольких гребков прервала преследование и поплыла к Киту.

— А я думала, она догонит, — сказала Анжела и, слегка отодвинувшись, вынула ноги из воды. Подтянув к себе колени, она обняла их руками. Ее влажные икры блестели, и стекавшая с них вода образовала на граните темные пятнышки. — Я хочу немного прогуляться, — объявила она. — Хочешь пойти со мной?

— Конечно, — сердце Говарда забилося быстрее.

«Может быть, это не только для того, чтобы поискать Дорис, — подумал он. — Возможно, она хочет побыть со мной наедине».

Другие наверняка еще задержатся в озере. И, как только они с Анжелой отойдут от берега, они останутся совершенно одни.

Если не считать Дорис.

Его нервное возбуждение пошло на убыль. Вероятно, на уме у Анжелы не было ничего, кроме поиска Дорис.

Но, если мы пойдем искать, мы будем одни. До тех пор, пока не найдем ее.

Анжела наклонилась, завела руку за подогнутые ноги и вытерла ступни носками. Но надевать их не стала, а расстелила на камне. Протянув ноги, она закинула одну на другую, затем всунула босую ногу в кроссовку.

Говард тоже снимал ботинки и носки. Вначале он собирался опустить ноги в озеро, но потом передумал, потому что не хотел намочить брюки. «А если закатать штанины, я буду похож на

индюка», — подумал он.

Когда Анжела надевала другую кроссовку, он вытянул из ботинок скомканные носки. Они были грязные и влажные, и Говард отбросил их на камень. Но без них ему не очень хотелось совать ноги в ботинки. Он знал, как это будет неприятно: грубые башмаки не только натрут кожу, но внутри станут сырыми и скользкими. В рюкзаке у него лежала пара кроссовок «наик». Может, пройтись за ними босиком? Не совсем удачная мысль. Можно наступить на что-нибудь острое. Поранить ногу здесь, у черта на куличках. . .

— О, вот и Дорис. Вон там, — Анжела указала рукой на противоположный берег озера.

Говард заметил ее сразу. Она была на виду, пробираясь по каменной осыпи, наклонно спускающейся в озеро по восточному берегу.

— Какого черта она там делает? — пробормотал он.

— Исследует местность.

— Неужели еще не набегалась за день?

— Видимо, нет.

Неодобрительно покачивая головой, Говард

следил за продвижением Дорис. Она пересекла наискось огромный гранитный блок, размером с автомобиль, и с помощью рук вскарабкалась на следующий валун. Добравшись до его верхушки, сделала прыжок и приземлилась на камень, похожий на перевернутый холодильник.

— Может, одурела от жары? — предположил Говард.

— Нет, она довольно проворна.

— Дождись, пока она вернется. Наверняка начнет поучать нас с видом заправского скалолаза. Не иначе Дорис в прошлом году ходила на приступ Эвереста.

Анжела бросила взгляд в сторону Говарда:

— Надеюсь, она не повредила его.

Говард рассмеялся. Затем, пародируя Дорис, произнес:

— Ты брала уроки остроумия у Траляля и Дураля?

Голова Анжелы закачалась из стороны в сторону. Она глядела на него и мотала головой, как болванчик, и Говард вдруг почувствовал такой сильный прилив нежности, который заслони́л все

на свете. Это было очень странное ощущение, не имеющее ничего общего с сексуальным возбуждением. Что-то наподобие нежности или грусти, вышибающей слезу. Говард чуть было не расплакался. Протянув руку, он бережно опустил ее на затылок девушки и наклонился вперед.

И нашел ее губы. Такие мягкие, теплые и влажные.

«Боже! — спохватился он. — Что я делаю?»

Прежде чем он смог отстраниться, рука Анжелы поднялась к его лицу и погладила по щеке. Затем она отняла свои губы и, глядя ему в глаза, прошептала:

— А теперь ты хочешь пройтись?

— Да.

Она повернулась к озеру и стала зашнуровывать кроссовки. Завязывая бантик, Анжела подняла глаза. И глаза ее неожиданно расширились. Девушка судорожно вздохнула и словно остолбенела.

Говард бросил взгляд на озеро. Увидел Лану, Кита и Глена. Те плавали и смеялись. Тогда он пошарил глазами по каменистому склону в по-

искал Дорис. И скоро нашел ее — на гранитной плите.

— Анжела?

Но она неотрывно глядела вдаль. Тревога на ее лице взволновала его.

— Что случилось? — воскликнул он. — Что там такое?

— Впереди Дорис, — совсем тихо, почти шепотом произнесла она. — Как раз над нею. Видишь?

Говард вновь нашел Дорис. Теперь она была почти напротив них на другом берегу. Он перевел взгляд чуть вперед и вверх. И ахнул. Внутри все оборвалось, ноги стали ватными, и его затрясло.

— Мой Боже! — пробормотал он.

На выступе, неподвижно и слегка сутулясь, стоял человек. Голова его была опущена и повернута в сторону Дорис. Похоже, он следил за нею, поджидал ее.

Незнакомец был похож на сошедшего с подиума участника конкурса на звание Мистер Вселенная. Его бронзовая кожа, вздувающаяся буграми мускулов, отливала масляным блеском. Волос на

нем, похоже, совсем не было, и голова блестела на солнце. Он был в солнцезащитных очках. Еще на нем была узкая набедренная повязка с блестящим черным гульфиком, а в правой руке — мачете.

А Дорис, ни о чем не подозревая, перебегала по валуну, с каждым шагом приближаясь к нему.

Анжела вскочила на ноги, сложила руки рупором у рта и крикнула:

— ДОРИС!

Дорис остановилась и повернула к ним голову.

— БЕРЕГИСЬ! — подпрыгнув, выкрикнул Говард. — ЧЕЛОВЕК!

— Что происходит? — крикнул им Кит.

— Там какой-то тип! — ответил Говард. — С мачете! Впереди Дорис!

Анжела взмахнула рукой, призывая Дорис вернуться, и крикнула:

— УХОДИ ОТТУДА! БЕГИ!

Дорис покачала головой, словно ничего не поняла.

Незнакомец начал прыгать с камня на камень.

— ОН ИДЕТ К ТЕБЕ! — закричала Анжела.

— ПОЗАДИ! — выкрикнула Лана.

Краешком глаза Говард увидел Кита и Глена — они быстро плыли на другую сторону озера.

И были уже не так далеко от противоположного берега.

Но они не успеют вовремя. Даже не приблизятся.

Дорис, которая, видимо, уже поняла, что к чему, начала поворачиваться. Незнакомец несся прямо на нее, спускаясь с крутой каменной плиты.

Под лоснящейся кожей играли горы мускулов. Это был племенной жеребец в черных шорах. Стриптизер из «голубого» бара в миниатюрной набедренной повязке. Бритоголовый панк. Псих с мачете.

Дорис не закричала. Говард вообще не услышал от нее ни единого звука, когда, повернувшись, она увидела, что на нее надвигается. Лишь дернулась, взмахнула руками и быстро попятилась.

По валуну, который переходила.

И попыталась остановиться.

И зашаталась на самом краю, размахивая руками, как ветряная мельница.

— Боже! — ахнула Анжела и схватила Говарда за руку.

Ее ногти впились в него, когда Дорис распласталась в воздухе.

Незнакомец потянулся к Дорис.

Он не замахнулся мачете. Просто вытянул вперед левую руку и попытался схватить за кофту.

Но промахнулся.

Дорис всплеснула руками, дернула ногами. Падать ей было всего шесть или восемь футов, но падение, казалось, тянулось целую вечность. Говард понял, что сейчас увидит, как девушка умрет. словно в замедленном кино. Ударится о гранит головой. И голова расколется...

Но Дорис свалилась на задницу.

Затем на наклонную каменную плиту шлепнулись ее ноги и спина. За ними последовала голова, но угодила за край и о камень не ударилась.

Говарду показалось, что девушка немного

подпрыгнула. Выглядела она как неживая.

На спине, головой вперед, Дорис начала сползать по камню.

Не стремительно, как по желобу в бассейне. Для этого ее спуск был слишком медленным.

Сначала с камня соскользнула голова, за нею последовали плечи. Затем через край перевалились руки и повисли над водой. Затем перегнулась спина, словно вес верхней части тела пытался переломить ее пополам. Неожиданно ноги взметнулись вверх, и Дорис кувыркнулась с каменной плиты. Под действием силы тяжести она распласталась и стала похожей на тучного парашютиста, восходящие потоки воздуха полоскали кофту и мешковатые шорты, развевали волосы.

С оглушительным взрывом тело плюхнулось в воду.

И обдало ливнем Кита и Глена. К этому времени Лана уже почти настигла их. Они дружно нырнули и скрылись под водой.

Человек с мачете наблюдал за происходящим сверху.

Что, если он прыгнет за ними?

— Нет, — шептала Анжела. — Не надо, не надо.

«Нырнет с этим мачете и изрубит всех на кусочки. И никого не останется, кроме меня и Анжелы. . . и его».

Но человек не нырнул, а повернулся и, пройдя по верхушке валуна, прыгнул и приземлился на наклонный блок. Обернувшись спиной к озеру, перекинул подвязку мачете через плечо и начал взбираться на скалу.

Глава 13

Дрожь всем телом, Говард опустил взгляд на озеро.

Лана вылезала из воды, карабкаясь на уступ выдававшейся в озеро скалы недалеко от места падения Дорис. Глен тащил Дорис за волосы. Та скользила по воде на спине, не сопротивляясь, но и не помогая. Кит плыл у ее ног, подняв голову над водой. Видимо, все еще ожидал нападения.

— С ней все в порядке? — полушепотом спросила Анжела.

— Не могу определить. Не похоже, чтобы она двигалась.

— Боже!

Говарду хотелось, чтобы ребята подтянули ее к этому берегу, но Глен направлялся к тому месту, где выбралась на берег Лана. На ближайший берег было, конечно, разумнее. Но сюда безопаснее, потому что там был тот тип.

— Я больше его не вижу.

Говард быстро пробежал глазами по склону, нашел груды камней, где в последний раз видел человека с мачете, и поднял взгляд выше. Несколько чахлах деревьев да бледный слепя-

щий гранит и тени от причудливо разбросанных валунов.

— Должно быть, прячется где-то там.

На берегу Лана наклонилась над водой и придержала Дорис за руку, пока Глен вылезал из воды.

— Нам лучше пойти туда, — сказала Анжела. Она обвела берег взглядом, видимо, определяя расстояние. — Пожалуй, минут десять-пятнадцать, если идти пешком.

— Может, переплыть?

— Так было бы намного быстрее. А ты доплывешь?

— Конечно. А ты?

— Да. — Держась за его руку, она, перемещая вес с одной ноги на другую, скинула с ног кроссовки. Когда отпустила его руку, Говард начал снимать рубашку.

— Похоже, мы все-таки искупнемся, — заметил он.

— В купальнике или без купальника.

— Знаешь, а мы замерзнем.

— Это же всего несколько минут.

— Господи, как хочется надеяться, что с нею все в порядке.

Говард стянул до полу джинсы и вытащил из них ноги.

Анжела осталась в блузке и шортах.

В озеро они прыгнули вместе. Соприкоснувшись с водой, Говард вскрикнул от боли. Вода оказалась настолько холодной, что просто обжигала. Ощущение было такое, словно гениталии схватила и мяла ледяная рука.

Анжела, стоявшая в воде по пояс, ошеломленно поглядела на него. От жуткого холода у нее перехватило дыхание. Но она без колебаний сделала пару шагов вперед и ринулась в воду.

Говард резко втянул воздух в легкие, которые, казалось, съежились и напряглись. Затем завалился вперед, оставив ноги на дне, и погрузился в воду. Виски сдавило в железных тисках, голосовые связки настроились на крик. Но Говард остался под водой и заработал ногами. Вода скользнула по телу, отыскивая потаенные местечки — впадины и складки тепла — и вскрывая их ледяным лезвием.

«Лучше бы пошли пешком, — подумалось ему. — Сейчас уже поздно. Интересно, как чувствует себя Анжела? А Дорис? Что мы будем делать, если она мертва? Нет, она жива, и с нею все в порядке. Что это за сумасшедший, черт возьми?»

Взбрыкнув ногами, Говард вынырнул на поверхность. Втянув воздух в скованные холодом легкие, он увидел немного впереди себя Анжелу. Та тихо и плавно скользила в воде, казалось, без всяких усилий. Гребки руками и толчки ногами ускоряли ее, но почти не поднимали брызг.

В поле зрения попали Лана и Глен, склонившиеся над телом Дорис, и вылезавший на берег Кит.

Когда застучали зубы, Говард рванулся вперед и снова поплыл, работая изо всех сил ногами и резко выбрасывая вперед и отводя назад руки. Он задержал дыхание, пока грудь не стало разрывать от боли, затем выдохнул, перевернулся, наполнил легкие и поплыл дальше.

Почувствовав, что устает, он стал дышать чаще.

Говард понял, что больше не мерзнет. Холодная вода стала чуть приятнее.

Тогда он переключился с кроля на брасс. Держа голову над водой, он мог теперь дышать равномернее и видеть окружающее. Анжела значительно вырвалась вперед. Между ними было футов тридцать. Еще несколько гребков, она достигла выступа, где вокруг Дорис на корточках сидели остальные, и вытолкнула себя из воды.

Говарду понравилось, как блузка Анжелы приклеилась к спине и сквозь нее проступили бретельки бюстгальтера. Он знал, что смог бы увидеть и сквозь шорты, но сзади их перекрывал свисающий конец блузки.

Как только Анжела выкарабкалась на берег, по тыльной стороне отблескивающих ног заструилась вода. Сделав пару шагов, она опустилась на колени возле Дорис. Подошвы ее покраснели, словно после пробежки по снежному полю.

Мотнув головой, она выкрикнула:

— С Дорис все в порядке.

«Слава Богу», — подумал Говард.

Но известие это почему-то было воспринято

им почти как плохое. Вместе с облегчением он почувствовал себя немного обманутым и разочарованным.

«Перестань, — укорял он себя. — Я не хотел ее смерти. никоим образом!»

Хотя ее смерть увела бы нас отсюда. Если бы Дорис погибла, никто бы не остался здесь ни за какие сокровища на свете.

Ухватившись за острый край скалы, Говард подпрыгнул, подтянулся и начал подниматься. Отяжелевшие трусы обтянули ноги, но на него все равно никто не обращал внимания. Тем не менее он поспешил присесть рядом с Анжелой на колени.

Дорис лежала на камне, опустив лоб на сложенные перед собой руки, нос ее почти касался гранита.

— У тебя все нормально? — поинтересовался Говард.

— Ха-ха-ха, как смешно.

— Вижу, что нормально.

— Она отдыхает, — заметила Лана. — От удара у нее захватило дух, но вроде бы ничего не

повреждено.

— Ничего не сломано?

— Кроме задницы, — сострил Кит.

— Перестань! — одернул его Глен.

Заступается за Дорис. Это что-то новенькое.

Говард склонился ниже. Один глаз Дорис был открыт, но смотрел не на него, а на мокрую поверхность камня перед лицом. С кончика носа скатилась капелька воды.

— Ты себя и вправду нормально чувствуешь? — спросил он.

— Дальше некуда.

Говард приподнялся и взглянул на Анжелу. Та пожала плечами, и он обвел взглядом остальных, которые либо стояли на коленях, либо сидели на корточках вокруг Дорис и не сводили с нее глаз. Протянув руку, Глен начал массировать ей спину.

— Руки прочь! — воскликнула она.

— Не будь такой врединой, — спокойно произнес Глен, не убирая руки. — Тебя ведь чуть не убили, черт побери.

— Ты будешь мне рассказывать? — пробормотала она.

— Ну и что теперь делать? — осведомился Говард.

— Дадим ей еще несколько минут, — ответила Лана. — Она в шоке.

— Не следует торчать здесь слишком долго, — заметил Кит.

— Этот псих может вернуться. — Вывернувшись, он обвел взглядом склон.

— Он не вернется, — возразила Лана.

— На это нельзя рассчитывать.

— Если бы у него хватило духу выступить против всех нас, он бы так не сбежал.

— Да что у него вообще на уме? — пробормотал Глен, растирая Дорис затылок.

— Гребаный маньяк, — заключил Кит.

— Да, но у него была возможность зарубить ее. А он пытался поймать ее, как мне кажется.

— Вот именно, — поддержала его Анжела. — Я тоже это видела.

Кит перестал высматривать незнакомца и хмуро взглянул на Дорис.

— Это какой-то извращенец. Что с того, что он не снес ей голову, когда у него была такая воз-

можность? И как по-вашему, что бы он сделал, если бы ему удалось схватить ее и задержать? Пожал бы ей руку, приговаривая. «Безумно рад был познакомиться»?

— Возможно, он хотел увести ее с собой, — предположила Анжела.

— Вот я как раз об этом подумал, — заметил Глен.

— Либо трахнуть ее тут же, — добавил Кит. — И, может быть, зарезать после этого.

Плечи лежавшей девушки вздрогнули, и слышался тихий звук, напоминавший всхлип.

— Давайте следить за своей болтовней, — пробормотала Лана.

— А думаешь, что у него было на уме?

— Не знаю.

— Ты же видела его. Обратила внимание, как был одет этот тип? Только тот, у кого мозги набекрень, будет разгуливать в горах в таком виде.

— А что, если он просто шел искупаться? — предположила Анжела.

— Спустись на землю.

— Но ведь это вполне возможно.

— Да брось ты! Прогуливался по бережку с мачете, да? Бога ради!

— Мне кажется, Анжела права, — вставил Говард. Приятно было поддержать ее. К тому же, если все обстояло именно так, не было бы реальных причин опасаться этого человека. — Если он действительно шел поплавать, это объясняет его странный наряд.

— Конечно, поплавать в набедренной повязке — мое самое заветное желание.

— Мы только недавно пришли сюда, — подхватила Лана. — И он вполне мог считать, что место безлюдно. Я и сама купалась голышом в подобных озерах, когда никого вокруг не было. А на нем, по крайней мере, что-то все же было.

«Голышом, — повторил про себя Говард. — Она купается голышом».

Взгляд его скользнул по сидевшей на коленях девушке. На плечах у нее искрились капельки воды. Набрякшие соски оттягивали тончайшую ткань костюма. Говард опустил взгляд до впадины пупка и ниже, по глянцевої синеве. Между ногами она сужалась до предела и в самом низу

немного бугрилась, образуя посередине складку.

Если бы на ней не было купальника. . .

Говард почувствовал, как поднимающийся пенис начинает оттягивать мокрые трусы.

Нет! Все увидят!

Испуг был настолько велик, что эрекция приостановилась. Говард перевел взгляд на Дорис и заставил себя вспомнить ее падение. Реакция была моментальной.

«Не смотри больше на Лану», — предупредил его внутренний голос.

— Наверное, когда он увидел нас, — промолвила Анжела, — то решил просто понаблюдать за нами.

— В это я еще могу поверить, — произнес Кит. — Чутьочку подглядывания в пустынном месте.

— Но это могло быть совершенно невинно. Возможно, он подумал: а не спуститься ли, чтобы познакомиться с нами. . .

— Конечно, и поболтать по-дружески.

— Но в этот момент появляется Дорис, мы замечаем его и начинаем голосить, словно при-

няли его за сумасшедшего потрошителя или еще кого-нибудь. И ситуация выходит из-под контроля.

— Так оно и могло быть, — подал свой голос Говард. Теперь, когда эрекция прошла, он уже не опасался привлечь к себе внимание.

— Это один из возможных вариантов, — произнесла Лана, но Говард больше не смотрел на нее.

— Чушь! — воскликнул Кит.

— Кит — говнюк, — пробормотала Дорис, — но не полный идиот. И на сей раз прав. — Оттолкнувшись от камня, она встала на колени и обвела всех взглядом.

Хотя Говард и слышал одиночное всхлипывание незадолго до этого, но никак не думал, что Дорис по-настоящему плакала. Раньше ему и в голову не пришло бы, что она способна на это. Но, оказывается, способна. И как раз этим сейчас и занималась. Глаза были красными и мокрыми, по щекам струились слезы, из носа текло. Она лизнула над губой кончиком языка и шмыгнула носом.

— Этот тип — вовсе не невинный беспечный турист, собравшийся окунуться, — продолжила Дорис. — Вы просто пытаетесь успокоить себя. Функциональный термин здесь «отрицание». Ваше творчество — фикция, потому что правда ужасает вас. А правда в том, что мужик этот — гребаный маньяк. Полоумный извращенец.

— Мы не можем быть в этом уверенными, — возразила ей Лана.

— А я могу. Он чуть было не сгреб меня. Я-то знаю. Я чуюла его запах, слышала, что он говорил.

— И что он сказал? — оживился Глен.

— «О, да-да-да-да-да». Что-то в этом роде, очень тихо, с придыханием. Я едва расслышала, но именно с этими словами он бежал ко мне.

Подняв мокрую полу кофты, Дорис вытерла лицо. Свисавший огромной складкой живот выглядел так, словно его никогда не касались лучи солнца.

— Думаешь, он хотел убить тебя? — спросила Лана.

На этот раз Говард не удержался, чтобы не

взглянуть на нее. Но не позволил глазам соскользнуть вниз с ее лица.

— Думаю, он хотел меня трахнуть, — вспыхнула Дорис. — Трахнуть, вспороть брюхо и влезть внутрь. Я чувствовала это.

Лицо Ланы пошло пятнами. Она растерянно посмотрела на остальных.

— Ладно. Положим, этот парень — маньяк-убийца. Может быть, и нет, но, допустим, что так.

— Он — маньяк, — твердо произнесла Дорис.

— И каковы будут наши действия в таком случае?

— А что, у нас большой выбор? — вмешался Глен. — Мы можем либо смотаться отсюда, либо остаться. Лично я не в восторге от мысли, что нам придется удирать от какого-то сраного культуриста.

— Я поддерживаю Глена, — сказал Кит. — Блин, мы проделали такой путь. Да и сокровище.

— Если оно существует, — вставил Говард.

— Батлер не обманул насчет сотни баксов в

диване, — заметил Глен. — И мы настолько поверили ему, что гнали всю ночь машину и сгоняли жир, карабкаясь сюда. Единственный новый фактор — это пугало.

— И, возможно, маньяк уже покинул эти места, — произнесла Анжела.

— А еще возможней — он подкрадется к нам после наступления темноты и всех перережет, — передразнила ее Дорис.

— Если боишься, сматывайся, — предложил Кит.

— Я так и собираюсь сделать.

— Только не одна, — возразил Глен.

— А вот посмотрим. — С этими словами Дорис стала подниматься. Выпрямляясь, она скривилась от боли. Шагнув мимо Ланы, проковыляла по выступу и начала взбираться на горбатый валун.

— погоди, — кинул ей вдогонку Глен и вскочил на ноги. Приспустившиеся боксерские трусы заголили верхушки ягодич. Он завел руку за спину и подтянул их. — Куда ты направляешься?

— Для начала назад, в лагерь.

— Ты собираешься идти по берегу?

— Вот именно.

— Но проще переплыть.

— Я не плаваю.

Не «я не умею плавать», а «я не плаваю».

Словно высказывала предпочтение.

— Но послушай, — промолвил Глен. — Я ведь без обуви.

— Ну и что?

— Не хочу остаться без ног.

— Так плыви. Ты что, слышал, как я просила себе эскорт?

«Резкие слова, — подумал Говард. — Типичные для Дорис». Но ему показалось, что в глазах девушки блеснул безумный огонек.

И он встал. То же самое сделала и Анжела.

— Я пойду с тобой, — объявил он.

— И я тоже, — сказала Анжела.

— Не надо мне никаких одолжений.

— Совсем не обязательно хамить, — укорила ее Анжела. — Я все равно не собиралась плыть назад. Вода ужасная.

— Мы все пойдем по берегу, — заявила Лана.

Дорис грозно сверкнула глазами.

— Вы просто хотите, чтобы я почувствовала себя дерьмом.

— А ты и есть дерьмо, — отозвался Кит.

— Прекрати! — предупредил Глен.

— Валяйте, плывите себе. Не хочу, чтобы вы покалечили ноги, а потом обвинили меня в этом.

— Поглядим по ходу, — заметила Лана. — Будем держаться как можно ближе к воде. Если встретится непроходимое место, просто прыгнем в воду и оплывем вокруг него.

— Делайте, что хотите, — промолвила Дорис.

— Это и ко мне относится? — не унимался Кит. — Потому что я хочу пнуть ногой твою жирную задницу.

Глен буквально испепелил его взглядом.

— Ты что, вдруг превратился в ее защитника? Уму непостижимо!

— Она пострадала.

— Большое дело, черт возьми. Это совсем не сбило с нее спеси.

— Давайте успокоимся, — предложила Лана. — У нас достаточно проблем и без того, что-

бы грызться между собой.

С ехидной ухмылкой Дорис повернулась и устало побрела вверх по склону валуна.

Глен пошел следом. За ним Лана.

— Я прикрою с тыла, ребята, — тихо сказал Кит Говарду и Анжеле.

— Она действительно стерва, — прошептала Анжела.

— Ты мне будешь рассказывать.

— Но ты должен попытаться быть с ней полюбезнее.

— Кто это умер и сделал тебя вожатым? — ядовито ухмыльнулся Кит.

Анжела покраснела.

— Не смей разговаривать с нею в таком тоне, — вмешался Говард.

— Пошел ты, Гаубица! — Присев на корточки, Кит поднял острый камень.

Говард отпрянул.

— Не обольщайся, это не для тебя.

Анжела потянула Говард за локоть.

— Пойдем, — буркнула она.

— Поглядывайте в оба, — бросил им вдогонку

Кит, когда они уже тронулись в путь.

Говард подумал о том, что стоило бы подобрать камень. Но ему не хотелось, чтобы выглядело так, словно он копирует Кита. К тому же у него была беда с метанием. Появись этот парень, он бы наверняка промахнулся.

— Если тот придурок вернется, — обратился он к Анжеле, — надо прыгать в озеро.

— Хорошая мысль.

Говарду захотелось опять в воду. Ее леденящий холод казался предпочтительнее прогулки в одних трусах. Они уже не были такими мокрыми и не обтягивали, как прежде. Обжимала лишь резинка на поясе, в остальном трусы стали широкими и мешковатыми. Ему показалось, что снизу в них задувает ветер. Гениталии подскакивали и болтались, и Говард чувствовал себя голым.

— Я думаю, он не появится, — промолвила Анжела, посмотрела в лицо Говарду и быстро отвернулась. — А ты как думаешь? Я имею в виду, он ведь убежал. Но Дорис, возможно, права насчет того, что он может подкрасться к нам в темноте. Дождавшись, пока мы все уснем.

— Знаю. Наверное, нам следует отправляться назад к машине.

— Кажется, именно это и собирается сделать Дорис.

— Мы могли бы пойти с ней, если хочешь.

Анжела посмотрела на него:

— Ты этого хочешь?

— Не такая уж плохая мысль.

— Мы действительно не можем отпустить ее одну.

— Я бы и сам не прочь убраться отсюда.

— А сокровища? — изумилась она.

— Может, их и вовсе не существует. Или мы не сможем их найти.

— У нас есть планшетка, — возразила она. — Как я себе представляю, именно поэтому они и прихватили ее прошлой ночью из дома доктора Дальтон, чтобы можно было уточнить, как добраться до сокровища.

— Да, но Батлер — кем бы он ни был — явно со странностями. Что, если он просто водит нас за нос? Может быть, никогда и не предполагал привести нас к этому своему кладу. Возможно,

просто хотел привести нас сюда. — Внезапно в голову Говарду пришла ужасная мысль. — О Боже! — буркнул он.

— Что?

— Предположим, что Батлер заманил нас сюда, чтобы сделать жертвами этого придурка?

Анжела поморщила нос.

— Довольно гадкая мысль.

— Знаю, знаю. Вероятно, это безумие.

Анжела нахмурилась и отвернулась. Какое-то время они шли молча. Говард понял: его больше не волнует, что на нем, кроме трусов, ничего нет. Вероятно, потому, что Анжела, похоже, не имела ничего против.

Переход был не так труден, как ожидалось. Когда приходилось перепрыгивать с камня на камень или карабкаться куда-нибудь, Говарду не нравилось, как натягивалась кожа на босых подошвах. В остальном было довольно сносно. А когда местность становилась более-менее ровной, ходьба и вовсе не доставляла никаких неприятностей. Камни были грубыми и шершавыми, но почти не кололись. И хотя было жарко, гра-

нит не обжигал.

И он, и Анжела внимательно следили за тем, чтобы не поцарапаться о сухие цепкие ветки, торчавшие кое-где из расселин, и обходили зыбкие камни с зазубренными краями, время от времени встречавшиеся на пути.

«Могло быть гораздо хуже, — подумал он. — Теперь только бы не обжечься на солнце так, чтобы слезла кожа...»

— У меня для тебя есть еще более безумная мысль, — заговорила Анжела.

— Более безумная что? — переспросил Говард, судорожно пытаюсь вспомнить, о чем они только что разговаривали.

— Мысль. Чем твоя, насчет того, что Батлер послал нас сюда, чтобы мы достались этому психу.

— У тебя есть более безумная мысль?

— Может быть, этот псих — сам Батлер.

— Замечательно.

Анжела тихо и нервно хихикнула:

— Просто мысль. Я понимаю, она довольно странная. Когда общаешься с планшеткой, с то-

бой контактируют духи, так я понимаю?

— Да. Мертвецы. Призраки. Во всяком случае, это общепризнанное мнение.

— Мне этот парень показался самым что ни на есть живым, — заметила Анжела.

— Никакой он не призрак, это точно.

— Но с другой стороны...

— Сколько призраков среди моих знакомых?

— Он так и не прикоснулся к Дорис. Может, потому что не мог?

— Потому что он привидение?

— А почему мы знаем, что это не так? — спросила Анжела.

— Убедила. Но я не мог видеть сквозь него, это точно. И призраки обычно не расхаживают среди бела дня, так ведь?

— Откуда я знаю?

Говард покачал головой.

— Боюсь, это звучит малоубедительно. Тот парень шатался в набедренной повязке и очках.

— Только потому, что он не укладывается в наши стереотипы...

— Да понимаю, но все же.

— Тебе не кажется, что мы должны поделиться этой мыслью с остальными?

— Ты шутишь? Да они нас на смех подымут.

— Я совсем в этом не уверена. Взгляни на это со стороны. Все мы здесь из-за планшетки. Не думаю, чтобы у них хватило наглости наезжать на нас из-за призраков.

— Да они нас заклюют.

— Понимаешь, если бы этот парень был призраком, все было бы не так уж и плохо. Одно дело, когда поблизости рыщет живой маньяк с мачете, и совсем другое — когда это всего лишь привидение.

— Другими словами, если это призрак, то он не сможет по-настоящему зарубить нас.

Анжела усмехнулась.

— Совершенно верно. Или по меньшей мере я не думаю, что он сможет. То есть мачете тоже призрачное, правильно?

— Надо полагать.

— А значит, нам нечего бояться.

— Кроме возможности умереть от страха.

— И не будет никаких причин покидать это

место и бежать бегом назад к машине, понимаешь?

— Это правда. Если он, конечно, привидение.

— Так что нам все же следует поговорить об этом с другими.

— Дорис наверняка скажет, что мы выдаем желаемое за действительное, или что это отрицание, или еще что-нибудь.

— Ты тоже так думаешь?

— Если на то пошло, я считаю, что парень был самый настоящий. А ты разве нет?

Анжела поморщила нос.

— Думаю, все шансы на стороне этого. — Она прошла несколько шагов молча, а затем прибавила: — Значит, мы опять вернулись к тому, что он — маньяк.

— Да. И я считаю, что нам надо уносить отсюда ноги. Глупо было бы оставаться здесь на ночлег, когда рядом такое чудо.

— И просто забыть о сокровище Батлера?

— Как я уже говорил...

— Я знаю, мы все равно до него можем и не добраться. Ну а если сможем, Говард? Что, если

там куча денег, а мы убежим из-за этого парня? А мне бы они оченьгодились, понимаешь? Боюсь, я не смогу вернуться к Скерриту после вчерашнего, и...

— Тебе нельзя к нему возвращаться.

— Боже, да я и не хочу!

Услышав ее возгласы, Лана обернулась.

— Все нормально! — крикнула ей Анжела. Лана озабоченно нахмурилась, но затем кивнула и отвернулась, а когда она спрыгнула с валуна, Говард увидел, что каменистый участок закончился. Опередившие ее Дорис и Глен уже шли по тропинке, огибавшей озеро.

— Я должна остаться, — твердила Анжела. — Должна. Независимо оттого, какое решение примут Дорис или кто-нибудь еще, я должна остаться и отыскать сокровище Батлера.

— Если ты останешься, останусь и я.

— Это вовсе необязательно.

— Нет, обязательно!

Она взяла его за руку и пожала ее.

— Поживее! — донесся сзади голос Кита.

Не обращая на него никакого внимания, они

спрыгнули на тропинку. После горячего гранита земля показалась прохладной и пружинила под ногами от свалявшихся коричневых сосновых иголок.

Через несколько шагов они вошли под тень деревьев, и Говард почувствовал дуновение легкого ветерка. Он внимательно смотрел под ноги, стараясь не наступить на камень, ветку или шишку.

Группа перешла вброд быстрый ручей и вскоре приблизилась к поляне, на которой были оставлены вещи.

Дорис уже надела рюкзак и стояла над Гленом, который натягивал брюки.

— Ты точно покидаешь нас? — спросил ее Говард.

— Побегу без оглядки.

— Я пойду с ней, — промолвил Глен.

— Мы собираемся остаться, — сказал Говард.

— Хозяин барин, — бросила Дорис.

Говард повернулся к Лане, которая сидела на корточках возле своего рюкзака и копалась в нем.

— А ты? — спросил он.

— Я не ухожу, — ответила та. — Может быть, никто никуда и не уйдет.

— А ну попробуй меня остановить! — вспыхнула Дорис.

Лана извлекла из рюкзака кобуру, встала, повернулась и вытащила револьвер.

— Может быть, это заставит вас передумать. Дорис побледнела и широко открыла рот.

— Эй! — воскликнул Говард, уставившись на оружие.

— Вы двое можете бежать, если желаете, — промолвила Лана. — Но я не за тем сюда пришла, чтобы убегать от какого-то там чертова психа. Пусть только покажется — сразу поймает пару пуль.

— Девчонка в моем вкусе, — с улыбкой произнес Кит. — И откуда пушка, если не секрет?

— Я всегда беру ее на природу. На всякий пожарный.

— Ну вот и замечательно.

— Вот те на! — промолвил Глен, поглядывая на Дорис. — Это все меняет.

— Чудесно, — пробормотала Дорис. — Теперь,

надо полагать, ты уже не идешь со мной.

— Эй, послушай, — сказал он. — Я знаю, ты потрясена. Но нам теперь нечего бояться этого придурка. Бессмысленно уходить отсюда. У нас теперь есть пистолет.

— Подумаешь. Огнестрельное оружие — не панацея от всех бед.

— Мне этого вполне достаточно, — возразил Глен.

Дорис пристально посмотрела на него с печалью и укоризной. Затем заглянула в лицо каждому:

— Значит, никто не пойдет со мной?

— Мы останемся и помашем тебе вслед ручкой, — ответил Кит.

— Заткни хлебало! — рявкнул на него Глен, а Дорис сказала: — Я пойду с тобой, если ты твердо решила уйти. Но, понимаешь, у нас не будет пистолета, а тот козел может оказаться где угодно.

— Это верно, — подхватил Кит. — Он вполне может напасть на вас по пути назад.

— И если мы доберемся до машины, нам при-

дется ждать там. По меньшей мере пару дней.

— А может, и дольше, — добавила Лана. — Думаю, я могла бы дать вам ключи, чтобы вы могли запирааться на ночь.

— Нет, погоди, — запротестовал Кит. — А если они уедут?

— Не уедут.

— Да? Это кто сказал?

— Я сказал, — ответил ему Глен.

— Ах да, как же.

— Ладно, — угрюмо проронила Дорис.

Все обернулись на нее. Склонив голову, она стянула лямки с плеч и сбросила рюкзак.

— Забудьте об этом, — пробормотала она. — Я остаюсь. Ваша взяла. Довольны? Вы победили, вашу мать! — Она отвернулась, пнула ногой рюкзак и, обогнув его, зашагала к берегу.

Глен побежал за ней, застегивая на бегу ремень. Он не пытался ее окликнуть, а когда поравнялся с ней, просто положил руку ей на плечо. Резко повернувшись к нему, Дорис выпалила:

— Оставь меня в покое. — Затем бросилась на него, уткнулась лицом ему в шею, обвила руками

и крепко прижалась.

— Давайте одеваться, — тихо сказала Лана остальным. — Пора разбивать лагерь.

Глава 14

«Интересно, куда подевались дети?» — изумилась Кори. Всего минуту назад сидели вокруг стола, склонившись и положив пальцы на пластмассовую стрелку в форме сердца. Но сейчас их там не было.

«Должно быть, разошлись по домам», — подумала она.

Вот и славно. Мне все одно не хотелось, чтобы они играли в эту штуку.

Кори потянулась за стрелкой, но та шмыгнула в сторону.

— Этого дерьма мне еще не хватало, — промолвила она.

Как только стрелка замедлила движение, Кори еще раз попыталась схватить ее. Но стрелка снова отскочила в сторону, и пальцы глухо стукнули по картону. Стол вздрогнул.

— Прекрати, черт возьми!

Стрелка медленно скользнула по окружности и остановилась возле середины планшетки.

«Хочет, чтобы я посмотрела, — подумала Кори. — У нее для меня какое-то сообщение».

Сообщение, которое начинается с буквы «т».

— Ладно, «т», — произнесла она. — Продолжай.

Но стрелка не двигалась.

— Ты ведь хочешь сообщить мне что-то, не так ли?

Стрелка не шевелилась, и Кори нагнулась, чтобы посмотреть поближе. Она стала пристально всматриваться в прозрачное пластиковое окошечко, и на ее глазах буква «т» замерцала, стала разбухать и синеть, и вдруг это уже была не буква. Это был Джейк. Джейк в полицейской форме, со сдвинутыми ногами и вытянутыми в стороны руками, с окровавленным отверстием над левым глазом. Таким он, должно быть, выглядел после того, как получил пулю в лоб. Мертвый Джейк.

Ахнув, Кори попыталась сгрести стрелку в охапку. Но та подпрыгнула вверх, рука проскочила под ней и ударила Джейка. Кори вскрикнула. От удара его миниатюрное тело кувырком полетело по планшетке, хлопая руками и ногами.

А стрелка опустилась на тыльную сторону ее руки и вцепилась в кожу. Как так могло получиться? Кори дернула руку к лицу и увидела.

Фетровые подушечки на концах трех пластиковых ножек стрелки исчезли — вместо них появились крохотные человеческие ручки. Их загнутые крючком пальцы впились в кожу и начинали влажно краснеть.

Тыльной стороной другой руки Кори хлестнула по стрелке. От удара та полетела в сторону, потянув за собой тоненькие полоски окровавленной кожи, зажатые в стиснутых кулачках.

Кори подумала, что избавилась от этой ужасной штуковины.

Но стрелка приземлилась на ее колено.

«Это невозможно! — мелькнуло в голове Кори. — Я ведь стою».

Стояла. Но не теперь. Кори совершенно не помнила, когда она могла сесть, но сейчас сидела в кресле, а стрелка прилипла к ее колену.

Маленькие коготки впились в кожу, заставив Кори вздрогнуть от боли. И стрелка полезла вверх.

— Проклятье! — Кори попыталась смахнуть ее, но, к величайшему удивлению, обнаружила, что ее руки за спиной, в наручниках.

Нет!

Кто надел наручники?

Джейк? Невозможно. Он мертв.

Стрелка вползла на бедро. Двигалась неторопливо, с каждым шагом вонзая острые, словно иголки, коготки глубоко в кожу, все ближе пододвигаясь к подолу красной ночной рубашки, прикрывавшей лоно.

Я в ночной рубашке!

Нет! Этого не может быть!

Кори начала извиваться, изламываться и резко сводить ноги, но сбросить пластмассовое сердечко никак не удавалось.

Его тупой конец медленно накренился, коснулся кожи и стал проталкиваться под край ночнушки. Кори обмерла, сердце бешено застучало, и дыхание участилось.

Крохотные ручонки нащупывали дорогу и терзали ее когтями. Остальная часть стрелки скрылась из виду. Чертова пластмасса свернула в сторону и поползла вниз по внутренней поверхности бедра.

Кори плотно стиснула ее ногами.

Колени хлопнули, и она проснулась. . .

В первое мгновение Кори с досадой пожалела о пробуждении: хотелось знать, раздавлена ли стрелка. Затем поняла, что это не имело никакого значения — сон кончился, и стрелка уже не могла причинить ей вреда.

Теперь она сидела рядом с Чедом в своем автомобиле. Сидела прямо, широко раздвинув ноги, с силой сжимая их руками.

«Не совсем приличествующая леги поза», — подумала она.

На ней была не ночная рубашка из сна, а красные шорты с широкими, мешковатыми штанинами, прикрывавшими половину бедра.

По подбородку стекала тонкая струйка. С правой стороны, так что Чед мог и не заметить. Пригнув слегка голову, Кори вытерла слюну плечом блузки.

Затем подняла руки с бедер. Должно быть, она сильно сжимала их, потому что на коже остались красные отпечатки пальцев, а от ногтей крохотные серповидные вмятины.

Она посмотрела на Чеда, и их взгляды встре-

тились.

— С возвращением, — промолвил он.

— Господи, я так рада пробуждению. — Приподняв подол блузки, она смахнула капельки слез.

— Небось, приснилось что-то?

— Да. Спасибо за то, что разбудил, — с горькой иронией произнесла Кори.

— Я думал, что сон пойдет тебе на пользу. Кроме того, сны приносят облегчение.

— Неужели, — буркнула она.

— «Сны, что штопают обветшалый чулок жизни».

— Этот только сильнее распустил его.

— Прости. Наверное, мне следовало тебя разбудить.

— Была бы очень признательна.

— В следующий раз.

— Спасибо. Надеюсь, он никогда не представится. — Она начала растирать ладонями следы от ногтей. — На сколько я отключилась?

— На пару часов.

Кори кивнула. Хотя ей казалось, что спала

она всего несколько минут, положение солнца указывало на то, что надвигался вечер. Оно низко висело над западными холмами, купая леса в золотистой мгле: Склоны и долины кутались в темные тени. Машина впереди отбрасывала тень, перекрывавшую всю встречную полосу.

Кори посмотрела на часы.

— Четверть восьмого, — пробормотала она себе под нос. — Батюшки, не слабо я прикемарилась.

— Что тебе снилось?

Она покачала головой.

— Трудно сказать точно. Что-то связанное с планшеткой для спиритических сеансов. — От воспоминания Кори содрогнулась. Стараясь не привлекать к себе внимания, она медленно сдвинула колени и закинула ногу на ногу. — На меня нападала стрелка. У нее были маленькие ручки, и она ползла по мне.

— Нетрудно догадаться, почему тебе пригрезилось подобное.

— Неужто?

— Чтобы на тебя нападала твоя планшетка?

— Если я когда-нибудь отберу ее у этих крысят, сразу же сожгу эту чертову штуковину. Надо было сделать это давным-давно. Поверишь, их продают как салонные игры? И люди ими играют. словно это игрушки.

— Все дело в нашей культуре, — заметил Чед. — Мы, в сущности, довольно фривольно обращаемся со сверхъестественным. Во всем виноват Томас Эдисон.

— Да ну?

— Знаешь, пару лет назад на лыжной базе я встретил одну девушку. Беженку из Вьетнама. Ох, и рассказала она мне всякого. Просто кладезь жутких историй. По ее мнению, здесь, в Штатах, мы склонны пренебрегать сверхъестественным, потому что у нас так много света.

— Да, это чистое, хорошо освещенное место.

— Ты права, мамочка. А привидения не переносят света. Но там у них, во Вьетнаме, много темноты. И если будешь ходить по темным местам, непременно попадешь в лапы призракам. Местное население очень серьезно к этому относится. Родители там даже запрещают детям

играть в прятки, потому что злые существа поджидают как раз в тех местах, где лучше всего прятаться.

— Вроде вьетконговцев?

— Не думаю, чтобы их так пугали вьетконговцы. Анна — так звали девушку — рассказала мне об одной своей знакомой девочке, которая послушалась родителей и решила поиграть в прятки однажды вечером. Ее друзья долго искали ее, но так и не нашли. А обнаружили девочку только через несколько дней. Кажется, во рву или канаве или в чем-то наподобие этого. Во всяком случае, она была мертва. Скончалась от удушья. Рот ее был забит землей. Когда произвели вскрытие, обнаружилось, что девочка вся буквально нафарширована грязью. Под завязку. Пищевод, желудок, горло...

— Боже, какая жуть.

— Вот что случается, когда прячешься в темном месте.

— Теперь больше никогда не буду играть в прятки.

— Как бы там ни было, но Анна еще расска-

зала мне, что у них есть вьетнамский эквивалент нашей планшетки. Только они эту штуковину называют по-другому. И, судя по ее рассказам, в массовое производство этот предмет еще не запущен. А поступают они так: откапывают гроб девственницы и берут его крышку. Она не сказала, что используют в качестве указателя...

— Наверное, кость...

Чед улыбнулся.

— Что бы там ни было. Отрезанный палец.

— Фу, как грубо.

— Но я думаю, они пишут алфавит или что там у них имеется на крышке гроба, затем собираются вокруг и задают вопросы. Это гадательное приспособление точно такое же, как наша планшетка.

Кори почувствовала, что дрожит.

— Боже, у меня выступила гусиная кожа, — сказала она, растирая руки. — Не знаю, то ли от твоего рассказа об игре в прятки, то ли от упоминания о крышке гроба, но...

— От подобного и у меня мурашки ползут по коже. От одних разговоров. Но ты бы услышала

Анну. Ты была бы по-настоящему потрясена, потому что она верит каждому слову. И по тому, как все это рассказывает, видно, что это путает ее. Но здесь у нас ей очень нравится. «Слишком светло для духов, — говорит она. — В Соединенных Штатах нет призраков». — Чед тихонько засмеялся. — Думаю, чушь собачья. Но, мне кажется, в чем-то она права. Легко быть скептиком, пока не сталкиваешься с темнотой. Довольно скоро перестаешь верить в то, что рядом может быть что-то такое: чудовища, или призраки, или демоны. Стоит потерять веру в это, и на очереди потеря веры в Бога.

Кори покосилась на него.

— Надеюсь, ты не собираешься цитировать Писание?

— А ты омылась в крови Агнца?

— О Господи!

— Богохульница.

— Сам такой.

Чед поднял руку, словно призывая ее остановиться:

— Я провел много времени вдали от света,

вот и все. И это не проходит бесследно. Очень скоро обнаруживаешь, что в жизни есть немало загадочного, что не сразу бросается в глаза. Мне кажется, это нечто такое, о чем многие люди, как правило, забывают, живя в городе.

— Если только не балуются с планшеткой.

— Верно, верно.

— Она напоминает нам о том, что где-то есть еще что-то. Может быть, это совсем не то, о чем бы тебе хотелось знать, но оно существует. Ждет, пока ты его позовешь.

— «Протяни руку и обязательно на кого-то наткнешься».

— Да, — улыбнулась Кори. — Может, нам начать выпускать рекламные плакаты типа «Принесите планшетку в дом и ощутите вкус темноты». — Улыбка сошла с ее лица, и она пристально посмотрела на Чеда. — Их действительно следует делать из крышек гробов.

... Когда в доме погас свет, с телевизионного экрана исчезло «Еженедельное футбольное обозрение», и Джейк пробормотал:

— О, блин! Ну что ты на это скажешь!

Кори, готовившаяся к завтрашнему уроку, посвященному «Отелло», ответила:

— «Погаси свет, и свет погаснет».

— Но ради Бога, — вставил Чед, — не гаси телик.

— Веселенькое дельце.

На улице была гроза и сильный ветер, и Кори сомневалась, что причиной отключения электроэнергии был перегоревший предохранитель. Но она отложила книгу и тетрадь в сторону, поднялась из кресла и осторожно прошла через темную комнату. За дверью порыв ледяного ветра распахнул халат, раздул его за спиной, заполоскал ночнушку и скользнул под нее.

Улицы не освещались, и соседние дома лежали в темноте.

Кори увидела то, за чем выходила, но задержалась на пороге, наслаждаясь свежестью. От холода тело покрылось гусиной кожей, и ее охватила дрожь. Порывы ветра напоминали невидимые руки, исследующие и ласкающие тело.

Она представила себе, как выбегает на лужай-

ку перед домом. Нагая. Ветер обтекает ее со всех сторон, по спине хлещет дождь. Она видит догоняющего ее Джейка. Тот ставит ей подножку, и она растягивается на прохладной мокрой траве. Джейк хватает ее за ноги и быстро взбирается на нее. Когда она поднимается на четвереньки, он уже сидит на ней верхом.

«Точно сцена из “Любовника леди Четтерлей”, — подумала она.

А где будет находиться все это время Чед? Стоять в дверях и наблюдать за ними?

Нет, такого он не сделает из робости.

Бедняга не будет знать, куда себя деть.

«А что, если в это время Джейк будет на дежурстве? — мелькнуло в голове. — А я вот так выскочу на дождь? Чед меня просто проигнорирует, притворится, что ничего не происходит, или...»

— Ты рехнулась? — выкрикнул Джейк. — Закрой эту проклятую дверь.

С большой неохотой Кори попятилась в дом и прикрыла дверь. Порывистые грозовые звуки присмирели. Неподвижный воздух в доме пока-

зался таким теплым и безопасным. Но буря заронила в нее какую-то частицу своей необузданности.

— Темно во всем районе, — сообщила она.

— Я уже догадался.

— Почему бы нам не заняться чем-нибудь увлекательным?

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался Джейк. В его голосе все еще чувствовалось раздражение из-за пропущенной игры, но и проскользнула нотка любопытства.

— Ну, не знаю. Давай побегаем голышом под дождем.

— Скажешь еще.

Чед, невидимый в темноте, промолчал.

— Можно сесть кружком и рассказывать истории о привидениях.

— Звучит прекрасно, — донесся голос Чеда.

— А, бросьте, — возразил Джейк. — Сделай лучше что-нибудь полезное, например, принеси несколько свечей.

— Вечно ты портишь всем настроение.

— Я пойду с тобой, — отозвался Чед.

Она услышала, как скрипнуло кресло. Через несколько мгновений из темноты выплыла широкая тень.

— Я здесь, — окликнула его Кори.

— Вижу.

Она взглянула вниз. Халат все еще был распахнут. Следовало бы запахнуть его, но совсем не хотелось этого делать.

Велика беда. Что он, ног не видел, что ли?

Потянувшись, она взяла его за руку, и они вместе вышли в кухню.

— Может, поиграем в карты? — предложил он.

— Это не очень интересно, — заметила она и, отпустив его руку, присела на корточки, открыла буфет и стала шарить рукой внутри. — Нужно заняться чем-нибудь таким. . . ну, не знаю. . . более подходящим для темноты.

— Вроде спиритического сеанса?

— Думаю, тебе нужен настоящий медиум.

— Я не подхожу. Слишком огромная туша.

Кори засмеялась, и в этот момент ее рука нащупала коробку с целой коллекцией начатых све-

чей.

— Знаю! Нужна планшетка!

— Старая планшетка Джейка? Вы сохранили ее?

— Конечно. Джейк ничего не выбрасывает.

Когда она вытащила коробку и встала, Чед сказал:

— В детстве мы постоянно дурачились с нею. Она в самом деле способна напугать до смерти.

— Отлично. — Кори положила коробку на разделочный стол и, зачерпнув из нее пригоршню свечей, шагнула в сторону. Все, кроме одной, сунула в карман халата. — Возьми и ты несколько, — промолвила она и отошла к плите.

Там включила конфорку и подожгла фитиль свечи. Затем выключила газ и повернулась лицом к Чеду.

— Хочешь, я воспламеню тебя?

В дрожащем свете она увидела, как его лицо исказилось.

— Боже, Корин.

— О, не смущайся так. Я просто пошутила.

— Знаю, знаю. — Он наклонил свечу к ней.

Когда Кори поднесла к его свече свой огонек, то увидела, как вибрировал ее кончик.

— Господи, — прошептала она. — Погляди, как ты дрожишь. Что случилось?

— Ничего. Просто немного нервничаю.

— Из-за грозы? Или темноты?

Он пожал плечами:

— Наверное, и то и другое сразу. Не знаю.

Кори пришлось придержать его руку, пока она зажигала ему свечу.

«Просто он большой ребенок, — подумала она. — Как все мужчины. Они вырастают, но внутри у них всегда живет маленький мальчик, боящийся темноты и миллиона других вещей, а больше всего боящийся показать свой страх».

И она слегка стиснула его руку:

— Это ты сейчас думаешь, что нервничаешь, а подожди, вот сядем за планшетку. . .

Обойдя Чеда, она повела его в гостиную.

— Мы подумали, а почему бы не достать планшетку и. . .

Кресло Джейка возле телевизора оказалось пустым.

Внутри у нее что-то резко оборвалось.

Ушел!

В первое мгновение Кори представила, что он действительно ушел. Покинул свое кресло и ушел из дома, навсегда ушел из ее жизни.

«Безумная мысль, — быстро сказала она себе, чтобы пресечь приступ паники. — С ним все в порядке. Наверное, пошел в туалет. Или дурачится».

Из-за кресла вынырнула темная тень -Джейк на четвереньках.

— Берегись Зверя Бури! Он пришел за тобой! — И он бросился на нее.

— Не нужно! Я серьезно. У меня в руках свеча.

Но Джейк с рычанием накинулся на Кори. Руки его обхватили икры, а голова боднула в ноги.

— Джейк! — вскрикнула она, теряя равновесие. Его руки взметнулись вверх по ногам и схватили за ягодицы, удержав ее от падения. Голова нырнула под ночную рубашку.

— Джейк!

— Все нормально, — слышался голос Че-

да. — Я выйду из комнаты.

— Совсем не нормально. Джейк, прекрати! Я вполне серьезно. — Она стукнула костяшками пальцев по его макушке через отдувавшуюся ночнушку.

— Ай!

— Я же сказала тебе, не сейчас. Перестань, Чед смотрит.

«Он отвернулся», — поняла она.

Чед стоял совсем рядом, держал в руке свечу, и смотрел в другом направлении. Отвел глаза. Наверное, совершенно смутившись.

— Подсматриваешь, Чедвик?

— Она попросила тебя прекратить, — ответил тот. — Мне кажется, тебе так и следует поступить.

— Какие вы зануды. — Джейк сильно, до боли, стиснул ей ягодицы и отполз назад.

Кори резко запахнула халат и завязала пояс. Она знала, что покраснела.

Джейку не следовало этого делать. Тем более в присутствии своего брата.

И он не имел никакого права делать ей боль-

но.

— Я поищу игру, — промолвила она.

Остановившись перед полками, она начала искать планшетку, медленно передвигая свечу и освещая книги и стопки журналов, фотографии в рамках, спортивные призы, разные безделушки и несколько игр. Коробку с планшеткой для спиритических сеансов она нашла на нижней полке в самом углу комнаты.

Когда Кори обернулась, то увидела Чеда с двумя зажженными свечами и Джейка еще с двумя. Мужчины склонились над журнальным столиком, капая воском на пластмассовые подставки для стаканов.

— Этот стол подойдет? — спросил у нее Джейк.

Столик был низким, и им придется сидеть на полу. Но Кори не хотелось играть в кухне, а переносить карточный столик в гостиную было весьма хлопотно.

— Подойдет, — ответила она.

Она выделила братьям еще несколько свечей из своего запаса и, пока те зажигали их и

устанавливали на подставках, вынула из коробки планшетку и стрелку. Планшетку она положила у края столика.

— Может, прихватишь ручку и бумагу, прежде чем мы усядемся, — распорядился Джейк. — И фонарик.

Кори взяла свечу и пошла за ручкой и бумагой. Когда она вернулась, Джейк и Чед уже сидели на полу по обе стороны столика. Сразу за верхним краем планшетки стояло четыре свечи. Другие свечи были установлены по бокам дивана. По комнате разливалось мягкое золотистое сияние. Но большая ее часть была погружена во мрак.

— Обстановка самая что ни на есть подходящая, — заметила Кори.

«Озаренная свечами комната могла бы показаться романтической», — подумала она. Но присутствие планшетки придавало ей жутковатый вид, и Кори почувствовала, как по спине у нее поползли мурашки. Опустившись на пол у торца столика, она скрестила ноги.

— Сколько лет мы уже этим не занимались, —

промолвил Чед.

— Помнишь Мону? — спросил Джейк.

— О Боже, конечно. Перепугала меня до смерти.

— Только это был не испуг, а ревность, потому что я ей нравился больше.

— Уму непостижимо.

Джейк опустил стрелку на планшетку, и каждый из них положил по пальцу на прохладный пластик.

— Мона поведала нам, что ее убил возлюбленный. Она умерла без детей. Об этом она сокрушалась больше всего — что так и не родила ребеночка.

— И она хотела, чтобы Джейк устранил эту несправедливость.

— Вы шутите? — пробормотала Кори.

— Он был по уши в нее влюблен.

— Чушь, — возмутился Джейк.

— А вот и нет. Ты не мог дожидаться, пока она явится во плоти однажды ночью.

— Ерунда.

— Это правда.

— Если желаешь знать настоящую правду, то Моны даже не существовало. Я ее выдумал и сам двигал стрелку, заставляя ее говорить всю эту ерунду. А какие мы были доверчивые! Ты все это проглотил. А Моны никогда и не было.

— Ага, — возразил Чед. — Верно. Тогда почему ты избил меня до полусмерти, когда я спрятал планшетку?

— А мне просто нравилось колотить тебя до потери сознания. — Джейк широко улыбнулся Кори. Вытянувшиеся губы и обнаженные зубы в мерцающем свете свечей выглядели зловеще. — Боже, мне действительно удалось расшевелить Чеду. Он был так напуган, что спрятал планшетку на чердаке, и мы не могли найти ее до...

Он осекся, потому что стрелка пришла в движение.

— Надеюсь, это не Мона, — пробормотал Чед.

— Мы потеряли ее после переезда, — тихо промолвил Джейк, когда стрелка описывала небольшие круги.

— Ты вроде бы сказал, что она не существовала, — напомнила ему Кори.

— Да, верно. Не существовала.

— Тебе не обязательно было...

Стрелка остановилась.

— ... врать об этом.

Все разом наклонились вперед. Света от четырех свечей, установленных за верхним краем планшетки, было достаточно, чтобы рассмотреть букву под приподнятым пластмассовым сердечком.

— Я, — прочитала Кори. Стрелка вновь приходила в движение и останавливалась в разных местах планшетки, формируя свое сообщение, а Кори вела записи правой рукой.

Когда стрелка вроде бы закончила, Кори наклонила блокнот, чтобы поймать свет.

— Я-О-Д-И-Н-К, — прочитала она. — Я одинок? — Она почувствовала холодный ком в животе.

Может, вернулась Мона? Почему Джейк со-
врал о ней? Перестань, это всего лишь планшетка. Игра. Успокойся.

С трудом выдавив из себя улыбку, она произнесла:

— Кто бы это ни был, с грамматикой у него нелады.

— Кто ты? — спросил Джейк.

Кори зачитывала вслух буквы по мере того, как стрелка останавливалась.

— Т-Ы-М-Е-Н-Я-З-Н-А-Ш. «Ты меня знаешь».

— Кто знает? — переспросил Джейк.

— Т-Ы.

— Господи, — буркнул Чед. — Может, это действительно Мона.

Холод в животе Кори усилился и начал распространяться дальше.

— Наверное, не такая уж это была замечательная мысль сесть за планшетку, — промолвила она.

Не обращая на нее внимания, Джейк спросил:

— Кто ты?

— Х-О-Ч-У-Т-Е-Б-Я.

— Меня? Зачем?

— О-Д-И-Н-К.

Дрожащим голосом Кори спросила:

— Это Мона?

— Эй, я же сказал тебе, что она не...

Стрелка подвела их руки к верху планшетки, к луне в углу. К ответу «нет».

— Слава Богу, — вздохнула Кори.

Джейк нервно хихикнул:

— Видишь? Это не Мона. Нет никакой Моны. Так кто же ты? — спросил он.

Стрелка вновь задвигалась, и каждый раз, когда она останавливалась, Кори выговаривала букву.

— Д-Ж-Е-С-С-В-А-Ш... — Затем она потеряла дар речи. Словно получила удар под ложечку: вдруг не стало хватать воздуха и бешено заколотилось сердце. Она отдернула руку от стрелки. Под пальцами Джейка и Чеда та продолжала перемещаться и останавливаться, показывая следующие буквы, ей уже известные.

В ушах ревел прибой. Сквозь его шум Кори услышала шепот Джейка:

— Джесс Вашингтон.

— О черт! — воскликнул Чед и, убрав руку, посмотрел вначале на Кори, а затем на Джейка. — Давайте положим планшетку назад в коробку.

Джейк энергично закачал головой.

— Чего ты хочешь, Джесс? — спросил он официальным тоном. Тем, которым говорил на службе, но редко в присутствии Кори. С суровыми интонациями. Словно Джесс был живой подозреваемый, а не дух вооруженного грабителя, которого Джейк пристрелил за три месяца до этого.

Кори с ужасом наблюдала за тем, как стрелка водила руку мужа по затемненной планшетке.

— Записывай! — приказал он жене.

— Джейк. . .

— Делай, что тебе говорят.

Кори подчинилась.

После того как стрелка окончательно остановилась, она стала всматриваться в то, что записала.

— Т-Ы-Б-Ы-С-Т-Р-У-М-И-Р-А-Т-К-А-К-Р-О-Л-И-К. Не могу ничего понять.

— Дай-ка взглянуть.

Она передала блокнот Джейку. Тот поднес его к одной из свечей и долго присматривался, хмуря лоб. Затем уголок губ полез вверх.

— Кажется, до меня дошло, — произнес он. —

«Ты умрешь быстро, как кролик». — Он ухмыльнулся планшетке. — Не дожدهшься, задница.

И вернул блокнот Кори.

— Следи внимательно, — сказал он.

— Не делай этого больше!

— Мне не терпится услышать все, что этот подонок хочет мне сказать.

Стрелка заметалась по планшетке.

— У-В-И-Д-И-М-С-Я-В-А-Д-У.

Через восемь дней Джейк наткнулся на вооруженное ограбление в одном из ювелирных магазинов. В ходе перестрелки 9-миллиметровая пуля вошла ему в лоб над левым глазом, пробуравила туннель в мозгах и вышла через затылок.

— . . . Если бы их делали из крышек гробов, — промолвила Кори, — может быть, тогда люди поняли бы, что эти чертовы штуковины не игрушки.

— И стали бы их использовать в качестве досок для серфинга.

Глава 15

Склонившись над кружкой, Кит подул на горячий кофе и отпил глоток. Затем оглянулся через плечо в темноту за костром.

— Интересно, чем занимается сейчас наш приятель?

— Переодевается в меховой гульфик, — сострил Глен.

— Неудачная шутка, — пробормотала Дорис.

— Если у него есть хоть крупица здравого смысла, — заметила Лана, — то сидит сейчас, укутавшись, у костра, как мы.

— Гаубица, а почему бы тебе не пройтись посмотреть — может, углядишь его огонек.

Говард начал подниматься.

— Не обращай на него внимания, — сказала Лана.

— Ничего, схожу. Я все равно собирался пойти посмотреть. — Говард оседлал бревно, а затем соскочил с него. Прочь от жары костра. И еще от едкого дыма. Как бы сильно ему ни нравился запах горящих дров, это было уже слишком. С самого возвращения к костру после мытья посуды от ужина, дым все время задувал ему в лицо,

словно предпочитая его всем остальным.

Говард вдохнул полной грудью, наслаждаясь чистым ночным воздухом.

— Хочешь, пойду с тобой? — спросила Анжела.

— Конечно.

Пока она преодолевала разделявшее их бревно, Говард растирал через брюки замерзший и немного онемевший зад.

— Не отходите далеко, — предостерегла Лана.

— Если бы у вас было хоть немного ума, — добавила Дорис, — вы бы вообще никуда не ходили. Задумайтесь на секунду: он может быть где угодно.

Говарда это не волновало. Он знал, что Дорис права. Этот тип мог притаиться в любом месте, куда не доходил свет костра. Быть может, даже наблюдал за ними из-за деревьев. Или прятался возле одной из палаток. Или присел в прибрежных камнях.

Анжела взяла его за руку.

— Куда пойдём?

— Спустимся к озеру?

— Конечно, — согласилась она, и они пошли. — Мне будет уютнее, если мы не потеряем из виду остальных. Ох и натерпелась я страху, когда собирали валежник для костра.

— И я тоже, — признался Говард. — Но парень этот скорее всего исчез навсегда. Готов поручиться, что Лана права. Вероятно, он греется сейчас где-нибудь у костра.

— В своей меховой вещице.

Говард рассмеялся. Но грудь неприятно сдавило и по телу пробежала дрожь.

— Уверен, на нем сейчас чуть побольше одежды.

— Хотелось бы надеяться. Как я довольна, что ты купил мне эту куртку.

— Ты не мерзнешь?

— Во всяком случае, сверху. У меня такое ощущение, словно мои тренировочные брюки не преграда для ветра.

— А ты не хочешь надеть что-нибудь еще?

— Нет. Тогда, видимо, будет слишком жарко там, у костра. Мы идем к нашему камню?

— К нашему камню. Именно о нем я и поду-

мал.

Они ступили на гранитную плиту и сделали несколько мелких шажков по ее скату, прежде чем Говард одернул Анжелу.

— Постой, а то свалимся в воду.

— Да, ничего хуже и представить себе невозможно.

— Удовольствия мало.

Она отпустила его руку и прислонилась к нему. Затем Говард почувствовал, как ее рука нежно легла ему на спину и обвилась вокруг поясницы. И он обнял ее за плечо.

— Как здесь прекрасно, — тихо промолвила она.

— Разве? — Ночное небо было усеяно звездами. По нему проплывало несколько клочковатых облачков, белеющих в свете полной луны. На поверхности воды блестела серебряная дорожка. Гранитные глыбы на другом берегу озера словно кто-то обмакнул в молоко.

«На самом деле — красиво», — подумал Говард. Но затем в глаза бросились черные пятна на дальнем склоне, и он вдруг поймал себя на

том, что высматривает одинокую человеческую фигуру.

Медленно поворачивая голову, Говард обвел взглядом долину в поисках костра.

Единственный костер был у них за спиной.

Удивительно, как отчетливо можно было разглядеть сидевших вокруг него: Лану, Кита, Глена и Дорис. Каждая деталь ярко освещена и как на ладони. «Удобные мишени», — мелькнуло у него в голове.

— Я не ночевала в палатке с самого детства, — нарушила молчание Анжела. — И не помню, чтобы было так хорошо.

— Где это было?

— А, понятия не имею. Где-то вот в таких же горах. Мне было всего четыре года.

— Это очень юный возраст, так что удивительно, как ты вообще хоть что-то смогла запомнить.

— Все как в тумане. Но тогда еще была жива моя мама. Какую-то часть пути она несла меня на себе. Это последнее, что я о ней помню, — она несет меня на спине, а вокруг горы, горы.

Кроме этого помню лишь то, как была напугана и хотела поскорее домой, в безопасность.

— Нетрудно представить, что дикая природа кажется ребенку в таком возрасте ужасно необычной и пугающей.

— Да.

«Надо ли спрашивать, что случилось с ее матерью?» — терялся в догадках Говард. Очень не хотелось. Это могло ее расстроить. С другой стороны, если притвориться, что он не обратил внимания на упоминание о ее маме, Анжела может посчитать его равнодушным.

— Твоя мать умерла? — спросил он.

Анжела кивнула:

— Думаю, это случилось спустя несколько дней после нашего возвращения из того похода в горы. Она вышла за блоком сигарет и попала под машину.

— Мне очень жаль.

— Спасибо. Мне тоже. Хуже всего, что это произошло, когда я была еще слишком маленькой, и я ее едва помню. А как бы мне хотелось узнать ее поближе.

— Это ужасно.

— Ничего не напишешь.

К горлу Говарда подступил комок.

Анжела легонько похлопала его по бедру.

— Во всяком случае, это была моя единственная встреча с дикой природой до нынешнего момента. Если бы я знала, что это может быть так. . .

— С бегающими вокруг психами. . .

— Да, но психи встречаются повсюду. Мне так они попадаются всю жизнь. — Она произнесла последнюю фразу так, словно это было простое наблюдение. Говард не уловил страха или жалости к себе в ее голосе.

— Ты имеешь в виду таких, как Скеррит?

— Скеррит, да. Но он не единственный, и не самый худший. — Она повернулась к нему. Месяц припудрил ее лицо, по которому скользнула кривая улыбка. — Не иначе, я их притягиваю.

— Тогда, пожалуй, и я сумасшедший. Потому что меня к тебе тянет.

Анжела прильнула к нему и, когда он обнял ее, запрокинула назад голову и закрыла глаза. Го-

вард нежно прикоснулся ртом к ее губам. Таким мягким, теплым и открытым. Когда она сильнее прижалась к нему, он почувствовал нажим маленьких упругих грудей и ощутил, как вздымается и опускается ее грудная клетка при дыхании. Горячее дыхание обожгло ему рот.

Анжела дрожала. Дрожал и Говард.

— Замерзла? — прошептал он ей в губы.

— Немножко. А ты?

— Да, — тихо ответил он, прекрасно зная, что холод был не единственной причиной дрожи. — Не пора ли вернуться к костру?

В ответ она крепко стиснула его в объятиях и впилась в губы. В этом порыве было что-то, напоминавшее отчаяние.

«Боже мой, — думал он. — Это невероятно. Почему она себя так ведет?»

Почему выбрала меня? Не такой уж я особенный.

Пожалуй, считает меня таким.

Уверен, позволит мне сделать все, что ни пожелаю. Ночью, когда все уснут. . .

Она доверяет мне. Вот в чем дело. И я не мо-

гу этим воспользоваться. Не смогу сделать ничего такого, что заставило бы ее усомниться во мне. Если всю жизнь она натывается на сумасшедших...

Что, черт побери, она хотела этим сказать?

Что значит. «Скеррит не самый худший»?

Анжела ослабила объятия, медленно отняла губы и повернула голову к лагерю.

— Как ты думаешь, они нас видят? — прошептала она.

Сердце Говарда застучало, в ногах появилась слабость.

— Может быть. Луна ужасно яркая.

— Мы могли бы немного отойти.

— Не знаю. — Неожиданно для него самого голос стал хриплым и дрожащим. — Тот тип может быть где-то поблизости. Или они начнут волноваться и пойдут искать.

— Это я просто так.

— Наверное, нам лучше вернуться.

— Пожалуй, да.

«Я ненормальный, — в сердцах подумал он, ведя ее вверх по камню. — Она хотела уединиться

со мной, а я отговорил ее от этого! Да что со мной такое?»

Струсил, вот что. Струсил и все испортил, черт побери!

Когда они спрыгнули на берег, он посмотрел на Анжелу. Она заглянула ему в глаза, выдавила из себя легкую улыбку и отвернулась.

О Боже, наверное, решила, что я пошел на попятную, потому что не хочу быть с ней.

— Просто это было бы небезопасно, — пробормотал он.

— Да, ты прав. Я знаю. Это была глупая мысль.

— Если бы не этот парень...

— Все нормально, Говард. Правда.

Вовсе не нормально. Каким-то образом она поняла правду. Что он испугался. Но не того незнакомца, а ее.

Как могла она догадаться? Она ведь не телепат.

Анжела пожала ему руку, словно желая успокоить. Затем, не поднимая глаз, промолвила:

— Ты же знаешь, я не кусаюсь.

Она все же телепат.

Говарду захотелось провалиться сквозь землю. И в то же время им овладело страстное желание снова обнять ее.

— Ты, наверное, подумала: «Какой он трус?»

— Ничего подобного.

— Да, я трус.

— Ну и что, ты подумал, я тебе сделаю?

Краска ударила ему в лицо.

— Не знаю.

Забежав вперед, она развернулась и пошла назад. По ее подпрыгивающей походке Говард заключил, что настроение у нее довольно веселое. Вероятно, Анжела улыбалась, но лица совершенно не было видно — из-за костра оно выглядело черным.

— Если ты не знаешь, — бросила она, — тогда чего же боишься?

— Не знаю.

— Да знаешь.

— Нет, не знаю.

— Сказать тебе, что я хотела сделать?

— Скажи.

Анжела всплеснула руками:

— Тьфу ты, не помню. Какая жалость. Господи, а минуту назад знала.

— Анжела.

Рассмеявшись, она резко повернулась на месте. Держалась она на несколько шагов впереди, но постоянно оглядывалась через плечо, пока не вошла в свет костра.

— Увидели там что-нибудь? — осведомилась Лана.

— Нет. — Анжела занесла ногу над бревном и села на него.

— А мы видели, — объявил Кит. — Правда, Глен?

— Да, да, да.

— Тогда раскошеливайся.

Говард присел рядом с Анжелой.

— Мой бумажник в рюкзаке, — пробурчал Глен. — Заплачу позднее.

— А, хочешь увильнуть. Выкладывай сейчас.

Бубня себе что-то под нос, Глен поднялся на ноги и поплелся вокруг костра.

Китрасцвел.

— Я уже стал богаче на пять баксов, а мы еще даже не нашли сокровища.

— Они поспорили на то, что вы будете целоваться, — доложила Дорис. — Восхитительные парни, да?

Говард почувствовал, как краска бросилась ему в лицо, а уши вспыхнули. Он взглянул на Анжелу. Лицо девушки было красноватым, но это, видимо, лишь отсвечивал костер. Неловкость никак не сочеталась с такой широкой улыбкой.

— Я предупреждала Глена, что не видать ему своих денежек, — вставила Лана. — Знала, что вы сделаете это.

— Замечательно, — буркнул Говард, к своему удивлению обнаруживая, что к досаде и смущению подмешивалась и определенная гордость. Возможно, и Анжела чувствовала то же самое, и поэтому улыбалась так, словно была чрезвычайно довольна собой.

Она отклонилась назад и посмотрела мимо него. Повернув голову, Говард увидел, как Глен выполз из палатки и заковылял к костру. В руке у него трепетала на ветру пятидолларовая купюра.

— Тебе не следовало ставить против нас, — сказала ему Анжела.

— Думал, ни у кого из вас не хватит духу сделать первый шаг.

— Я сейчас процитирую, — вмешался Кит. — «Если они захотят попробовать, то у них ничего не получится».

— Огромное спасибо, Глен, — произнес Говард.

Анжела неожиданно закинула ему руку на затылок, притянула к себе его голову, чуть развернув ее, и вопросительно заглянула в глаза.

Ты шутишь?

Улыбка исчезла с ее лица, и она прильнула приоткрытыми губами к его губам, мягко расплющив их. Когда язык протиснулся к нему в рот, у Говарда перехватило дыхание.

Прямо перед всеми.

Что на нее нашло?

Он был шокирован, смущен — и голова затуманилась от волнения.

— Вот это да! — воскликнул Кит. — Не робей!

— Зов природы, — прокомментировал Глен.

— Руку на сиську, Гаубица.

— Прекрати, Кит! — возмутилась Лана.

— Удваиваю ставку против того, что он это не сделает, — выпалил Глен.

Говарду показалось, что тело девушки немного напряглось. Словно из страха, что он действительно так поступит. Но она не отстранилась.

«Оставляет решение за мной», — понял он.

— Вы, друзья, больные, — бросила Дорис.

— Ну, чего вы? Принимаете ставку?

— Это ты напрасно, — сказал ему Кит. — У Гаубицы не хватит духу. Только не на такое.

Говард почувствовал, что Анжела слегка кивнула. В первое мгновение ему показалось: она соглашается с Китом в том, что он не осмелится прикоснуться к ее груди. Потом понял, что она таким образом давала ему свое согласие. «Сделай это, если тебе хочется, Говард. Я не против. Вперед и покажи им, что ты не трус».

«Только не так, — подумал он. — Не на пари. Не для того, чтобы что-то доказать этим олухам».

И слегка покачал головой, так, чтобы Анжела

поняла.

Она отняла губы и еще раз легко поцеловала его коротким касанием влажных губ. Затем ее лицо вновь засветилось улыбкой. Она чуть отодвинулась назад и вытерла рот рукавом ветровки.

Кит протянул в сторону руку и выдернул банкноту из руки Глена.

— Большое тебе спасибо.

— Не так быстро, — промолвил Глен. — Твоя порция этого будет стоить пять баксов. — Он расстегнул змейку своей куртки, погрузил руку в свисавший на тренировочной кофте мешочек и вынул оттуда бутылку бурбона. — Надежное средство против холода.

— О Боже! — пробормотала Дорис, закатывая глаза.

— Годится! — расплывшись в улыбке и закивав головой, Кит сунул пятерку назад Глену.

— Он заплатил за всех, — объявил Глен.

— Не могу в это поверить, — пробормотала Дорис. — Лана, неужели ты позволишь им напиться?

— Я же не их мать, — и с ярко выраженным ирландским акцентом прибавила: — Я и сама не прочь хлебнуть чуток.

Говард засмеялся:

— Какая прелесть!

— А, спасибо те, дорогуша.

Глен свернул пробку, отхлебнул глоток и передал бутылку направо, Дорис, одиноко сидевшей в стороне на пне спиной к озеру. Та презрительно хмыкнула:

— Мне не надо, спасибо.

— Нам больше останется, — заметил Кит.

— Просто возьми и передай Анжеле.

Кивнув, Дорис взяла бутылку, наклонилась в сторону Анжелы и вытянула руку.

— Спасибо, — поблагодарила Анжела и поднесла бутылку к губам. Через мгновение после глотка скривилась и вздрогнула. Затем, выпятив губы, шумно выдохнула. Глаза ее заблестели. Они слезились. Осипшим голосом она произнесла: — Хороша отравка!

И передала бутылку Говарду. Тот сделал небольшой глоток. Прохладный во рту, бурбон,

казалось, воспламенился в горле. Говард сделал глубокий вдох. Его глаза тоже заслезились.

Лана сидела слишком далеко. Говард встал, обошел вокруг костра и отдал бутылку ей.

— Спасибо, — промолвила она и отпила глоток. К тому времени, когда Говард вернулся на место, Кит уже поднимал бутылку.

— Умно вы поступаете, напиваясь, — донесся голос Дорис. — Одному Богу известно, где сейчас этот ужасный тип. Может быть, как раз следит за нами.

— Если следит, — откликнулся Кит, — мы должны предложить ему глоток. Эй, приятель! — закричал он. — Шварценеггер, Рэмбо, как там тебя! Подходи и выпей с нами!

Какое-то мгновение все сидели тихо и неподвижно, словно ожидая ответа из темноты.

— Вы только посмотрите на него, — заметила Дорис. — Он еще не напился, а уже ведет себя как debil.

Кит широко улыбнулся и передал бутылку Глену.

— Значит, еще от пары глотков хуже не ста-

нет, правильно?

Хлебнув из бутылки, Глен хмуро взглянул на Дорис.

— Сделай мне одолжение, — попросил он серьезным тоном. — Я знаю, что ты считаешь меня грубым кретином и все такое. Но тебе придется признать тот факт, что это я вытащил тебя сегодня из озера. Так что ты моя должница.

— Как сказать.

— Выпей с нами. В качестве личного одолжения. Ты от этого не умрешь, а почувствуешь себя лучше.

— Очень в этом сомневаюсь.

— Я твердо убежден, — продолжал Глен, — что где-то внутри тебя сидит приятная молодая женщина.

Дорис ухмыльнулась.

— Я отвечаю за свои слова. Я видел ее мельком несколько раз. Может быть, если ты сделаешь пару глотков, это поможет ей выбраться наружу.

— В носовике застряла крошка печенья, — продекламировал Кит, — которая мечтает вы-

рваться на свет Божий.

Лана толкнула его локтем.

Дорис пристально смотрела на Глена. Говард вспомнил, как они обнимались после решения остаться, и подумал, что, вероятно, Глен прав насчет хорошего человека, скрытого в ней.

— Я такая, какая есть, — взвилась Дорис. — Если ты думаешь, что твой пересыпанный розами мини-монолог и несколько глотков спиртного что-то изменят, то ты еще больший дурень, чем кажешься. Но ты действительно вытащил меня. Это надо признать. — Она протянула руку и взяла бутылку. Затем поднесла ее ко рту и сделала огромный глоток. — Вот. Довольны?

— Я просто пытаюсь сделать тебе приятное, Бог свидетель.

— Да кому это надо? — Она передала бутылку Анжеле.

— Тебе самой, — вмешалась Анжела.

— Что?

— Если бы ты перестала быть такой вредной, у тебя могли бы появиться друзья.

— А ты бы нравилась мне намного больше,

если бы оставалась затурканной кроткой овечкой и поменьше открывала свой ротик.

— А ну-ка давайте прекратим все это, — вмешалась Лана. — Давайте не будем больше поливать друг друга дерьмом, а лучше немного повеселимся. Ладно?

Анжела кивнула, сделала глоток бурбона, от которого вздрогнула, и отдала бутылку Говарду. В глазах у нее была такая обида, словно от пощечины, и Говарду захотелось треснуть Дорис. Он переложил бутылку в другую руку и нежно погладил Анжелу по затылку.

— Давайте споем походную песню, — предложил с самодовольной улыбкой Кит.

— А как насчет историй о привидениях? — спросил Глен.

Говард хлебнул из бутылки и отнес ее к Лане.

— У меня есть идея, — промолвила та, когда он вернулся к своему бревну. — Мы филологи, так почему бы нам не сочинить стихотворение?

— Спустишь на землю, — пыхнул Кит.

— Давайте. Опубликуем его в следующем выпуске «Орфея». — Она отпила из бутылки. —

Я начну. — И зажмурилась. — Их было шесть вокруг костра, бесстрашных отважных ребят. — Лана передала бутылку Киту. — Твоя очередь.

Тот уже собирался пригубить, но Глен остановил его руку:

— Первый стих, Лонгфелло.

— Блин! Ладно. Их было шесть вокруг костра, бесстрашных отважных ребят... и тьма вокруг, там рыщет злой дух, и яйца от стужи горят. — Рассмеявшись, Кит выпил и передал бурбон Глену.

— Замечательно! О'кей! — Глен бросил свирепый взгляд на горлышко бутылки. — Он дрожит и трясется на страшном ветру и тянется к теплу костра. Но сильнее влечет его к девичьим телам, кипит в нем безумная страсть.

— Какие чувственные строчки! — воскликнул Кит.

Глен хихикнул, приложился к бутылке и отдал ее Дорис.

Та какое-то время ее рассматривала, затем лицо расплылось в улыбке, и она заговорила:

— А Дорис, противная жирная стерва, испол-

нившись праведного гнева, отняла бурбон у этих говнюков и швырнула его в огонь. — С этими словами она метнула бутылку: та пролетела сквозь языки пламени, откинула в сторону горящую ветку и, ударившись о низкое каменное ограждение, разлетелась вдребезги. Бурбон хлынул в костер и вспыхнул.

Глен смотрел на нее разинув рот.

Кит, похоже, тоже был потрясен. Глупо моргая, он пробормотал:

— Нет, вы видели? Видели, что она наделала? Бутылку грохнула. Разбила бутылку, твою мать. Видели? Глазам не верю.

Пока он лепетал, Дорис встала с пенька и пошла в обход Анжелы и Говарда.

— Дорис, — окликнула ее Лана, — куда ты?

— А что мне сидеть тут, в компании кретинов?

Подняв с земли рюкзак, она понесла его к ближайшей палатке, где опустилась на корточки и начала расстегивать «змейку» москитной сетки.

— Эй! Погляди! Это же твоя палатка!

— Ну и что, — буркнул Глен.

— Да она ее провоняет, и ты не сможешь в нее войти.

— Я сам все вижу. Она расстроена, и если хочет переночевать в моей палатке. . . — Он покачал головой. — Я все равно собирался привалиться здесь, у костра.

Дорис заползла в палатку, втащив за собой рюкзак.

— Там мои вещички, — тихо, словно разговаривая с самим собой, произнес Глен.

— Это ненадолго.

Они внимательно следили за палаткой.

Спальный мешок и рюкзак Глена никак не вылетали оттуда.

— Похоже, выселения не предвидится, — заметила Лана.

— Бесподобно, — пробурчал Глен. — И что мне теперь делать?

Говард посмотрел на часы:

— Еще и девяти нет. Не будет же она торчать там всю ночь.

— Хоть бы она никогда оттуда не вылезла, — буркнул Кит.

— Спасибо. И что я должен делать без своего спального мешка?

— Это твоя палатка. Войди и забери его. А еще лучше — вышвырни ее оттуда.

— Может быть, кому-то из нас следует переговорить с ней? — вступила в разговор Лана. — Она все равно понадобится нам, когда мы будем связываться с Батлером.

— А кто сказал, что мы должны с ним связываться? — изумился Кит.

— А ты, черт возьми, не хочешь, что ли? А как, по-твоему, мы найдем его сокровища, если он не укажет, где их искать?

— Я думал... ну, знаешь, может, это подождет до утра. Мы ведь не собираемся идти за ними ночью, так ведь?

— Полностью согласен, — поддержал его Кит. — Мало нам забот с этим придурком. Не очень-то я сейчас настроен на общение с привидением.

— А по-моему, все же следует попытаться переговорить с Батлером, — сказала Анжела. — Не скрою, он и меня пугает. И можно подождать до

утра с вопросами о сокровище. Но, возможно, ему известно что-нибудь об этом типе. Это не исключено. Ведь это он нас сюда прислал. Как знать, может, этот странный парень здесь совсем не случайно. Я думаю, нам надо спросить о нем Батлера.

— Лучше не надо, — возразил Глен.

— А вдруг этот тип и есть сам Батлер? — добавила Анжела.

— О, хорошенькое дельце! — воскликнула Лана.

— Знаю, это может показаться бредовой мыслью. Но ведь он сам сказал, что мы с ним здесь встретимся.

— Перестань, — взмолился Глен. — У меня волосы встают дыбом.

Наклонившись, Лана бросила небольшой кусочек ветки в огонь:

— Она права. Я совсем не верю в то, что этот тип — Батлер, но между ними вполне может существовать какая-то связь. Спрос не бьет в нос.

— А этого нельзя сделать без нашей «счастливой звезды»? — спросил Кит.

— Не знаю. Прошлой ночью ее рука лежала на стрелке.

— И это была ее теория, что мы должны оставаться в прежнем составе, — заметил Глен.

— Ты сам небось хочешь выволочь ее оттуда? — съязвил Кит.

— Давайте дадим ей какое-то время. Пусть успокоится, — предложила Лана. — Особо торопиться некуда. Все равно еще слишком рано отправляться на боковую, к тому же я очень сомневаюсь, чтобы кто-то из нас смог уснуть, когда рядом бродит маньяк.

— Вот и славно! — воскликнул Кит. — Это должно означать, что ты все же собираешься всхрапнуть рано или поздно. А я уж начал волноваться. Подумал, что не уснешь всю ночь. Будешь стоять на часах.

— Это мы можем предоставить Глену. — Подавшись слегка вперед, она широко улыбнулась ему. — Ты ведь не прочь, правда? Все равно у тебя нет спального мешка.

— А я подумал, не воспользоваться ли мне твоим. Тебе он не понадобится. Ты ведь будешь

в мешке Кита.

— Именно поэтому тебе и надо побыть на свежем воздухе, — бросил ему Кит. — Не хотелось бы, чтобы этот голозадый ублюдок подглядывал, когда я буду укладывать трубу.

У Ланы отвалилась челюсть. Она в изумлении посмотрела на него.

— Укладывать трубу?

— Это всего лишь метафора, оборот речи.

— Тогда вот тебе другой оборот, приятель: возьми свою трубу и зарой ее туда, куда не проникает солнце.

— Эй, я не «человек-змея».

— Я рада, что мне удалось тебя позабавить. Глен, сидевший с другой стороны костра, улыбнулся Говарду.

— Ставлю пять баксов на то, что до утра они трахнутся.

— Принимай ставку, — посоветовала Лана. — У дурака деньги долго не держатся.

— Ну, не знаю.

— Верное дело, Гаубица.

Анжела улыбнулась ему.

— Поспорить с ним? — спросил он.

Та покачала головой.

— Благодарю за вотум доверия, — промолвила Лана. — Ты считаешь меня слабой на передок?

— Ночь длинная, — начала Анжела. — Холодно, и все мы немного испуганы. И когда лежишь одна-одинешенька в спальном мешке, ничего удивительного, если Кит вдруг покажется довольно привлекательным.

— У меня складывается впечатление, что ты и сама бы не прочь.

— Кит? Не думаю.

— Это потому, что у нее есть пушка-Гаубица.

— Давай поставим на них, — предложил Глен.

Анжела встала.

— О, теперь мы уже двоих выкурили.

— Да я просто иду к Дорис. Попробую уговорить ее выйти, чтобы можно было вызвать Батлера.

Анжела прошла к палатке, опустилась на колени и юркнула под полог.

Глава 16

— В следующий раз, когда можно будет остановиться, — проронил Чед, — я съеду, чтобы еще раз взглянуть на карту. Где-то здесь должен быть этот поворот, и мне жуть как не хотелось бы проскочить мимо.

— Ты не доверяешь своему опытному штурману? — спросила Кори.

— Я бы доверял ей больше, если бы она не дремала.

— О! — Кори отвернулась. Увидев, как блеснули зубы, он понял, что она улыбается. — Ужасный снежный человек спустился вчера с гор и не давал мне спать всю ночь.

— Но сегодня ты все с лихвой наверстала.

Прямо впереди всплыл указатель «МЕДЛЕННО ДВИГАЮЩЕМУСЯ ТРАНСПОРТУ ИСПОЛЬЗОВАТЬ КРАЙНЮЮ ПОЛОСУ». Сразу за этим знаком дорога расширилась. Чед бросил взгляд в зеркало заднего вида: позади одни лунные пятна. Взяв вправо, он нажал на педаль, и автомобиль резко затормозил.

После полной остановки Чед повернул выключатель и подсветка приборной панели стала

ярче, затем зажег плафон на потолке. Кори наклонилась вперед, развела ноги и стала шарить рукой под ними. С тихим вздохом она сложилась пополам. Чед увидел, как ее груди ткнулись в колени. Кори подлезла рукой за левую пятку, подняла карту и улыбнулась.

— Вот так штурман, — проворчал он. — Даже карту потеряла.

— Но разве ты не заметил, как быстро я ее отыскала?

— А мне показалось, поиски были довольно кропотливыми.

— Но я все же нашла ее. Это отличает настоящих мужчин от мальчишек.

Чед рассмеялся. Кори шлепнула картой по его раскрытой ладони.

— Пока ты будешь занят определением наших координат, я нанесу визит в кусты. — Она взяла из бардачка небольшой пластмассовый фонарик и рулон туалетной бумаги.

— Далеко не заходи, ладно?

— Я на секунду. — Она распахнула дверцу, вышла из машины и зашагала в темноту.

Когда она скрылась из виду, Чед посмотрел на карту и нашел тоненькую извилистую линию, уходившую под углом на северо-восток от Рэд-Блаффа. Проведя по ней пальцем, Чед дошел до развилки, которую они проехали всего несколько минут назад, свернув на восточную ветку.

Пунктирная линия, отмечавшая грунтовую дорогу к озеру Каньон Теней, находилась примерно на полдюйма выше. Судя по масштабу карты, это составляло примерно миль десять.

«Если проскочим, — подумал он, — это довольно скоро выяснится. Потому что еще через полдюйма выше этого поворота будет небольшой городок Парди».

Там он вроде еще не бывал.

Интересно, есть ли там мотель? Ведя машину по извилистой дороге и борясь со сном, пока Кори дремала на пассажирском сиденье, он все время думал об этом. В городке обязательно должна быть по меньшей мере одна гостиница. Но вот захочет ли Кори отложить последний этап их маршрута до утра?

Кори забралась в машину и притворила двер-

цу.

— Уф, и холодина же там. — Вздогнув, она начала растирать руки. — Ну, нашел, где мы?

— Где мы находимся, я знаю довольно точно: недалеко от поворота. — Он смотрел, как Кори запихивала фонарик и бумагу назад в бардачок. Затем захлопнула его. — Беда в том, что там мы выедем на грунтовую дорогу. А у меня есть сомнения насчет того, стоит ли соваться на нее в потемках.

— Ничего, проедем.

— Не уверен, что следует рисковать. Это пятнадцать, а то и двадцать миль. Да еще в темноте. И не разъедешься. Мне знакомы такие дороги. Повезет, если сможем ехать со скоростью хотя бы десять миль в час. Так что надо ориентироваться примерно на два часа, не меньше. По пересеченной местности. Езда крайне напряженная, даже если бы мы могли видеть, куда едем.

— Значит, ты думаешь, нам следует подождать до утра?

— Я понимаю, что тебе очень хотелось бы добраться до ребят еще сегодня ночью.

— Это действительно так.

— Но недалеко от этого поворота по шоссе есть городок. Мы могли бы заехать туда, переночевать в мотеле или где-нибудь еще и съехать на грунтовку сразу же на рассвете. Тогда мы бы не тыкались вслепую. Да и гораздо меньше вероятности разбить машину или застрять.

Корин тяжело вздохнула:

— Ну, не знаю, Чед.

— Даже если нам повезет и мы избежим неприятностей, до конца дороги мы доберемся уже за полночь. И можно будет лишь надеяться, что это именно тот тупик.

— О, а какой же еще?

— Вероятно, тот самый, — промолвил Чед. Они уже обсудили несколько различных маршрутов к озеру Каньон Теней и решили, что, двигаясь с северо-запада по шоссе № 5, ребята, вероятнее всего, выберут именно этот. Если найдут его на своей карте. Если по какой-нибудь причине не отдадут предпочтение менее прямому пути, который приведет их примерно в то же место с южной или дальней северо-восточной стороны. — Ско-

рее всего, — продолжал он, — мы найдем их машину — или машины — в конце этой дороги. Но я сомневаюсь, что мы застанем там их самих.

— Ну, знаешь, они не морские пехотинцы. Как мы там подсчитывали? К озеру пять миль, да? И все время вверх? Не представляю, чтобы они отважились. Хоть убей, не верю. Только не после того, как протряслись всю ночь и большую часть дня в машине. Голову даю на отсечение, они просто сказали себе: «А, черт с ним!» — и разбили лагерь прямо возле машины.

— Ты знаешь их лучше, чем я, — признал Чед. — Я только хочу сказать, что на их месте я бы пошел к озеру.

Кори хихикнула.

— И на чем же мы остановимся? — спросил он, выключая освещение салона.

— Меня крайне удивляет твое желание провести ночь в мотеле. Разве ты не предпочитаешь лоно природы?

— Возможно, — согласился он, заводя машину. Нажимая на педаль акселератора, Чед мельком глянул в зеркало заднего вида и вывернул

руль. — Думаю, мне просто хотелось избежать того участка дороги.

— Я поведу машину.

— Нет, ничего. Справлюсь. Но тебе лучше глядеть в оба, чтобы мы не проскочили поворот.

Несколько мгновений, пока Чед проезжал поворот, Кори молчала. Затем сказала:

— Если тебе действительно так хочется остановиться в том городке. . .

— Нет, нет. Все в порядке. Ты волнуешься о детях. Я усек.

— Если бы они поехали просто на вылазку, понимаешь. . . Ясно, что делают они это из-за чертовой планшетки. Тебе надо было видеть их вчера ночью. Они вынудили Анжелу снять блузку. И все только потому, что та фиговина так велела. В общем-то, они неплохие ребята. Но вот взяли и заставили ее сделать это. Что им прикажут сотворить в следующий раз? Что, если планшетка не скажет им, где искать «добычу», пока они не сделают что-нибудь по-настоящему ужасное?

— Если они «неплохие ребята», — возразил Чед, — то ничего подобного не сделают. Сумеют

вовремя остановиться.

— Не уверена. Настолько хорошо я их не знаю. Их поступок по отношению к Анжеле. Потом, стибрили планшетку. Проделали такой путь. По-настоящему связались с этим. Так что я уже не знаю, что может заставить их отступить?

— Что ж, поедем и доберемся до них еще сегодня ночью. Если получится.

— Спасибо, — она тихо засмеялась. — Признайся, ну разве ты не рад, что объявился именно вчера? Как раз вовремя, чтобы не пропустить удовольствия.

— Очень рад, — ответил он. — Я и сам много размышлял над этим. Такова моя удача.

— Паршиво, да?

— Я смотрю на это по-иному. А что, если бы я пришел на день позже?

— Ты бы подождал меня, да?

— Конечно. — Он взглянул на нее. Корин смотрела в боковое окно. — Ты бы сделала это и одна, так я понял?

— Да.

— Ну тогда слава Богу, что я появился вовремя.

мя. Что-то уж чересчур крупное везение.

— Мне тоже пришла в голову эта мысль. Словно тебе было предначертано прийти именно тогда. «Есть Божий промысел, определяющий наши судьбы, грубо обтесывающий их по нашему желанию».

Он увидел на мгновение освещенный фарами дорожный указатель, на котором было написано: «Парди — 8 миль».

— Если мы уже настолько приблизились к Парди, — заметил он, — то, видимо, проскочили нашу дорогу.

— Проклятье!

— Не беда. Наверное, поворот трудно разглядеть и днем. — И он снял ногу с педали акселератора. — Сейчас проедем этот вираж, и я развернусь.

Но сразу же за поворотом свет фар скользнул по припаркованной машине. Она стояла почти посреди дороги. Кори ахнула, а Чед резко вывернул руль и обогнул ее слева. Затем плавно нажал на тормоз.

— Господи, — пробормотала Кори. — Чуть не

врезались.

Чед дрожал.

— Единственная машина, которую мы видели в течение последнего часа, и блокирует эту чертову дорогу.

— Чего доброго, кто-нибудь врежется в нее.

— Кто-то уже чуть не въехал. — Он остановился и, вывернувшись, начал сдавать назад, глядя в заднее стекло.

— Что ты собрался делать?

— Не знаю. Посмотреть, наверное. — Он свернул на обочину. Пассажирская сторона чуть накренилась, когда машина съехала с проезжей части. Из-под колес раздался какой-то хруст. — Бросать машину в таком месте — черт знает что!

Он остановился в нескольких ярдах перед нею. Кори, которая также выглядывала в заднее стекло, сказала:

— Я никого не вижу внутри.

Чед покачал головой. Он вообще не мог ничего разглядеть через темное ветровое стекло. Но он никого там не заметил и в тот момент, когда его фары осветили эту машину.

— Подожди здесь. — Переключив передачу на парковку, он поставил машину на ручник, но фары не погасил и двигатель не заглушил. — Я на секунду.

— Я пойду с тобой.

— Корин.

Та открыла дверцу и вышла.

Распахнув свою дверцу пошире, Чед крикнул:

— Постой! Подожди меня!

Кори подождала его на краю дороги. Она сутулилась и прижимала руки к груди.

— В машине теплее, — заметил Чед.

— Не собираюсь сидеть там одна. Если хочешь знать, я не уверена, что нам нужно было останавливаться. Не нравится мне все это.

Хотя дорога была испещрена пятнами лунного света, ни одно из них не легло на таинственный автомобиль.

— Есть там кто-нибудь? — выкрикнул Чед.

Ответа не последовало.

Бок о бок они подошли ближе к автомобилю.

— Если это машина Ланы, мне придется менять трусики.

Чед засмеялся, но понял, что и сам дрожит.

— Когда в следующий раз будем выходить, надо надеть что-нибудь потеплее.

— Давай сделаем это сейчас и забудем об этой Фурии-призраке.

— Это не Фурия, — возразил он, — а «Понтиак». — У него сразу отлегло от души, когда он заметил слегка перекошенное положение машины. — Колесо спущено.

— Не иначе какая-то эпидемия проколов, — заметила Кори.

— Что ж, это объясняет, почему она здесь.

Чед обогнул передний бампер, на миг остановился у спущенного колеса, затем подошел к водительской двери, нагнулся и заглянул внутрь. Кори все это время держалась у него за спиной.

Окно было поднято, и внутри машины царила непроглядная темень.

— Ни черта не видно, — тихо произнес он.

— Господи, если там внутри кто-то...

Чед шагнул назад и потянул за ручку. Та поднялась — и дверь отомкнулась. Раздалась громкая сирена. Чед вздрогнул, а Кори ахнула. Но те-

перь горел плафон, и они увидели, что машина пуста. Склонившись над рулем, Чед заметил ключи в зажигании. Он выдернул их, и сирена смолкла.

— Странно, — пробормотала Корин. — Почему хозяин ушел, оставив ключи в машине?

— Не знаю. Разве что просто отошел помочь или по другой надобности. Постой, я сейчас посигналю. — И он нажал кнопку на рулевом колесе. Автомобильный гудок проревел в ночи, словно сигнал к подъему, данный сердитым горнистом. Чед продержал его включенным довольно долго, затем отпустил и прислушался, после чего дал еще три коротких гудка и один долгий.

Корин постучала ему по спине:

— Мне кажется, этого вполне достаточно.

Чед остановился. Тишина казалась гнетущей. Как будто звук гудка оглушил его почти так же, как ослепляет в темноте краткая вспышка яркого света. Он стал прислушиваться, ожидая услышать звуки шагов в лесу за машиной. Но ничего не было слышно.

— По-моему, никого рядом нет, — прошептал

он.

— Просто уму непостижимо, как можно бросить ключи в машине и уйти.

— Согласен, но не все поступают разумно.

Чед сел за руль. Когда он наклонился в сторону, чтобы дотянуться до перчаточного отделения, то заметил на полу кожаную дамскую сумочку. Она была слегка подсунута под сиденье.

— Сумочка, — объявил он.

— Ты шутишь.

Тогда он поднял сумочку и показал ее Кори. Та покачала головой.

— Посмотрим, кому она принадлежит?

— Будет очень неловко, если нас застанут, когда мы будем рыться в чужих вещах.

— Но после наших гудков никто не прибежал.

— Ладно, давай, — согласилась она. — Я покараулю.

— Смотри и на дорогу. — Чед потянул дверцу на себя, оставив ее немного приоткрытой, чтобы свет в салоне не погас, затем открыл сумочку. Там он увидел бумажник, чековую книжку, несколько тампонов, упаковку жвачки, расческу.

Достал только бумажник. Расстегнул и развернул.

На водительском удостоверении была приклеена фотография привлекательной брюнетки двадцати— двадцати пяти лет.

— Мэри Луиз Брюэ, — прочитал он. — Из Стоктона.

— Лучше положи назад, — промолвила Корин, явно нервничая.

— Секундочку. — Чед раздвинул пальцами отделение для банкнот. Пара двадцаток, десятка, несколько однодолларовых бумажек и несколько кредитных карточек. Он вытащил карточку «виза». Выдана на имя Роджера Брюэ. Сунув ее обратно, Чед положил бумажник назад в сумочку, а сумочку вернул в то же положение, в каком нашел. — Ладно, отойди-ка чуть-чуть. Я немного съезду в сторону.

— О Боже.

— Нельзя же бросать ее вот так, среди дороги.

— Ладно. Только побыстрее.

Чед завел машину и медленно поехал, выво-

рачивая вправо. Машина притормаживала. Спущенное колесо глухо стучало. Когда левой стороной автомобиль соскочил с асфальта, его слегка качнуло. Чед быстро переключился на парковочную передачу, поставил на ручник и заглушил двигатель. Прихватив с собой ключи, он вышел из машины и закрыл дверь. В салоне сразу потемнело.

Корин пошла за ним к багажнику.

Чед открыл его. Внутри было темно. Только какие-то неясные очертания. Наклонившись, он начал щупать руками. Чемоданы, ручная кладь и запасное колесо.

— У них есть запаска, — объявил он.

— Может быть, она негодная.

— Или этот Роджер не умеет менять колеса.

— С теми дерьмовыми домкратами, которыми теперь комплектуют машины, это бывает очень сложно. — Она сделала паузу. — Кто такой Роджер?

— Наверное, муж Мэри. Одна из кредитных карточек на его имя. — Чед закрыл багажник и повернулся к Корин.

— Можно уже ехать? — спросила она.

— Не уверен. Нужно подумать. Здесь что-то не так.

— Знаю. Все это очень странно. Но я уже превращаюсь в сосульку. Ты отогнал машину и освободил дорогу — это очень правильно, но что еще мы можем сделать?

— Забраться куда-нибудь, где теплее.

— Вот это замечательное предложение. — Она прошла за ним вдоль машины и подождала, пока Чед вставит ключи назад в замок зажигания. Снова сработала сигнализация, но когда дверцу прикрыли, стало тихо.

Корин уже спешила к своей машине. Зайдя сзади с ключами и фонариком, она открыла багажник. Пока рылась в рюкзаке, Чед держал фонарик. Оттуда была извлечена ветровка.

— Видимо, они решили дойти до городка пешком и вызвать помощь, — предположил Чед.

Корин застегнула змейку ветровки и кинула на борт багажника пару темных утепленных штанов.

— Невозможно определить, как долго стоит

здесь эта машина. Теперь они могут быть уже в городе.

— Восемь миль — довольно приличное расстояние.

— Да. Думаю, нам следует поехать за ними и подвезти, если сможем их найти. — Она расстегнула шорты, спустила вниз и сняла их. — Ух, Боже мой!

— Пробирает?

— Еще как! — Корин швырнула шорты в багажник и схватила тренировочные брюки. Пока всовывала сначала одну, затем другую ногу в штанины, Чед придерживал ее за плечо. Подтянув брюки вверх, она с облегчением вздохнула.

— Лучше?

— Намного.

Затем фонарик держала Корин. Чед вытащил из своего рюкзака джинсовую курточку, надел ее, затем выудил пару вельветовых брюк. Когда снял шорты, ледяной холод просочился сквозь коротенькие плавки, которые купила ему Корин. Чед застонал и рассмеялся.

Пока он заталкивал ноги в штанины вельве-

ток, Кори придерживала его. Каблук левой тенниски застрял в брюках, и равновесие было потеряно. Корин крепко обхватила его сзади, не давая упасть, и пару секунд они раскачивались из стороны в сторону, пока Чеду не удалось наконец протолкнуть ногу.

— Спасибо.

— Не за что.

Смеясь, он попытался застегнуть пуговицу на поясе, но мешала рука Кори, лежавшая спереди на плавках.

— Обогрею тебя немножко, — шепнула она, щекоча дыханием ему затылок. Затем сжала руку и слегка пошевелила ею. От ее прикосновения в паху у него вспыхнул огонь, и Чед выгнулся.

— Функционирует, — пробормотал он.

— Я и сама нагрелась. — И она еще раз сжала его руку. Затем убрала свою и поцеловала Чеду в затылок. — Нам лучше уезжать отсюда, пока ничего не случилось.

Кори шагнула назад и захлопнула багажник. Когда брюки были застегнуты, они вернулись в машину. Бросив прощальный взгляд на покину-

тый автомобиль, Чед въехал на дорогу.

— Может, Мэри и Роджер сейчас в кустах джиги-джиги, — предположила Кори.

— Возможно.

— Это все расставило бы на свои места, так ведь? Едут себе, едут. И тут Мэри протягивает руку и делает что-нибудь в этом роде. — Кори вытянула руку и сунула ладонь ему между ног. — Роджер возбуждается, сворачивает на обочину, и они убегают в кусты. Он напрочь забывает о ключах, а она — о сумочке. Тут подъезжаем мы и сигналим, но они уже настолько увлечены, что не обращают никакого внимания.

— А как насчет спущенного колеса?

— Забудь о нем. — Ее рука сместилась на бедро и похлопала по нему. — Ладно. У них спустило колесо. Он и говорит: «Я поддомкращу машину и поменяю колесо». А она ему: «Поддомкрать сначала меня».

Чед рассмеялся.

— Если так оно и было, тогда зачем мы их ищем?

— Вот и я не понимаю.

— Развернуть колымагу назад?

— А как тогда мы подвезем их до города?

После этого они молча следили за дорогой. Но так никого и не увидели. Лишь один раз из-за поворота вынырнули яркие фары. Тягач? Когда машина пронеслась мимо них, Чед увидел, что это был джип. А в нем никого, кроме водителя.

Через несколько минут они проехали мимо грунтовой дороги, уходящей в темный лес. Затем показалась щебеночная подъездная аллея, ведущая к небольшому домику с горящими окнами.

— Может быть, наши загадочные Роджер и Мэри зашли сюда, — нарушила тишину Корин.

— Мы почти в городе.

Вскоре они проехали мимо другого дома. Затем еще одной дорогой, поворачивающей в лес. Затем мимо темного кафе с заколоченными досками окнами. Затем снова дома и снова грунтовые дороги, туннелями прорезавшие лес.

Чед немного притормозил, когда в свет фар попал въездной городской указатель: «Добро пожаловать в Парди — ворота в горную страну. Высота над уровнем моря — 6240 футов, население

— 310 чел.».

— Метрополия, — промолвила Корин.

— Едем дальше?

— Не вижу в этом большого смысла. Если они добрались сюда, подвозить их уже едва ли понадобится.

— И мотель тебя все еще не заинтересовал?

— Я никогда не говорила, что против. Но...

— Знаю. Все нормально. — Чед развернулся.

— Надеюсь, с ними все в порядке.

— С детьми?

— И с ними тоже. Но я имела в виду Мэри и Роджера.

— Наверное, они добрались до города, и если ночью не удалось найти помощь для машины, то остановились в мотеле или еще где-нибудь.

— Если ты действительно хочешь остановиться в мотеле...

— Нет, — оборвал ее он. — Едем покорять ту дорогу.

— Спасибо. Ваша жертва будет достойнейшим образом вознаграждена.

— В этой жизни или в следующей?

— Конечно, в этой. Сразу же после того, как мы доедем до конца дороги.

Чед утопил педаль акселератора, и Кори весело рассмеялась. Затем он вернулся к нормальной скорости.

Брошенная машина стояла на том же самом месте, где ее оставили, — припавшая к земле в тени темная туша, словно зверь, прячущийся от лунного света. Глядя на нее, Чед почувствовал, как у него поднимаются волосы на загривке.

— Мне кажется, нам следовало обратиться в полицию, — сказала Корин.

— Что?

— В Парди. Рассказать им об этом.

Чед посмотрел на нее. Лица почти не было видно.

— Они, вероятно, дошли до города и сейчас находятся на автосервисе или в мотеле.

— Я не уверена.

— И я тоже.

— Мы просто надеемся, что все обстоит именно так?

— Думаю, что да.

— Или притворяемся.

— Ты думаешь, с ними что-то случилось?

— А ты так не думаешь? — спросила она.

— Ты высматриваешь поворот?

— Да. Но все же, что ты думаешь?

— Думаю, что скорее всего у них спустило колесо и они пошли в город. Вероятно, были слишком беспечны, или поглощены своими мыслями, или доверчивы, чтобы взять ключи от машины и сумочку. Вероятно. По логике вещей, так оно, видимо, и случилось. С другой стороны, я не совсем. . .

— А вот, наверное, и поворот.

Чед притормозил. Через несколько мгновений фары высветили деревянный указатель: «Озеро Каньон Теней». Стрелка указывала влево.

— Да, — сказал он.

Прямо впереди, через дорогу, стоял другой указатель. Он был обращен в противоположную сторону. За ним Чед увидел пяточок голой земли и прогалину. Он протянул немного вперед и остановился напротив грунтовой дороги.

— Поедем? — спросил он.

— Не знаю. А ты как думаешь?

— Ребята на твоей ответственности. Думаю, им следует отдать предпочтение перед парой незнакомцев, которые, может, попали в беду, а может, и нет.

И Чед не стал дожидаться ответа.

Круто вывернув руль влево, он нажал на педаль акселератора.

— Ты прав, — согласилась Кори.

Они съехали с кромки асфальта. Даже с закрытыми окнами Чед мог слышать хруст веток и скрежет щебенки под колесами. Машину подбрасывало, раскачивало и трясло. Бледные лучи фар выхватывали из темноты узкую полосу дороги, терявшейся в густом лесу.

Глава 17

Говард подбросил в костер немного дров. Груда палок и сломанных веток, которую они собрали после ужина, таяла на глазах, но на какое-то время ее еще хватит. Он надеялся, что еще одной экспедиции по сбору дров уже не понадобится. Хотя, если они захотят поддерживать огонь всю ночь. . .

— Не повезло, Глен? — сказал Кит.

Говард поглядел в сторону палатки. Связанный спальный мешок, видимо, вытолкнутый, прокатился немного и остановился. Затем полог палатки выпятился и из него задом выползла Анжела. За собой она волокла рюкзак. Поднимаясь на ноги, Анжела прихватила спальный мешок и рюкзак и понесла их к костру.

— Все-таки выселили, — заметила Лана.

— Ну и Бог с ним, — промолвил Глен. — Я и не собирался спать с нею в одной палатке.

Анжела опустила свою поклажу на землю, подошла к костру и присела рядом с Говардом.

— Я не смогла уговорить ее выйти. Уж очень она разозлилась.

— Эка невидаль, — буркнул Кит.

— Из-за чего? — спросил Глен. — Из-за стихов?

— Главным образом. Она считает, что вы повели себя довольно мерзко, изощряясь в своем остроумии насчет того парня, который напал на нее. По ее мнению, это наглядно демонстрирует наше неуважение к ней. Еще она говорит, что мы не позволили бы себе таких шуточек, если бы на ее месте оказалась Лана.

Кит, дурацки улыбаясь, покачал головой.

— Мы такие жестокие и бессердечные.

— Она все относит на свой счет, — заметил Глен.

— Но она права, — вступилась Лана. — С нашей стороны было довольно бесчувственно подшучивать по поводу того парня. Особенно перед Дорис. Не следовало нам этого делать.

— А, пошла она!

— Заткнись, — бросил Глен.

Лана повернулась к Анжеле.

— Ты говорила ей, что мы хотим пообщаться с Батлером?

— Да, и она ответила, что это еще один вес-

кий довод в пользу того, чтобы остаться в палатке.

— Думаю, мы могли бы попробовать без нее.

— Давай лучше не будем.

Не обращая внимания на последнее замечание Кита, Лана встала и пошла к другой палатке, по пути отряхивая мусор с джинсов и потирая зад, словно ее что-то покусало. Затем опустилась на колени и заползла в палатку. Через несколько секунд она уже выбиралась обратно с планшеткой и стрелкой.

Перед палаткой Глена Лана остановилась и, присев на корточки, откинула полог. Говард слышал ее голос, но шум ветра и потрескивание костра помешали различить слова.

У палатки она просидела недолго, а когда подходила к костру, Кит поинтересовался:

— И что же ты ей сказала?

— Я извинилась. Кажется, она там плачет.

— У-у-у-у-у-у, — скривился Кит.

— Не будь таким ублюдком, — сердито взглянула на него Лана.

— Если думаешь, что я ее пожалею, то и не

мечтай.

— Так или иначе, но Дорис не собирается выходить. — Лана присела на бревно, положила планшетку на колени и уставилась на нее. — Только я не очень хорошо представляю, как мы это будем делать.

— Вот и отлично. Тогда не будем.

— Тем более, что это может оказаться пустой тратой времени, — сказал Глен. — Дорис с нами нет, так что четверки, которая была прошлой ночью. . .

— Может быть, первоначальный состав вовсе не обязателен.

— Вчера ночью стрелка двигалась, даже когда никто к ней не прикасался, — заметил Говард.

Лана кивнула.

— Да. Что ж, почему бы нам не попробовать по-разному? Например, начнем втроем. Если не получится, можно посадить вместо Дорис Глена или Анжелу. Но не здесь. Думаю, вон там — самое подходящее место. — Кивком указав на полянку рядом с костром, она встала.

Пока все собирались вокруг Ланы, Глен схо-

дил к своему рюкзаку и вернулся с фонариком и куском клеенки. Они расстелили клеенку так, чтобы один конец лег рядом с костром. Лана села лицом к костру и положила планшетку перед скрещенными ногами. Кит и Говард сели напротив друг друга по сторонам планшетки. Глен хотел было усесться между планшеткой и костром, но Лана попросила его немного сдвинуться, чтобы не заслонять свет. Тогда он отполз к Киту и опустился рядом с ним на колени. Затем осветил фонариком на планшетку и спросил:

— Все готовы?

— Одну минутку! — крикнула Анжела. Она сидела на корточках над своим рюкзаком и рылась в кармане с правой стороны. Когда встала, в руках у нее была авторучка и небольшой блокнот со спиральным проволочным корешком. — Кто-то ведь должен вести записи, не так ли?

— Если повезет, — заметила Лана.

Анжела вернулась к клеенке. Когда она заползла на нее, пластик захрустел. Она села на колени позади Говарда, и он почувствовал вес ее тела у себя на спине. Рука, лежавшая на правом

плече, держала ручку и блокнот, другой Анжела опиралась на его плечо. Ее подбородок лежал у него на макушке. Когда она произносила: «Готова», тот слегка шевельнулся.

Подавшись вперед, Говард дотянулся до стрелки. Анжела наклонилась вместе с ним, закрывая его от холодного ветра и согревая своим теплом.

«Как замечательно», — подумал он.

Может быть, эта планшетка не такая уж скверная штука? Во всяком случае, она свела нас.

Лана, Кит и Говард дотронулись кончиками пальцев до стрелки.

— О'кей, Батлер, — произнесла Лана. — Мы ждем тебя. Ты здесь?

Стрелка не двигалась.

— Батлер, мы здесь.

— Наверное, надо как-то привлечь его внимание, — предположил Кит.

— Как, например?

— Ну, если бы вы, девчонки, скинули одежду. Левая рука Анжелы слегка стиснула плечо Говарда.

— Ничего такого не будет, — ответила Лана.

— Слишком холодно, — добавила Анжела с нервным тихим смешком.

— Я просто высказал мысль.

— Почему бы нам не попытаться выкрикнуть его имя? — предложил Глен. — Все вместе. На счет три. Раз. . .

— Перестань, — оборвал его Кит. — Это глупо. Он не глухой, он дух. Кроме того. . . — И он умолк.

— Кроме того, что? — переспросила Лана.

— Просто я не думаю, что нам следует слишком шуметь. Ты знаешь, что я имею в виду. Мы ведь здесь, кажется, не одни.

— Какие мы стали осторожные, — возмутился Глен. — Разве это не ты выкрикивал и приглашал этого «придураццо» к костру выпить с нами?

— То было совсем другое.

— Да? Как это?

Но прежде чем Кит успел ответить, стрелка подвинулась на полдюйма.

— Эй, кто это сделал? — встрепенулся Кит.

Лана покачала головой.

— Не я, — пробормотал Говард.

Анжела сильнее прижалась к его спине.

— Батлер, — прошептал Глен.

— Батлер, — звонким голосом произнесла Лана. — Ты здесь?

Стрелка медленно двинулась по кругу. Но не остановилась. Круги все расширялись, увлекая их руки в хоровод.

— Что это с ним? — промолвил Кит.

— Батлер, ты здесь?

Стрелка стремительно набирала скорость. Она совершила серию восьмерок. И внезапно остановилась.

— Б, — объявил Глен.

Говард почувствовал, как Анжела сняла руки с его плеч, и понял, что она, должно быть, записывала буквы, когда стрелка останавливалась и Глен считывал их с планшетки.

— Р-Е-Г-И-С.

— «Брегис?» — прошептала Анжела.

— Наверное, «берегись», — предположил Глен.

— О, блин! — воскликнул Кит.

— Берегись чего? — переспросила Лана.

— Ч-Е-Л-О-В-Е-К-А.

— Какого человека?

— А то мы не знаем.

— Р-Я-Д-О-М.

— Парня, которого мы видели днем?

Стрелка быстро подскочила к улыбающемуся лику солнца.

— Это значит «да», — заметил Глен. — Господи. И он рядом?

— Чего он хочет? — спросила Лана.

— Т-Р-А-Х-Н-У-Т-И-В-С-П-О-Р-О-Т-И-В-Л-Е-З-Т.

Прочитав все буквы, Глен в недоумении покачал головой.

— Что, черт побери, все это означает?

— Начни с «трахнуть», — посоветовал Кит. — Остальное я не усек.

Лана перевела взгляд на Анжелу.

— Секундочку...

Говард услышал над головой судорожный вздох и почувствовал, как в спину толкнул ее живот.

— О Боже, — пробормотала она.

— Что это?

— Похоже на то, что говорила Дорис.

— Не тяни!

— «Трахнуть, вспороть и влезть».

Теплоты тела Анжелы оказалось недостаточно, чтобы сдержать ледяную волну, окатившую Говарда.

— Это то, что, по мнению Дорис, этот парень хотел с ней сделать.

— Батлер цитирует нам слова Дорис? — изумленно произнес Глен.

— И с кем он хочет такое сделать? — спросила Лана, не сводя глаз со стрелки.

— С-О-В-7-И.

— Со всеми? — переспросила Лана. — Не только с женщинами?

— С-О-В-7-И.

— Я догадывался, что он педик, — пробурчал Кит.

— Должно быть, бисексуал, — промолвила Лана, поглядывая на Анжелу. В трепетном свете костра Говард увидел, как завернулись уголки

ее губ. — Больше шансов для нас, девчонок.

— Очень смешно, — заметил Кит.

Лана вновь опустила глаза на планшетку.

— Он собирается напасть на нас?

Стрелка кинулась к солнцу.

У Анжелы вырвался протяжный стон, но он неожиданно оборвался, когда стрелка переметнулась к луне.

— И да и нет, — удивленно произнес Глен.

Стрелка вновь вернулась к солнцу.

— Должно быть, это означает «возможно», — нашлась Лана. — Ты не знаешь, нападет он на нас или нет?

— Б-Р-Е-Г-И-С.

Кит пыхнул с раздражением:

— Да уж побережемся, черт возьми.

— Мы будем осторожны, — произнесла Лана тоном, который использовала при общении с Батлером. — Ты знаешь этого человека?

— П-С-И-Х.

— Он псих? Или это ты на него психуешь?

Пластиковая стрелка скользнула к солнцу.

— Какой уклончивый сукин сын! — восклик-

нул Кит.

— Вероятно, означает «да» на оба вопроса, — сказал ему Глен.

— Батлер, а ты знал, что он здесь?

Стрелка по-прежнему указывала на солнце.

— Либо это «да», — проговорил Глен, — либо он не отвечает.

— Батлер, ты привел нас сюда из-за него?

Их пальцы понесло от солнца к луне.

— Это означает «нет», — с облегчением вздохнул Глен.

— Какое он ко всему этому имеет отношение? — поинтересовалась Лана.

— П-С-И-Х.

— Дождемся ли мы когда-нибудь от него прямого ответа? — возмутился Кит.

— З-А-Щ-И-Т-А-Л.

Анжела встрепенулась.

— А. Л.? Это я. Защищать меня?

Ледяной холодок пронял Говарда изнутри.

— Защитить Анжелу? — переспросила Лана.

Стрелка метнулась к солнцу.

— О Боже! — буркнула Анжела, прижимаясь

подбородком к затылку Говарда.

— Почему Анжелу? — наседала Лана.

— Батлер на нее глаз положил, вот почему.

— Кит, заткнись!

— Стоило ему взглянуть на ее сиськи вчера вечером. . .

— Кит! — рявкнула Лана, но тут же опомнилась и повторила свой вопрос планшетке: — Почему Анжелу?

Долгое время стрелка оставалась неподвижной под дрожавшими пальцами Говарда. Затем она быстро понеслась по планшетке, бегло оставиваясь.

— О-Н-А-П-Р-И-В-Д-Е-Т-В-А-С-К-Б-О-Г-А-Т-С-Т-В-У.

— Она приведет вас к богатству, — шепотом повторила Анжела. — Я. Но ведь я не знаю, где оно.

— Анжела знает, где оно?

— У-З-Н-А-Е-Т.

— Она узнает? А еще не знает?

— Я-У-Х-О-Ж-У.

— Я ухожу! — воскликнул Глен.

— Нет! Подожди! Куда нам идти завтра?

Стрелка не шевелилась.

— Батлер! погоди! Куда мы должны пойти?

Они в отчаянии глядели на неподвижное пластмассовое сердечко.

— Думаю, он слинял, — заговорил Глен.

Кит убрал руку.

— Огромное спасибо, Батлер. Тьфу на тебя!

— Давайте подождем еще пару... — Стрелка заскользила по планшетке и остановилась, потом заскользила вновь и остановилась, и так еще несколько раз.

— Вверх! — объявил Глен.

— Нам идти вверх? — переспросила Лана.

— К-М-А-Р-К-У-И-П-О-С-Е-Р-Д-Ц-У-М-Н-Е-П-О-Р-А

Стрелка вырвалась из-под пальцев Ланы и Говарда, пролетела к краю планшетки и кувыркнулась на землю, задрав к небу три пластиковые ножки.

У Ланы вырвался смешок.

— Ну, думаю, теперь все.

— Что это была за ерунда в конце? — в недо-

умении спросил Глен.

— Не знаю, — проговорила Анжела. — Я здесь все записала. — Говард почувствовал толчок ее живота, когда она глубоко вдохнула. — Нам идти... посмотрим... к марку и посерд... цум. Не пора. Мне пора.

— Что это за «посерд цум»? — переспросил Глен. Анжела отодвинулась и присела на корточки рядом с Говардом. Перед собой она держала блокнот, на листке которого играли красноватые блики костра.

— Что ты думаешь?

Говард внимательно посмотрел на запись.

— К марку... Может быть, буквы «о» и «с» не связаны между собой. Получается «по серд-цум».

— «К марку и идите по серд... цум».

— Если «м» принадлежит к следующему слову, тогда будет «сердцу».

— По сердцу?

— «К Марку и по сердцу. Мне пора».

— Ладно, — проговорила Лана. — Итак, мы должны подняться к Марку и дальше идти по

велению сердца. Что бы это ни означало.

— Ну и нравятся этому чудику загадки, — пожаловался Кит. — Почему бы ему прямо не сказать, что он имеет в виду?

— Но насчет предупреждения он-то был предельно ясен, — заметил Глен. — Слава Богу, что Дорис во всем этом не участвовала. А то бы это до смерти ее перепугало.

Лана развернулась и поглядела на палатку.

— Лучше не оставлять ее одну. И никому ничего не делать в одиночку. Если Батлер прав в отношении того парня. . .

— А кому лучше знать, как не этому вшивому привидению?

— Интересно, следит ли он за нами? — промолвила Анжела.

— Кто? Батлер или наш дружелюбный местный псих?

— То, что Батлер за нами наблюдает, думаю, ясно без слов, — заметил Глен. — Или по меньшей мере все слышит. Да кто он такой? Большой Брат?

— Похоже, он заботится о нашей безопасно-

сти, — вставила Лана.

— По крайней мере, об Анжелиной так точно.

— Это не моя вина, — огрызнулась та.

— Нет, конечно, — поддержал ее Говард. — И мы кое о чем забываем.

— Да ну? А ну-ка удиви нас, Гаубица.

— Почему нам знать, что он говорит правду? Я имею в виду, все им сказанное. Мы ведь и понятия не имеем, что у него на уме. Он мог за-тащить нас сюда по какой-то странной причине, о которой мы даже не догадываемся. Этот чокнутый тип вполне может быть частью его плана. А возможно, тот парень и не собирается сделать нам ничего дурного, но Батлер хочет, чтобы мы его боялись.

— Опять эти «отрицания», о которых твердила Дорис, — выпятил губу Глен.

— Ну, — нахмурилась Лана, — Говард в чем-то прав. Нам, вероятно, не следовало так поспешно принимать слова Батлера на веру.

— Я тоже считаю, что Говард прав, — начала Анжела. — От всех этих дел с планшеткой у меня мурашки ползут по спине, и, мне кажется,

Батлер ведет с нами какую-то игру. А иначе зачем ему приводить нас сюда и отдавать нам свои сокровища?

— Щедрая душа, — вставил Кит.

— У него какие-то скрытые мотивы, — продолжала Анжела.

— Да, — подхватил Говард. — Что-то ему от нас нужно. Либо это, либо он хочет с нами что-то сделать.

— Что ж, мы уже здесь. — Лана поднялась на колени, склонилась над планшеткой и, опираясь на одну руку, подняла с земли стрелку. Затем откинулась назад, подняла планшетку и встала. — Уже поздно идти на попятную, так что, по моему, оптимальное решение для нас: повысить бдительность и продолжать поиск сокровищ. — С этими словами она отвернулась и направилась к палатке.

— Погоди, — Кит вскочил на ноги и бросился за нею. — Никто ничего не делает в одиночку, помнишь?

Повернувшись, Лана вынула из кармана куртки револьвер.

— Я ведь девчонка с огоньком, не забывай об этом.

Вместе они дошли до палатки. Кит немного опередил ее, заглянул внутрь и приподнял полог, пропуская вперед Лану. Она заползла в палатку, за нею последовал Кит. И полог запахнулся.

Глава 18

— Они ведь еще вылезут, так ведь? — пробубнил Глен.

— Полагаю, да, — проронила Анжела.

— Потому что нам надо что-то решать с Дорис. Не можем же мы просто бросить ее в одиночестве.

— А что, если просто пойти и поговорить с ней? — вставил Говард. — Послушай, это ведь твоя палатка.

Глен тяжело вздохнул.

Все трое сползли с клеенки, и Говард помог Глену свернуть ее. Глен отнес ее к тому месту, где Анжела оставила его рюкзак и спальный мешок, и бросил на землю. Затем повернулся к палатке Ланы.

— Вы еще не ложитесь, нет? — выкрикнул он.

— Только не завязывай свои шорты узлом! — отозвался Кит.

Глен повернулся лицом к другой палатке.

— Дорис?

Тишина.

Тогда он подошел к палатке, опустился на корточки и отодвинул в сторону полог. Но не во-

шел, а начал что-то говорить.

Говард шагнул к костру, поднял несколько палок и подкинул их в огонь. Затем сел на бревно. Ангела опустилась рядом. Он положил ей руку на плечо, и она прислонилась к нему.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался он.

— Немного напугана.

— Да, я тоже.

— Почему Батлер постоянно выбирает меня?

— Не знаю.

— Может быть, действительно все обстоит так, как говорил Кит?

— Кит выродок.

— Ну, а если он прав? Что, если Батлер... хочет меня? — Она вздрогнула. — Но ведь он дух или что-то в этом роде.

— По-моему, он не собирается причинять тебе зла. Он ведь велел нам защищать тебя.

— Защитить меня от этого жуткого типа. Может, это только для того, чтобы сберечь меня для него самого.

— Все, может быть, совсем по-другому. — Го-

вард стиснул ей коленку. — Кроме того, что он может сделать, даже если действительно хочет тебя? Он ведь бестелесный, верно?

— А кто знает, что он такое? Ты когда-нибудь видел фильм «Существо»?

— Читал книгу.

— Помнишь, что там случилось?

— Да.

— Тот демон, или кем он там был еще, изнасиловал столько женщин.

— Это все выдумки.

— Но я слышала, что это было взято из жизни.

— Очень сомневаюсь, чтобы что-то подобное могло происходить в действительности.

— Боже, — пробормотала она. — Я бы этого не перенесла. Лучше уж попасть в лапы к этому уроду, чем. . .

— Эй, вы, сюда! Я уболтал Дорис.

Оглянувшись через плечо, Говард увидел стоявших между палатками Глена и Дорис. Полог палатки Ланы вздулся, и оттуда выползла ее хозяйка. Вслед за нею в отверстии показалась го-

лова Кита.

— Чудо из чудес.

— Давайте побыстрее с этим покончим, — заговорила Дорис. Застегивая на ходу змейку куртки, она поспешила к костру. За ними последовали другие. Все расселись на свои прежние места, словно вернувшиеся после антракта в зал зрители. — Ну и, — продолжила она, — что это за такое неотложное дело?

— Мы не могли оставить тебя одну в палатке, — пояснила ей Лана. — Этой ночью нельзя никого оставлять одного. Пока где-то совсем рядом этот сумасшедший.

Дорис выпятила губы.

— Уверена, наш вооруженный охранник обеспечит нам надлежащую защиту.

— Мы установим дежурства, — спокойно проговорила Лана. — Но это не даст абсолютных гарантий. Мне думается, каждый, кто будет держаться особняком, идет на риск. Неоправданный риск.

— Ты ведь и сама не очень хочешь оставаться одной, — предположил Глен.

— Я не собираюсь пускать тебя в палатку.

— Это его палатка, — напомнил Кит.

— Кто же тогда приемлемая для тебя кандидатура? — спросила Лана.

Маленькие пороссячьи глазки Дорис пробежали по собравшимся.

— Думаю, кто угодно, кроме Кита и Глена.

— Это должен быть парень. Значит, остается Говард.

У Говарда отвалилась челюсть, он неожиданно почувствовал себя загнанным в угол. Ему стало дурно.

— О-о-о-о, нет. Только не это!

— Огромное спасибо, — обиженно буркнула Дорис.

— Это нечестно, — твердил он, глядя не на Дорис, а на Лану.

— Это палатка Глена. Если он собирается позволить ей спать там, это его личное дело. Не впутывайте меня. Это не моя вина, что у них какие-то проблемы.

— Нам надо разбиться на пары, — пояснила Лана.

— У меня уже есть пара. Анжела.

— Да. Мы вместе. И уже решили спать у костра.

Говард не припоминал ни о каких совместных решениях, но энергично закивал головой.

Лана тяжело вздохнула. Поглядывая то на Глена, то на Дорис, словно ища у них поддержки, она устало произнесла:

— Нельзя никого оставлять одного в палатке.

Те двое вопросительно глядели друг на друга. У Дорис был угрюмый вид, у Глена — раздраженный.

— Я мог бы разложить свой спальный мешок перед палаткой, — наконец заговорил он. — Так мое присутствие не оскорбит чувств Дорис, но я буду загораживать вход и смогу быстро заскочить в палатку, если услышу что-нибудь.

— Дух галантности еще не умер, — поддразнил Кит.

— Думаю, так будет нормально, — согласилась Дорис.

— Еще это означает, что он будет твоим напарником по дежурству, — поспешила закрепить

успех Лана.

— Ладно.

— Теперь, что касается дежурства, — продолжила Лана, — мне кажется, первая вахта должна длиться до половины второго. Затем будет еще две смены, по три часа, так что как раз получится до половины восьмого утра, и каждому удастся поспать шесть часов.

— Тебе надо было специализироваться по математике, — съехидничал Кит.

— Ни у кого нет возражений?

Кивая головой, Говард посмотрел на Анжелу.

— Вызовемся первыми? — шепнул он ей.

— Конечно.

— Мы изъявляем желание заступить на первую вахту, — объявил он.

Никто не возражал.

— Кит и я будем дежурить с половины второго до половины пятого, так что разбудите нас, когда наступит время. У кого-нибудь из вас есть часы?

— Да, — ответил Говард.

— И у нас будет револьвер? — поинтересова-

лась Анжела.

— Верно. Часовые будут при оружии.

— Знаешь, как им пользоваться, Гаубица?

— Думаю, справлюсь.

— Но что мы должны делать? — растерянно спросила Анжела.

— Глядеть в оба, — сказала Лана.

— И поддерживать огонь, — добавил Кит. — Когда я буду вылезать из своего уютного теплого мешка в непроглядную ночь, я хочу, чтобы меня ожидал хороший, по-настоящему горячий огонь.

— Ладно, — небрежно бросил Говард и тут же подумал, а хватит ли дров в оставшейся куче хотя бы на их дежурство?

Может, и хватит. Если экономно с ними обращаться.

— Главное, — вновь заговорила Лана, — не позволить маньяку незаметно прокрасться в лагерь. Отсюда палатки довольно хорошо просматриваются. Если он попробует приблизиться к одной из них, стреляйте.

— Только не попадите по палатке, — хихикнул Кит.

— Урок окончен? — хмыкнула Дорис.

— А как насчет туалета? — поинтересовалась Анжела.

— Делайте это где угодно, только не загасите костер.

— Давайте позаботимся об этом прямо сейчас.

— Вот это по мне, — с самодовольной улыбкой Кит начал подниматься.

Но Лана опередила его, положила руку на плечо и усадила на место.

— Мальчики могут подождать здесь.

— О, бляха-муха!

Анжела и Дорис встали и пошли вслед за Ланой к ее палатке. Та нырнула внутрь и через пару мгновений появилась с фонариком и рулоном туалетной бумаги.

— Вы уверены, что не хотите, чтобы мы постояли на страже? — крикнул им вдогонку Кит. — Или предпочитаете, чтобы вас поймали со спущенными трусами?

— Мы рискнем. И не пытайтесь подкрасться, чтобы подсмотреть. А то, чего доброго, глотнете

свинцовую пилюлю.

— Дай женщине пушку, и она тут же возомнит себя Грязным Гарри.

Возглавляемые Ланой, девушки гуськом поплелись в заросли за палатками. Уже после того, как тройка скрылась из виду, Говард несколько раз заметил мелькание луча фонарика.

— Зачем они так далеко заходят? — заволновался Глен.

— Наверное, думают, что мы тайком пойдем за ними.

Говард повернулся лицом к костру.

— Я бы не посмел.

— Знаю, ты же у нас застенчивый.

— Просто боюсь ненароком увидеть задницу Дорис.

Кит и Глен покатались со смеху. Говард довольно улыбнулся.

— Не хочу, чтобы мне потом снились кошмары, — добавил он.

— Неплохо, Гаубица. Не совсем еще ты пропащий.

— Счастливчик же я, — проронил Глен. — Мне

с нею дежурить. И не отвертись.

— Сделай нам одолжение. Трахни ее так, как следует. Это может улучшить ее нрав.

— Да, как же.

— Ты мог бы натянуть ей на голову мешок, — предложил Говард.

— А еще лучше на все тело.

Но это уже, видно, совсем позабавило Глена.

— Не то что я собираюсь этим заниматься, но если бы попробовал подбивать под нее клинья, она, скорее всего, начала бы надо мной издеваться. А кому это надо, ты. . .

— НЕТ!

Отдаленный пронзительный крик впился в мозг Говарда, и он, словно ужаленный, вскочил на ноги. Подскакивая, Кит выпалил: «Блин горелый», на него налетел и чуть не сбил с ног Глен. Они уже бежали, когда из леса вновь послышались крики:

— На помощь! Это он! Это он!

Голос Анжелы.

Но первый панический выкрик принадлежал

не ей. Так, по крайней мере, ему показалось.

Что происходит?

Почему Лана не стреляет?

— Не-е-ет!

Лана?

Они пронеслись мимо палаток. Кит первым добежал до конца опушки и вскочил в заросли. Говард летел за ним по пятам, Глен чуть сзади.

Говард старался не терять из виду темный силуэт спины Кита. Он ничего не слышал, кроме свиста ветра в ушах, собственного шумного дыхания и топота их ног по лесной подстилке.

— Отпусти ее! — вновь послышался голос Анжелы.

Грохот выстрела чуть не разорвал Говарду барабанные перепонки. Затем еще один. Он перестал слышать ветер и учащенное дыхание бегущих, а приглушенные звуки шагов доносились сквозь звон в ушах как бы откуда-то издалека.

Впереди и правее Кита бледный луч света наискось прорезал темноту.

— Мы здесь! — завопил Кит.

Свет метнулся в их сторону.

— Сюда!

Голос Анжелы.

С нею все в порядке!

Но что с остальными?

Через несколько секунд это выяснилось. Он увидел Лану на земле с оголившимися ногами и скатанными на лодыжках джинсами. Стоявшая на коленях возле ее головы Анжела погасила фонарь.

— С нею все в порядке! — запыхавшись, выпалила Дорис, стоявшая за спиной Анжелы.

— Со мной все в порядке, — тяжело дыша, выдавила из себя Лана.

— Боже, что случилось?

— Он схватил ее, — пояснила Анжела.

— Он побежал в ту сторону, — подняв руку, Дорис указала на деревья за спиной Ланы. В руке у нее был револьвер.

— Ты не попала в него? — воскликнул Кит.

— Не-а.

— Дай сюда! — он подскочил к Дорис и выхватил у нее револьвер.

— Нет, — сказала Лана. — Не ходи.

— Разнесу его гребаную башку.

— Стой! — рявкнула Лана.

Глен положил руку Киту на плечо.

— Мы его теперь уже вряд ли найдем. И нельзя оставлять девчонок.

Кит резко повернулся к Дорис.

— Почему ты в него не стреляла, толстозадая корова?

Глен встряхнул его за плечо.

— Прекрати!

— Ради Бога, — взмолилась Лана, — она же спасла меня. Она не могла стрелять в него. Иначе попала бы в меня. Ублюдок убегал, неся меня на плече.

— Он бросил ее, только когда Дорис выстрелила, — пояснила Анжела.

— О, — протянул Кит.

— Да. О — Лана села и, наклонившись, потянула за кроссовку. — Вся в моче, — пробормотала она.

— Посветить? — спросила Анжела.

— Нет, спасибо. — Она стянула одну кроссовку и потянулась к другой. — Он набросился на

меня как раз, когда я присела пописать. Подкрадывается сзади и дергает меня назад. — Скинув вторую кроссовку, она начала возиться с брюками. — Не успела я опомниться, как вмиг оказалась у него на плече. Одному Богу известно, куда он хотел меня утащить. Но, если бы не Дорис, думаю, очень скоро узнала бы.

— А где же был револьвер все это время? — изумленно спросил Глен.

— У меня в куртке.

— Должно быть, он выпал, когда этот тип взваливал ее на плечо, — предположила Дорис.

— Так и было, — подтвердила Анжела. — Я слышала, как револьвер стукнулся о землю.

Лана начала обуваться.

— Анжела бросилась к нему и попыталась задержать ублюдка, — продолжала Дорис. — Повисла на нем и продержалась, пока я искала фонарь. Мне просто посчастливилось заметить рядом с ним револьвер. Я подняла его как раз в тот момент, когда тому выродку удалось стряхнуть с себя Анжелу. Лана была у него на плече, и мне не было видно, где кончалась Лана, а где начи-

нался он, поэтому я и не целилась в него. Просто выстрелила в воздух, и он сбросил ее.

— Вот тогда и надо было уложить его, — заметил Кит.

— Тебя там не было, — промолвила Лана, поднимаясь на ноги. Отряхнув зад, она брезгливо фыркнула: «Фу!». Говард вытаращился на ее бледные ягодицы, когда Лана наклонилась, чтобы подтянуть брюки. — Пойдемте назад в лагерь, — предложила она. — Я замерзла.

Анжела отдала фонарь Киту, затем подошла к Говарду и взяла его за руку. Вместе они возглавили процессию.

— Надо было попытаться, — слышался позади голос Дорис.

— Ты вела себя молодцом, — ответила ей Лана. — Я у тебя в большом долгу.

— Просто было так темно, и я испугалась, что промажу, и тогда у нас останется только три пули.

— Если бы ты попала в него, — заметил Говард, — то нам уже не пришлось бы беспокоиться об экономии боеприпасов.

— Да перестаньте вы наконец, — взмолилась Лана. — Она спасла мне жизнь. Она и Анжела.

— А было ли у того типа мачете? — поинтересовался Глен.

— Кажется, нет, — ответила Лана. — Он держал меня обеими руками.

Анжела оглянулась через плечо.

— Оно было у него на поясе, — сообщила она. Говарду тоже хотелось оглянуться. Может, удалось бы увидеть Лану спереди. Но другие могли бы догадаться о его гнусных намерениях. Кроме того, слишком темно, чтобы что-то увидеть. И он упорно смотрел вперед.

Среди стволов и низких веток впереди показался неясный и далекий свет костра.

— Была ли на нем одежда на этот раз? — полюбопытствовал Кит.

— Мех, — ответила Лана. — Я ощутила под собой что-то мягкое. Какой-то сыроватый мех.

— И кожаные брюки, — добавила Анжела.

— Разве? А я не видела.

— Во всяком случае, на ощупь они были как кожаные. Да и запах непривлекательный.

Когда Говард шагнул на поляну, Лана сказала:

— Ребята, поспешите вперед и разведите огонь побольше. А то я превращусь в сосульку. Кит, ты не принесешь мне полотенце и тренировочные брюки? И еще носки и ботинки.

— Конечно.

Говард услышал позади себя быстрые шаги. Затем его обогнала Лана, держа на вытянутой руке сбоку от себя джинсы, и пробежала между палатками. Белесые от луны ноги и попка стали золотистыми, когда она пробежала мимо костра, и побледнели, когда выбежала из его света.

— Сюда, — донесся голос Кита. — Побудь с ней. Я подойду через минуту.

Мимо трусцой просеменила Дорис с револьвером в руке.

Лана была уже далеко. Она остановилась и бросила джинсы.

Когда Анжела вела Говарда за руку к костру, он наблюдал, как едва видимая Лана скакала вначале на одной, затем на другой ноге, освобождаясь от кроссовок. Потом подобрала с земли джинсы и стала спускаться к берегу озера по

покатому склону.

Внезапно она вздрогнула и вскинула вверх руки, словно от удара ножом в спину. Ее ног не было видно, но Говард догадался, что Лана вошла в воду.

За спиной неожиданно прозвучал голос Глена:

— Ух! Холоднющая, не дай Боже!

Лана зашла глубже. Ноги словно отрезали по колено. И с каждым шагом чернота взбиралась выше. Затем между поверхностью озера и темной спиной куртки осталось лишь смутное бледное пятно. Оно растянулось вверх, когда Лана подняла куртку и рубашку.

Дорис спустилась к озеру и заслонила весь вид.

«Не следовало бы мне туда пялиться», — пожурил Говард себя.

— Я подброшу немного дров, — сказала Анжела, когда они подошли к костру. — Может, вы с Гленом насобираете еще веток?

— Да, пойдём, Гови.

Анжела пожала ему руку.

— Держитесь поближе к лагерю, ладно? — И она отдала ему фонарь.

«Это хорошо, — подумал он, уходя от костра с Гленом. — Наберем побольше дров сейчас, пока мы все вместе. Чтобы хватило хотя бы на наше дежурство».

И он снова взглянул в сторону озера. Теперь Дорис не портила картины, и Говард увидел, как Лана выходит из воды, держа перед собой джинсы. Но к берегу уже бежал Кит с каким-то свертком в руках.

— Эй, друг, — окликнул его Глен, — хватит глазеть на шоу, собирай-ка лучше дрова. Мне здесь как-то неуютно.

Глава 19

— Ты, наверное, не поверишь? — нарушил тишину Чед. — Нам это удалось.

Кори, подпрыгивая и покачиваясь на пассажирском сиденье, всматривалась в «Гранаду» Ланы, к которой они подъехали сзади. В свете фар блеснул ее бампер, отбросили красный свет задние габаритки, и высветился салон. В первое мгновение ей показалось, что спереди сидят двое. Но затем она поняла, что это были подголовники, а не головы.

— Так, — буркнула она, — в машине их нет.

— Похоже на то. — Чед остановился рядом с машиной Ланы, заглушил мотор и выключил наружное освещение. Все утонуло во мраке.

Взяв фонарик, Кори вышла из машины. Как здорово вновь встать на ноги! Она потянулась и вздохнула, и приятная истома разлилась по онемевшим и затекшим мышцам.

Хотя верхушки деревьев покачивались, но у земли сильного ветра не было. Довольно свежо, но не холодно.

Чед ждал возле «Гранады». Кори посветила фонариком в пассажирское окно. Внутри никого

не было, как она и предполагала.

— Попробуй позвать, — предложил Чед.

Кивнув головой, Кори повернулась к лесу, начинавшемуся сразу за капотом машины.

— Эгей! — закричала она. — Лана! Говард! Анжела! Ребята! Это Кори Дальтон! Эгей!

«Странно, — подумала она. — Вот мы здесь, стоим рядом с другой брошенной машиной, кричим, а никто не отзывается, точно так же, как было и у той машины».

— Словно повторный показ знакомого эпизода, — промолвила она. — Но теперь мы точно знаем, что они не пошли в город.

— Подозреваю, что ребята отправились к озеру.

— Как ты и полагал с самого начала.

— Что ты хочешь делать?

Обведя взглядом темный лес, Кори покачала головой.

— Не знаю.

— Переход к озеру будет очень изнурительным, но, возможно, нам удастся проделать его за пару часов. Вернее — часа за три, — добавил

он. — Если мы не сойдем с тропы или не свалимся с обрыва.

Кори улыбнулась.

— Вижу, ты просто рвешься в бой. Но вынуждена тебя разочаровать. Я уже иссякла и не дойду. Мне даже не хочется пробовать. Только не этой ночью.

— Слава Богу.

Рассмеявшись, она прибавила:

— В противоположность распространенному мнению, я не мазохистка.

— Как я в тебе ошибся.

Ткнув его локтем, Кори игриво вильнула мимо капота и провела перед собой лучом фонарика. Тот высветил в стороне, слева, деревянный указатель — пару узких дощечек на верхушке столба.

— Видимо, начало тропы, — заметил Чед, ступая вслед за нею.

Кори остановилась перед указателем и прочла вслух. «Озеро Каньон Теней — 4 мили. Пик Отчаяния — 9 миль». Заостренными концами дощечки были нацелены на прогалину в лесу.

— Давай просто немного пройдемся по ней, — предложила она, осветив фонарем узкую пешеходную тропинку. — Без поклажи. Как знать, а вдруг наткнемся на ребят. Может, они просто решили разбить лагерь чуть поодаль.

— Возможно, — согласился Чед, последовав за нею по тропинке.

— Далеко заходить не будем.

— Хотелось бы надеяться. Мне кажется, кто-то кое-что задолжал за проезд.

— Я и сама ожидаю этого момента с нетерпением.

Они шли молча. Кори светила фонариком прямо перед собой, но часто водила им по сторонам, вглядываясь в окружившие их густые заросли. Ей хотелось увидеть огонь костра, услышать голоса. Но вокруг была лишь густая темнота, тронутая лунной сединой, и слышались только их собственные шаги, крики и щебет ночных птиц, бумажный шелест покачиваемых ветром сосновых веток да изредка тихие, легкие звуки шмыгающих невдалеке зверушек.

— Что ж, думаю, достаточно, — наконец объ-

явила Кори. Она еще раз выкрикнула имена своих студентов, но ответа не последовало.

— Завтра выйдем до рассвета, — пообещал Чед. Развернувшись, она взяла его за руку, и они вместе пошагали назад.

Глава 20

Говард сидел спиной к костру, держа револьвер на коленях, Анжела — рядом на бревне, но только лицом к костру. Расположившись таким образом, они обеспечили себе полный обзор местности. Их плечи соприкасались, и они могли тихонько разговаривать, а иногда и поглядывать друг на друга.

— Который час? — поинтересовалась Анжела. Говард взглянул на часы.

— Без пяти двенадцать.

— Осталось всего полтора часа. Не так уж и плохо, да?

— Все равно я бы не смогла уснуть.

— Интересно, а как там остальные?

— Не знаю. — Он поглядел в сторону палаток. Раньше сквозь полог палатки Ланы просвечивал тусклый пятячок света. Но он давно исчез — обе палатки были темны. — Бьюсь об заклад, все спят.

— Кстати о закладах, — промолвила Анжела, — думаешь, Кит уложит свою трубу? — Она почти беззвучно рассмеялась.

— Да, а как считаешь ты?

— Так же. Бедняжка Лана окоченела. Даже если отбросить в сторону все иные причины, она сделает это хотя бы для того, чтобы согреться.

— Ты так думаешь?

— Конечно. И это отвлечет ее мысли от того, что случилось.

Странно было беседовать с Анжелой о том, как кто-то другой станет заниматься сексом. Странно, но приятно. «Мы говорим о них, — убеждал себя Говард, — но думаем о нас».

По крайней мере, я думаю.

— А как насчет Глена и Дорис? — спросил он.

— Тут я сомневаюсь.

— И я тоже. Но она все же впустила его в палатку.

— Испугана, вот и все.

— Еще неизвестно, как поведет он себя, когда они останутся наедине. Мне кажется, Глену она нравится.

— Было бы чертовски здорово, если бы они сошлись.

— Возможно, Дорис изменилась бы до неузнаваемости, — предположил Говард.

— И на ее лице появилась бы улыбка.

— Но, если они попытаются этим заняться, для одного из них это может закончиться плачевно: будет просто расплюснут.

Анжела засмеялась и толкнула его плечом. Они оба повернулись лицом друг к другу. Ее лицо было розовым, чуть обветрившимся от дневного перехода и покрасневшимся от ночной стужи и бликов костра. Одно пятно сажи украшало щеку, другое — лоб, чуть повыше правой брови.

Их взгляды встретились. Говарда удивил ее серьезный вид. Анжела слегка откинулась назад, наклонилась вбок и поцеловала его. Сначала ее губы показались ему холодными, но затем потеплели. Грудь ее уперлась в его руку, и у него перехватило дыхание. Глядя ее волосы, он почувствовал, как брюки внизу стали оттопыриваться.

Когда Анжела тихо застонала, ее губы завибрировали и защекотали его, но это продолжалось всего какое-то мгновение, после чего она отняла их.

— Нам лучше не терять бдительности, — прошептала она.

— Ты сама начала.

Улыбкой засияло все ее лицо.

— Это верно, признаюсь. — Она выпрямилась и усмехнулась ему через плечо. — Такая я несдержанная.

— Боже, Анжела!

— Что?

— Ты так сильно изменилась. Прямо на глазах. Словно стала совсем другим человеком. Со вчерашней ночи...

— Вчера ночью ты наконец обратил на меня внимание. — Ее улыбка стала потухать. — Мне кажется, это определенным образом связано с удалением некоторого предмета одежды.

— Ну... очень даже может быть.

— Нет, я не изменилась настолько сильно. Во-все нет.

— Но раньше ты была такой... интровертом, что ли?

— Ну, мы совсем не знали друг друга. Я думаю, ты всегда считал меня довольно странной.

— Просто я... да. Думал, ты живешь в каком-то собственном мире.

— Ты меня боялся. — Она поглядела на него через плечо и улыбнулась. — И до сих пор боишься, по крайней мере, немножко.

— Теперь уже не настолько. И уже совсем по-другому.

— По-другому, это как?

— Господи.

— Нет, продолжай.

Говард тяжело вздохнул.

— Ну, не знаю. Раньше я считал тебя необычной, что ли.

— Со странностями?

— Но ты не такая. Совсем не такая. Я хочу сказать, теперь, когда я знаю о том... в каких условиях тебе приходилось жить... я могу понять, почему ты такая замкнутая и всегда казалась мне такой... озабоченной.

Анжела выслушала его молча. Затем сказала:

— Костер прогорает.

Нервная дрожь пробежала по животу Говарда.

«Ну вот, проболтался, — досадовал он. — И кто меня за язык тянул?»

Говард нагнулся вперед и поднял несколько веток. Затем перекинул ногу через бревно, развернувшись спиной к Анжеле, склонился вбок и бросил их в огонь. Вспомнив о том, что им было поручено высматривать того типа, поглядел на палатки и в темноту за ними.

— Я была для Скеррита всем, — неожиданно заговорила Анжела. — Он не желал, чтобы я заводила друзей. Да мне и самой не хотелось этого, если по правде. Нет, я мечтала о друзьях, но не могла их иметь, потому что пребывала в постоянном страхе: а вдруг кто-то узнает, что я живу с ним. Как можно объяснить нечто подобное? Разве что соврать. Думаю, можно было бы объявить его своим отцом. Но что это за отношения, которые строятся на лжи?

Говард перекинул ногу назад через бревно и снова уселся спиной к костру, прислонившись к девушке боком.

— В тебе мне нравится то, — продолжала она, но вдруг запнулась. — Ты знаешь об этом, но... не ведешь себя, словно я чумная. Хотя тебе это и не дает покоя.

— Да. — Сердце громко стучало. От испуга, что сейчас она вот-вот начнет рассказывать о таком, о чем ему не терпелось узнать, но чего он так страшился. — Право, не понимаю этого — как ты могла оставаться с таким? Знаю, что ты не могла себе позволить иметь собственную квартиру, но...

— Все гораздо сложнее. Он платил за обучение, платил за все.

— Но почему?

— Мы заключили сделку. Я согласилась жить с ним и заботиться о нем, а он согласился дать мне возможность закончить колледж.

Но он издевался над тобой! Как ты могла позволить ему делать с собой такое?

Эти мысли ураганом пронеслись в голове Говарда, но он промолчал.

— Но и это еще не все, — продолжала она. — На тот случай, если ты еще не догадался. Думаю, можно сказать, что я была его любовницей.

— Он приставал к тебе?

— Не знаю. «Приставал» вроде звучит правильно. Но я не собираюсь тебе врать, Говард. В

прямом смысле слова он никогда не насиловал меня. Я была с ним добровольно. Мне не хотелось никакого секса с ним, но я позволяла ему делать все, что он желал. Кое-что ему, конечно, приходилось заставляя меня делать, но обычно я просто делала все сама. И это было не так уж и плохо.

— Боже, — пробормотал он.

Хуже, чем он себе представлял. Намного хуже. Почти невероятно.

— Мне жаль, — призналась Анжела.

— Как ты могла?

— Мне нужно было получить образование. Ему нужна была я. Думаю, мы просто использовали друг друга.

— Но... это омерзительно.

— Знаю. Дело в том, что он не так уж плохо относился ко мне. И, в основном, нормально обращался со мною.

— Ну да, а почему бы и нет. Ты ведь раздвигала перед ним ноги.

— Эй, перестань! — В ее голосе прозвучала обида. Когда Анжела наклонилась вперед, Говард

обернулся. Упершись локтями в колени, она опустила голову и, казалось, глядела в землю. — Ну вот, выходит — я шлюха, да? — пробормотала она.

— Я этого не говорил.

— Но так думаешь. И я не виню тебя. Потому что и сама так считаю. Наверное, не стоило тебе рассказывать. Но мне не хотелось держать от тебя что-либо в тайне.

— Все нормально. — Говард положил руку ей на плечо.

— Скеррит был намного добрее ко мне, чем другие. Любил меня, причем очень. И редко делал мне больно. А когда и делал, то только потому, что сильно любил меня и боялся потерять. — Она покачала головой. — Не следовало покидать его. Он, должно быть, решил, что я ушла навсегда. Боже, нестерпимо думать о том, что он теперь переживает.

— Но ты ведь не собираешься к нему возвращаться, нет?

— Может, мне там самое место.

— Нет!

— Было не так уж и плохо. Правда, правда. Скеррит просто ангел по сравнению с другими.

— Какими другими? На кого ты постоянно намекаешь?

— Не думаю, чтобы тебе хотелось узнать.

— Нет, я хочу. — Говард погладил ее по спине. — Я хочу знать о тебе все, — добавил он, удивляясь самому себе. Он не ожидал от себя таких слов, но когда услышал их, то понял, что это была правда.

Анжела выпрямилась и посмотрела на него. Она не плакала, но лицо ее было печальным и уставшим.

— Ладно, — согласилась она.

— Ладно.

— Но не будем забывать о бдительности.

— Тот парень, вероятно, уже где-то очень далеко. Теперь, когда он знает, что у нас есть револьвер. . .

— Он не отступит. Я знавала таких людей. Они не сдаются, пока не получают своего.

— Что ты этим хочешь сказать, «я знавала таких людей»?

— Мой отчим, для начала. Чарли. И его мальчишки. Двойня, Джек и Джордж. Вся тройка была... ужасной. Они оставили меня у себя после гибели моей мамы.

— Это когда тебе было четыре?

— Да. Близнецам тогда, наверное, было лет по девять или по десять.

— Они были твоими братьями?

Анжела покачала головой.

— Они были сыновьями Чарли. Их матери я не знаю. Но это была не моя мама. И я не знаю, как моя мама сошлась с Чарли. Может, у нее не было выбора. А больше всего мне хотелось думать, что она была его пленницей или что-то в этом роде и не могла вырваться. Но они поженились. По крайней мере, я так предполагаю. Потому что носила его фамилию: Карнес.

— Карнес? А я думал, ты Лоуган.

— Я была Анжелой Карнес, пока не сбежала от него. Затем я сменила фамилию. Прочитала книгу «Побег Лоуган». Имя мне понравилось, и я взяла его себе. Во всяком случае, я почти не сомневаюсь, что мама была замужем за Чарли.

Хотя и не знаю, почему она сделала это, если не под принуждением. Разве только сама была такой же и действительно полюбила его. Но мне очень не хочется думать о ней так.

Будь она жива, быть может, вырвала бы меня из лап этих мерзавцев. А может, и нет. Возможно, все было бы так, как оно и было. Но, думаю, этого я уже никогда не узнаю.

Как бы там ни было, но это длинная история. Только в тринадцать лет я покинула Чарли и близнецов. Большую часть времени мы жили в фургоне. Когда мы не переезжали куда-нибудь в очередной раз, то останавливались где-нибудь у черта на куличках. В лесу, в чистом поле. Чарли не хотел никого видеть рядом.

За все то время, пока была с ними, я никогда не ходила в школу.

— Никогда? Как же ты научилась читать?

Анжела повела плечами.

— Они-то меня точно не учили. Должно быть, научилась от мамы. По меньшей мере усвоила какие-то азы, а потом уже училась самостоятельно. Пока жила с этими ублюдками, читала все,

что попадало под руку. Это было так здорово. И, вероятно, это и спасло меня от помешательства. Читая, я жила жизнью других людей. И эти жизни всегда были лучше моей — даже когда героям приходилось несладко. Думаю, именно книги удержали меня на плаву. Книги и мои грезы.

Иногда мы проезжали мимо школ, и я видела этих ребятишек. . . Мне кажется, тогда мне больше всего на свете хотелось пойти в самую обычную школу. Мне часто снились сны о том, как это произойдет. Но я не могла пойти в школу, как другие дети, так что решила побыстрее вырасти и стать учительницей. Это было для меня самым главным, целью моей жизни — стать учительницей. И учить детей любви к книгам. Я верила, что это когда-нибудь случится, если до этого меня не убьют.

— Ты думала, что они тебя убьют?

— Просто по счастливой случайности им это не удалось.

— Господи, — пробормотал Говард.

— Они были ненормальными, психами. Как этот тип, что нападал на нас, но, вероятно, еще

хуже.

— Да что они тебе сделали?

— Спроси, что не сделали.

— Но ведь ты была еще ребенком.

Анжела пожала плечами.

— Это их не остановило. Но они стали намного... активнее... когда мне исполнилось девять или десять. И потом, когда у меня стали развиваться груди... Думаю, все бы еще ничего, да только они никогда не могли обойтись без того, чтобы не помучить меня. И не потому, что я их злила. Они делали это для встряски. Это... заводило их. Меня раздевали и связывали. Иногда в ход шли наручники. А то и подвешивали за руки на ветку дерева или что там еще подворачивалось и стегали меня ремнями или электрическими шнурами или колотили палками. Боже, чего только не испытала я на своей шкуре, даже представить трудно. При этом часто в дело шли щипцы или... так вот, терзая меня, они доводили себя до иступления и затем... ну это, насильовали меня.

В голове Говарда стоял какой-то туман. Муж-

чины делали подобные вещи? Анжеле? Девушке, сидящей сейчас рядом с ним?

Он посмотрел на нее исподлобья.

— Они и вправду такое делали?

— Да. И не только со мной. Очень часто это были совсем посторонние люди. Они подвозили голосовавших на дороге женщин или девушек, а затем те становились их жертвами. Иногда они даже сталкивали с дороги машины, если за рулем сидели одинокие женщины.

— О Боже, — буркнул Говард.

— Для некоторых из них, надо полагать, все это закончилось трагически. Но на моих глазах они никого не убивали. Я всегда пряталась в фургоне, когда это происходило, и слышала крики женщин. И еще как они смеялись и визжали от радости. А я радовалась тому, что на этот раз это была не я, а кто-то другой.

Анжела встала. Повернувшись, Говард увидел, как, пройдя мимо него, она взяла несколько палок и бросила в огонь. Затем оглянулась на него.

— Не хочешь немного пройтись?

— Конечно.

— А то попка онемела, — криво усмехнулась она, включая фонарик.

Говард поднялся. Ослабив пояс на одну дырочку, он сунул за пряжку револьвер стволом вниз.

Бок о бок они медленно пошли по направлению к палаткам. Очень тихо Анжела произнесла:

— Уверена, ты никогда не ожидал услышать подобную историю.

— Это... ужасно. Боже! Как можно совершать такое безнаказанно?

— Ну, во-первых, они постоянно переезжали и, надо полагать, обычно оказывались за многие мили от места преступления, задолго до того, как полиции становилось известно об исчезновении их жертв. И потом, мы постоянно ездили какими-то окольными путями, а в населенные пункты заезжали лишь затем, чтобы пополнить припасы...

Когда они зашли за палатки, Анжела замолчала и, скользнув лучом по задним стенкам каждой из них, осветила ближайšie заросли.

— Как тебе удалось вырваться от этих мерзавцев?

Анжела подождала, пока они отошли подальше от палаток, почти к самому лесу.

— Они убили меня.

— Что?

— Мне тогда было тринадцать. Мы были где-то в Орегоне, и они остановились, чтобы подобрать попутчицу. Думаю, той было всего пятнадцать или шестнадцать. Как бы там ни было, но она уже собиралась залезть в фургон. А я больше не могла всего этого терпеть: закричала, чтобы предупредить ее, та и убежала. И ей удалось скрыться. А меня вывезли на какое-то поле. Обрабатывали меня. . . ну, не знаю, несколько часов, не меньше. Решили, что убили меня. Когда я проснулась. . . ну, они это, похоронили меня.

— Похоронили?

— В одной из тех безымянных могил, о которых ты, наверное, слышал. К счастью, они бросили меня в яму лицом вниз. Так что я могла дышать. Да и сверху было совсем немного: чуть-чуть земли и несколько крупных камней, а в ос-

новном — листья и мусор. В общем, я выкарабкалась. А их уже не было. Больше я их никогда не видела. — Она снова пожала плечами. — И ничего о них не слышала: возможно, все трое уже мертвы. Или где-нибудь в тюрьме.

— Надеюсь, они мертвы, — проронил Говард. Анжела взяла его за руку и пожала ее.

— В этом ты не одинок.

Они шли по периметру лагерной поляны к озеру. Анжела пробежала лучом фонаря по каменистому берегу, затем повернулась лицом к лагерю.

— Что случилось после того, как ты убежала?

— Я вышла к дороге и меня подобрала какие-то люди. Затем какое-то время провела в больнице.

— Ты все рассказала полиции?

Повернувшись к нему, Анжела покачала головой.

— Я симулировала амнезию.

— Что?

— Говард, я была так испугана. Чарли и близнецы считали меня мертвой. Меня приводила в

ужас мысль о том, что они узнают, что я жива, и будут меня разыскивать. Поэтому я притворилась, что ничего не помню, даже своего имени. Это сработало, и очень скоро копы оставили меня в покое.

— Если бы ты рассказала, возможно, их бы поймали.

— Знаю. Но я до того была напугана, что не стала рисковать. Ты и представить себе не можешь мое состояние. Они держали меня девять лет. Понимаешь, Говард, целых девять лет. И все эти дни я жила с безумцами, которые делали со мной все, что хотели. И некоторое из этого было намного хуже, чем то, о чем я тебе рассказывала. А тут я неожиданно оказалась на свободе и была по-настоящему свободной, потому что для них умерла. И я готова была на все, лишь бы они никогда не узнали, что я жива.

Отпустив его руку, Анжела прижала ладони к груди.

— Я сознаю, что поступила неправильно, не сообщив обо всем в полицию. Но я не могла. Просто не сумела себя пересилить.

— Может, лучше вернуться к костру?

— Да. А то меня уже пробирает.

Вернувшись к костру, они не сели, а встали рядом с ним. Анжела протянула руки к огню.

— Как хорошо.

— Да.

— Мне продолжать?

— Ну, я не знаю.

Анжела устало вздохнула.

— Ну, самое худшее уже позади. Меня взяла на воспитание одна семья, и наконец-то сбылась моя мечта о школе. Живя в этой семье, я и закончила среднюю школу.

— Они обращались с тобой хорошо?

— Получше, чем Чарли и его мальчики, это точно. Но тоже не увеселительная прогулка.

— Ты шутишь?

— Они не были жестокими в прямом смысле. Я имею в виду Денниса и Минди, набожную до мозга костей американскую чету среднего достатка. Во-первых, они старались, чтобы у нас на теле не оставалось никаких следов. С ними жили еще две воспитанницы, так что свою «заботу»

они распределяли между нами, и я не была единственным объектом. Но Минди была ко мне явно равнодушна, и я получала «добавку» к своей порции.

— Она была равнодушна к тебе?

— Она считала меня хорошенькой. Ей нравилось привязывать меня к своей кровати. — Анжела шумно выдохнула. — Но, после Чарли и близнецов, эти двое были просто ангелами. А Скеррит — так вообще золотой человек, по сравнению со всеми остальными.

— Как ты у него оказалась?

— Он был отцом Минди и несколько раз приезжал к ним в гости. Мне хотелось учиться в Белморе, а он жил рядом. Вот мы и договорились. Думаю, Минди хотела оставить меня в семье, чтобы посещать меня в родительские дни и все такое. — Анжела улыбнулась сама себе. — Когда я училась на первом курсе, самолет, в котором летели Деннис и Минди, упал на землю. После этого падения они уже не встали.

— Боже!

— Наверное, мне не следует злорадствовать.

Они не были извергами рода человеческого. Но я их ненавидела.

— Но Скеррита ты не ненавидишь?

Она покачала головой.

— В основном мне его жаль. В определенном смысле он ужасен. Извращенец. Но я не могу испытывать к нему отвращение. Слишком он жалок и одинок. — Поглядев на Говарда, она прибавила: — Думаю, теперь ты понимаешь, что я имела в виду, говоря, что притягиваю к себе психопатов, да?

— И психопаток, — пробормотал он.

— Только Минди.

— Но вместе с ней получается шесть.

— Ты вел счет, да?

— В это трудно поверить.

Уголки ее губ задрожали.

— Может быть, на мне лежит какое-то проклятие. А ты как думаешь?

— Боже, я не знаю.

— А теперь тут бродит этот дикий горец. На Дорис и Лану он уже нападал. Следующая на очереди я.

— Он до тебя не доберется.

— Думаю, лучше он, чем Батлер. По крайней мере, живой человек, да и что он может сделать со мной такого, чего не делали раньше? Разве что убить.

— Никто тебя не убьет. Никто никогда больше не сделает тебе ничего плохого. По крайней мере, пока я рядом. — Он вытащил револьвер из-за пояса и сунул его за спину в брюки. Затем заключил девушку в объятия.

Анжела крепко к нему прижалась, уткнувшись лицом в шею.

Говард гладил ее по голове, по спине, ощущая на шее ее ровное дыхание. Ее груди, живот, бедра — ему было так уютно и тепло.

Но без сексуального возбуждения.

Вдруг ему захотелось оттолкнуть ее.

Спина девушки вздрогнула, и послышались тихие судорожные вздохи. Потом снова и снова.

«Что с ней?» — недоумевал Говард.

Смеется или рыдает?

Но он знал наверняка.

— Что случилось?

— Я все испортила.

— Ты это о чем?

Анжела покачала головой. Лицо ее стало скользким от слез, а ресницы щекотали его шею.

— О чем? — повторил он свой вопрос.

— Ничего.

— Нет, выкладывай.

— Отпусти меня. Можно уже не притворяться.

— Притворяться?

Анжела оттолкнула его.

Говард схватил ее за плечи.

— Анжела!

— Оставь меня в покое. — Сбросив руки Говарда, она рванулась в сторону и побежала от костра. От его красноватого сияния, в темноту, к озеру.

Глава 21

Говард сидел спиной к костру, держа револьвер на коленях, изредка поглядывая в сторону палаток. Но большую часть времени наблюдал за Анжелой.

Она сидела у самой воды, наверное, на том плоском валуне, который не так давно назвала «нашим камнем». Видно было лишь ее голову и спину, да и то очень расплывчато. «Наверное, страшно замерзла», — подумал Говард.

И ужасно несчастна.

Когда Анжела побежала, он было сделал несколько шагов вдогонку. Но затем остановился и вернулся к костру. Она не хотела никаких погонь. Хотела побыть наедине, поэтому и убежала.

Надо просто подождать. Посидеть и понаблюдать за ней, чтобы не учудила ничего такого, например, не прыгнула в озеро, и защитить, если этот псих попытается напасть.

Ему было жаль ее, жаль и себя. Хотелось, чтобы все было так, как до ее страшного, невероятного откровения. Потому что теперь, обнимая ее, он почувствовал отвращение. словно она бы-

ла замарана, испорчена. И в грязи. Словно смердела всеми этими уродами, их потом и спермой.

И каким-то образом Анжела уловила его настроение.

«Не хочу, чтобы так было, — говорил он себе. — Кроме того, это глупо. Это та же Анжела. Такая же, как была перед началом своего рассказа. А тогда она не казалась грязной. И ничего такого, что могло бы изменить ее, не произошло. Она просто говорила: воздух проходил через голосовые связки, и она произносила слова. Вот и все. Она не загнила и не протухла. Все, что она делала, это только говорила».

Это были слова. Просто слова.

«Это только слова, — думал Говард, — если кто-то скажет тебе, что плюнул в твой суп».

Ты мог уписывать его за обе щеки, радуясь до поросычьего визга. Всего несколько слов. «Знаешь что, я тут харкнул в твою бурду». И вдруг ты начинаешь ощущать сладковатую вонь слюны, и от одной мысли о следующей ложке тебя всего выворачивает наизнанку.

«Это не одно и то же», — твердил он себе.

Но очень похоже.

Нет. Это совершенно разные вещи. Она чиста. К ней ничего не прилипло. И ничего не осталось в ней от тех людей. Мы ведь ходим в рестораны, где едим из той же посуды, из которой до этого ели другие. Даже мысли такие никогда не возникают, лишь бы посуда была хорошо вымыта. И совсем не важно, сколько людей ее использовало до нас.

Не важно, сколько человек трахало Анжелу.

Не должно быть важно.

Было бы глупо, если бы это имело какое-то значение.

Говард подбросил дров в огонь, окинул взглядом лагерь и вновь стал наблюдать за Анжелой. Может, все же следовало пойти за ней? Может, она именно этого и хотела? Чтобы я доказал, что не равнодушен к ней.

«Я не равнодушен», — убеждал он себя.

Тогда почему я не иду к ней? Зачем сижу здесь все это время, как бесчувственный чурбан?

Говард посмотрел на часы. Двадцать минут второго. Через десять минут заканчивается их

смена.

Он поднялся, затолкал револьвер поглубже в брюки и пошел прочь от теплого костра. Пока он шел, Анжела так ни разу и не обернулась.

— Это я, — объявил он, шагнув на камень.

— Я знаю.

— Ты не замерзла?

— Не очень.

Присев рядом на корточки, Говард погладил девушку по голове, но Анжела продолжала смотреть на озеро.

— Ты, наверное, злишься, да?

— Я на тебя не сержусь.

— Исправляешь мою речь.

— Мне не до шуток, ладно?

— Извини. — Он встал. — Почему бы тебе не вернуться к костру? Ты, наверное, окоченела. К тому же уже почти пора будить Лану и Кита.

Анжела кивнула, поднялась на ноги и повернулась.

Говард пошел первым. К костру подошли в молчании. Когда Анжела присела на корточки у огня, он увидел, что она вся дрожит.

— Я не знаю, что сказать, — признался он.

— А тебе и не надо ничего говорить.

— Господи, Анжела! Что я такого сделал?

— Ничего, — пробормотала она.

— Я думал, мы — друзья. Понимаешь?

— Мы можем ими и остаться. Но, думаю, на этом дело и закончится.

— Почему?

— Сам знаешь, почему.

— Нет, не знаю.

Она долго и пристально смотрела на огонь. Затем, не поднимая головы, сказала:

— Я не совсем такая, как ты себе представлял, так ведь?

Говард пожал плечами.

— Ну, я не знаю. Я никогда... не рассчитывал на то, что ты девственница. Понятно, кто станет в наше время...

— Возможно, ты.

Лицо Говарда вспыхнуло ярким румянцем.

— Не по своей вине, будь уверена, — промямлил он, нервно хихикнув.

— И не по своей воле я перестала ею быть.

— Я знаю.

— Но это не считается, так ведь? А главное то, что я теперь испорченный товар. Повреждена настолько, что это даже не укладывается в твоей голове. Ты не можешь прикоснуться ко мне теперь, не вспоминая о всех ублениях, которые надо мной издевались. И без чувства брезгливости.

— Это бред какой-то.

— Не лги. Это правда, и тебе это известно.

— Это неправда.

Анжела встала и тяжело вздохнула.

— Не пора ли будить остальных?

Говард поглядел на часы.

— Да.

— Ты сам пойдешь или хочешь, чтобы это сделала я?

— Не обязательно это делать прямо сейчас.

— Нет, нам лучше сделать это сразу.

— Ладно. Посиди здесь и согрейся. Я сам их разбужу. — И он пошел к палатке Ланы. На душе было грустно и гадко. Хотелось исправить положение, но он не знал как. Ну кто ее тянул за язык,

зачем было рассказывать о Чарли и Скеррите и всех остальных? Зачем так подробно?

Плевок в суп.

Черт побери!

Перед палаткой Ланы Говард остановился.

— Эй, ребята, — протянул он. — Это звучит ваша побудка.

— Пошел ты... — донесся голос Кита.

— Половина второго.

— Идем, идем, — промурлыкала Лана сонным голосом.

Из палатки слышались тихие шорохи. Вскоре борта полога раздвинулись, и наружу выползла Лана, прижимая к груди свернутую куртку. На ней была тренировочная кофта с капюшоном и тренировочные брюки. Она встала, и, когда натягивала на себя куртку, ее груди заходили ходуном в просторной мешковатой кофте.

Без бюстгалтера.

Говард почувствовал теплый толчок в пах.

«Ну вот я и возбуждаюсь, — подумал он. — Кит, вероятно, трахал ее час назад. Если он не пользовался резинкой, скорее всего в ней еще его

сперма. Тогда почему я сейчас не чувствую никакой брезгливости?»

Лана застегнула змейку.

— Если я правильно понимаю, обошлось без происшествий? — осведомилась она.

— Да, все в порядке.

— Замечательно. Этот кусок дерьма наверняка уже что-нибудь предпринял, если бы собирался.

— Вероятно, так.

Кит вылез из палатки и поднялся на ноги. Он прижимал руки к груди и стучал зубами. В руке у него был фонарик.

— Чего мы здесь стоим?

И они поспешили к костру. Кит сразу же присел на корточки поближе к огню, Лана принялась подбрасывать дрова.

— Почему бы вам, ребята, не воспользоваться нашей палаткой? Seriously. В ближайшие три часа она нам не понадобится. Когда подойдет время следующей смены, возможно, Глен позволит вам перебраться в свою. Потому что вряд ли вам удастся заснуть под луной.

— Только в своих собственных спальнях мешках, — бросил Кит. — Мне не нужны ваши вши.

Говард посмотрел на Анжелу. Та только пожала плечами.

— Ладно, — небрежно проговорил он. — Спасибо. Ты уверена, что не возражаешь?

— Если бы имела что-то против, то не предложила бы.

— Что ж, замечательно. — Он передал револьвер Киту.

И отошел от костра. Анжела поплелась следом. Подобрав свои рюкзаки и спальные мешки, они направились к палатке.

— Так будет намного уютнее, — обронил Говард. Оставив рюкзаки у входа, они забрались внутрь палатки. Спальные мешки Ланы и Кита лежали развернутыми, соприкасаясь сторонами.

— Отодвинем их в сторону? — спросила Анжела.

— Давай просто положим свои сверху. Так будет мягче.

Пока Говард расстилал спальные мешки поверх лежавших, Анжела подсвечивала ему фона-

риком. Закончив, он объявил:

— Думаю, надо почистить зубы. Не хочешь за компанию?

— Думаю, это может подождать до утра.

Анжела отдала ему фонарик. Говард выбрался наружу и достал из бокового кармана рюкзака зубную щетку и пасту. Затем вытащил флягу. Лана и Кит сидели у костра. Рука Кита лежала на плече девушки. Отвернувшись от них, Говард шагнул в лес, начинавшийся за палатками.

Далеко не заходил. Зубы почистил быстро, все время думая о маньяке.

Хотя раньше Говард считал, что того парня интересовали только девчонки, слова Батлера посеяли в нем сомнения.

Закончив с зубами, Говард отошел еще дальше от палатки, чтобы Анжела не услышала. Когда ему показалось, что уже достаточно далеко, он сунул щетку и пасту в карман, прижал флягу и фонарик рукой к боку и расстегнул змейку на ширинке. Прежде чем извлекать прибор, он еще раз оглянулся по сторонам. Костер все еще виднелся, но довольно далеко, и его свет почти

полностью закрывали деревья.

Если что-нибудь случится. . .

Просто надо побыстрее.

Говард выпутал член из исподнего и начал мочиться. Холодный воздух приятно освежал. Струя хлюпала довольно громко, но он был уверен, что Анжела не услышит. Мысли перенесли его к оставленной в палатке девушке. Вероятно, воспользуется его отсутствием, чтобы переодеться — надеть то, в чем собиралась спать. Сидит сейчас, скрестив ноги, на своем спальном мешке, заводит руку за спину, расстегивает бюстгальтер, снимает. . .

Вялый пенис стал расти и напрягаться между большим и указательным пальцами.

Похоже, не настолько она и отвратительна, в конце концов.

Последние капли Говард стряхивал уже с полунапряженного члена. Понадобились определенные усилия, чтобы затолкать его потом назад.

«Наверное, отхожу от шока, — подумал он по пути к лагерю. — Возможно, отвращение было лишь своего рода временной реакцией».

Перед входом в палатку Говард положил на место щетку и зубную пасту и, порывшись в рюкзаке, нашел спортивную куртку и пару чистых носков.

Остановившись в нерешительности, он задумался, а не надеть ли их перед палаткой.

— Это ты? — услышался голос Анжелы.

— Да.

— И что ты делаешь?

— Переодеваюсь.

— На холоде?

— Ну...

— Замерзнешь. Входи. Я не буду подсматривать.

— Ну, ладно.

Прижав флягу и одежду к груди, Говард заполз внутрь. Анжела прищурилась и отвернула лицо от фонаря. В тренировочной кофте, широкая горловина которой спустилась на плечо, она лежала уже в спальном мешке, приподнявшись на одном локте. Бретелек Говард не заметил.

Погасив фонарь, он сел на свой спальный мешок спиной к девушке и начал раздеваться. Обе-

щала не смотреть. В палатке было темно. Но у него захватило дух и появилась дрожь в руках, когда он стягивал вельветовые джинсы и плавки. Нейлоновая оболочка спального мешка обдала холодком голый зад. И член у него вновь начал наливаться кровью.

Что, если она сейчас сядет, протянет руку и прикоснется к нему.

Анжела так не сделала.

Говард просунул ноги в тренировочные брюки, чуть приподнялся и подтянул их до пояса. Затем быстро надел чистые носки, скинул куртку и рубашку и натянул кофту. Аккуратно свернув снятую одежду, чтобы подложить ее под голову, повернулся.

Анжела до сих пор опиралась на локоть. Неужели все-таки подглядывала? В полной тишине Говард юркнул в свой спальный мешок.

Затем повернулся на бок. Вместо лица — смутное пятно, а плечо все еще обнажено. «Зябко, должно быть», — подумал он.

— Тебе тепло? — поинтересовался он.

— Нормально.

— Как хорошо, что они пустили нас в свою палатку.

— Да.

Интересно, почему она приподнялась на локте, а не устраивается поудобнее в мешке? Не выдержав, он спросил:

— Не хочешь перейти ко мне?

— И заразить тебя?

— Да перестань.

— Спи, Говард. — С этими словами Анжела опустила, легла на спину и отвернулась.

Позднее он услышал, как девушка шмыгнула носом. Побежали сопли? Нет. Она плакала. Тихо, чтобы он не услышал.

Мысленно он вылез из спального мешка и подполз к ней. И начал осушать слезы поцелуями: со щек, с губ. Она ответила на его поцелуи. Страстно. Отчаянно. «Исправь все, — шепнула она, распахивая спальный мешок. И он проскользнул внутрь. Они обнялись, тренировочные кофты были настолько мягкими, что почти не ощущались. “Я хочу тебя, — выпалила она, — я так сильно тебя хочу!” Она задрала кофту вверх и

прижала его руки к своим грудям. В жизни он не прикасался к чему-нибудь более гладкому. Ласкал, щупал, целовал. Пока он занимался этим, рука Анжелы сползла вниз, скользнула в плавки и прохладные пальцы обняли его гениталии. “О, какой большой, — шепнула она. — В меня. Я хочу, чтобы ты вошел в меня”.

Говард положил руку на брюки. Пенис — как раскаленный лом.

Перестань о ней думать и иди к ней! Она плачет. Она одинока. Ты ей нужен. Иди к ней и поцелуй.

Как же. С эрекцией?

А почему бы и нет? Это покажет ей, что она меня возбуждает. А это как раз то, что ей сейчас надо знать. Это сейчас главное, что она хотела бы знать. Это покажет, что мне начхать на всех остальных.

Но, скорее всего, даже не заметит.

Просто подползи к ней и поцелуй.

Говард начал медленно расстегивать змейку сбоку спального мешка. Руки дрожали, сердце колотилось. Звенья змейки тихо клацали.

Он все еще опускал змейку, когда Анжела первый раз всхрапнула.

Что?

Он прислушался. Так и есть, она храпела. Негромко. Тихо и мирно.

«Все равно приблизиться?» — спрашивал он себя.

Разбуди он ее сейчас, она подумает, что подверглась нападению. Это может чертовски напугать ее, особенно после сегодняшних происшествий. Чего доброго, решит, что в палатку проник маньяк и ночной кошмар снова становится явью.

Сюрприз, это всего лишь я.

И зачем ты меня разбудил?

Говард застегнул змейку, лег на спину и закрыл глаза.

Он бежал куда-то в темноте, бежал на какие-то крики. «Нужен нож», — мелькнуло в голове. Он опустил руку, но вместо кармана рука его легла на голую кожу. Блин! Где моя одежда? Где нож?

Затем понял, что у него есть что-то получше

крохотного перочинного ножика. В левой руке у него было мачете! Он взмахнул им и завопил:

— Я иду!

В ответ слышались крики агонии.

Он забежал за поворот. Впереди в туннеле мерцал огонь костра. Потный старый горбун, обернувшись, улыбался из-за плеча. Глаза его были спрятаны за темными солнцезащитными очками. Кроме тяжелоатлетического биндажа, на нем ничего не было. В правой руке он держал бич. Это была живая шестифутовая змея. Он держал ее за хвост. Бестия извивалась и вздымала голову, обнажая зубы.

— Брось ее!

Скеррит хлестнул змеей.

Но не по Говарду.

А по девушке, подвешенной за руки к потолку туннеля. Живая плеть стегнула по спине, девушка вскрикнула и вздрогнула. Зубы змеи впились в ее кожу, и на ней появились тоненькие кровяные бороздки. Скеррит отдернул змею и взмахнул ею над головой.

И усмехнулся Говарду.

— Хочешь попробовать?

— Нет!

— Конечно, хочешь. — Старый урод заковылял к Говарду, протягивая ему змею.

Девушка вывернула голову в сторону и поглядела через плечо.

Анжела. В глазах у нее стояли слезы. Она была прекраснее, чем когда-либо.

— Давай, если хочешь, — заговорила она. — Я не возражаю.

— Кроме того, — проронил Скеррит, — сейчас твоя очередь. — И он швырнул змею в Говарда. Ее голова с разинутой пастью полетела прямо в него.

Молниеносный взмах мачете — и головы как не бывало.

— Посмотри, что ты наделал! — завопил благим матом Скеррит. — Испортил совершеннейшую плеть-кусаку.

— Грязный ублюдок! — Удар сверху расколол череп Скеррита, сбросив очки на землю. Говард развернулся к Анжеле.

Она пристально смотрела на него, шмыгая

носом.

— С тобой все в порядке? — спросил Говард.
Она кивнула головой.

— Ты меня спас.

Говард швырнул мачете на труп Скеррита, обогнул висящую Анжелу и начал ласкать ее спину. Она была скользкой от крови и пота и исполосована вдоль и поперек рубцами и следами зубов.

— Больно? — спросил он.

— О, нет. Так приятно.

Говард целовал ее раны, слизывал с них кровь. Анжела стонала и выгибалась. Пододвинувшись ближе, он целовал ее в затылок и терся о спину. Она свела ягодицы, стискивая его возбужденный член.

— Войди в меня, — шепнула она.

— Здесь? Сейчас?

— Да, да.

Немного отступив, он повернул ее к себе лицом. С ее грудей свисали впившиеся в соски гадюки. Когда она чуть шире открыла рот, оттуда выстрелила змея и метнулась прямо к губам Го-

варда. Другая выползла из ее влагалища и потянулась к его пенису.

Говард ахнул и дернулся в сторону... И проснулся. Задыхаясь, он увидел нависшее над ним расплывчатое пятно лица Анжелы. В палатке было темно. Его голова лежала у нее на коленях, и она нежно гладила его по волосам.

— Все уже хорошо, — шепотом приговаривала она., — Все хорошо.

— О Боже! — выпалил он.

— Наверное, было очень страшно.

— Ты... у тебя были змеи... на грудях.

— Змеи, да? Интересно, что сказал бы на это Фрейд?

— Это было ужасно.

— Это просто ночной кошмар. Всего лишь сон. — Она подняла кофту. — Видишь? Никаких змей.

«Нет, этого не может быть», — подумал Говард. — Наверное, это просто еще один сон? Но нет, непохоже».

Он не мог отвести взгляда от ее грудей. В темноте они выглядели серыми, а соски — чер-

ными.

Анжела подняла его руку к груди.

Он никогда в жизни не прикасался к чему-нибудь более гладкому.

— Я сама во всем виновата, — прошептала она. — Если бы я тебе не рассказала обо всем. . .

— Все это не имеет значения, — сказал он. — А может, и имеет. Не знаю. Но. . .

— Ты меня хочешь?

— О мой Боже!

Анжела сняла кофту. Продолжая ласкать ее груди, Говард потерся щекой о теплый шелковистый живот.

Она осторожно выбралась из-под его головы и, присев рядом, стянула с себя носки. Говард повернулся на бок, наблюдая, как девушка стаскивала брюки, расстегнул сбоку спальный мешок.

И Анжела скользнула в него.

Затем потянула вверх его кофту. Говард начал ей помогать. Вместе получилось быстрее, и Говард отшвырнул кофту в сторону. Анжела прижалась к нему и, зацепив его брюки большими пальцами, опустила их на бедра. Затем ногами

стацила их ниже.

Никакие одежды уже не мешали, и Анжела была такая длинная, тоненькая, теплая и гладкая. Она уложила Говарда на спину, взобралась на него и поцеловала в губы. Язык, а не змея, проник ему в рот. И он начал Сосать его. Его руки заскользили вниз по ее спине. Никаких рубцов, ни капли крови. Только гладкая, изумительная кожа. Он обогнул ладонями небольшие холмики ягодиц и скользнул ниже, по тыльной стороне бедер.

Ее ноги, чуть-чуть раздвинутые, лежали на его ногах и слегка касались с обеих сторон его пениса. Он уперся во что-то горячее между ягодиц. Анжела свела ноги и сдавила его. Когда Говард охнул, ноги ее разжались и съехали чуть вниз по бедрам. Она поднялась.

Стоя над ним на локтях и коленях, она ласкала его губы своим влажным ртом, водила по его груди сосками, гладила головку его пениса скользкими распутившимися лепестками своей плоти. Затем мягко села, медленно натягивая на него плотный горячий чехол.

Глава 22

— Йо! А не пора ли устроить привал?

Чед резко развернулся. Кори, пошатываясь, шагнула вбок и начала прогибаться назад, пока рюкзак не оперся об огромный камень, лежавший вдоль тропы. Затем высвободила руки из лямок и, убедившись в устойчивости рюкзака, отошла от него.

— О мамочка, — пробормотала она, вращая плечами. Затем прогнула спину и потерла шею. — Боже, как я ненавижу эти горы. Все время вверх, вверх, вверх. Ей-Богу! — Кори потянула с головы красный платок и вытерла им пот с лица. Чед наблюдал, как она провела скомканным платком вниз по шее и завела его под рубашку. — Почему бы тебе не свалить свой груз с плеч? Какое-то время я точно не сдвинусь с места.

— Так мы никогда не догоним ребят.

— Ты меня загонишь. — Она присела на низкий плоский камень и вытянула ноги.

Снимая рюкзак, Чед заметил.

— Ранний выход у нас не особенно получился. — Когда он ставил его рядом с рюкзаком Ко-

рин, то услышал за спиной тихое хихиканье. — Не то чтобы я жаловался или еще чего.

— Попробовал бы ты у меня жаловаться, забулдыга.

Чед пересек тропинку и присел рядом с Кори.

— Какое прекрасное начало дня.

— И да, и нет.

— Как сюда затесалось это «нет»?

Кори бросила на него сердитый взгляд.

— Я теперь вся разбитая. И все из-за тебя.

Чед рассмеялся.

— Это идет в нагрузку.

— Плохо, что это так долго не уходит. Хотя я тоже не жалею, или еще чего.

— Что-то не похоже.

— Кто-то же должен был налить клея тебе в трусы — посмотреть, как тебе это понравится.

— Наверное, ощущения самые приятные.

Кори улыбнулась.

— Ну, и да, и нет. Приятное воспоминание, но немного липковатое.

— Когда взберемся наверх, там будет озеро.

— Теперь есть к чему стремиться. Ну, и как

еще далеко, по-твоему?

— Ну, я бы сказал, что под нами уже больше гор, чем над нами.

— Какой ты оптимист. — Платком она вытерла капельки пота, выступившие под глазами. — Не могу себе представить, чтобы некоторые из моих ребят одолели этот подъем. Особенно Дорис.

— Она толстушка? — поинтересовался Чед.

— Не надо так грубо. Впрочем, да, она девушка в теле. Так же, как и Глен. Но он и Кит — футболисты, и я сомневаюсь, что у них возникнут какие-нибудь проблемы. Да и Лана в отличной форме.

— Это точно.

— Негодяй. — Кори толкнула его плечом.

— Не волнуйся, она не в моем вкусе.

— Она в любом вкусе.

— Для меня существует только одна женщина, — промолвил он, глядя ее по спине. Рубашка была горячей и влажной.

Надвинув платок на голову, Кори покосилась на тропу, затем на Чеда.

— Ты больше не сбежишь от этой женщины?

— А ты как думаешь?

— Ей бы очень не хотелось проснуться однажды утром и обнаружить, что ты ушел.

— Тебе не надо больше об этом волноваться.

— Мне бы очень не хотелось об этом волноваться. — Она пристально поглядела ему в глаза. — Но я никак не могу избавиться от мысли, что получила тебя как бы во временное пользование. Как книгу из библиотеки.

— В определенном смысле мы все здесь временно.

— Сейчас тресну. Я ему серьезно. Прошлый раз, когда ты исчез, я была в отчаянии. Я испытывала такое чувство, словно бросил меня лучший друг или родной брат, не меньше. Но сейчас мы зашли намного дальше.

— Ни за что на свете я тебя больше не оставлю.

— Ты говоришь это сейчас, но... Иногда меня одолевает ужасное чувство пустоты. Даже когда мы занимаемся любовью. Особенно тогда. Что-то вроде: «так не может продолжаться веч-

но, и я тебя потеряю и снова останусь одна».

— Те же чувства испытываю и я.

— Наверное, это заразительно.

Чед покачал головой.

— Такие ощущения вполне нормальны. Только возникают нечасто.

— Возможно, у тебя и нечасто. Меня же они беспокоят с самого твоего возвращения.

— Это хорошо.

— Хорошо? Ну что ты! А я переживаю чуть ли не самые ужасные моменты в своей жизни. . . то, что должно радовать. . . становится совсем не таким, потому что я представляю, как это будет без тебя.

— Со мной происходит то же самое.

— Это не я покинула тебя на пять лет.

— Но ты постареешь. Нам обоим этого не избежать. И мы умрем.

— О, чудесно. Это как раз то, что я хотела услышать. Обязательно надо видеть все в черном свете. Да?

— Дело в том, что как раз те мгновения, когда нас посещает это печальное чувство пустоты, и

есть самые ценные. Потому что мы хотим, чтобы эти моменты продлились, чтобы они никогда не кончались, но понимаем, что это невозможно.

— Помнишь, я назвала тебя оптимистом? беру свои слова обратно.

— Ничего подобного ты не испытываешь, когда голоден, например. Или замерз, или устал, или страдаешь от боли. Или когда грустишь, или когда одинок. Не досаждают эти чувства и когда ты изнываешь от скуки, когда на банковском счету нет ни цента или когда забились раковина. Существует миллион различных причин для огорчений. И в таком состоянии никогда ни на секунду не почувствуешь боли в сердце, потому что знаешь: в конце концов это пройдет и позабудется. А чувство, о котором мы говорим, появляется лишь в самые лучшие моменты жизни. И это сигнализирует о том, что все чертовски здорово.

Все это время Корин не сводила с него глаз. Саркастически скривив губу, она проронила:

— Когда это ты успел заделаться таким философом?

— И педантом?

— И это тоже.

— Одиночество. Оно делает тебя таким. Уединенная жизнь в горах. Становишься философом или сумасшедшим, одним из двух. А возможно, в некоторых случаях и тем и другим сразу.

— Давай разберемся, правильно ли я тебя поняла, ладно? — Кори высоко подняла брови. — Мне не следует обращать внимания на эти тревоги. Напротив, рассматривать их как милые голубые ленточки вокруг бесценных даров судьбы.

— В самую точку.

— Какая чушь. — Со смехом она подалась вбок и поцеловала его в губы. — Но я все равно тебя люблю. Пойдем, нам лучше выходить на тропу. Жизнь проходит так быстро, что мы можем никогда не догнать этих крысят, если не будем по-настоящему шевелиться.

Они встали, навьючили на себя поклажу и поплелись дальше. До этого Чед шел впереди, но теперь замедлил шаг, чтобы идти рядом с Кори. Какое-то время они ковыляли по тропе молча. Затем Кори нарушила тишину:

— А что наш философ думает о священных узах брака? — И она игриво улыбнулась ему, но взгляд ее был испытывающим.

Чед в изумлении поглядел на нее.

— Ты хочешь выйти замуж?

— А ты не хочешь жениться? — спросила она.

— Ну... конечно.

— И я тоже. Когда-нибудь. Когда встречу подходящего человека.

— Да? А как же я?

— Не хотелось бы оставлять тебя за бортом. Нам придется подыскать тебе подходящую пару. Она должна будет обладать глубоким умом, разумеется, — чтобы могла оценить глубину твоего мышления. Интеллектуалкой. Не думаю, чтобы ты мог быть долго счастливым с безмозглой вертихвосткой. Однако она не должна быть лишена и определенной степени ветрености, поскольку ты такой страстный любитель секса.

— Чем больше ветрености, тем лучше.

— Интеллектуалка и любительница хорошо потрахаться. Какие еще качества ты хотел бы видеть в своей супруге?

— Мне нравятся женщины с чувством юмора.

— Заумная вертихвостка и острячка. Что еще?

— Она должна быть красивой.

— Ну и привередливый же ты, приятель.

Неудивительно, что до сих пор холостяк.

— Девушка, с которой я должен провести всю свою жизнь, должна быть совершенством.

— Совершенством, да? Это исключает почти всех моих знакомых. Ну а тебе известна такая, которая бы сочетала в себе все эти качества?

— Нет.

— В таком случае, думаю, тебе тогда придется трахать самого себя.

Чед усмехнулся, а Корин показала ему язык.

— Ну а каков должен быть твой избранник? — поинтересовался он.

— Сказочно богат.

— И это все?

— Ну, мне нравятся костлявые, лысые и тупые коротышки. Предпочтительно, по меньшей мере, на десять лет старше меня.

— Похоже, я выпадаю.

— Думаю, теперь мы квиты.

— Ты злая, — заметил он.

— Ага.

— Ты хочешь выйти за меня замуж?

Корин остановилась. Теперь они стояли лицом друг к другу.

— Ты это серьезно? — Она тихо рассмеялась. — Глупый вопрос, да?

— Глупый вопрос.

— Значит, вот оно как случилось.

— Да.

Она прикусила нижнюю губу, и глаза ее заблестели. Затем медленно повернула голову, оглядываясь вокруг.

— Прямо здесь, на склоне горы.

— Можно подождать. Я спрошу тебя в уютном ресторанчике. Под тихую приятную музыку. С обручальным кольцом в руке.

Она заглянула ему в глаза.

— Здесь тоже неплохо.

— Я тебя люблю.

— Я знаю. И я люблю тебя.

— Но? — Внутри у него неожиданно похоло-

дело.

— Но что?

— Не знаю. Но что?

— Но у нас нет шампанского?

— Означает ли это «да»?

— Да. Конечно, это означает «да».

— О Боже! — Он сделал шаг ей навстречу, они оба наклонились вперед, преодолевая сопротивление рюкзаков, и поцеловались.

— Дальтон, — продекламировала она, — Корин Дальтон. — Они все еще поднимались вверх по тропе.

— Что ты делаешь?

— Проверяю, как будет звучать мое имя, когда мы поженимся. Звучит хорошо, не находишь?

— Дальтон, здорово. Мне не хотелось бы тебя огорчать, но это и так твое имя.

— Да, ты прав. Это избавит от лишней волокиты. Мне не придется менять фамилию на водительском удостоверении, кредитных карточках, в квитанциях на подписку, на печатных бланках. . .

— Не за всякого ты смогла бы выйти на таких

выгодных условиях.

— Знаю, знаю. Все получится просто замечательно.

Они подошли к концу очередного витка серпантина. Но вместо узенького поворота и нового подъема по склону горы впереди открылась горизонтальная тропинка, сворачивавшая к лесистому перевалу.

— Значит ли это, что сбылись наконец мои надежды? — спросила Корин.

— Думаю, озеро должно быть сразу же за этими деревьями.

— Фантастика. — И она ускорила шаг.

Чед поплелся следом, приотстав ровно настолько, чтобы понаблюдать за тем, как играют под испачканными шортами крутые половинки ее попки в такт размашистым шагам длинных и стройных ног.

«Моя жена, — представилось ему. — Она действительно намерена выйти за меня замуж».

Это казалось невероятным.

В ночь своего возвращения, сразу после ослепительной вспышки их первой близости, Чед

спросил себя, согласится ли она выйти за него замуж. Тогда он сказал себе, что, вероятнее всего, ответ будет положительным. И уверенность в этом крепла с каждой проведенной вместе минутой.

Она любила его. Она хотела его. Если он попросил бы ее стать своей женой, она, вероятно, ответила бы согласием.

И вот прозвучал вопрос, и она ответила «да» (в действительности он не надеялся на такой ответ), и это удивило и потрясло.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумал он.

Но это было правдой.

Мы еще не женаты.

«Это несущественно, — говорил себе он. — Главное, что она сказала “да”. Она настолько любит меня, что хочет провести со мной жизнь».

Невероятно!

Чед двинулся за нею в тень деревьев. Он шел улыбаясь и покачивая головой.

Корин — само совершенство. И день — просто чудо. И все замечательно.

Но кто-то уже, наверное, склонился с ложкой дегтя над его бочкой меда.

«Перестань, — одернул он себя. — Все хорошо».

— Озеро! — воскликнула Кори, указывая вверх по тропинке.

Чед посмотрел вдаль и увидел между деревьями бледно-голубые пятна.

— Не иначе, — проронил он, догоняя свою спутницу.

— Вот бы там не оказалось детей, — промолвила она.

— А мне казалось, ты заварила всю эту кашу, чтобы найти их.

— Это так.

— Но почему ты хочешь, чтобы их там не было?

— Ну, понимаешь, вовсе необязательно находить их именно сейчас. Во второй половине дня было бы в самый раз. А на ближайшее будущее самое лучшее было бы побыть немного наедине: отпраздновать нашу помолвку, искупаться и так далее. Тебе так не кажется?

— Было бы здорово.

Не успели они сделать и нескольких шагов, как заметили какой-то красный сноп.

— Что это, по-твоему? — спросила Кори.

— Наверное, палатка.

— Черт возьми.

— Это, может быть, и не их.

— Все равно чья-то. Вот и побыли наедине! Чед вышел вперед.

— Не отходи ни на шаг, — сказал он, — и не выкрикивай пока ничего. Давай сначала посмотрим, кто здесь.

— Это должны быть мои ребята.

— Осторожность никогда не повредит.

Они подходили к лагерю молча. Чед шел медленно и напряженно прислушивался. Но ни голосов, ни звуков движения не было слышно. На опушке поляны он остановился.

Две палатки: красная и зеленая. Огороженное кругом место для костра, но ничего не горит. Кроме палаток, никакого другого туристского снаряжения поблизости. И ни души. . .

Чед обвел взглядом редкую рощицу вокруг

поляны. Затем проверил берег, поверхность озера, гранитную осыпь на противоположном берегу.

— И что ты думаешь? — прошептала Кори.

— Похоже, твое желание сбылось.

— Заглянем внутрь палаток?

— Не мешало бы.

Жестом попросив свою спутницу постоять на месте, Чед поспешил к красной палатке. Змейка на входе была застегнута. К замку застёжки булавкой был пришпилен небольшой клочок бумаги, вырванный из блокнота со спиральным проволочным корешком.

— Кто-то оставил записку! — крикнул Чед.

— И что там написано?

Чед наклонился поближе к бумаге и зачитал вслух:

— «Дорогой Маньяк! Можешь рискнуть испортить наши палатки. Их материал обработан секретным составом под названием “БЗДЕЦ”, который проникает через кожу и Моментально Убивает Засранцев. То есть таких, как ты. Руки прочь, а то умрешь. С наилучшими пожелани-

ями, шестеро отважных и бесстрашных.

— Что это все означает, черт побери? — удивилась Кори.

— Без понятия. Но это должны были оставить твои ребята. «Шестеро отважных и бесстрашных». — Чед потянул вниз застежку змейки и заглянул вовнутрь. — Пусто. — Он подошел к другой палатке и заглянул в нее. — И здесь тоже.

— Никакого снаряжения или вещей?

— Ничего. Видимо, они решили, что легче будет проделать последний этап маршрута без лишнего веса.

— Наверное, рассчитывают вернуться сюда засветло?

Он покачал головой.

— Они взяли с собой спальные мешки и все остальное. Вероятно, просто решили провести ночь под звездами.

— Бред какой-то. А я-то думала, что мы сможем просто подождать их здесь.

— Но рано или поздно они вернутся. Нам надо будет лишь набраться терпения. . .

— Что-то мне это не нравится. Придется идти

за ними. Но давай сначала позавтракаем. А затем мне хотелось бы обмыться. — Она скинула свой рюкзак на землю. — Что будете заказывать, мистер? Тушенку и колу?

— А шампанского нет?

— Увы!

Глава 23

— Нашли! — закричал Кит.

— Что? — крикнула шедшая ниже по тропе Анжела.

— Подходи и сама увидишь.

Анжела прибавила шаг.

Говард поспешил за ней и ахнул, когда из-под ноги у нее выскочил камень. Анжела покачнулась и ударилась боком о гранитную стену справа. Хотя удар был, на первый взгляд, не сильным, его оказалось достаточно, чтобы девушку отбросило влево, к обрыву. Выкинув вперед руку, Говард метнулся к ней и толкнул в боковую сторону ее рюкзака, отбрасывая Анжелу прочь от края.

Анжела прислонилась к склону. Вид у нее был ошарашенный, она судорожно ловила ртом воздух, схватившись руками за живот. Дрожала так сильно, что даже тончайшие белые шорты покрылись рябью.

— С тобой все в порядке?

Она кивнула.

— Господи, — пробормотал он.

Слегка наклонившись, Анжела потерла колени. И заглянула в обрыв за краем тропы. Затем

со стоном закрыла глаза и попятилась назад.

— Все нормально, — сказал Говард. — Ты же не упала.

— А могла.

— Да.

— Ты, наверное, спас мне жизнь.

— Пожалуй, да. — И он глянул вниз.

«Какие тут могут быть сомнения, — подумал он. — Если бы упала, ей — крышка».

За последний час местность вокруг сильно изменилась. До этого тропинка была в несколько футов шириной и полого поднималась вверх серпантинном, напоминая тропу, по которой они шли вчера к озеру. Подъем был утомительным и даже изнурительным, но не особенно опасным. Падение было бы болезненным, но, вероятно, не фатальным. Говард успокаивал себя мыслью, что, если он или кто-нибудь еще свалится, то довольно скоро падение будет остановлено той же тропой. Только уровнем пониже.

Но этот участок остался позади. Теперь тропа была не более двух футов шириной и слева обрывалась вертикальным склоном с острыми уступа-

ми. Нижний уровень тропы даже не был виден. Можно было лишь предполагать, что он где-то там, внизу. Но спасательной сеткой, как прежде, служить уже не мог. Если бы Анжела упала, это был бы конец.

Почувствовав дурноту, Говард прислонился к стене.

— Может, именно это и имел в виду Батлер, говоря о защите А. Л.? — заметила Анжела.

— Да.

— Спасибо.

Из-за поворота выползла Дорис. Правой рукой она придерживалась за стену, чтобы не оступиться. Покрывшееся испариной лицо покраснело. На нем читался испуг.

— Они что-то нашли! — крикнул ей Говард.

— К чертовой матери, — пробормотала она.

— Жизнерадостная, как всегда, — шепнула Анжела. — Ты готов?

— А ты?

— Как никогда.

— Смотри под ноги, ладно?

— Непременно.

Говард придержал ее рюкзак, пока она медленно и осторожно отодвинулась от стены. Когда она пошла вверх по тропе, опустив голову, Говард держался на определенном расстоянии, чтобы не наступать ей на пятки, но достаточно близко, чтобы дотянуться до нее, если она вновь споткнется.

Неожиданно она рванула вперед.

— Анжела! — вскрикнул он, но, обогнув вслед за нею поворот, понял, что бег теперь не представлял больше опасности. Узкая тропа закончилась. Пропасти тоже не было. Хотя гора все еще маячила справа, слева открывался широкий покаты́й склон.

С него нельзя было упасть даже при большом желании.

Говард глубоко и прерывисто вдохнул и шумно выдохнул. Поравнявшись с Анжелой, он увидел на краю склона Кита и Лану. Они стояли без рюкзаков. Перед ними был какой-то обрыв, что-то вроде пролома, с крутым подъемом на другой стороне.

Приближаясь к ним, Говард слышал нараст-

тающий шум, напоминающий сильный ветер, стремительно слетающий по склону. Но веял лишь свежий ветерок. К тому времени, когда они подошли к Киту и Лане, шум превратился в рев.

Опустив глаза, Говард нашел его источник. На дне пропасти, по меньшей мере в пятидесяти футах ниже, в узком ущелье бесновался горный поток. Вода яростно перекатывалась через валуны, вертикально срывалась с водопадов и пенной белой струей пробивала себе путь вниз.

Анжела нашла его руку.

— Ну разве не восхитительно?

— Да, — согласился он, хотя пейзаж показался ему диким и опасным. Отступив на шаг от края, он потянул за собой Анжелу. — Так это ваше великое открытие? — спросил он у Кита.

— Оно там, — сказал Кит, указывая рукой за пролом, — на другой стороне.

— Что? Я не...

— Там! Там!

Тогда он увидел. Кто-то размалевал вертикальную поверхность гранитного блока над ущельем красной краской. Огромный красный кон-

тур пронзенного стрелой сердца. А внутри — каракули: «МАРК + СЮЗАН».

— Марк, — пробормотала Анжела. — Боже мой!

— Знак Батлера, — усмехаясь произнес Кит.

— Что там у вас за дела? — раздался за спиной голос Дорис.

Говард обернулся. Глен догнал Дорис и шел теперь рядом с ней.

— Глен рассказывал тебе о нашем сеансе с планшеткой прошлой ночью?

— Она не захотела ничего слышать об этом, — отозвался тот. — Как, впрочем, и обо всем остальном.

— Так вот, мы контактировали с Батлером, — пояснила Лана. — Мы спросили у него, как найти его шахту с сокровищем, и он велел нам идти «вверх к Марку и дальше по сердцу».

— На свой обычный загадочный манер, — вставил Глен.

— Никакой особой таинственности, как выяснилось, — заметил Кит. — Все на виду.

Когда Глен увидел рисунок с надписью, у него

вырвалось:

— Черт меня побери! А где же шахта?

— Должна быть где-то рядом, — проронила Лана.

Дорис выпятила губу:

— С нашим счастьем, она, вероятно, где-то на той стороне.

— Если это так, — промолвила Лана, — то пока мы ее не заметили.

— Мы должны «идти по сердцу», — включилась в разговор Анжела. — А это сердце пронзено стрелой. Наверное, стрела и указывает направление на шахту.

Стержень стрелы протыкал сердце по диагонали, а ее наконечник был нацелен вверх и вправо. В этом направлении зубчатый горный кряж поворачивал, скрываясь из виду.

— Наверное, там, — предположил Говард.

— Вероятнее всего, — согласилась Лана.

— Прелестно! — фыркнула Дорис.

— Теперь осталось только найти способ переправиться через ручей, — объявила Лана, вскидывая рюкзак. Кит придержал его, пока она про-

девала руки в лямки. Затем надел собственный.

— Да мы все уьемся, — проворчала Дорис.

— «Мы Богу должны свою смерть», — продекламировал Глен.

— Фальстаф, мать твою!

Лана и Кит пошли первыми. За ними последовал Говард, рядом с ним Анжела, а замыкали шествие Глен и Дорис. Пока они шли вдоль края обрыва, Говард поглядывал через плечо, разыскивая отверстия в стене напротив. Та сторона ущелья выглядела очень неровной, и среди хаотического нагромождения камней могла скрываться целая дюжина шахтных стволов. Но ничего похожего он не заметил.

— Наверное, здорово было бы окунуться сейчас в этот милый прохладный ручей, — промолвил Глен.

— Так почему бы тебе не прыгнуть и выяснить? — предложила его спутница.

— Дорис не очень-то изменилась, — негромко произнес Говард. Поскольку Дорис и Говард шли позади на некотором расстоянии и рев ручья был просто оглушительным, он сомневался,

что те смогут различить хоть одно его слово.

— За весь день улыбка ни разу не появилась у нее на лице, — подхватила Анжела.

— Надо полагать, до этого у них дело не дошло.

— Спали вместе, но не друг с другом.

— Тем хуже. А это могло чудесным образом сказаться на ее нраве.

— Мой так наверняка улучшился, — с улыбкой созналась Анжела. — Я чувствую себя бесподобно.

Говард ощутил, как тепло разлилось у него в груди.

— И я тоже.

— Тебя волнует, что все они догадываются о нас?

— Мне это даже нравится.

— Мне тоже. Нам нет необходимости прятаться, понимаешь?

— Но я поначалу был немного смущен.

Она рассмеялась.

— Думаю, это их не особенно удивило.

— Но они удивили меня, это точно. — Он

улыбнулся, вспомнив о том шоке, который пережил при пробуждении: лежит тепленький под обнаженным телом Анжелы, а в палатку просовывается голова Ланы, и луч фонарика шарит по ним, и слова Ланы: «Время подниматься и светить, солнышки».

Затем в палатку просунулась голова Кита со словами: «Это вы, конечно, здорово придумали, ребята, но вам придется расстыковаться и перейти в палатку Глена».

После того, как их оставили одних, они быстро вылезли из спального мешка, натянули тренировочные костюмы и вытащили свои вещи наружу. Глен и Дорис, закутавшись в одеяла, уже толклись у костра.

— Назови ребенка моим именем! — выкрикнул Глен.

— Не волнуйся об этом, — сказала Анжела Говарду, как только они оказались в палатке Глена. — Я на таблетках.

— Я и не волновался. Но уж точно не назвал бы ребенка Гленом или Глендой.

Анжела рассмеялась, а Говард тем временем,

стуча зубами от холода, забирался в спальный мешок.

— Хочешь ко мне?

Через несколько секунд она уже была внутри его теплого пухового мешка. Они прижались друг к другу и крепко обнялись. Оба дрожали.

— Как тебе нравится, что нас застали? — прошептала она.

— Знаю. О Боже.

— Кто-то, наверное, выиграл пять баксов. . .

Голос Анжелы нарушил ход его мыслей:

— Это была лучшая ночь в моей жизни.

— И в моей тоже, — сказал он, обернувшись через плечо, чтобы убедиться, что Глен и Дорис по-прежнему вне пределов слышимости. Те были еще дальше, чем прежде.

— Безумно рада, что тебе приснился какой-то кошмар, — продолжала Анжела. — Я услышала, как ты задыхаешься и всхлипываешь, и мне стало совершенно наплевать, что ты обо мне думаешь. Мне хотелось одного — обнять тебя. Мне было уже неважно, что ты считаешь меня. . . подпорченным товаром.

— Ну, я так не думаю.

— Ты думал. А я такая и есть.

— Ты замечательная. И если бы... с тобой ничего подобного не произошло, ты бы никогда не стала такой. Ты была бы другой. Возможно, даже превратилась бы в какую-нибудь ужасную противную стерву или что-то в этом роде.

Анжела пожала плечами.

— Может быть.

— Возможно, ты никогда бы не попала в Белмор, и мы бы никогда не встретились, черт побери.

Она взяла его за руку и пожала ее.

Лана и Кит остановились, обернулись и поджидали остальных.

— Что-то нашли? — поинтересовался Глен.

— Наверное, ничего лучшего мы и не найдем, — заявила Лана. Она кивнула в сторону пропасти, и Говард с удивлением увидел, что ущелье значительно сузилось. Последний раз, когда он смотрел в него, ширина была не меньше пятнадцати футов. Здесь же расстояние между краями, похоже, не превышало четырех-пяти футов.

Но только в этом месте. Здесь образовался полукруглый выступ, нависавший над ущельем подобно половинке столешницы огромного гранитного стола. Затем он вновь заворачивался внутрь, и дальше впереди провал выглядел непреодолимым, поворачивая и скрываясь из виду высоко на склоне горы.

— Ты хочешь, чтобы мы это перепрыгнули? — спросил Глен.

— Никто никого не принуждает, — ответила ему Лана. — Но я не вижу иного способа перебраться на ту сторону. А ты?

Глен подошел к краю и поглядел вниз.

— Блин, — буркнул он и отступил назад.

— Если хочешь, можешь спуститься вниз, — сказал Кит.

— Не витай в облаках.

— Переплывешь поток и влезешь там наверх.

— Думаю, лучше рискнуть и прыгнуть, — согласился Глен.

— Да какой тут прыжок, — продолжал Кит. — Еще бы чуточку уже, и можно было бы просто переступить. — Он немного разбежался, прыгнул и

приземлился далеко за краем обрыва на противоположной стороне. Обернувшись, он улыбнулся: — Видите? Совсем несложно.

— Что думаешь? — спросил Глен Дорис.

— Я пас, — ответила та и, скрестив руки на груди поверх отдувавшейся спортивной кофты, покачала головой.

На другую сторону прыгнула Лана. Видимо, вес рюкзака подтолкнул ее, и она сделала несколько неустойчивых шагов вперед, прежде чем Кит успел ее подхватить.

Глядя на Говарда, Анжела произнесла:

— Вроде не сложно.

— Ты собираешься прыгать?

— Не вижу большого выбора, — ответила она.

— Выбор есть всегда, — вмешалась Дорис.

— Это проще простого! — крикнула Лана с другой стороны.

Анжела озабоченно взглянула на Дорис.

— А ты?

— Не переживай за меня. Я никому не нужна.

— У тебя не будет проблем. Ты сможешь.

— Да перестань ты лезть ко мне со своей за-

ботой. Собралась, так прыгай.

Тяжело вздохнув, Анжела повернулась к Говарду и закатила глаза. Затем натянула лямки своего рюкзака.

— Был бы это парашют, да?

— Да. Э, почему бы тебе не снять его? Я сам его перенесу.

— Рыцарство в полном расцвете, — пробормотала Дорис.

— Не думаю, что он мне как-то помешает. Да и зачем тебе лишний вес.

— Ну, это не совсем так. . .

— Увидимся на другой стороне. — Анжела отскочила в сторону, развернулась к ущелью и взяла разбег. Когда она подбегала к краю, у Говарда засосало под ложечкой. Затем прыгнула, далеко вперед выкинув длинную стройную ногу.

И вот она уже в полете: темные волосы развеваются по ветру, атласные шорты полощутся вокруг бедер.

Говард видел, как ее передняя нога опустилась в воздухе, как пошла на снижение, как надулись колоколами шорты, как взмыли вертикаль-

но вверх ее волосы. У него все оборвалось внутри.

Нет!

Нога ее коснулась земли. Анжела покачнулась. Лана и Кит подхватили ее под руки и поддерживали. Повернувшись, она улыбнулась.

— Легко! — крикнула она.

— Не так уж легко смотреть! — крикнул в ответ Говард.

Затем, опасаясь того, что может случиться, если он позволит себе подумать об этом, Говард бросился к обрыву и прыгнул. О Господи, о Господи! Ботинок тяжело опустился на скалу, от удара содрогнулось все тело. Когда рюкзак догнал его, Говард пошатнулся и упал в объятия Анжелы. Та крепко обняла его.

— Ты был прав, — промолвила она. — Смотреть хуже всего.

Затем они наблюдали, как Дорис с ухмылкой жестикулировала, видимо, призывая Глена прыгать первым. Пожав плечами, тот отвернулся, подскочил к краю пропасти и с криком: «Я иду!» сиганул в пустоту.

Он перепрыгнул ущелье с большим запасом и прочно опустился на обе ноги. Затем повернулся к Дорис и жестом пригласил последовать его примеру.

— Просто сделай хороший разбег, и у тебя не будет никаких проблем.

— Передай привет Батлеру! — крикнула в ответ Дорис. Она повела плечами, сбрасывая лямки с плеч, опустила рюкзак на землю, села и скрестила ноги.

— Что ты делаешь? — изумился Глен.

— Устраиваюсь поудобнее.

— О, ради Бога! — пробормотал Кит.

— Перестань, Дорис, — обратился к ней Глен. — Да перепрыгни ты эту штуковину. Не упадешь.

— Я и без тебя знаю, что не упаду. Потому что останусь здесь.

— И почему тебе всегда надо быть такой тошнотворной?

— Такова моя природа. — Она слегка наклонила голову вбок и улыбнулась, очевидно, демонстрируя свое представление о херувимчике.

— Ну и черт с ней! — воскликнул Кит.

Глен сердито покосился на него.

— Мы не можем просто бросить ее там.

— Тогда почему бы тебе не остаться с нею за компанию?

— О да, как же.

Лана шагнула мимо Глена и остановилась у самого края.

— Послушай, — начала она, — мы не можем заставить тебя перепрыгнуть сюда.

— Кажется, это и без слов понятно.

— Но неужели тебе действительно хочется остаться там одной.

Улыбка сошла с лица девушки.

— Разве ты забыла о нашем дружелюбном аборигене? Господи, да кто знает, где он сейчас? Что, если он здесь объявится?

На этот раз улыбка Дорис была довольно натянутой.

— Когда это произойдет, тогда и буду волноваться. Так что ступайте себе с Богом, а я не сдвинусь с места.

— И тебя совсем не интересует шахта? — по-

пробовал Глен.

— Нисколечко.

— Господи, — пробормотал он. — Столько пройти, чтобы в последний момент от всего отказаться. Да мы уже почти у цели. Мы уже почти пришли! Разве тебе не хочется быть вместе со всеми, когда мы найдем сокровища Батлера?

— Если тебя там не будет, — вмешался Кит, — ты ничего не получишь.

— Перестань, — одернула его Лана.

— А с какой стати?

— Потому что она — одна из нас.

— Если не пойдет с нами, она выбывает.

— И она спасла мою задницу прошлой ночью.

Или это ничего не значит?

Кит громко зашипел от досады.

— Ладно, блин!

Лана завела за плечо руку, просунула ее между скатанным спальным мешком и верхней частью рюкзака и извлекла револьвер.

— Хорошая мысль, — произнес Кит. — Пульни в нее.

— Мне он не нужен! — выкрикнула Дорис.

Проигнорировав ее реплику, Лана прыгнула через ущелье.

Лицо Дорис искажилось в ужасе.

— Почему ты просто не швырнула эту хреновину, черт возьми! Тем более, что он мне совершенно ни к чему! Что, если бы ты упала? Опять бы я была виновата!

Если Лана и говорила что-нибудь, Говард ничего не слышал. Он видел только, как та наклонилась и протянула револьвер Дорис. Лицо у толстушки было красным, губы бантиком. Затем она выхватила револьвер из руки Ланы.

Лана еще раз перемахнула через пропасть.

— Ты рехнулась, — возмутился Кит. — Она не хочет и один раз перепрыгнуть, а ты сделала это дважды только для того, чтобы отдать ей нашу пушку.

— Мою пушку, — поправила его Лана.

— Что, если она нам понадобится?

С улыбкой Лана похлопала его по плечу.

— У меня есть ты, а у тебя — я. — Затем повернулась к Дорис. — В случае чего, стреляй и мы мигом прискачем сюда.

Дорис кивнула. Она сидела на земле, скрестив ноги и понурив голову. Револьвер лежал у нее на коленях.

— Боже, какая она жалкая, — буркнул Кит.

— Заткнись! — оборвала его Лана. — Пойдем искать шахту.

Глава 24

Кори блаженствовала. Прикрыв глаза от слепящего яркого солнца, она загорала на плоском камне у воды и чувствовала себя очень уютно. Колени были приподняты, рука лежала на обнаженном бедре Чеда. Не хотелось даже менять позу.

Но пора собираться в путь, и она это понимала.

После завтрака они занимались любовью, и ей надо было еще хоть немного поплавать, чтобы обмыться, прежде чем отправляться на поиски ребят. К тому же если она не поднимется в самое ближайшее время, то, вероятно, получит солнечные ожоги, причем в тех местах, где загара никогда не было.

Когда Кори со стоном села, по телу покатились капли пота, а изнутри начала медленно сочиться более густая жидкость, и она вытащила из-под себя полотенце, чтобы не перепачкать его.

— Ты готов идти в воду? — спросила она.

— Я не могу шелохнуться.

— А совсем недавно у тебя это неплохо получалось.

— Выдохся.

— Да, вижу. — Она подняла его мягкий пенис и, улыбнувшись, уронила. Хлопнувшись о бедро, тот начал расти. — Хотя нет.

— Взгляни на мои колени.

Полотенце их не очень защитило: они покраснели и покрылись крохотными вмятинами от неровностей гранита.

— Бедняжка. — Поморщившись, Кори встала на колени. — Надо было сказать.

— Я гордый.

— Да. — Она склонилась над ним и поцеловала коленные чашечки. — Лучше?

— Угу.

Чед вздрогнул, когда Кори поцеловала его пенис и застонал, когда она языком втолкнула его себе в рот и принялась сосать.

Кори почувствовала, как правую грудь обхватила рука и по бедру потекла сперма. Стало щекотно, и она подняла голову.

— Что-то не похоже, чтобы ты выдохся. Так идешь купаться?

— Это обязательно? — промурлыкал он с том-

ной, самодовольной улыбкой.

— Нет, если не хочешь.

— Мне так уютно, а вода такая ледяная.

— Ну что ж. Я ненадолго. — Она нежно шлепнула его по животу, затем встала, спустилась к воде и вошла в озеро. И вздрогнула. Вода под ногами напоминала жидкий лед. Стуча зубами, Кори пошла дальше.

Чед сел и наблюдал за ней.

— Как водичка? — спросил он.

— Чутьочку прохладненько. Хочешь почувствовать? — Улыбнувшись, она наклонилась, зачерпнула пригоршню воды и плеснула в него. Чед схватил, полотенце, чтобы заслониться. Однако, как, впрочем, и было задумано, вода не долетела.

— Мазила.

— Не дерзи, а то я могу прицелиться получше.

— У меня и в мыслях не было никаких дерзостей.

Кори заходила глубже, и студеная вода поднималась по ее ногам. Когда добралась почти до паха, Кори остановилась и, слегка согнувшись, опустила руку в воду и потеряла бедра. Затем сде-

лала еще один шаг, зашипела и, вздрогнув, замерла на месте.

— В чем дело?

— Пар поднимается?

Чед рассмеялся.

— Не вижу никакого пара.

Дрожа и ахая, Кори начала обмываться. Затем глубоко вдохнула и с мыслью: «мне совсем не обязательно это делать» погрузилась в воду. Удар холода оглушил ее, отозвавшись болью в затылке и стрельнув в голову. Но, когда она заскользила под водой, боль стала утихать. Всплыв на поверхность, Кори наполнила легкие воздухом и поплыла на середину озера. С каждым толчком ноги и гребком руки ледяная хватка холода ослабевала, и по телу стало разливаться тепло.

«Не так уж и плохо, — подумала она. — Но еще лучше будет выбраться на берег, прилечь рядом с Чедом и подставить солнцу спину».

Может, сначала крепко обнять его, пока я мокрая и холодная?

Запыхавшись, Кори остановилась и увидела, что заплыла гораздо дальше середины озера.

До противоположного берега было рукой подать. Поддерживая себя на плаву работой ног, она заметила низкую гранитную плиту, выступавшую в озеро, подобно небольшой пристани.

Первая мысль — доплыть туда. Можно было бы взобраться на нее и согреться. Да и Чеду будет на что посмотреть.

Нет, не стоит.

После нескольких минут на солнце снова входить в воду будет просто мукой.

Повернувшись, Кори подняла руку высоко над головой и помахала. Ее тут же потянуло на дно, и пришлось опустить руку. Держась с ее помощью на поверхности, она стала оглядывать далекий берег, пока не отыскала место, где оставила Чеду. Но увидела только камень. «Чед, — решила она, — видимо, устал наблюдать за ней и лег, поэтому его и не видно. Лег либо куда-то отошел».

Кори почувствовала легкое разочарование, потому что ожидала, что он будет следить за нею.

Ведь не каждый день можно наблюдать, как

твоя невеста голышом плавает в горном озере.

Со вздохом сожаления Кори перевернулась, откинулась на спину, изогнулась и оттолкнулась от воды ногами. Затылок погрузился в воду, а туловище и ноги всплыли на поверхность. Затем расслабилась и заскользила, зажмурившись от слепящего солнца. Озеро выталкивало ее вверх, подлизывая снизу скользкими холодными языками и закладывая уши тишиной. Солнце ласкало теплыми лучами.

Это наполнило ее такой беззаботной истомой, что совершенно не хотелось двигаться. Но она понимала, что не может остаться здесь.

Если бы не надо было гоняться за этими чертовыми детьми...

Тогда бы мы здесь не были.

Надо обязательно приехать сюда еще раз. У нас впереди целое лето. Вернемся на это озеро, и, возможно, проведем здесь неделю или даже дольше...

Но сейчас зовут дела.

Оставаясь на спине, Кори энергично работала ногами. Вода нежно толкала в макушку, пе-

река тывалась через плечи, струилась по спине и ягодицам. Словно холодный шелк.

«Мы вернемся сюда, как только появится возможность», — пообещала она себе.

Приподняв немного голову, она обнаружила, что плывет в правильном направлении и преодолела уже значительное расстояние. Интересно, наблюдал ли за ней Чед сейчас. Хотелось бы надеяться. Тело переливалось на солнце блестками. Толчки ног слегка покачивали тело из стороны в сторону, раскачивая груди. Несмотря на теплое солнце, набухшие соски торчали вверх.

«Если сейчас он смотрит, — подумала Кори, — к тому времени, как доплыву к нему, член у него, наверное, будет размером с телеграфный столб».

Придется с этим что-то делать.

А тогда что, снова окунаться?

«Проблемы, проблемы», — подумала она, снова опуская голову.

Какое-то время Кори еще проплыла на спине, затем перевернулась на живот. Чеда все еще нигде не было видно. «Наверное, задремал», — с

улыбкой подумала она. Какой сюрприз ожидает его, когда она плюхнет на него сверху.

И поплыла брассом к выступающей плите. Однако, опасаясь, как бы он не услышал ее приближение, отклонилась немного вправо. Плыть старалась как можно тише, плавными движениями отгребая воду назад, медленно раздвигая и сдвигая ноги ножницами.

Без единого звука.

Кори чувствовала себя ребенком, играющим в диверсантов «коммандос».

И неплохо получалось. Если не считать несколько тихих всплесков, она совершенно беззвучно проплыла мимо камня и, миновав его, обернулась через плечо. Плита слишком высоко торчала из воды, чтобы увидеть Чеда.

Он также не мог бы увидеть ее. Разве что сел бы.

Этого он не сделал.

Пока все шло по плану.

Опустившись на четвереньки на каменистое дно озера, Кори стала осторожно продвигаться к берегу, постепенно поднимаясь из воды, ручей-

ками и каплями стекавшей с тела. Но не очень громко. Чед так и не сел и не увидел ее.

Получилось.

Выбравшись из воды, она стала пробираться к небольшому массивному валуну. Там приподнялась на корточках и повернулась в сторону Чеда.

Да, он все еще на том же плоском камне. Неподвижно лежит на спине, раскинув в стороны руки и ноги. Набросил полотенце на лицо от солнца и, судя по виду, медленно поджаривается. Кожа блестит от пота.

«Это, пожалуй, будет слишком жестоко», — с усмешкой подумала Кори, подкрадываясь к нему.

Затем сделала рывок, потому что очень хотела достичь Чеда до того, как солнце нагреет ее ледяную кожу. Запрыгнув на камень, упала на колени у него между ног и завалилась вперед, выставив руки, чтобы не придавить его. Слишком. Ее мокрое тело звучно шлепнулось на него.

Чед не вздрогнул. И не вскрикнул.

Он просто неподвижно лежал под нею, и кожа его была горячей и скользкой.

Кори обмерла.

— Чед?

Она сорвала полотенце с его лица.

Глаза были закрыты, а рот широко открыт. Волосы над правым ухом слиплись от крови, тонкая струйка которой стекала по граниту.

— Да-да-да-да-да!

Ахнув, Кори оттолкнулась от камня. В голове закружились мысли: «Что происходит? Это невозможно! Мы здесь одни!»

Одни, если не считать стоявшего в десяти футах перед ней мужика. Безволосый, лоснящийся, с солнцезащитными очками на лице, голый, если не принимать во внимание тоненькой ленточки, наискось спускавшейся с бедер к громадному черному гульфику, он словно сошел со страниц туристского журнала. Шипя «да-да-да», он что-то метнул в Кори.

Она дернулась в сторону, и камень лишь цапнул кончик уха. Упав на плиту, она перекадилась и свалилась в озеро, шлепнувшись о воду спиной. Еще при погружении Кори перевернулась и стала быстро шарить по дну руками. В правую попался кусок гранита. Схватив его, она вскочи-

ла на ноги и, пошатываясь, побрела по колено в воде.

— Да-да-да!

Он несся по берегу, стремительно приближаясь к ней. Вместо того, чтобы помогать себе бежать, отмахивая руками, он протягивал их к ней. Огромные, узловатые и бугристые. А мышцы гигантского тела играли и вздрагивали.

Кори швырнула камень.

Тот попал в угол солнцезащитных очков и сбил их. Бледно-голубые глаза гиганта засияли безумной радостью.

Кори резко повернулась на месте и нырнула, плашмя плюхнувшись в воду и бешено замолотив руками и ногами. В голове замелькало: «Надо шевелиться! Убегать! Бред какой-то! Откуда он взялся? Бежать! Скорее! Что он сделал с Чедом? О Господи, Господи, Господи! Хоть бы он не умел плавать! Какой-то гребаный маньяк! Чего ему от меня надо? Хоть бы я этого никогда не узнала, хоть бы не узнала. Давай, давай, давай! Подждал меня. Он меня подждал!

Что-то схватило ее за лодыжку.

Что-то? Да это его рука!

Это «что-то» потянуло назад.

Нет!

Она отчаянно била по воде обеими руками, извивалась и выкручивалась, пыталась отбиваться свободной ногой. Пока он не поймал и ее.

Теперь, когда у него в руках были обе ноги, Кори поняла, что все кончено.

Нет, только начинается.

Но она продолжала сопротивляться, пытаюсь вырваться, пытаюсь схватиться за воду и остановить быстрое скольжение назад. Но ледяная жидкость все неслась вверх по ее телу.

Вдруг он резко дернул ее на Себя, и вода хлынула ей в ноздри. Когда Кори выдувала из них воздух, то поняла, что ее уже не держат.

Двигайся! Двигайся!

Она всплыла на поверхность и отчаянно забила ногами.

Успела по разу дернуть каждой, прежде чем незнакомец снова поймал лодыжки.

Но на этот раз захват был другим.

Схватил с другой стороны?

Но еще до того, как Кори успела подумать зачем, ноги ее поднялись, в воздух, а голова стремительно пошла дугой вниз. Корин едва успела выставить руки, которые тут же наткнулись на дно. Она начала шарить по дну в поисках оружия. Но ее слишком быстро тащили. Тащили к берегу.

Уровень озера стремительно понижался, словно с тела соскальзывала холодная одежда, все более и более оголяя его. Легкие разрывало от недостатка воздуха. Но Кори знала, что скоро сможет нормально дышать, потому что вода уже достигла середины груди. Затем вновь почувствовала теплый воздух под грудями.

Достаточно хорошо!

Кори изо всех сил рванулась, складываясь в пояснице. Вода хлынула в лицо, и в следующее мгновение она вынырнула на поверхность, задыхаясь и усиленно моргая.

Незнакомец держал ее ноги в воздухе, ухмыляясь сверху вниз, словно чокнутый хулиган, надеющийся вытрясти монеты из карманов малыша, у которого и карманов-то не было.

Все еще взлетая вверх, Кори вцепилась ногтями в его мускулистый зад и стала подтягиваться, нацеливаясь лбом в пах.

Вдруг его колено подскочило и сильно ударило в плечо. От удара она полетела в обратную сторону. Голова ушла под воду. Незнакомец теперь держал ее так, чтобы поверхность озера чуть покрывала верхнюю часть плеч. Кори задержала дыхание.

«Он не будет топить меня, — успокаивала она себя. — Скоро отпустит».

Стало до боли не хватать воздуха.

Оставаясь совершенно неподвижной, Кори ждала, неотрывно глядя сквозь несколько дюймов воды на расплывчатое облитое солнцем тело своего мучителя.

Я убью его!

Сердце отбойным молотком колотило по ребрам, а легкие горели адским огнем.

Подымай, ублюдок!

Хватит!

Тело самопроизвольно потянулось к поверхности. Незнакомец резко опустил ее вниз за ло-

дыжки, словно хотел воткнуть в дно. Кори быстро сложила руки на голове. И вовремя. Что-то у самого дна больно ударило в правое предплечье.

Через мгновение ее подняли вверх.

— Ты хотела причинить мне боль, — промолвил незнакомец. Насупившись, он встряхнул ее. — Никогда больше не пытайся этого сделать, иначе умрешь.

Кори с присвистом глотнула воздуха.

— А я не хочу, чтобы ты умирала. Мертвые быстро теряют привлекательность.

Он развернулся и, неся Кори вверх тормашками перед собой, побрел к берегу.

Глава 25

Анжела прислонилась к камню между коленями Говарда, который, свесив ноги, восседал на гранитном троне и массировал ей плечи.

— Как бы мне хотелось, чтобы там никого не оказалось, — промолвила она.

Говард со смешанным чувством волнения и страха взглянул на вход в шахту, находившийся в нескольких ярдах.

— И мне тоже. Только сказочные сокровища.

— Но Батлер сказал, что мы встретимся с ним. Помнишь? Как раз перед тем, как в дверях появился приятель доктора Дальтон.

— Не волнуйся. Я тебя защищу.

Наклонившись, Говард прижался губами к мягким влажным волосам и, скользнув руками вниз, нежно стиснул груди через тенниску.

Изогнувшись, Анжела прошептала:

— Только не сейчас, ладно?

— Здесь никого нет.

— Может быть, а может, и есть.

Говард отвел руки назад на плечи и, развернувшись, увидел на вершине утеса стоявшего к ним спиной Глена, выглядывавшего Лану и Ки-

та.

— Глен смотрит в другую сторону. Даже если он повернется, то почти ничего не увидит.

— Все равно...

— Боишься, что за нами может наблюдать Батлер?

Плечи Анжелы вздрогнули, и Говард пожалел о сказанном. Тогда он поднял взгляд на отверстие, величиной с дверь, в гранитной стене. Наружный свет проникал в шахту только на несколько футов, обнажая грубый серый каменный пол. Сразу за этим скудным порогом света мог таиться кто угодно. И следить за ними.

Холодок пробежал по спине, а кожа на затылке натянулась и стала покалывать.

— Там никого нет, — неуверенно произнес он.

— На это нельзя рассчитывать.

— Эй, перестань. А то у меня уже мурашки поползли по спине.

Анжела похлопала его по голени, погладила. Затем ее голова опустилась.

— Ты действительно покрылся гусиной кожей, ты не знал?

— Давно подозревал себя в трусости.

Анжела начала энергично растирать ему ноги.

— Я тебя согрею, — сказала она. — Плохо, что у нас нет револьвера. Может быть, принесут. Как знать, возможно, приведут с собой и Дорис.

— Не думаю, чтобы они возвратились так издалека.

— На самом деле это не так уж и далеко. По крайней мере, от того места, где мы оставили рюкзаки.

— Да, но они вряд ли станут тратить на нее время. Потому что хотят побыстрее вернуться сюда и исследовать шахту. Просто возьмут фонари и...

— А вот и они! — выкрикнул Глен со своей наблюдательной вышки и начал спускаться.

Анжела быстро сжала Говарду колено и шагнула в сторону. Говард спрыгнул на землю. Они увидели, как Глен опустился в тенистую узкую расселину и у самого ее дна соскочил с валуна. При приземлении его встряхнуло.

— Все настроились на приключения? — спро-

сил он.

— Видимо, Дорис была права, — проронила Анжела.

— Уж не собираешься ли и ты слинять? Она покачала головой.

— Я ведь дошла сюда.

— Хорошая девочка. Кроме того, ты нам можешь здесь понадобиться. Батлер говорил, что именно ты выведешь нас на добычу.

— Она привела нас к шахте, — заметил Говард. Глен вскинул голову, и у него от возмущения затрясся подбородок.

— Эй, я тот парень, кто нашел шахту.

— Это Анжела предложила идти по направлению стрелки.

— Да, — кивая головой, прибавил Глен: — Думаешь, это было все, что имел в виду Батлер?

— Кому известно, что он вообще имеет в виду?

— Верно. Ублюдок говорит загадками.

Уголок рта Анжелы приподнялся вверх.

— Следите за тем, что говорите о нем. Возможно, нам придется встретиться с ним через

несколько минут.

Глен рассмеялся, но смех его был чуточку нервным. И уставился на вход шахты.

— Если он и там, то все равно мертв. Правильно? Он общался с нами через планшетку, стало быть, обязан быть мертвым.

— Кто знает? — проронил Говард.

— Э, да перестань. Это всем известно. Этими чертовыми штуковинами пользуются для бесед с духами. Батлер на том свете, там, по другую сторону, и все такое...

— Надеюсь.

— Он сказал, что встретится с нами в шахте, — напомнила Анжела.

— Вероятно, он выражался фигурально. Во всяком случае, если он и не жмурик, то нас пятеро, а он один. — Глен похлопал рукой по ножу в чехле на бедре. — Ему лучше не пытаться сделать ничего такого, а то попробует вкус холодного...

— Готовы провести небольшое исследование? — спросила Лана, выходя из широкого прохода. Кит едва поспевал за ней. Оба пыхтели и обливались потом.

В одной руке Лана несла фонарь. Через плечо у нее был перекинут моток веревки — той самой, которую она протягивала от дерева к дереву утром в лагере, чтобы просушить свою одежду, пока все завтракали. Моток оттягивал вниз рубашку, растягивая ее спереди, так что Говард увидел верхнюю часть груди — лоснящаяся смуглость резко контрастировала с ослепительной белизной бюстгалтера. Пуговицы на рубашке были расстегнуты, а концы стянуты узлом под самыми грудями, так что живот заголился до шорт. Сами шорты перекошились под тяжестью свисавшего на поясе топорика.

— Собираешься рубить дрова? — поддразнил Глен.

— Подумала, что нам... может понадобится оружие. — Она пыталась отдышаться, и грудь ее раздувалась мехами. — Никогда не знаешь... на что можешь напороться. Захватила и веревку. — Она похлопала по мотку, отчего грудь слегка задрожала. — На всякий случай, — добавила она.

— А револьвер ты случайно не прихватила? — поинтересовалась Анжела.

Лана покачала головой.

— Но я видела Дорис. Она все еще там сидит. Читает книгу. — Лана направила фонарь себе в лицо и включила его. Расплывчатый яркий диск осветил подбородок, поднялся к губам и носу и скользнул от одного глаза к другому. И погас. — Мне очень хотелось забрать его. Но я не смогла это сделать. Она бы осталась беззащитной.

— У нее остался бы ее ротик, — съязвил Кит.

— Перестань, — одернула его Лана и сделала глубокий вдох. — Ладно, кажется, я отошла. Остальные готовы?

Все дружно переглянулись.

— Тогда за мной! — сказала Лана.

— Замечательная мысль, — заметил Кит. — Дамы, вперед!

— А ты не отходи от меня ни на шаг. — Она вынула из-за пояса топорик и передала его Кит. — Будь наготове, но смотри, не заруби кого-нибудь из нас.

— Кто, я?

— И будь с ним поосторожнее. Глен, ты будешь прикрывать нас сзади. Отдай ему свой фо-

нарь, — велела она Киту.

Когда они подошли ко входу в шахту, Лана остановилась и снова зажгла фонарь, и Говард увидел, как его луч метнулся в темноту. Похоже, туннель был выдолблен прямо горизонтально в глубь горы. Но только примерно на тридцать футов.

— Не вижу я никаких сокровищ, — пробурчал Кит.

Не видел их и Говард. Лишь неровные стены и потолок, какой-то мусор на полу и, как ему показалось, тупик. Никаких подпорок не наблюдалось. «Видимо, в шахте, прорубленной в скальной породе, в них не было нужды», — решил он.

— Возможно, клад придется откапывать, — предположила Лана.

— Как же. Зарытое сокровище. Дерьмо собачье! Чего доброго, оно еще в стенах — как золотая жила-и мы должны будем вырубать его по кусочкам. Батлеру следовало предупредить, чтобы мы захватили с собой кирки и лопаты.

— Мы могли попасть не в ту шахту, — заметил Глен. — Если здесь работали старатели,

поблизости могут быть другие. . .

— Давайте ее все равно проверим, — предложила Лана.

И, слегка пригнувшись, шагнула вперед. За нею последовал Кит, держа топорик почти у бедра. Хотя Анжеле никак не грозило удариться головой, входя, она все же согнулась. Говард вошел следом.

Вопреки его ожиданиям, в шахте было не холодно. Напротив, затхлый воздух был горячим и сухим. Тяжелым и душным.

Уже через несколько шагов наружный свет погас и Говард ничего не видел, кроме неясных бледных очертаний тенниски Анжелы. Он протянул вперед руку и положил ей на плечо.

— Какой идиот выключил кондиционер? — раздался голос Кита.

За спиной Говарда зажегся фонарь Глена. Луч его подпрыгнул к стене, отскочил к другой, затем упал на пол и растекся по неровному серому полу. Затем заметался из стороны в сторону, словно ища, как бы обогнуть ноги Говарда и осветить дорогу перед Анжелой.

— Так легче? — прошептал он.

— Еще как, — отозвалась Анжела. — Спасибо.

— Похоже, нам везет, — эхом прокатился по туннелю голос Ланы. — Это не тупик. Здесь поворот.

— Превосходно. — буркнул Глен.

— Гля, дневной свет! — послышался голос Кита.

Через мгновение Лана ответила:

— Ага!

— Какого черта? — снова Кит.

— Я... блин горелый! — снова Лана.

— О мамочка! — теперь Кит.

Луч фонаря Глена метнулся в сторону, выхватив из темноты угол стены прямо перед Анжелой. Та сделала еще один шаг, затем повернула голову в сторону прохода, ахнула и отпрянула назад, наткнувшись на руку Говарда.

— Что там? — воскликнул Глен и бросился на Говарда, пытаясь протиснуться мимо него.

— Перестань!

— Дай-ка я... — он оттолкнул Говарда с дороги плечом, обогнул Анжелу и бросился за по-

ворот. — О Боже! Все скорее отсюда!

— Остынь! — осадила его Лана. — Успокойся, ладно?

— Скелета никогда не видел? — спросил Кит.

У Говарда все внутри похолодело. Обняв Анжелу за плечо, он повернул голову вправо и увидел остальных. Сразу за поворотом в луже грязного серого света, падающего сверху, стоял оцепеневший Глен. Под ногами у него темнело пепелище костра: кучка золы, обуглившиеся головешки и кости. «Кто-то, — понял Говард, — должно быть, жил здесь и питался мелкими зверушками».

В нескольких ярдах дальше по туннелю стояли рядом Лана и Кит. По одну сторону от них — мятый синий спальный мешок, развернутый возле давно погасшего костра, по другую — сидящий скелет.

Лана и Глен навели на него свои фонарики.

Скелет сидел, прислонив голову и спину к стене, руки его были сложены на бедрах, а лишённые плоти ноги вытянуты вперед.

«По крайней мере, не такой мерзкий, — поду-

мал Говард, борясь с холодным онемением, которое, казалось, расплзлось от живота по всему телу. — Могло быть и хуже. Не разлагающийся труп, в конце концов, а просто скелет».

Мертвый человек.

— Господи, — пробормотал он.

— Наверное, это Батлер? — прошептала Анжела. Глен переступил через ноги, видимо, спеша встать рядом с Ланой и Китом.

— Э, что там? — Его фонарь все еще был направлен в пространство между их телами. Они отодвинулись.

— Это остальные его вещи, — пояснила Лана, светя собственным фонарем на разбросанные по полу предметы.

— Чьи вещи? — переспросил Глен. — Покойника?

— А я откуда знаю? — бросил Кит.

— Пойдем, — промолвил Говард и, взяв Анжелу за руку, обвел ее вокруг потухшего костра. По пути он наступил на спальный мешок. Толстый, тот спружинил под ногой. Мягкий пуховый мешок. — Довольно неплохая вещица, — оценил

он.

— Наверное, это и есть наш клад? — криво усмехнулся Кит.

— Сокровище Батлера? — фыркнула Лана.

— Надо все это хорошенько проверить, — предложил Глен.

— Да, — поддержал его Кит, — в рюкзаке может находиться миллион баксов.

— А вы не могли бы осветить одним из ваших фонариков в нашу сторону? — попросил Говард.

— Извините. — Лана повернулась и направила луч на ноги скелета.

— Спасибо, — поблагодарил Говард, перешагивая через них. Оставив их позади, он оглянулся.

Анжела остановилась, отпустила его руку и присела на корточки рядом с ногами скелета.

— А это ты не заметил?

— Что? — поинтересовался Говард.

— Лана! Все! Идите сюда! Взгляните на это!

Когда они вернулись, сбившись в кучу рядом со скелетом, и осветили на него фонариками,

Анжела показала на его колени, которые были перемотаны кожаными полосками.

— Ну и что? — спросил Кит.

— Еще здесь и здесь, — Анжела указала на кисти и локти, которые были перевязаны таким же образом. — И посмотрите сюда. — С обеих сторон челюсть была привязана к черепу шнурами.

— О мамочка! — пробормотал Глен.

— Сам он не мог сделать себе такого, — заключила Лана и посветила на руку скелета, когда Анжела подняла ее за кисть. Кости тихо загремели. Насколько Говард мог судить, все они были на месте.

Он скривился, когда Анжела поднесла кисть к лицу и начала изучать ее, морща нос.

— Все эти кости пальцев и... они связаны волосами. — Она бережно опустила руку скелета, поднялась и вытерла ладонь о полу тенниски.

— Перед нашими глазами предмет, ставший чьим-то хобби, — объявил Кит.

— И его спальный мешок валяется рядом, — заметила Лана.

— И это свидетельствует о его высоких душевных качествах, да?

— Боюсь, как бы это не было работой выроodka, нападавшего на нас, — промолвила Анжела.

Говард почувствовал, что у него зашевелились волосы.

— Я бы совсем не удивилась этому, — подхватила Лана.

— Хорошо вписывается в общую картину, — добавил Кит. — Псих живет с мертвецом в заброшенной шахте и совершает набеги в долину, чтобы напасть на туристов. Одичавший безумец.

— Вероятно, это одна из его жертв, — пробормотал Глен.

— Судя по виду, скелет здесь уже много лет, — возразила Лана.

— А может, и псих здесь уже не первый год, — сказал Кит.

— На вид он чуть постарше двадцати. Не думаю, чтобы это он убил этого человека.

— Кто знает? За сколько времени можно превратиться в скелет?

— Почем мне знать.

— Он мог уже быть в шахте, когда маньяк здесь поселился, — предположил Глен.

Кит нервно хихикнул:

— Ну да, и ему понравилась мысль о приятеле. А может, эта парочка решила, что будет гораздо уютнее, если они заведут еще и ребеночка.

— Если это Батлер... — начала Анжела.

— Да, это ведь именно он заманил нас сюда.

— Но еще он сказал, что привел нас сюда не из-за этого типа, — подчеркнул Говард.

— Он мог соврать, — заметила Анжела. — Возможно, никаких сокровищ никогда не существовало, и он использовал их только как приманку, чтобы нас сцапать.

— Пойдемте отсюда, — предложил Глен.

— Только после того, как мы тщательно обыщем все вокруг. — Лана обернулась и направила луч фонаря на сваленную в кучи одежду и вещи. — Пороемся в этом баракле, затем осмотрим остальную часть шахты. Я пришла сюда за сокровищами. Так что хотя бы поищу их.

— Они не стоят того, чтобы за них умереть.

— Тебя никто здесь не держит.

— А то мне сильно хочется остаться одному.

— Ты мог бы вернуться и побыть с нашим «ангелочком», — окрысился на него Кит.

— Пошел ты...

— Сам ты пошел...

— Прекратите! — рявкнула Лана. — Послушайте, мы здесь уже не менее пяти минут. И ублюдок на нас еще не напал. А это может означать одно из двух: либо его нет поблизости, либо он решил оставить нас в покое.

— И то и другое может чертовски быстро измениться, — заметил Глен.

— Значит, давайте поскорее осмотрим это тряпье. — И Лана поспешила к груде вещей. Другие последовали за нею. Свой фонарь и моток веревки она отдала Киту. — Постой на стреме, — кинула ему. Затем носком спихнула сверху свернутое одеяло. Обнажилась гора серого меха. Лана присела на корточки, ткнула в него рукой и подняла. Это был тулуп, судя по всему сшитый из множества звериных шкурок: беличьих и койотовых. Она понюхала его. — Это было на нем прошлой ночью, когда он схватил меня.

— Ты уверена?

— Да, уверена. — Лана отшвырнула тулуп в сторону и подняла пару брюк. Верхняя часть их представляла собой обычные синие джинсы, но хлопчатобумажные штанины были отрезаны и вместо них кожаными ремешками к материи прикреплены толстые чулки из шкурок. Лана просунула в одну из штанин руку. — меховые, — объявила она. — Это, должно быть, те кожаные штаны, о которых ты нам рассказывала, — добавила она, взглянув через плечо на Анжелу.

— Вполне возможно.

Лана отбросила их в сторону. На каменном полу стояла пара туристских полуботинок. Перевернув, Лана встряхнула их. Но из них ничего не выпало.

Тогда она пододвинулась к рюкзаку, подтянула его к себе и тоже перевернула. Оттуда вывалились: полотенце, кусок мыла, инжекторная бритва, пара кожаных сандалий, несколько кусков веревки и пластиковый флакон средства против кровососущих насекомых. За этим хлынул целый поток лифчиков и трусиков, а потом уже

другие предметы.

— Что за чертовщина? — пробормотала Лана.

— Не иначе как наш приятель фетишист, — заметил Кит, разгребая носком ботинка коллекцию нижнего белья. — Своих вещей никто не признал?

— Я думаю, коллекционирование трусиков для него уже пройденный этап, — проронила Лана.

— Да, теперь его больше интересует то, что прикрывают эти изящные вещички.

Лана поставила рюкзак на кучу тряпья, открыла один из боковых карманов и сунула в него руку.

— Следи за тем, к чему прикасаешься, — предостерег ее Кит.

Она извлекла горсть спичечных коробков и бросила их на пол. Затем запустила руку поглубже и вытащила жестяную аптечку и зубную щетку.

— Одни бинты, — объявила она, после того как открыла крышку аптечки. Освободив руку, вновь полезла в карман и на этот раз достала

кожаный бумажник.

— Ага!

— Это уже любопытно. — Когда Лана начала его открывать, Кит согнулся над ней и поднес фонарь к самому кошельку. Затем Лана раздвинула отделение для банкнот.

— А, вот и наша добыча!

— Перестань! — прикрикнул на него Глен.

Лана быстро пролистала купюры: их было немного.

— Двадцать шесть баксов, — объявила она.

— Мы омерзительно богаты. Спасибо тебе, Батлер!

— Ну ты и шутник, — заметил Глен.

— А вот и его водительское удостоверение.

— Ух ты! — Кит присел рядом с Ланой. — Тогда у него и волосы были.

Взглянув через ее плечо, Говард увидел карточку в прозрачном пластиковом конверте. С маленького цветного фото на него глядел человек с широким лицом и белокурыми кудряшками. После беглого взгляда на водительское удостоверение Говарда притянули к себе глянцевые пока-

тости груди Ланы. Он смотрел, как тоненькая струйка пота стекала по одной из них, впитываясь в край бюстгальтера. Затем капля пота сорвалась с его носа и шлепнулась на другую грудь.

— Извини, — буркнул он.

Поглощенная своими мыслями, Лана машинально смахнула ее свободной рукой. Говард отступил назад.

— Это, может быть, и не он, — через несколько секунд произнесла Лана.

— Он, он. Взгляни на эту шею.

— Губерт Орсон Эллиот.

— Какое имя! Неудивительно, что он стал отшельником.

— Адрес в Сан-Франциско.

Говард задрал рубашку, и, когда вытирал пот с лица, Анжела завела сзади руку и нежно погладила его по животу возле брюк. «Интересно, была ли это та же рука, которой она держала кисть скелета?» — подумал он и дал себе утвердительный ответ.

И понял, что его это не особенно волновало.

Приятно было чувствовать ее руку на пояснице.

це.

Она моя. И она останется моей, после того, как мы отсюда выберемся, и вся эта жуть превратится в воспоминание.

Если выйдем отсюда живыми...

Говард выпустил из рук рубашку, но рука девушки продолжала скользить вверх-вниз. Он положил руку ей на спину и стал водить по ее поясице, жалея о том, что минуту назад украдкой пялился на груди Ланы.

— Глянь-ка сюда, — слышался голос Кита. — Срок их действия истек в прошлом году.

— Может быть, ему продлили. — Лана перевернула карточку обратной стороной. — Нет. А их надо обновлять каждые четыре года, так что...

— Видимо, он не всегда был сумасшедшим отшельником — срывателем женских трусиков. Приятно узнать об этом, да?

Лана быстро заглянула в другие отделения бумажника и отбросила его в сторону.

— Эй, давай хоть эти деньги возьмем.

— О чем ты говоришь. Я не воровка.

— Тьфу ты, блин! Этот мудозвон нападал на

тебя прошлой ночью.

— Это еще не дает мне права воровать у него.

— К тому же из-за такой суммы не стоит и мараться, — добавил Глен.

— Да ты просто испугался, что это его разозлит.

А я вот что вам скажу. Пусть парни поделят между собой деньги, а девчонки выберут себе несколько миленьких лифчиков и трусиков.

— Очень смешно, — скривился Глен.

Кит поднял с земли бумажник.

— Не смей! — рявкнула Лана. — Я не шучу.

— Эй, мы пришли сюда за добычей. Это тоже добыча. Она была именно там, где, по словам Батлера, мы должны были ее найти.

— Это не то, что он имел в виду, — отозвалась Анжела, нажав пальцами на бок Говарда.

— Ну, это не так уж много, но...

— Батлер сказал, что я приведу вас к сокровищам, так ведь? Так вот. я говорю тебе, что это не они.

Кит бросил бумажник в рюкзак и встал.

— Ладно, где они?

— Я пока не знаю.

— Великолепно.

— Но мне кажется, нужно осмотреть остальную часть шахты.

— Да, — подхватил Говард. — Сокровища могут находиться дальше. Надо исследовать все это место.

— Мы здесь еще не закончили, — возразила Лана, запуская руку в карман на другой стороне рюкзака. — Глен, подойди, пожалуйста, и проверь, нет ли чего в спальном мешке. А остальные пусть помогут мне. Здесь довольно много разного мусора, который надо осмотреть, прежде чем мы пойдем дальше.

— У меня заняты руки, — заявил Кит и протянул их вперед, словно демонстрируя фонарик, топорик и моток веревки, накинутый на левое запястье. — Если не возражаете, я постою на стреме и сорок раз рубану Губерта Орсона Эллиота, если тому вздумается прискакать сюда.

Глава 26

Чед открыл глаза. Пронзая мозг, в них хлынул солнечный свет, и он со стоном зажмурился.

Он не знал, где находится, но, видимо, предшествующая ночь была довольно бурной. Наверное, здорово набрался, потому что похмелье было жуткое.

В голове такая сильная пульсирующая боль, словно та вот-вот разорвется. А может, это уже и случилось.

Чед поднял руки, чтобы пощупать голову, и вздрогнул, когда правой наткнулся на мокрую шишку над ухом. Рефлекторно отдернув руку, он осторожно вернул ее назад. Опухоль, прикрытая коркой слипшихся волос, на ощупь была размером с мячик для гольфа. Погрузив пальцы в волосы, Чед нащупал небольшую бороздку. Затем поднес руку к лицу и слегка приоткрыл глаза. Кончики пальцев окрасились в красный цвет с вкраплениями ржавчины. Кровь. Присохшая, но в основном лишь загустевшая.

Неужели упал? Что?...

Когда Чед попробовал сесть, то сквозь поплывшие перед глазами круги увидел, что лежит

голый на камне. Но прежде чем успел задумать-ся над этим, его стало выворачивать. Он пере-вернулся на живот и поднялся на четвереньки. Рвота хлынула фонтаном. Но позывы не прекра-щались. Он тужился, тело конвульсивно вздраги-вало, и мозг пронзала дикая боль.

Когда отпустило, Чед сел на корточки и, пере-водя дыхание, увидел на камне полотенце. Опер-шись на руку, он потянулся к нему и схватил.

Розовое.

Не мое.

Чье же?

Когда он сел на место и начал вытирать им лицо, до него дошло, что полотенце принадлежит Корин.

Корин.

Я был здесь с Корин. Мы искали ее студентов. Прошлую ночь провели в палатке, а сегодня. . .

Сердце Чеда забилось быстрее, закачивая па-нику в мозг.

. . . занимались любовью на этом камне, вот почему я. . .

В живот словно упал кусок льда.

... Где она?

Озеро. Она вошла в него, чтобы обмыться и поплавать.

Чед отбросил полотенце и с большим усилием поднялся на ноги. Поворачиваясь в сторону озера, потерял равновесие, пошатнулся и всплеснул руками, но ему все же удалось устоять на ногах и не свалиться с гранитной плиты.

Приставив обе руки козырьком ко лбу, Чед стал всматриваться в голубую рябь озера. От ярких бликов замелькало в глазах и начало слегка водить в стороны. Но он упорно продолжал осматривать озеро и его пустынные каменные берега.

Ведь в любой миг он мог увидеть Корин, плывущую вдали.

Или сидящую на валуне на другой стороне и принимающую солнечные ванны.

Но так и не увидел.

Тогда он представил себе ее на дне: медленно разворачиваемую течениями, с бледно-голубой кожей в холодных лучах солнечного света, наискось пробивавшегося сквозь толщу воды, с лени-

во оплетавшими лицо волосами.

— Корин! — Крик отозвался резкой болью в голове. — Корин!

Ответа не последовало. Чед слышал лишь свист горного ветра, крики птиц и тихий плеск озера, накатывающего на каменную платформу, на которой он стоял.

«Я лежал без сознания, — сказал он себе. — Возможно, она побежала за помощью».

А почему я вырубился? Обо что-то ударился? Встал, чтобы посмотреть на нее, и поскользнулся.

Или кто-то меня грохнул? Кто? Здесь никого... никого мы не видели.

Корин бы меня не ударила. Нет. Во всяком случае, не умышленно. Несчастный случай?

Чед еще трижды выкрикнул ее имя, всякий раз морщась от боли. Затем повернулся к озеру спиной и обвел взглядом сначала берег, потом лагерь, потом тенистые заросли по опушке поляны. Никакого движения.

Тогда он осторожно подошел к краю камня, слез на землю и поковылял по пологому скату к

лагерю. Оба рюкзака все еще были привалены к бревну возле кострища. Еще издали он заметил, что его одежда по-прежнему лежала на рюкзаке, а одежды Корин нигде не было.

Она не утонула! Должно быть, вернулась сюда, оделась и...

Нет. Чед вспомнил, и радость вмиг улетучилась. Это только он разделся у костра и сложил одежду на рюкзаке. Корин заходила в красную палатку. И оттуда вышла уже в полотенце, обернутом вокруг талии.

Он побежал к палатке, морщась от каждого шага, отзывавшегося болью в голове. Когда откинул полог, в глазах порозовело. На полу валялись ее ботинки и носки, из шорт выглядывал уголок черных трусиков, а бюстгальтер лежал поверх мятой клетчатой блузки. Красный шейный платок, все еще связанный в форме головной повязки, обручем обвился вокруг одной из ажурных чашечек бюстгальтера.

При виде платка у Чеда сдавило горло.

«С нею все в порядке», — твердил он себе. — С ней все будет в порядке».

Она исчезла.

Но не могла же уйти голой.

У нее в рюкзаке сменная одежда. Быть может. . .

Боже, да что с ней случилось?

Чед нырнул в палатку. В замкнутом пространстве воздух раскалился. Присев на корточки, он поднял ее платок. Тот был еще немного влажным. Когда его кулак сильно сжал материю, между пальцами засочилась влага. Ее пот. Чед зажал кулаком рот, глаза ослепли от накатившихся слез.

— Я найду тебя, — пробубнил он, — найду, черт побери.

Наружу он выкарабкался с платком, которым и утер слезы. После духоты палатки легкий ветерок приятно охлаждал покрывшуюся испариной кожу. Чед застыл на месте и прислушался, глядя сквозь отбрасываемые деревьями тени на залитое солнечным светом озеро. Знобило, и в голове царил полный хаос.

Она ушла поплавать. Назад за одеждой не вернулась. Даже если бы надела чистую одежду из рюкзака, ей пришлось бы прихватить ботинки,

если собиралась идти пешком. Значит. . .

Возможно, слишком увлеклась, перемерзла и вылезла где-нибудь на берег, чтобы отдохнуть. И уснула. И, быть может, до сих пор спит. Развалившись на залитом солнцем камне. И просто не услышала моих призывов.

И появится в любую минуту.

«Нет, не появится, — подсказывал внутренний голос. — Нет, она не похрапывает в каком-нибудь укромном местечке. Что бы с ней ни случилось, это непременно связано с тем, что произошло со мной. Иначе, слишком много совпадений».

Неожиданно он понял, что и утонуть она не могла.

Потому что и в этом случае было бы слишком много совпадений.

Я свалился и разбил себе башку, Корин ни с того ни с сего хватает судорога или что-то в этом роде, и она идет ко дну.

Невероятно.

Чед почувствовал небольшое облегчение. Но ненадолго.

Потому что, если Корин не побежала за помощью, найдя его в бессознательном состоянии (а это представлялось в высшей степени неправдоподобным), оставалась только одна возможность связать его ранение с ее исчезновением.

Он никуда не падал. Кто-то подкрался к нему сзади, пока он сидел на камне и наблюдал за ней. Подкрался и оглушил его. Чтобы убрать со сцены. Чтобы можно было посягнуть на Корин.

Только теперь Чед заметил, что его руки развязали узел платка. Он расправил его, обернул вокруг головы и завязал.

Затем бросился к своему рюкзаку.

«Мужчина, — подумал он. — Наверняка мужчина. И, может, даже не один. Выследили нас. Захотели ее. Решили схватить ее и изнасиловать»

Может быть, она убежала.

Здесь ее нет, это ясно, как Божий день.

Чед быстро оделся и обулся, дрожащими руками открыл боковой карман своего рюкзака, нашел там аптечку, выудил из нее капсулу с аспирином и глотнул четыре таблетки, запив водой из

фляги. Из другого бокового кармана вынул нож в ножнах, надел на пояс и побежал, застегивая на ходу пряжку.

Здесь они с ней не расправились.

(Разве что ее тело валяется сейчас где-то рядом в кустах и его просто не видно. Или в зеленой палатке. Нет!)

С нею ничего не случилось.

Она вырвалась. Возможно, бросилась в озеро. Это было бы разумнее всего. Если они не умеют плавать, она — спасена. А если и умеют, она быстрее. Корин чертовски здорово плавает.

У воды он остановился и поводит головой из стороны в сторону. В воде никого не было. Не было никого и на дальнем берегу. Но отдельные части озера и берега, с ближайшей к нему стороны, не было видно, а там могло быть полно укромных бухточек и мысков.

Чед пошел направо. Хотя его так и подмывало бежать, он сдерживался и просто быстро шел, перебегая встречавшиеся на пути груды камней и огромные валуны. Но никогда не слишком быстро. По пути пристально оглядывал отмели озе-

ра, выискивал укромные уголки и пещеры в прибрежных скалах, шарил глазами по сумрачному лесу.

Он представлял себе, как сейчас найдет ее, присевшую в воде за камнями возле самого берега и с ужасом глядящую вверх. Затем она с облегчением вздохнет и скажет: «Слава Богу, это ты. Они ушли? Где они?»

Затем он представлял себе, как найдет ее, лежащую ничком в защищенном и солнечном месте, как бросится к ней, как перевернет на спину. И, пробуждаясь, Корин с улыбкой протянет: «Я уснула?»

Еще он представлял себе, как перевернет ее и обнаружит ужасную рану на горле.

Он представлял себе, как найдет ее среди деревьев, едва видимую издали, наполовину зарытую, словно провалившуюся сквозь мягкую подстилку сосновых иголок и со зловеще бледнеющей в сумраке леса кожей.

Он представлял себе, как найдет ее среди деревьев, отчаянно сопротивляющуюся. Какой-то человек придерживает ее, а другой пытается

влезть на нее, а он беззвучно и быстро подбирается к ним, на ходу обнажая нож.

Но он никак не мог представить Корин на склоне горы, с противоположной стороны озера, карабкающуюся по узкой крутой тропинке и сопровождаемую великаном, на вид таким же голым, как и она сама. Великаном, держащим ее за волосы одной рукой и с длинным сверкающим лезвием в другой.

Но именно это и увидел Чед, когда взобрался на вершину высокого утеса у края озера.

Отдавая себе отчет в том, что подъем будет утомительным, болезненным и долгим, он тем не менее понимал, что сверху сможет полностью осмотреть озеро и его окрестности. И карабкался вверх со страхом и надеждой.

Взобравшись, Чед прежде всего посмотрел на озеро. Окинул взглядом его берега, небольшие бухточки, крутой склон, образованный нагромождением гранитных блоков, который ему придется пересечь, если продолжать идти вокруг озера, рожицу у лагеря на другой стороне. Увидел красную и зеленую палатки, увидел низкий

плоский камень, на котором они с Корин занимались любовью и где он очнулся после потери сознания. И возле дальнего конца противоположного берега увидел частично скрытый за деревьями ручей, стекавший в озеро с пика Отчаяния.

Чед пристально посмотрел на гору. Туда направились ее студенты в поисках своих чертовых сокровищ.

Сердито взглянув на зубчатые края горы, Чед подумал, следует ли ему теперь продолжать разыскивать ребят. Привести их назад, чтобы они помогли ему найти...

Корин.

Вон же она!

А может, не она?

Нет, должна быть она.

Плетется вверх по тропе в сопровождении какого-то гиганта.

Глава 27

Следуя за Анжелой, Говард, пошатываясь, вышел из удручающей духоты и темноты. Хотя вход в шахту уже лежал в тени, дневной свет больно резанул по глазам, и он зажмурился. Свежий и прохладный воздух показался на редкость удивительным.

Шедший первым Глен сразу же плюхнулся на спину.

Анжела осталась на ногах, но согнулась и обхватила руками колени. Ее черные волосы слиплись и свисали космами на лицо. Прилипшая к спине тенниска стала почти прозрачной, и кожа под ней выглядела розоватой. Проступили узенькие бретельки бюстгальтера, а также позвонки и худые ребра.

При виде их Говард вспомнил о скелете.

Он был очень рад, что тот остался позади. И, как бы там ни обернулось, ему никогда не придется увидеть его вновь.

Проковыляв мимо Анжелы, он опустил на колени, повернулся, прислонился к подножию скалы, напротив входа в шахту, и вытянул ноги.

И поймал себя на мысли о том, что сидит

точно в той же позе, как скелет.

Чтобы устранить это сходство, он скрестил ноги, запарившиеся в вельветовых брюках.

Из шахты вышел Кит. По-прежнему с топориком в руке. Накинутый на шею моток веревки теперь свисал на голую грудь, словно ожерелье. Рубашка, подоткнутая под пояс, ниспадала складками на джинсы, подобно набедренной повязке. Вытащив край ее, Кит вытер лицо и, сделав несколько приставных шагов в сторону от входа, откинулся назад и уперся задом в почти вертикальную стену.

Затем вышла Лана и погасила фонарь. Лицо ее покрылось испариной, белокурые волосы сбились по бокам головы в тугие темные завитки. Последовав примеру Кита, она также скинула блузку, когда стало понятно, что осмотр шахты затянется. И теперь блузка свисала сбоку, подсунутая под пояс на бедре. Пот катился по ее телу ручьями. Загар подчеркивал белизну бюстгальтера, который выглядел так, словно пропитался влагой насквозь. Но Говард с удивлением обнаружил, что тот не стал просвечивать. Однако ему

нравилось и то, что было видно, и он не отводил глаз. А Лана подошла к Киту, прислонилась рядом с ним к склону, откинула назад голову и прикрыла глаза. Быстро и отрывисто дыша, облизнула губы.

— Надо было взять с собой немного воды, — выдавила она из себя.

— Я бы сейчас не прочь оказаться внизу, у озера, — отозвался Глен. Он все еще лежал на спине, но теперь приподнял немного голову, подложив под нее ладони. Вероятно, чтобы полюбоваться Ланой. — Тебе бы не хотелось прямо сейчас нырнуть в него?

— Ручей намного ближе, — проронил Кит.

— Только вот, чтобы добраться до него, надо быть каскадером.

— Наверное, где-то есть удобный спуск. Ведь Губерт наверняка берет воду там.

— Да у нас достаточно воды в рюкзаках, — заметила Лана, заталкивая фонарик в передний карман шорт. — Может, одному из нас... следовало бы спуститься за парой фляг? Тогда можно было бы поискать другую шахту.

— Мне кажется, другой просто не существует, — вступила в разговор Анжела. Теперь она стояла, выпрямившись и подбоченившись. — Я хочу сказать, что, по-моему, это именно та, которую имел в виду Батлер. — Она потянулась, изогнувшись назад подобно луку. — А вы так не думаете? — И обвела взглядом окружающих.

— Но мы же ничего не нашли, — возразил Глен.

— Бля, да мы целую кучу всего нашли, — поддразнил Кит.

— Успокойся! — Глен скривился и сел.

— Там не было никаких сокровищ, — промолвила Лана. — Или если они и есть, то слишком хорошо спрятаны. Если шахта та, с нимидохлый номер.

— А вам не кажется, что скелет, вероятно, и есть Батлер?

— А кто его знает? — усомнился Глен. — Да и какая нам разница? Сокровищ-то никаких нет.

— Если это Батлер, — вспыхнул Кит, — тогда я вернусь и дам ему ногой в морду. Завел нас черт знает куда и ни за хрен собачий.

Анжела подошла к Говарду, присела рядом и закинула ногу за ногу.

— Есть какие-нибудь мнения о том, что нам делать дальше? — обратилась ко всем Лана.

— Я знаю только то, что нам не нужно делать! — воскликнул Глен. — Это находится здесь, когда объявится Губи.

— Поддерживаю его предложение, — отозвался Кит.

— Значит... мы отказываемся от дальнейших поисков и возвращаемся к озеру?

— Звучит замечательно, — промолвил Глен.

— Получается, мы прошли весь этот путь впустую.

— О, — усмехнулся Кит, — зато какое получили удовольствие.

Глен неожиданно повернул голову и бросил косой взгляд на Анжелу.

— Батлер говорил, что тебе известно, где клад.

— Не сваливай все на нее, — вступился Говард.

— Так что... ублюдок все время нам лгал?

— Вероятность этого существовала всегда, — заметила Лана. — Кори предупреждала нас, забыли?

— Но ведь он же сказал нам, где найти сотенную!

— У него должны быть свои причины, чтобы привести нас сюда, — проронил Говард.

— Да, чтобы нас мог замочить его дружок, Губи Отшельник.

— А может, весь смысл в том, — подхватил Кит, — чтобы пополнить его коллекцию нижнего белья. Не пожертвуете ли чего, крошки?

Нахмурившись, Лана сильно ткнула его локтем в руку.

— Эй! — Самодовольная улыбка не сходила с его лица, когда он потирал ушибленное место, и потом, когда заговорил: — Я серьезно. Взгляните на факты. Батлер заставил вас всех троих показать свои бюстгальтеры на вечеринке у Дальтон. Верно? Хотел на них взглянуть. Видимо, ему понравилось то, что он увидел, и поэтому этот урод хитростью выманил нас сюда. Ему нужны ваши бюстгальтеры, милашки. В этом вся суть. Все за-

вершается и кончается здесь, это альфа и омега, разумное основание нашего паломничества в эту живописную местность.

— Типун тебе на язык, — сплюнула Лана и отделилась от стены. Шагая прочь от Кита, она вытащила блузку из-под пояса, просунула руки в рукава и начала застегиваться.

— Посмотри теперь, что она из-за тебя сделала, — раздался голос Глена.

— Только ты не начинай, — предостерегла его Лана.

Глен покраснел и опустил голову.

Лана закончила застегиваться.

— Нам действительно лучше уносить отсюда ноги.

— Неужели никому не пришло в голову, — начала Анжела, — что, видимо, нам следует спросить о сокровищах у самого Батлера? Я хочу сказать, что планшетка-то у нас с собой. Она ведь в твоём рюкзаке, да? — обратилась девушка к Лане.

— Да. — Казалось, Лана хмурится и улыбается одновременно. — Да, там. Как я раньше не

догадалась. Кто хочет составить мне компанию?

— Почему бы нам не пойти всем вместе? — предложил Говард. — Возможно, нам уже не придется возвращаться. Да и вместе будет безопаснее.

Никто не возражал.

Вслед за Китом выйдя из тени на солнечный свет, они медленно пошли по крутому склону, постепенно опускаясь все ниже и ниже. Вскоре до их слуха донесся шум горного потока. Остановившись, Говард повернул голову влево и стал искать глазами Дорис. Хотя ему были видны оба края ущелья, теснину, где они перепрыгивали, с этой стороны закрывала группа высоких скал.

Ему хотелось надеяться, что с нею все в порядке.

«У нее револьвер, — напомнил он себе. — Вероятно, она в большей безопасности, чем все остальные».

И он стал спускаться дальше, следуя за Анжелой по поверхности наклонного гранитного пласта. У его основания они какое-то время перепрыгивали с валуна на валун. Затем прямо впе-

реди Говард увидел нарисованное краской сердце. Рюкзаки были оставлены на ровном пятачке под ним — в отправном пункте их поисков.

Говард оглянулся назад и увидел вдалеке Дорис, которая, опустив голову и скрестив ноги, сидела в нескольких ярдах от обрыва. Похоже, читала, хотя книги он разглядеть не смог.

В первое мгновение он ей позавидовал. Просидела там все это время, вероятно, в свое удовольствие. Не карабкалась по склону горы, не бродила в удушливой и темной шахте. Не пришлось ей и смотреть на кости мертвого человека. Господи, да она даже пребывает в счастливом неведении относительно того, что сидит не более чем в сотне ярдов от стоянки психопата, нападавшего на нее вчера.

Говард готов был уже пожалеть о том, что это не он струсил и остался на той стороне.

Но ему вряд ли бы понравилось остаться одному. Отсюда Дорис выглядела ужасно одинокой, ужасно незащитной.

Отвернувшись, он увидел, что Анжела быстро спускается к широкому карнизу, где остались

их вещи. Остальные уже добрались туда и теперь сидели, склонившись над своими рюкзаками. К тому времени, когда Говард присоединился к ним, все уже вовсю хлестали воду из фляг и бутылок. Его собственная фляга висела сбоку рюкзака. Он отвязал ее, скрутил колпачок и поднес к губам. Когда утром он наполнял ее в ручье у озера, вода была ледяной. Теперь стала теплой, но сохранила восхитительный вкус. Остановившись, чтобы глотнуть воздуха, он выпил еще немного, после чего привязал флягу к рюкзаку.

Свою шляпу Говард тоже оставлял здесь, чтобы не мешала карабкаться по склонам. Засунул под одну из веревок, которыми спальный мешок привязывался к верхней части рюкзака. Освободив шляпу, Говард встряхнул ее и надел. Широкие обвисшие поля бросали успокоительную тень на лицо.

Анжела достала из своего рюкзака блокнот со спиральным корешком и авторучку.

Лана сидела спиной к обрыву. Скрестив ноги, она наклонилась вперед и положила перед собой планшетку. Затем опустила на нее стрелку.

— Давайте начнем, — позвала она.

Глен, Кит и Говард заняли свои места вокруг планшетки. Анжела присела рядом с Говардом, подняла колено и пристроила на него блокнот, приготовившись записывать. Остальные склонились над планшеткой и положили пальцы на пластиковую сердцевидную стрелку.

Твердым звонким голосом Лана объявила:

— Это мы!

— Снова, — буркнул Кит.

— Батлер, ты здесь? Батлер? Мы нашли твою шахту. Где сокровища, о которых ты рассказывал?

Стрелка дрогнула и заскользила по планшетке. Она остановилась над буквой «я», затем сдвинулась на верхний ряд расположенных веером букв и остановилась над буквой «к». Она продолжала медленно двигаться и останавливаться, а Глен вслух зачитывал каждую букву.

— Я-К-О-С-Т-И.

— Я — кости, — огласила Анжела.

— Скелет? Ты — тот скелет?

Стрелка скользнула от буквы «и» вверх к

слову «да», написанному рядом с улыбающимся солнцем.

— Ты была права, — промолвил Говард, взглянув на Анжелу.

— Нам надо убедиться, что это Батлер, — настоял Глен.

— Ты Батлер?

— Я.

— Я, — повторила Анжела.

Но стрелка не остановилась, а продолжала перемещаться от буквы к букве.

— А-Н-Н-А-Б-Е-Л-Л-Б-А-Т-Л-Е-Р.

Анжела, насупившись, поглядела на блокнот.

— Анн а белл Батлер. Аннабель Батлер?

— Женщина? — изумился Глен.

— Ты тот Батлер, который привел нас сюда?

Стрелка перенесла их руки вверх к слову «да».

— Батлер — женщина, — подтвердил Говард.

— Похоже на то.

— Значит, тот скелет — женский? — изумился

Кит.

— Должно быть, так.

— Кто бы мог подумать.

Говард поглядел на Анжелу. Она издавала странные захлебывающиеся звуки. Левая рука вместе с блокнотом свалилась с приподнятого колена, и блокнот шлепнулся на ее бедро. Взгляд в упор остановился на планшетке, а челюсть отвалилась.

— Что случилось?

Анжела покачала головой.

— Это... не знаю... Аннабель.

— Ну? — недоумевал Кит. — И что?

— Так звали мою мать.

— А где твоя мать? — поинтересовалась Лана.

— Умерла. Давным-давно.

— Это не твоя мать, — заметил Кит. — Это Аннабель Батлер, а не Лоуган.

— Моя фамилия не Лоуган.

— Что? — выпалил Глен.

— Была Карнес. — Она говорила тихо, не сводя глаз с планшетки. — Мама была замужем за Чарли Кариесом.

Она сейчас расскажет.

Говарду показалось, что Анжела не отдавала

себе отчета в том, что приоткрывает завесу над своей страшной тайной. Словно в каком-то оцепенении, почти в трансе.

— Ну, Карнес это не Батлер, — сказала Лана.

Стрелка вновь задергалась по поверхности планшетки, останавливаясь над буквами лишь на миг. Анжела замороженно следила за ее движениями, но ничего не записывала. Блокнот остался лежать на ее бедре. Придерживавшие стрелку пальцы дрожали.

— Д-Е-В-И-Ч-Я-Ф-А-М-И-Л-И-Я, — зачитал вслух Глен. — Девичья фамилия?

— Мать честная! — присвистнул Кит.

— Это верно? — спросила Лана, глядя в изумлении на Анжелу.

— Я... я не знаю. Я не знаю ее девичьей фамилии.

— Как можно не знать такого? — удивился Глен.

— Она была совсем маленькой, когда умерла ее мать, — пояснил Говард.

— Ты мать Анжелы? — обратилась Лана к планшетке.

Стрелка скользнула к слову «да».

Выронив авторучку, Анжела прижала ладони ко рту.

— О, это уже совершенно не лезет ни в какие ворота.

Лана сверкнула глазами на Кита.

Говард убрал руку со стрелки, положил Анжеле на спину и нежно погладил сквозь влажную тенниску.

— Как твое тело попало в шахту? — наседал Кит.

Стрелка понесла оставшиеся три руки по алфавиту.

— У-Б-И-Т-А.

Анжела отрывисто и испуганно всхлипнула.

— Это сделал Губерт? — спросила Лана.

— Ч-А-Р-Л-И.

— Ее муж, — прошептал Кит.

— И Чарли бросил твое тело в этой шахте?

— У-Н-Е-С-И-М-Е-Н-Я.

— Унести куда?

— О-Т-С-Ю-Д-А.

— Наверное, хочет, чтобы ее похоронили как

положено, — сказал Говард.

Он притянул разрыдавшуюся Анжелу к себе.

— Ты этого хочешь? Чтобы тебя спустили с гор и похоронили?

Сердечко снова пришло в движение.

— О, — прочитал Глен. — Н, П.

Тихо плача, Анжела схватила блокнот, нашла на земле авторучку и начала писать.

— С-И-Х-В-Ы-У-Б-Е-Й-Т-Е-И-У-Н-Е-С-И-Т-Е-М-Е-Н-Я.

Когда послание было закончено, Анжела шмыгнула носом и вытерла глаза. Затем подняла блокнот так, чтобы она сама и Говард могли вдвоем видеть низку букв.

— «Он псих»... — произнесла она обрывающимся от волнения голосом.

— Или «Губерт Эллиот псих».

— Да.

— А может, не «псих». Как насчет «их вы убейте»?

— Нет, нет. Это не подходит, — возразила Лана.

— «Губерт Эллиот — псих», — Анжела убеж-

денно закивала головой. — «Вы убейте и унесите меня».

Глен застонал:

— Она хочет, чтобы мы убили его?

— Почему ты хочешь, чтобы мы убили его? —

поинтересовалась Лана.

— Р-А-Д-И-М-Е-Н-Я.

— «Ради меня»? Но ведь это не он тебя убил.

— О-С-К-В-Е-Р-Н-Я-Е-Т.

— Блин! — воскликнул Кит. — Что она этим хочет сказать?

— Призови на помощь свое воображение, — посоветовала ему Лана. — Боже Всемогущий! Послушай, Аннабель, мы не собираемся никого убивать. Ты что, для этого привела нас сюда? Чтобы мы смогли убить этого парнягу Губерта и вернуть твои костяшки в цивилизацию?

— А-Н-Ж-Е-Л-А.

Говард рукой почувствовал, как напряглась ее спина.

— Что Анжела?

— С-К-У-Ч-А-Ю.

Анжела вздрогнула от рыдания.

— Л-Ю-Б-Л-Ю.

Лана подняла свои вмиг посерьезневшие глаза на Анжелу.

— Ты хочешь поговорить с ней?

— Я... мама? Я... люблю тебя. О Боже! Это так... Я заберу тебя с собой.

— Чудеса в решете, — пробормотал Кит.

— Заткнись! — шикнула на него Лана.

— Послушай, спроси ее об этих гребаных сокровищах. Или это была ложь?

— Аннабель, ты говорила нам, если мы придем в шахту, нас ожидает приз. Это была лишь уловка, чтобы выманить нас сюда.

— В-Ы-П-О-Л-У-Ч-И-Т-Е.

— Где они?

— И-Д-И-Т-Е-К-А-В-Т-О-Б-У-С-У.

— «Идите к автобусу»?

— Что это еще за фуффло? — насупился Кит. — Какой автобус? Нет тут никакого автобуса.

— Мы найдем свой приз в автобусе? — переспросила Лана.

— З-А-В-Т-Р-А.

— _ Где?

— П-А-Р-Д-И-Д-Р.

— «Парди ДР?» — повторил Кит. — Кто такой ДР? — Он вопросительно поглядел на присутствовавших.

— Может быть, это сокращение слова «дорога»? — предположил Глен.

— Значит, нам надо найти пропардонскую дорогу? Замечательно!

— А-Л-Н-А-Х-О-Д-И-Т.

— Я ее найду, — сказала Анжела.

— Где она? — спросила Лана, в упор глядя на планшетку. — Где ее искать?

Стрелка не шевелилась.

— Аннабелль?

Стрелка медленно поползла вниз, мимо цифр под алфавитом, и скользнула по слову «до свидания». Затем остановилась.

— Блин!

— Аннабелль? Ну же, ты должна объяснить нам подробнее!

Стрелка осталась неподвижной.

— Больше из нее ничего не вытянешь, — сказал Глен, убирая руку.

— Похоже на то. — Откинувшись назад, Лана оперлась на прямые руки и посмотрела на Анжелу. — Ты догадываешься, что все это может означать?

— Нет. Я не... все так запутанно.

— Тебе не обязательно обо всем рассказывать, — попытался остановить ее Говард.

Анжела шмыгнула носом и вытерла глаза.

— Чарли... сказал мне, что мама погибла в автомобильной аварии. Это было сразу же после того, как мы вернулись домой.

— Они ходили в поход, — пояснил Говард.

— Куда? — спросил Глен. — Сюда?

— Я не знаю, — призналась Анжела. — Думаю, возможно, именно здесь мы и были. Это было где-то в горах. Но мне всегда казалось, что мама вернулась домой вместе с нами.

— Ты в этом не уверена? — изумился Кит.

Анжела покачала головой.

— Ей было всего четыре года, — проронил Говард.

— Черт возьми! — воскликнул Кит. — Да я помню все с того момента, когда начал сосать

грудь.

— Это обычное явление, когда забывают практически все, что случилось до пятилетнего возраста, — заметила Лана. — И еще наше сознание склонно блокировать память о травмирующих событиях.

— Но забыть то, что случилось с твоей собственной матерью. . .

Анжела потерла руками лицо и тяжело вздохнула.

— Я всегда считала, что она вернулась домой с нами. Так заверял меня Чарли. Он говорил, что мама вышла за сигаретами и ее сбила машина.

— Похороны хоть были? — поинтересовалась Лана.

— Ничего такого не помню.

— А могилу ее ты видела? — спросил Глен.

— Угу. Мы. . . мы жили на автостоянке трейлеров.

— Где это было?

— Не знаю. Наверное, где-то возле Сакраменто. Но точно я не помню. Сразу же после маминей смерти мы уехали и начали жить в фургоне.

Все время на колесах. И однажды, когда я была уже постарше, то начала очень скучать по маме, понимаете? Ну и стала выкидывать разные штучки. Ну, понимаете, плакать и все такое. Мне хотелось, чтобы они отвезли меня к ней, и я все приставала и доставала их.

— Кого это «их»?

— Чарли и его сыновей. Близнецов. Так вот, думаю, им надоели мои приступы раздражения, и они пообещали отвезти меня на кладбище, чтобы я смогла навестить ее могилу. Приняв это за чистую монету, я какое-то время была счастлива. «Вот куда мы едем, — думала я, — и очень скоро мне удастся с ней повидаться». И однажды ночью они меня будят. И действительно — мы на кладбище, где-то в сельской местности. А место было просто ужасное — такое впечатление, словно никто не приходил туда уже многие годы. Все заросшее травой и кустарником, поваленные надгробья. А они водят меня в темноте, притворяясь, будто никак не припомнят, где же могила мамы. Но ее там никогда и не бывало. Все это был обман — просто они хотели проучить меня.

— Да что же это за ублюдки?... — пробормотал Кит.

— Меня стал разбирать настоящий страх, понимаете? Место жуткое. И вели они себя странно: смеялись и все такое, постоянно ставили мне подножки. А один раз я даже завалилась на чью-то могилу и... — Она энергично замотала головой. После непродолжительной паузы Анжела продолжала: — Закончилось это тем, что меня привязали к дереву посреди кладбища и оставили там. Бросили и укатили. И не приезжали всю ночь. Вернулись только утром, и я запомнила, как Чарли... ну, в общем, отвязывая меня, смеялся. И еще говорил: «Надеюсь, ты мило пообщалась со своей мамочкой?» Во всяком случае, после той ночи я больше не заикалась о ней...

Все сидели, молча глядя на Анжелу. Наконец, Глен буркнул:

— Господи!

С выражением отвращения на лице Лана промолвила:

— И ты выросла с выродками, способными на такое?

— Да, это были просто души.

— Боже, какой ужас!

— Что ж, теперь-то я знаю, что случилось с мамой. Машину ту они выдумали и... — Подняв голову, она пристально посмотрела на склон горы, где находилась шахта. — Кто-нибудь пойдет со мной?

— Конечно, — ответил Говард.

— Мы все пойдем, — заверила ее Лана.

Кит и Глен закивали.

Анжела встала и направилась к своему рюкзаку. Другие последовали за ней и стали вокруг нее, пока она снимала спальный мешок и открывала рюкзак. Затем начала вынимать одежду, снаряжение и свою долю припасов.

Никто не задавал вопросов, никто не комментировал.

В полном молчании все разбирали выложенные вещи и рассовывали по своим рюкзакам.

— Вот и все, — наконец заявила Анжела. Говард заглянул в ее рюкзак: на дне остался маленький плюшевый котенок.

— Ты не будешь?...

— Это Пушок. Он не занимает много места. Это у меня осталось от мамы и... я не знаю... думаю, мне хочется оставить его там.

Анжела закрыла клапан, подняла свой почти пустой рюкзак, вскинула его на спину и просунула руки в лямки.

— Давайте оставим здесь все, кроме фонарей, — распорядилась Лана.

— А это, — Кит поднял вверх руку с топориком. — На случай появления Губи.

— Давайте с этим покончим, — бросил Глен.

— Эй, ребята!

Все обернулись к Анжеле. Нахмурившись и прикусив нижнюю губу, она поглядела на Говарда, затем перевела взгляд на Глена, затем на Кита и, наконец, взглянула на Лану и срывающимся от волнения голосом произнесла:

— Какие вы все замечательные.

— Да брось ты, — смутился Кит.

— Нет, нет, замечательные. И мама обещала, что мы завтра найдем клад. И так оно и будет.

Глава 28

— Может, хоть волосы отпустишь? — спросила Кори. — У меня начинает болеть голова.

— Ты убежишь, — ответил незнакомец.

— Здесь? Ты шутишь? — Этот участок тропы был настолько узким, что, попытайся она бежать, наверняка сорвалась бы в пропасть. — К тому же куда? Все равно догонишь, так ведь? Так что не буду и пробовать. Обещаю.

— Ты можешь спрыгнуть.

— Я не собираюсь никуда прыгать, — заверила она.

Но волосы он не выпустил, так что Кори оставила эту тему.

Еще раньше — теперь, казалось, прошло уже много часов — она решила ни в чем ему не перечить. Слишком сильный и ловкий. К тому же, видимо, не в своем уме. Разгневавшись, мог убить ее в мгновение ока голыми руками. Или зарубить мачете, которое подобрал после того, как вытащил ее из озера.

Кори была почти абсолютно уверена в том, что он намерен оставить ее в живых. Да он, черт возьми, сам это сказал. И как только она прекра-

тила сопротивляться, тут же перестал делать ей больно. И, если не считать руки, державшей ее за волосы, к ней больше не прикасался. Конечно, это раздражало и было источником затянувшейся боли, но особенно не могло повредить ей.

Страдали лишь ноги. От ходьбы.

— Куда ты меня ведешь? — Это был ее первый вопрос, когда он только начал уводить ее в сторону от лагеря.

— В горы.

— Одеться-то я хоть могу, ладно?

— Ты слишком красивая для одежды.

— Но солнце меня изжарит.

— Солнце пойдет тебе на пользу. Ты станешь такой же золотистой, как я.

— Хотя бы позволь надеть ботинки. А то угроблю ноги.

— Они станут такими же сильными, как мои.

— Пожалуйста.

— Не ной. И крепись.

Хочет, чтобы я была такой, как он. Хорошо. Возможно, это означает, что не причинит мне боли, если не выкину какой-нибудь фортель. Он

ищет общества. Партнера. А я подхожу на эту роль. Я справлюсь с этим. Если поведу себя умно.

Кори попыталась обернуться, чтобы в последний раз взглянуть на Чеда, но гигант так вывернул ее волосы, что смотреть можно было только вперед. Когда они шли по берегу, она молилась Богу, чтобы Чед пришел ей на помощь. А потом надеялась, что он этого не сделает.

Что просто будет жив. Будь жив, но оставайся на своем месте! Не иди за нами. Он наверняка убьет тебя.

Со мной все будет в порядке.

Со мной все будет в порядке, пока он не надумает меня трахнуть.

Он мог бы сделать это уже сейчас, но почему-то не торопится.

Чего он ждет?

Когда они плелись по берегу озера, когда переходили вброд ледяной ручей и еще какое-то время после того, как начали подниматься по горной тропинке, Кори все ожидала, что в любой момент будет брошена на землю и изнасилована.

И когда этого не произошло, то начала теряться в догадках.

Хочет сначала привести меня в пункт назначения?

Это было единственное разумное объяснение.

Затем она пыталась убедить себя в том, что он — «голубой». Ведь явный культурист. Но понимала, насколько ложен этот стереотип. Большинство из них гомосексуалистами не были. Кроме того, Чеда он оставил, а взял ее. И не позволил одеться. Нет, педиком он не был.

Возможно, она нужна была ему по причинам, никак не связанным с сексом. Просто, быть может, он одинок.

«Помечтай, помечтай, — возразил внутренний голос. — Так просто не отделаешься».

Он агрессивен, он безумен. И, если схватил не ради секса, тогда страшно даже представить, что у него может быть на уме.

Хочет, чтобы я сохранила внешнюю привлекательность. Это надо запомнить. Хочет, чтобы загорела, как он. И еще, чтобы ноги огрубели и стали такими, как у него. Разве стал бы говорить

такое тот, кто хотел бы тебя съесть или замучить, или сделать с тобой вообще Бог знает что. Надо просто сохранять спокойствие и подыгрывать ему.

Быть может, мы даже встретим моих студентов.

Это ведь была тропа на пик Отчаяния, и они должны были пойти по этому пути. Хотя, бесспорно, у них огромная фора, но вес их поклажи не позволит им двигаться быстро. Вряд ли они смогут показать хорошие результаты, тем более с такой спутницей, как Дорис. Да и Анжела, вероятно, не настолько сильна, чтобы выдерживать быстрый темп.

«Рано или поздно, — убеждала себя Кори, — мы можем их обогнать».

Их шестеро. Явное численное превосходство, и, если мы накинемся на него одновременно...

Но кого-то наверняка ранят, а может, даже убьют.

Разве что удастся застать его врасплох.

С другой стороны, неожиданно встретившись со столь большим числом противников, он, воз-

можно, даже ретируется. Просто убежит и оставит ее. И такое могло случиться.

Но что, если все-таки предпочтет драку? С этим мачете...

«О ребятах ему, видимо, уже известно, — поняла Кори». Он был в их лагере, видел их палатки. Возможно, даже поджидал их возвращения, в надежде схватить одну из девчонок, когда появились они с Чедом.

Неожиданно ей вспомнилась записка на входе в палатку. Какое-то предупреждение, оставленное студентами. Послание начиналось словами: «Дорогой маньяк!». Видимо, имели в виду его.

Что он им сделал?

Встревожившись и испугавшись, Кори чуть было не накинулась на него с вопросами, требуя объяснений. Ей не терпелось узнать, не причинил ли он вреда ее студентам. Однако, не успев еще и рта открыть, поняла, что ничего он им не сделал. По крайней мере, ничего серьезного.

Потому что тон оставленной записки был фривольным и насмешливым. Очевидно, он доставил им определенное беспокойство, но никого

из них серьезно не ранил, тем более не убил.

Потому что едва ли они продолжили бы свои чертовски глупые поиски сокровищ Батлера, если бы этот выродок причинил какой-нибудь вред одному из них. Или даже если бы считали его серьезной опасностью.

А что, если он напал на них уже после написания записки?

Нет. Это представлялось маловероятным. Если зарезал их, то где их тела? Где вещи? Не считая палаток, Кори не заметила никаких следов своих питомцев. Кроме того, этот урод не убил бы всех. Одну из девчонок, вероятнее всего Лану, наверняка оставил бы. Схватил бы Лану для общения или для секса, или чего там еще... и сейчас вел бы ее, а не меня.

«Так лучше, — убеждала она себя. — Лучше, что захватил меня».

Но не для Чеда.

И Кори почувствовала резкую мучительную боль — чувство вины и неизъяснимая тоска сдавили горло, и на глаза навернулись слезы. Она взглянула вниз по склону. Озеро было далеко-

далеко внизу, но деревья вокруг лагерной стоянки заслоняли камень, на котором она в последний раз видела Чеда.

Это я во всем виновата. Я впутала его во все это. Если он мертв. . .

Нет, он не мертв. Не может быть мертвым.

Вполне может.

Нет! Он проснется с головной болью и будет гадать, что со мной случилось. Решит, что утонула? Что будет делать?

Будет искать. И не остановится до тех пор, пока не отыщет.

И что тогда? Останется без головы.

Нет, страшно было даже думать о том, что могло случиться.

«Подумай лучше о студентах, — говорила она себе. — С ними все в порядке. Должно быть все в порядке. С Чедом тоже все в порядке. И все образуется.

Просто надо подыгрывать этому ублюдку и, несмотря ни на что, остаться живой. В конечном счете я либо вырвусь от него, либо меня спасут.

Но время близилось к полудню, жара стано-

вилась невыносимой, а острые камни стесали ноги, до крови, и план сотрудничества стремительно терял свою привлекательность.

С каждым болезненным шагом Кори приближалась к тому месту, куда маньяк вел ее. С каждым шагом где-то в животе нарастал снежным комом страх. Каковы бы ни были его намерения, они начнут реализовываться, когда будет достигнут конечный пункт их маршрута.

И ей не хотелось туда.

Она готова была ради этого рискнуть падением с обрыва.

И поэтому попросила его отпустить волосы, пообещав не пытаться бежать, и получила отказ, поскольку ее конвоир опасался, что она прыгнет.

«Я бы не прыгнула, — подумала она. — Да он просто ненормальный, если думает, что я собираюсь спрыгнуть».

Ненормальный.

Неожиданно для себя она тихо хихикнула.

— Что смешного? — поинтересовался он.

— Да ты сам. Ты сказал, что я могу прыгнуть, если ты отпустишь мои волосы.

— И что здесь смешного?

— Я не из таких. Но, послушай, нельзя ли присесть, что ли? Сидя я ведь не смогу прыгнуть? Уже не держат ноги. Я выдохлась и, если не отдохнем, просто могу потерять сознание и упасть. Тебе ведь не понравится такое, да?

— Я не дам тебе упасть. Двигайся. Мы уже почти пришли.

Именно это меньше всего и хотелось услышать Кори.

Она согнула колени, словно они у нее подкопились, и начала заваливаться вперед, выставив руки, чтобы не разбиться. Незнакомец дернул ее за волосы. Кори вскрикнула, но осталась обмякшей. Подержав ее какое-то время в таком положении, гигант начал медленно опускаться, пока ее колени не коснулись тропы.

— Отпусти волосы, черт возьми!

На этот раз он подчинился.

Кори согнулась, встала на четвереньки, схватилась руками за голову и начала растирать зудящую кожу.

Позади не было слышно никаких звуков. Она

прекрасно понимала, какое зрелище ему продемонстрировала. Возможно, настолько увлекательное, что он не стал возражать против задержки.

Да я сама напрашиваюсь.

Ну так и что?

Пусть попробует сделать это прямо здесь, если это то, чего он хочет. Пора с этим кончать. И, быть может, кто-то спикирует вниз с горы. И, возможно, это будет он.

— Подъем, — проронил гигант.

Кори не двинулась с места.

— Куда ты меня ведешь? — спросила она.

— К себе домой.

— Для чего?

— Ты моя.

— Черта с два! Я не твоя. И никогда не буду твоей. Я принадлежу себе, а часть меня принадлежит тому мужчине, с которым я была на озере, и если он мертв, то и ты умрешь.

Несколько секунд он молчал, а затем спросил.

— Как тебя зовут?

— Меня — Джейн.

— Подымайся на ноги, Джейн.

Помогая себе локтями, Кори распласталась на тропинке.

— Вставай сейчас же.

— Делай со мной, что хочешь. Никуда я не пойду.

— Решила умереть прямо здесь?

— Если ты меня убьешь, я больше не буду красивой. — Помня о том, что тропа была не намного шире ее тела, Кори осторожно перекатилась на спину и приподнялась на локтях.

Гигант стоял как раз за ее ступнями. Солнцезащитные очки с погнутой оправой — след брошенного ею камня — слегка перекошились на носу. Губы вытянуты в прямую линию, потная кожа блестит на солнце.

Лезвие мачете ослепительно сверкнуло.

— Поднимайся! — приказал он.

Хотя сердце бешено колотилось и в легких не хватало воздуха, Кори все же выдавила из себя.

— А если не встану?

Мачете свистнуло, рассекая воздух над ее ногами, и хотя она знала, что удар был направлен мимо, все равно вздрогнула и ахнула.

Присев на корточки, он схватил ее за правую щиколотку, дернул вверх ногу и плашмя ударил мачете по ляжке.

Кори скорчилась и вскрикнула.

И тогда он оттолкнул ее ногу в сторону, за пределы тропы. Падая, Кори судорожно глотнула воздуха. Нога летела вниз. Острый край тропы проскользнул по задней поверхности бедра и впился в ягодицу. Она вывернулась и брыкнула ногой. В этот момент он поймал ее щиколотку.

И неожиданно ей стало невмоготу. Она держала себя в руках, старалась сохранить трезвую голову, пыталась быть мужественной. Упорно шла вперед, несмотря на солнце, опалившее обнаженное тело, острые камни, изрезавшие ноги, крутой подъем, отнявший все силы. Боролась с горем, чувством вины и ужасом. Но от удара мачете стало так больно, а внезапное падение ноги так сильно испугало. И она сломалась. Кори заревела.

Она ничком лежала на тропе, прижав руки к лицу, рыдала, всхлипывала, и спазмы сотрясали ее тело.

— Прекрати, — сказал он.

— Иди к черту.

Приподнявшись, он шагнул к ней и перекинул кожаный ремешок от мачете через правое плечо, закинув оружие за спину. Затем наклонился, схватил ее за запястья и дернул вверх. Когда Кори полетела на заплетающихся ногах вперед, он обхватил ее и резко притянул к себе. Их мокрые тела встретились, и она почувствовала, как задышется, расплущиваясь на его массивной груди.

— Ты пойдешь, — промолвил он и сдавил так сильно, что Кори показалось: вот-вот лопнут ребра.

Когда ужасные объятия ослабли, Кори с удивлением обнаружила, что ноги ее не держат, и начала сползать по его телу. Подхватив под руки, гигант держал ее в вертикальном положении, а она рыдала взхлеб. Время от времени он резко встряхивал ее, при этом ее голова болталась из стороны в сторону, обмякшие руки раскачивались, а груди дрожали. Ей казалось, что он делал это в наказание.

Но затем он оторвал ее от земли и поднял

вертикально вверх. Теперь перед глазами у нее заблестела бритая макушка, а груди поднялись на один уровень с его лицом. Кори взглянула на них — в этот момент груди запрыгали и завихлялись — это гигант еще раз встряхнул ее. Подержав ее неподвижно несколько секунд, он поднес Кори ближе и потерся колючей щекой о правую грудь. Затем, повернув голову, открыл рот и лизнул сосок. Словно ребенок, обсасывающий леденец.

Кори изо всех сил хлопнула его ладонями по ушам. Взревев от боли, он отшвырнул ее в сторону. Мелькнуло небо и нависший над нею крутой склон. Она хотела протянуть руки, чтобы ухватиться за скалу, но испугалась, что это прикосновение отбросит ее прочь и она полетит вниз с горы. Пятки ударились о камень. Через мгновение о него ударился ее зад. Когда на тропинку грохнулись спина и локти, Кори успела прижать голову к груди. Ее немного протащило — по спине и ягодицам словно прошлись газовой горелкой. Остановившись, она вздрогнула и всхлипнула. Не осталось ни одного живого места, зато не свалилась в пропасть!

Быстро, как только могла, Кори оттолкнулась от земли.

Стоя на коленях, гигант ревел от боли, согнувшись и схватившись за уши руками.

Кори вскочила на ноги, морщась от слез. И вытерла глаза. Она понимала, что должна атаковать.

Прямо сейчас. Прежде, чем ублюдок оправится и сможет защищаться.

Размозжить ему череп камнем. Или схватить болтавшееся у него на боку мачете и порубить его на куски. Или даже попытаться сбросить в обрыв.

Как-нибудь, но его надо было прикончить.

Но у нее не хватило духу. Она не смогла заставить себя сделать хотя бы шаг в его направлении. Ведь если она приблизится, он просто мог бы...

Гигант поднял голову.

— Ты!

Кори присела на корточки, схватила с земли кусок камня и метнула в него. Хотя целилась в лицо, камень попал под ключицу и, ободрав кожу, отскочил в сторону. Когда она потянулась

за другим, гигант встал на ноги. Но едва успел сделать шаг, как Кори швырнула в него второй камень. Этот угодил по губам. Голова дернулась назад, очки слетели. Сморгнув, он мотнул головой, облизал разбитые губы и, фыркнув кровавыми брызгами, ринулся на нее.

Резко развернувшись на месте, Кори побежала вперед по узенькой полоске тропы. Сначала она едва семенила, потому что при одной мысли о падении кружилась голова. Но она слышала, что ее догоняют. Ее преследователь побряхтывал, а иногда шумно выдыхал: «Да!» И звуки эти все приближались.

И Кори решила, что лучше упасть в пропасть, чем позволить схватить себя.

И пустилась со всех ног, отмахивая руками, быстро и широко выбрасывая ноги. Из-за слез тропинка превратилась в прыгающее расплывчатое пятно. Кори прекрасно слышала своего преследователя, но определить, как далеко тот находился, не могла. Хотелось оглянуться, но она не могла решиться на это. Ведь, повернув голову, легко можно было оступиться. И, если он уже

догонял ее, не хотелось это видеть.

Кори все ждала, что лезвие мачете распорет ей спину. Или простого толчка, отправляющего в затажной прыжок в забвение.

Перед поворотом направо Кори немного притормозила.

«Может, не впишется в поворот, — подумала она. — Он ведь такой громадный, такой тяжелый. Если выскочит на полной скорости...»

Кори представила себе, как он сбегает с обрыва подобно Злюке-Койоту, бежит по воздуху, и все о'кей, пока взгляд его не опускается вниз, и он замечает свое бедственное положение, после чего камнем падает вниз.

Когда Кори обогнула поворот, внутри у нее все оборвалось, а в голове — перемешалось.

В нескольких шагах перед нею, на краю тропинки она увидела две руки.

Невозможно! Как он мог опередить меня?

Затем подумала: «Теперь он мой!»

Адъоз, засранец!

За один шаг до этих рук она резко остановилась, рухнула на колени и быстро поползла к

краю, сгорая от нетерпения отцепить пальцы.

И неожиданно для себя увидела перед собой глаза Чеда.

Повернув голову, Кори бросила взгляд через плечо. И в этот момент из-за поворота вынеслась туша безумного преследователя.

— Нет! — заверещала она.

— Скорее! — выпалил Чед. — Беги! Сейчас же!

Кори юркнула мимо него, вскочила на ноги, но убежать не смогла. Повернувшись, она увидела, как Чед выскочил на тропинку, вытаскивая на ходу нож. Гигант двигался слишком быстро, чтобы сразу остановиться. Лицо его приняло удивленное выражение. Чед бросился поперек тропинки ему под ноги, и тот споткнулся о его тело и правым плечом ударился о стену. Удар откинул его в сторону, но не достаточно далеко. И он рухнул грудью на тропинку. Голова его оказалась у ног Кори, а рука выпала за край обрыва.

— Уходи отсюда! — надсадно закричал Чед, выпутываясь из-под его ног.

Кори опустилась на тропинку и зажала меж-

ду коленями широкую скользкую голову маньяка. Сжимая ее изо всей силы, она нагнулась вперед и налегла на спину гиганту.

— Убей его! — выпалила она Чеду. — Надо убить его!

Левая рука гиганта больше не свисала в пропасть. Она уже лежала на тропинке. Когда Чед оседлал его задницу, тот начал подниматься и его голова заскользила между бедрами Кори, ткнулась ей в пах, и ее колено оторвалось от земли. В этот момент Чед занес нож. Его лезвие ринулось вниз.

Гигант резко взбрыкнул, вывернулся и сбросил Чеду.

Нож пролетел мимо, не коснувшись его спины, а Чед кувыркнулся в сторону. Кори выкрикнула: «Нет!», успев заметить, как Чед, отбросив нож, загребал руками и дрыгал ногами в воздухе рядом с тропинкой. Зависнув на мгновение, он исчез, и Кори, которая сама была отброшена внезапным движением маньяка к краю тропинки, не улетела лишь благодаря тому, что захватила его голову бедрами и всем телом прижалась к

его спине.

Теперь он стоял на четвереньках, а Кори, обхватив руками его грудь, висела на нем.

Гигант пополз вверх по тропинке.

Кори — верхом на нем.

Он даже не пытался ее сбросить.

Бред какой-то! Сумасшествие!

Словно играем в лошадок. А Чед мертв. О Боже! Чед! Мертв!

Она знала, что могла бы оторваться от этой спины и броситься в пропасть. Ей хотелось этого. Лучше быть мертвой, как Чед. Положить конец всему этому. Какой теперь смысл жить? Чед больше никогда не вернется к ней. Будущего для нее не было. Так почему бы не умереть и не прекратить боль?

И оставить этого гребаного выродка в дураках, лишив такого лакомого кусочка!

Но Кори не могла заставить себя сделать это. Она яростно прижималась к нему, до смерти боясь упасть.

И ей было стыдно за себя. Она не имела никакого права жить дальше. Никаких причин и ни-

какого права. Это она явилась причиной смерти Чеда. Она не заслуживала жизни.

«Он пытался спасти меня, — твердила она себе. — Не хотел, чтобы меня убили».

Он любил меня, хотел, чтобы я жила.

«Я обязана жить», — неожиданно поняла она.

Прожить еще хотя бы столько, чтобы уничтожить этот вонючий и опасный кусок дерьма.

Она слышала перезвон волочимого по тропе мачете. Каким-то непостижимым образом после всего этого ремешок его все еще остался на правом плече выродка. Если освободить одну руку, возможно, удастся дотянуться до оружия. И что потом? Оно висит так, что у нее не будет никакого размаха для удара.

К тому же он ни за что не позволит ей схватить мачете. В тот же миг, когда почувствует, что она ослабила захват, заподозрит неладное, и у нее не останется никаких шансов.

С того самого момента, когда Кори повисла на незнакомце, глаза ее были закрытыми. Теперь она открыла их. Правая щека прижималась к его

спине. Она подняла голову.

Ее движения, видимо, совершенно его не беспокоили, потому что он по-прежнему медленно полз вперед.

Его черная набедренная повязка была перед самыми глазами. Центральная полоска проходила между ягодицами, и Кори заметила, что половинки его зада не только сжимались, но и слегка покачивались в стороны. Он извивался, и его спина скользила по ней, а зажатая между ее дрожащими бедрами голова терлась о пах.

Ты убил моего Чеда, ублюдок, а теперь делаешь такое со мной?

Кори почувствовала себя использованной и грязной. Но, как бы сильно она ни ненавидела его, себя ненавидела еще сильнее — за то, что доставляла ему такое удовольствие.

«Ты заплатишь за это, — говорила она себе, когда он завозил ее за поворот. — Заплатишь за все».

Затем Кори увидела, что каменная стена отступила. В изумлении она поглядела в другую сторону. На смену обрыву пришел пологий спуск.

Узкой тропинки больше не было.

Они достигли горизонтального участка, где ее безбоязненно можно было сбросить со спины. Но он продолжал ползти.

Видно, вошел в раж и уже не мог остановиться.

Возможно, даже не подозревал, что опасный участок тропинки позади.

Но Кори знала это. Она чувствовала себя канатоходцем, который наконец шагнул на прочную опору и, не боясь больше падения, начала ласкать своего коня.

Тот, похоже, не возражал — продолжал ползти.

Кори начала ерзать у него на спине. Затем разжала ноги и стала водить руками по груди, по бокам и животу. Когда ее пальцы нашли пояс набедренной повязки, он остановился. Руки Кори скользнули вверх по бедрам и задержались на твердых буграх ягодиц, затем двинулись дальше, вниз по ляжкам. Она вытянула тело, пытаясь достать руками подальше, и почувствовала, что он весь задрожал. Кори вновь подняла руки вверх,

по заду на поясицу. Затем подсунула большие пальцы под тонкий пояс и стянула набедренную повязку вниз, на колени.

«Неужели он даже не подозревает? — недоумевала она. — Или настолько завелся, что больше ничто не волнует его?»

Или настолько уверен в себе, черт возьми, что не ожидает подвоха?

Какой-нибудь уловки?

Возможно, рассчитывает остановить меня в последний миг. Хочет, чтобы я думала, что он ни о чем не подозревает. Все это время он просто использует меня, получает удовольствие, ожидает подходящий момент, чтобы сбросить меня и разделаться со мною.

Ну и пусть.

Это мой выбор, и я его сделала.

По животу гиганта пробежала легкая дрожь, когда Кори вновь дотронулась до него. А когда ее левая ладонь обернулась вокруг огромного возбужденного пениса, незнакомец вздрогнул и застонал. Пальцы легко скользнули по поверхности до корня, затем снова вверх.

«Он мой, — ликовала она. — Теперь меня никто не остановит».

Ее правая ладонь сложилась чашкой вокруг мошонки.

Пиши завещание, говнюк!

Но едва она начала сжимать ладонь в кулак, как почувствовала рывок за кисть. Кончики ее пальцев задели яички. Но не стиснули их, не раздавили. Только слегка столкнули одно с другим, когда ее рука отскакивала в сторону.

И, тем не менее, он дернулся, вздохнул, раскашлялся и, отпустив ее запястье, вскочил на колени.

Кори сползла с его спины. Опершись о землю руками, она высоко подбросила ноги, сгруппировалась, перекувырнулась и села. Но тут же вскочила на ноги и обернулась, чтобы оценить ситуацию.

Гигант все еще стоял на коленях, сложившись так, словно у него болел живот.

Кори побежала на него. Замахнувшись ногой, она пнула его в бок, и он рухнул на каменную дорожку. Но когда Кори нагнулась и потянулась за мачете, он откатился в сторону с такой живо-

стью, что она отшатнулась назад. Длинный клинок мелькнул в воздухе над ним и со звоном упал на землю. В следующее мгновение гигант уже сжимал рукоятку мачете. Он сделал резкий выпад и рубанул. Лезвие просвистело в нескольких дюймах от ее голеней.

Застонав от отчаяния, Кори развернулась и побежала.

«Облажалась, — ругала она себя. — Был уже у меня в руках, а я все испортила. Как он догадался?»

Теперь его не остановишь. Теперь он меня схватит, и...

Если, конечно, догонит.

Он ранен. Это мой шанс.

Похоже, она выскочила на широкое плато, своеобразную седловину, полого поднимавшуюся между двумя провалами. Чуть поодаль слева, видимо, находилось узкое ущелье. К нему Кори и побежала. О его ширине можно было только гадать, но, если удастся перепрыгнуть на другую сторону, это может дать ей преимущество. Возможно, удастся организовать там оборону. По

крайней мере, между нею и этим психом хоть что-то будет. Может быть, она сумеет прикончить его при попытке перескочить вслед за нею.

Подбегая к ущелью, Кори услышала какой-то гул. Словно сильный ветер, с каждым шагом становившийся все громче. К тому времени, когда она увидела, что ущелье было слишком широким, шум превратился в рев. Перепрыгнуть на другую сторону не было никаких шансов.

Остановившись у края, Кори поглядела вниз. От вида потока, беснующегося далеко внизу, внутри все оборвалось, и она резко обернулась назад.

Гигант приближался, слегка ковыляя. Черный гульффик вернулся на прежнее место. Он поддерживал его левой рукой, прижимая ее к мошонке. Правая рука размахивала над головой мачете. Рот был перепачкан кровью.

Кори повернулась спиной к ущелью.

Она готовилась к встрече.

Не надо! Ты рехнулась?

Все равно тебе никогда не убежать от него. Рано или поздно догонит.

Кори расставила ноги, слегка пригнулась и широко раскрыла руки, словно приготовившись к рукопашной схватке.

— Давай, ублюдок! — закричала она.

Пока он не тормозил.

Беги, беги!

Незнакомец надвигался, как туча, все ближе и ближе. Весь из пластов и бугров играющих мышц. С каждым шагом всхлипывая и рыча так громко, что даже рев потока не мог заглушить его.

— Ты хочешь меня? — кричала она. — Ты меня хочешь?

Гигант ухмыльнулся, его окровавленные губы расползлись, обнажая зубы. Теперь он был достаточно близко, и Кори увидела, что несколько передних зубов были выбиты.

Три шага.

Два.

Кори бросилась в сторону. Упав на землю, перекатилась на спину и увидела, что он затормозил на самом краю пропасти. Похоже, сила инерции все еще толкала его вперед. Прогнувшись в

поясе, он энергично замахал руками.

И восстановил равновесие.

И повернулся к Кори.

И сверху вниз насмешливо улыбнулся ей.

— Ты думаешь, ты такая хитрая, — прошепелявил он.

Что-то шлепнуло его в грудь. Послышался грохот. Револьверный выстрел? Левая грудная мышца гиганта подпрыгнула, и Кори краешком глаза увидела аккуратную круглую дырочку на несколько дюймов выше соска. Только на какой-то миг, потому что удар развернул его вбок. Он набросил правую ногу на левую, чтобы сохранить равновесие.

Когда прилетела вторая пуля, проложившая борозду в его спине, гигант уже склонился над пропастью, словно рассматривая поток. Пронзительно вскрикнув, он шагнул в пустоту, полетел вниз и исчез за гранью обрыва.

Кори перевернулась на живот и, поднявшись на четвереньки, увидела толстую девушку в серой спортивной кофте и шортах, трусцой бежавшую к ней. Пышку с револьвером.

— Дорис!

Девушка широко открыла рот от удивления.

— Доктор Дальтон?

Кори встала, шатаясь подошла к Дорис и бросилась ей в объятия.

— Боже мой! — воскликнула Дорис. — Что вы тут делаете?

— Ты попала в него! — выпалила Кори. — Попала! Убила? — Отстранившись от Дорис, она выхватила у нее из руки револьвер и поспешила назад, к краю обрыва.

Ублюдка она увидела сразу же.

В самом низу. Он плавал лицом вниз в луже кипящей белой воды, широко раскинув руки, словно распятый.

Кори тщательно прицелилась и выстрелила.

Грохот оглушил ее, револьвер подпрыгнул в руке. Невозможно было определить, в цель или мимо. Поэтому Кори выстрелила еще раз.

Когда она в третий раз нажала на курок, выстрела не последовало. Лишь что-то звонко клацнуло по металлу.

Течение медленно развернуло тело гиганта и

ПОНЕСЛО ЕГО ВНИЗ.

Глава 29

Опустившись на колени у края пропасти, Кори положила револьвер рядом, согнулась и закрыла лицо руками.

«Все кончено, — твердила она себе. — Он мертв, а я жива. Все кончено. Не поймал меня и никогда уже не поймают».

Она вновь видела, как в него попадают пули, как он срывается в пропасть и падает, как лежит, растянувшись внизу, как его сносит быстрое течение.

Вновь видела, как падал с тропинки Чед.

Никак не удавалось справиться с дрожью.

Хотелось откинуться на коленях назад и завывать от дикой радости за свое спасение, от мучительной боли за Чеду и от досады за случившееся.

«Я должна пойти к нему», — подумала она.

Но не могла сдвинуться с места.

За спиной слышались тихие шаги.

— Боже, ваши ноги, — донесся голос Дорис.

— Со мной все в порядке, — прошептала Кори сквозь пальцы.

— Я принесла сюда свои вещи. Может, накин-

нете на себя что-нибудь?

— Он убил Чеда.

Тишина. Затем мягкая рука нежно погладила ее по затылку.

— Я очень сожалею, — промолвила Дорис. — Но вам необходимо одеться. Выстрелы наверняка слышали остальные. Они могут быть здесь с минуты на минуту. Вы же не хотите предстать перед ними в таком виде? Знаете, что за ребята Кит и Глен.

— Я должна найти Чеда.

— Я вам помогу. Но сперва все же лучше надеть что-нибудь.

Кори потерла руками лицо и, выпрямившись, повернулась на коленях. Изумившись, что после всего случившегося еще можно было ощущать какую-то неловкость, она прикрыла рукой груди, а другую опустила между ног. Мысль о том, что Дорис могла видеть ее верхом на этом выродке с его пенисом в руке, неожиданно расстроила ее.

— Ты видела, как мы... боролись? — спросила она.

Дорис покачала головой. Затем отвернулась

и полезла в свой рюкзак.

— Я ничего не замечала до тех пор, пока не услышала, как вы кричите на этого типа. Тогда я увидела вас здесь и как он несется на вас с этим огромным ножом. Я и представить не могла, что это вы. Но его-то узнала сразу.

— Слава Богу, что ты оказалась здесь, — пролепетала Кори. — Я у него в плену. . . уже с полудня. И мне никак не удавалось убежать. Так что сейчас он наверняка убил бы меня, если бы ты его не пристрелила.

— Вчера он чуть было не сцапал меня. — Дорис вытащила из рюкзака огромную серую спортивную кофту и подала ее Кори. — А этой ночью схватил Лану.

Кори натянула кофту через голову. Громадная и мешковатая, она была настолько толстой, что совершенно не пропускала свежего воздуха к разгорячившемуся телу. По исцарапанной спине словно разлилась горящая жидкость.

— Когда я выстрелила, он бросил Лану. С тех пор мы все время настороже. Что вам лучше, шорты или спортивные брюки?

— Думаю, шорты.

Дорис извлекла пару широченных красных спортивных трусов.

— На вас они будут немного великоваты. Но у меня где-то есть булавка. Вероятно, вам без нее не обойтись.

Пока Дорис разыскивала булавку, Кори села и натянула шорты. Резинка на поясе свободно болталась.

— Ну, вот она.

Дорис передала ей булавку, и Кори подобрала пояс в складку с правого бока и подколола.

— После моих выстрелов он больше к нам не совался, — продолжала Дорис, вновь принявшись рыться в своем рюкзаке. — Мы посчитали, что револьвер, видимо, отпугнул его. А где он схватил вас?

— Внизу у озера, возле вашего лагеря.

— Господи Иисусе! Значит, торчал там все это время. Боже, если бы я только попала в него прошлой ночью. — Она вынула пару белых мужских носков и синие прорезинки. Положив их рядом с Кори, прибавила. — Вы приехали сюда, чтобы

найти нас?

— А ты как думаешь?

Глаза Дорис округлились.

— Прости, — пробормотала Кори. — Все в порядке?

— Да.

Кори натянула один носок. Он сразу же приклеился к липкой подошве.

— Где все? — поинтересовалась она, натягивая второй.

— Там, на другой стороне. Ищут шахту Батлера.

— Шахту Батлера, — шепотом повторила Кори.

— Боже, это мы во всем виноваты.

— Это моя вина. Это я позволила вам позабавиться с планшеткой. А ведь знала. — Кори надела прорезинки. Они были великоваты. Она зашнуровала и завязала их. — Ты лучше подожди здесь остальных. А я пойду вниз по тропе. Я должна найти Чеда.

— Где?...

— Не знаю, — запинаясь произнесла Хори. —

Где-то там, на тропе.

Морщась от боли, Кори встала и засомневалась в том, что вообще сможет идти на своих искалеченных ногах, не говоря уже о беге. Боль беспокоила ее и прежде, но теперь, несмотря на носки и обувь, превратилась в подлинную муку.

— Вы уверены, что не хотите подождать здесь? Они наверняка услышали выстрелы.

Кори покачала головой и поковыляла вниз по пологому склону по направлению к крутому гребню горы. Каждый шаг отзывался резкой и острой болью. Беспокойство причиняла и одежда: слишком теплая кофта прилипла к спине, а шорты все время сползали, и через несколько шагов ей приходилось их подтягивать.

Наконец Кори надоело поправлять шорты. Она подняла подол кофты и прижала его подбородком к груди. Ветерок приятно освежал влажную кожу, и она вздохнула с облегчением. И подумала о том, как странно было в ее положении заботиться о своих удобствах. Чед мертв, а она боялась запариться. Но свежий воздух был таким приятным. Удивительно прохладным. Кори

расщепила булавку, сделала складку в поясе побольше и заколола ее.

И тогда поняла, что стоит возле того места, где начала действовать против маньяка. Начала гладить его. От этого воспоминания ей стало дурно.

Как я могла решиться на такое?

Но в то время это не казалось ей столь ужасным. Так... простая необходимость.

«Это меня и спасло, — убеждала она себя. — Благодаря этому я смогла убежать от него».

Но выродок все равно настиг бы меня, если бы Дорис не пристрелила его.

Обернувшись, она поглядела туда, где оставила девушку. Та уже скрылась из виду.

Она не видела моего позора.

Никто никогда не узнает.

Кори приподняла подбородок. Вытирая об опустившуюся кофту руки, она подумала о том, когда теперь появится возможность помыть их водой с мылом.

«Отмывать придется не только руки», — сказала она себе.

И пошла дальше. Она шла теперь там, где до этого ехала верхом. От конца тропы тот тип отвез ее не так далеко, как ей подумалось. Вероятно, не более пятнадцати-двадцати футов. Хотя тогда показалось, что не менее сотни ярдов.

Кори ступила на тропу и увидела, какая та узкая, увидела глубокую долину за ее краем и почувствовала, как все вокруг поплыло кругами. И, чтобы не упасть, оперлась рукой о гранитную стену.

Ей совсем не хотелось испытывать судьбу на этом узком карнизе.

«Но это же смешно, — убеждала она себя. — Ты ведь до этого не только прошла по нему, но даже некоторую часть пробежала».

После первого шага у нее подкосились колени.

Кори опустилась на землю и поползла.

«Во всяком случае, так лучше, — подумала она. — Это поможет правильно оценить расстояние. Ведь он полз все время после того, как Чед сорвался в пропасть».

О Боже, Чед, как такое могло случиться?

Каменная поверхность тропы причиняла боль

коленям.

Кори вспомнила, как совсем недавно выглядели колени Чеда. Там, внизу у озера. Всего несколько минут до того, как все нормальное и хорошее так ужасно оборвалось. Красными и измятыми от гранитной плиты они стали за то время, пока он был сверху. Когда они так удивительно слились воедино в последний раз.

Нам совсем не следовало приезжать сюда.

Ребят вовсе и не нужно было спасать. Они оказались способными позаботиться о себе. А жертвами стали мы сами.

Когда из-под ее правого колена сорвался камень, Кори вздрогнула и, остановившись, подняла голову. В нескольких ярдах впереди тропа поворачивала и терялась из виду.

Вот где он налетел на нас. Кори ясно представила себе, как маньяк выскакивает из-за поворота. В тот момент она как раз перегнулась через край и с удивлением увидела смотрящего на нее Чеда.

Теперь припомнилось, что вокруг головы Чеда был обвязан ее собственный платок.

Он пришел к ней на выручку, словно галантный рыцарь, с повязкой цвета дамы сердца.

Поднялся прямо вверх, вскарабкавшись по склону горы на перехват.

На свою погибель.

Почему ты не остался на озере! Я бы сама с ним разобралась!

Тропу впереди застлало туманом. Кори подняла правую руку и вытерла глаза рукавом кофты. Затем проползла еще немного вперед.

Здесь все и случилось.

Она осторожно опустилась на тропу и стала подвигать в сторону ноги, пока те не уперлись в стену.

Затем на локтях продвинулась к краю и легла на живот. Ухватившись руками за край обрыва, Кори подтянулась вперед и посмотрела вниз. Увидев Чеда, она моментально позабыла о своем отчаянии и страхе падения, вскочила на четвереньки и выкрикнула его имя.

— Корин! — откликнулся он и вскинул руку, которая тут же безвольно упала.

Чед лежал на спине на узком выступе не более

чем в двадцати футах от края обрыва Его правый бок был прижат к отвесной скале, а правая нога подогнута так, что ступня была придавлена задом.

— С тобой все в порядке? — крикнул он ей.

— Со мной? — Кори рассмеялась сквозь слезы.

— Где тот тип?

Не в силах шевельнуть языком, она покачала головой.

— Эй, прекрати киснуть, скажи мне что-нибудь. Наконец она вновь обрела дар речи.

— Он... мертв. Его пристрелила Дорис.

После секундной паузы Чед спросил:

— Он ранил тебя? Ты в порядке?

— Со мной... все хорошо. Господи! Ты жив!

— Ну, отдельные члены утратили прежнюю резвость. Какое-никакое, а падение.

— Боже, Чед! Оставь свои шуточки.

— Да, сильно тебе помогло мое геройство.

— Что у тебя болит?

— Все, но больше всего — нога. Думаю, серьезный перелом. Видимо, мне еще придется по-

торчать здесь.

— Мы тебя снимем, не волнуйся.

— Это как же?

— Как-нибудь, — буркнула она, понимая, что это будет нелегко. В этом месте склон горы был почти вертикальным, без уступов.

Должно быть, Чед свалился отвесно вниз. Если бы не этот узенький выступ, лететь бы ему тогда еще не меньше ста футов.

Кори предположила, что к нему можно будет добраться либо спустившись сверху, либо поднявшись снизу. Поверхность склона была достаточно неровной: было за что зацепиться руками и ногами. Недалеко от его выступа можно было разглядеть другие каменные полки и карнизы. Боже правый, а ведь он здесь взобрался.

Но одно дело добраться до него. У Чеда перелом ноги, и его придется нести. А это представлялось невозможным.

— Ты только не двигайся! — крикнула она.

— Спасибо за совет.

— Боже, это чудо, что ты приземлился именно там.

— Я так и планировал.

— Пойду приведу ребят. Возможно, у них есть веревка или что-нибудь в этом роде.

— Я подожду здесь.

Кори отползла назад, встала на ноги и поспешила по тропе. Как нелепо было бы сейчас сорваться в обрыв, после того, как нашелся живой Чед, но эта мысль не замедлила ее шаги.

Живой. Чудо.

Не пришел еще, видимо, ему срок умирать.

Ничего нас теперь не остановит. Мы снимем его с того карниза и отнесем к озеру. Быть может, переночуем там. А с утра пойдём дальше. . .

Тропа закончилась, и Кори остановилась, увидев всех шестерых питомцев, спускавшихся по пологому склону вслед за Дорис. Она замахала руками и закричала:

— Сюда!

Увидев ее, они пошли быстрее. И были совсем не похожи на тех студентов, которые резвились у нее на вечеринке в пятницу. Сгорбившись под тяжестью рюкзаков, они казались уставшими и угрюмыми. Их одежда приобрела неопрят-

ный вид, а кожа покраснела от солнечных ожогов. У Ланы, всегда такой аккуратной и ухоженной, всклокоченные волосы, а блузка навывпуск и застегнута лишь на половину пуговиц. Кит голый до пояса, а рубашка свисает спереди на брюки. Глен, большой Глен, казалось, усох. Возможно, только потому, что перед ее глазами так долго маячил этот безумный ублюдок, который был намного крупнее. На Говарде потрепанная шляпа с отвисшими полями, закрывавшими почти все лицо. Анжела в тенниске и экстравагантных атласных шортах. Выглядит мрачно, но мало напоминает ту робкую и бледную девушку, которую Кори помнила. Лицо обветрилось, а руки и ноги блестят от загара.

Шли они в полной тишине.

Дорис, должно быть, рассказала им, что Чед погиб.

— Чед жив, — сообщила Кори ребятам. — Он сломал ногу, но в остальном — все нормально.

— Это замечательно, — промолвила Лана.

Другие закивали головами и пробурчали какие-то дежурные фразы, с определенным об-

легчением, но без особой радости.

«Да и с чего бы им? — спросила себя Кори. — Они его толком и не знали. Они просто обрадовались, что он жив, ради меня».

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался Говард.

— Бывало и лучше.

— Этот грязный выродок не обидел вас?

— Заставил меня идти разутый, это, пожалуй, самое худшее.

— Надо было догнать его вчера и убить, — вмешался Кит. — Ничего этого тогда бы не случилось.

— Этого не случилось бы, если бы вы остались дома.

— Мы и подумать не могли, что вы отправитесь за нами, — возразила Лана.

— Я несу за вас ответственность. И это моя планшетка. Ладно, к черту все это. Я рада, что вы в порядке. Только вот Чед застрял на карнизе. У вас есть веревка?

Кивнув, Лана сбросила на землю свой рюкзак. Открывая его, спросила:

— Какое до него расстояние?

— Примерно пятнадцать-двадцать футов.

Лана вынула моток бельевой веревки.

Она была грязно-серой, но едва ли толще четверти дюйма.

— Боюсь, что такая не подойдет, — расстроилась Кори. — А у остальных?

Все отрицательно качали головами.

— Давайте подойдем и посмотрим, — предложила Лана, вскинув на спину рюкзак и просовывая руки в лямки.

И Кори повела их.

— Будьте осторожны, — предупредила она. — Эта часть тропы очень ненадежная.

— Мы прошли ее на пути сюда, — проронил Кит.

Когда они вышли на тропу, Кори спросила:

— Вам посчастливилось найти сокровища Батлера?

Лана, шедшая у нее за спиной, ответила:

— Мы нашли шахту. Там была стоянка этого засранца.

— Губерта Орсона Эллиота! — выкрикнул

Кит.

— Его так звали? Этого типа?...

— Мистера Вселенная, — съязвила Лана.

«Видимо, туда он меня и вел, — поняла Кори. — В свой “дом”. В пещеру».

— Нам придется дать Дорис приз за меткость, — вновь выкрикнул Кит.

— Но сокровищ вы не нашли?

— Нет, — ответила Лана. — Если не считать коллекцию дамского нижнего белья.

— Вы шутите.

— Вовсе нет. В его рюкзаке полно этого добра. Мы думаем, что он очень долго тайком обворовывал забредавших сюда туристов.

— Возможно, снимал их с крошек, которых ловил, — бросил Кит.

— Чертов псих, — пробормотала Кори.

Затем увидела впереди поворот. Сделав еще несколько шагов, она остановилась, опустилась на четвереньки и заглянула через край тропы. Снизу ей улыбнулся Чед.

— Вернулась с подмогой, — сказала она ему.

— Никого не потеряли? — поинтересовался

он.

— Они все здесь. Ты единственный раненый.

— Счастливчик.

Лана присела рядом на колени, вытянула руку и помахала ему.

Кит подошел к самому краю и глянул вниз.

— Боже праведный! — воскликнул он.

Рядом с Китом Кори увидела Глена. Не столь храбрый, он скинул рюкзак и подполз к обрыву. Дорис осталась стоять позади.

Говард и Анжела, тоже уже без рюкзаков, обступили Кори с обеих сторон. Они встали на четвереньки и осторожно подползли к краю, чтобы посмотреть на Чеда.

Говард, повернув голову в сторону Кори, скривился:

— Как мы подыдем его сюда?

— Не знаю.

— Давайте просто вытащим его, — предложил Кит.

— Я сомневаюсь, что веревка выдержит, — сказала Кори.

— Давайте все равно примерим, — промолви-

ла Лана. Она сняла веревку с плеча и, взяв в руку один конец, бросила другой в обрыв. Та полетела вниз, разматываясь на лету. Еще когда веревка летела, Кори поняла, что по длине ее вполне хватит. Когда Чед протянул за ней руку, у Кори екнуло сердце. Он схватил веревку почти у самого конца. Свободный кусок упал ему на лицо. — Пока все нормально, — заметила Лана.

— Мне это не нравится, — проронил Глен.

«Ты не единственный, кому это не по душе», — подумала Кори.

Лана крикнула:

— Вы можете обвязаться?

— Она какая-то хлипкая, — ответил Чед.

— Другой у нас нет.

— Это слишком рискованно, — пробормотала Кори.

Чед выгнул спину и немного повернулся от склона, пытаясь просунуть веревку под своим телом. Кори заерзала и заскрежетала зубами.

— Ради Бога, будь осторожен!

Чед повернулся в другую сторону и сунул правую руку под спину. В следующее мгновение рука

появилась с концом веревки. Он потянул за веревку, протаскивая ее в узком пространстве между спиной и каменным выступом, на котором лежал. Затем поднял конец вверх и привязал его узлом к вертикальной части веревки над грудью. Закончив эту операцию, Чед, извиваясь, пододвинул петлю к подмышкам.

— Вот так будет хорошо, — сказал он.

Лана медленно подтянула веревку и на коленях попятилась от края.

— Возьми, ребята.

Глен принял у нее веревку и стал отходить назад, пока не уперся в стену на противоположной стороне тропы. На лице у него было такое выражение, словно он учуял какой-то крайне неприятный запах.

— Если эта штука лопнет... — пробормотал он.

Говард подошел к нему и схватил веревку перед его руками. С другой стороны к ним присоединился Кит и тоже схватился за веревку.

— Только не торопитесь, — попросила Кори. Она отползла в сторону, обхватила руками веревку.

ку над самым краем и поглядела вниз. Веревка натянулась.

— Готов? — крикнула она Чеду.

Тот крепко держался руками за петлю.

— Тяните!

— Давайте! — скомандовала Кори парням.

Те потянули. Веревка вытянулась в струну и завибрировала в их руках. Она увидела, как голова и плечи Чеда стали подниматься. И ей показалось, что веревка растягивается и утончается.

Сейчас обязательно лопнет!

— Стойте! — закричала она. — Опускайте.

— Что случилось? — спросил Кит.

— Она не выдержит.

— Вы уверены? — переспросила Лана. Присев на корточки у обрыва, она пристально посмотрела вниз. — А мне кажется, должна выдержать.

— Не стоит рисковать, — промолвила Кори. — Она не предназначена для такого. Что, если она порвется, когда мы подыдем его наполовину?

Лана нахмурилась и через плечо бросила:

— Опускайте.

Когда веревка вновь заскользила в руках, Ко-

ри увидела, как Чед опускается на свое прежнее место.

— Что-то не так? — крикнул он ей.

— Просто я боюсь, что веревка тебя не выдержит.

— Я вполне разделяю твои опасения.

— Не волнуйся, что-нибудь придумаем. — Она попятилась назад и встала на ноги. На рюкзаках студентов было множество разных ремешков, шнурков и лямок, которые служили для подвешивания спальных мешков. Если их соединить, плюс поясные ремни. . .

Нет. Слишком непрочно. Если все это связать воедино, образуется целая дюжина узлов и пряжек, и что-нибудь может не выдержать.

Кори заметила один рюкзак, к которому было прикреплено сразу два спальных мешка, а к рюкзаку, стоявшему рядом, — ни одного. И клапан того рюкзака отдувался так, что в первый миг ей показалось, что в нем лежит огромный грейпфрут. «Если бы только вместо фруктов положили приличную веревку», — подумала она.

— Что в ваших рюкзаках? — спросила Кори.

Ребята как-то странно и воровато переглянулись, и ей пришло в голову, что они, возможно, нашли что-то в шахте, о чем не хотят ей признаться. Сокровища Батлера?

Но ее это мало волновало. Главное — поднять Чеда в безопасное место.

— Только еда, одежда и личные вещи, — ответила Лана.

— Ни у кого из вас нет ничего такого, с помощью чего можно было бы его вытащить?

— Связать вместе одежду? — предложил Говард. Кори покачала головой.

— А там, в шахте? Не видели ничего подходящего?

— Кое-какая одежда, рюкзак, спальный мешок, — перечислила Лана. — Веревок я не заметила.

— Нет, — добавил Кит. — А мы обыскали всю шахту.

— А в твоей машине? — обратилась она к Лане.

— Провода для запуска от другого аккумулятора, одеяло. Ни веревок, ни тросов.

— И у меня тоже, — пробормотала Кори.

— У нас здесь достаточно всего, что можно было бы связать, — промолвил Говард.

— Как бы прочно мы ни связали, один из узлов может расплестись. — Тяжело вздохнув, Кори пересекла тропу, прислонилась спиной к скале и сложила на груди руки. — Дело в том, что, пока он там лежит, все более-менее нормально. Если мы попытаемся его поднять... Просто я не хочу рисковать. Мы должны быть на сто процентов уверены в благополучном исходе. Если задуматься, это большое чудо, что он приземлился на этот выступ. А чудеса редко повторяются.

— Ну и что вы намерены делать? — поинтересовалась Лана.

— Не знаю. Если никто не может предложить ничего лучшего, то я считаю, что нам следует оставить его на месте и обратиться за квалифицированной помощью. Вызвать горных спасателей, например.

— Я думал о том же, — поддержал ее Глен.

— Ну и как вы это намерены осуществить? Развести сигнальные костры? — спросил Кит.

— Всего в десяти милях к северу от поворота есть городок под названием Парди, — пояснила Кори. — Надо повернуть направо с грунтовой дороги и...

— Парди? — изумился Кит.

— Да. От поворота доехать туда можно за какие-нибудь полчаса. Городишко, конечно, не ахти какой, но там наверняка есть полиция, а уж они-то знают, что делать в подобных случаях.

— Только до машины два дня пешком, — заметила Дорис.

Лана покачала головой.

— Нет, так много времени уже не понадобится. Во-первых, мы шли только по несколько часов в день. К тому же обратный путь будет все время под гору. И если хорошенечко подналечь, я уверена, мы сможем добраться до машины через пять или шесть часов. Плюс еще пару часов, чтобы доехать до шоссе. — Она посмотрела на часы. — Сейчас почти пять. Думаю, через восемь-девять часов мы будем уже в Парди. Это получается... в час или два ночи.

— Значит, вы сможете привести сюда спаса-

телей где-то завтра в середине дня, — прикинула Кори. — Это уже не так плохо.

— Думаете, Чед продержится эту ночь? — спросила Лана. — По ночам здесь ужасно холодно.

— Мне понадобится какая-нибудь теплая одежда.

— Вы ведь пойдете с нами, да? — осведомился Говард.

— Я остаюсь.

— Здесь? Сами? Я останусь с вами. — Он посмотрел на Анжелу. Та кивнула. — Мы оба останемся. Мы сможем помочь.

— Не выдумывай, Гаубица.

— Вы считаете, они вам понадобятся? — заинтересовалась Лана.

«Было бы совсем неплохо иметь компанию», — подумала Кори. Идея провести ночь в горах в одиночестве вовсе не прельщала ее.

— Есть какие-то причины, по которым они не могут остаться со мной?

Студенты переглянулись.

— Что происходит?

— Говард может остаться с вами, — сказала Лана. — Но мне кажется, Анжела охотнее пойдет с нами. Пойдешь ведь?

— Я хочу быть с Говардом, — ответила та.

— Ты хочешь быть завтра на дороге в Парди, — отчеканил Кит. — Так ведь! — Последняя фраза прозвучала без вопросительного знака.

— Ну...

— Почему вы пытаетесь ее запугать? — заволновалась Кори. — В чем проблема? При чем здесь дорога в Парди?

— Там мы должны найти сокровища, — объяснил Говард.

— Ну, Гаубица, черт возьми!

— И их должна найти именно Анжела. Планшетка сказала, что она приведет нас к ним.

— Опять эта планшетка! — взвилась Кори.

— Мы столько уже прошли, — спокойно произнесла Лана — Если Анжелы не будет с нами завтра на дороге в Парди, мы можем упустить свой шанс. Возможно, мы их и не отыщем. Ну, а вдруг найдем. И если она останется здесь, это может повредить нам всем. А в поисках сокрови-

вищ Батлера мы столько уже вытерпели.

— Да, — пробормотала Кори. — И посмотрите, через что нам с Чедом довелось из-за них пройти.

— Мы не знали, что кто-то пострадает.

— Когда балуются с планшеткой, всегда кто-то страдает.

— Спросите Анжелу, жалеет ли она о том, что мы сели за планшетку?

— Мы нашли скелет моей мамы, — сказала Анжела. — В шахте. Тот тип... он жил с ним. — Она подошла к одному из рюкзаков. К тому, который был без спального мешка и с отдувающимся верхом. И, расстегнув клапан, откинула его.

Увидев перед глазами череп, Кори почувствовала, что у нее перехватывает дыхание. Из рюкзака торчала голова, высоко посаженная на длинном стебле позвоночника. Словно выглянула, чтобы осмотреться. Без волос, без кожи, без глаз, с отвисшей челюстью.

Ахнув, Дорис зажала себе рот рукой.

— Господи, — пробормотала Кори.

— Это моя мать, — объяснила Анжела. — Она

и есть Батлер. Это ее девичья фамилия.

— Она — тот дух, с которым мы общались при помощи планшетки, — продолжила Лана. — Она призвала нас сюда, чтобы мы нашли ее тело. И чтобы они с Анжелой воссоединились.

— И чтобы мы прикончили Губерта Орсона Эллиота, который осквернял ее, — добавил Кит.

— И она пообещала, что завтра мы найдем сокровища. Я сомневаюсь, чтобы это были какие-то злые козни планшетки. Мне кажется, она искренне желает нам добра.

— Твоя мать? — переспросила Кори, с изумлением глядя на Анжелу.

У девушки был такой вид, словно она была готова в любую минуту расплакаться. Поджав губы, она закивала головой.

— Мы отнесем ее вниз, чтобы предать ее тело земле, — сообщила Лана.

— Боже мой! — пробормотала Кори. Подойдя ближе к рюкзаку, она заглянула в него. Насколько было видно, скелет сидел прямо. Целый, недоставало только ног. Кости ног были уложены вдоль грудной клетки, причем стопы покоились

на плечах.

Кори подняла клапан и прикрыла скелет.

Повернувшись к Анжеле, она промолвила:

— Тебе лучше пойти с остальными.

— Если Говард остается, я не пойду.

Когда Кори обняла девушку, та прижалась к ней, уткнувшись лицом в шею. Остальным Кори сказала:

— Я отлично справлюсь сама. Только не отправляйтесь на поиски сокровищ, пока не известите власти обо всем этом. Надо, чтобы спасатели прибыли сюда не позднее завтрашнего дня.

— Мы позаботимся об этом в первую очередь, — пообещала Лана.

— Вы не могли бы оставить пару спальных мешков? Еще нам понадобится немного еды и воды. И, конечно же, веревка. С нами все будет в порядке.

Глава 30

Склон, по которому они спускались, лежал в тени. Когда группа достигла лагеря у озера, Лана предложила отдохнуть и перекусить.

Отделившись от всех, Говард направился к озеру. Ему хотелось отыскать на горе доктора Дальтон.

Но мешали деревья. Отсюда видна была лишь вершина пика. Последние лучи вечернего солнца позолотили его, а несколько клочковатых облачков, висевших вокруг, уже отсвечивали алым.

Говард убеждал себя, что поступил правильно, отправившись со всеми вниз, но мысль о том, что доктор Дальтон осталась там, на узкой тропе, одна, терзала его.

«Не одна, — успокаивал он себя. — А с Чедом».

А я с Анжелой. Так оно и должно быть.

Но он знал, что все еще любит Корин, несмотря на то, что за эти дни многое изменилось, и переживал, словно там, на горном склоне, осталась частица его самого. Вне всяких сомнений, солнце теперь от нее отвернулось. Здесь, в до-

лине, поднялись холодные ветры, а там, наверху, они, вероятно, и сильнее, и холоднее.

Он и Дорис оставили ей свои рюкзаки. Он не взял ничего, даже спортивной кофты, оставив все для доктора Дальтон. Интересно, надела ли она уже его куртку? У Говарда сразу же поднялось настроение, когда он представил Кори в ней. Возможно, она не пренебрежет и его спортивными брюками. Они подойдут ей больше, чем все, что она могла бы найти в рюкзаке Дорис.

Сзади приблизилась Анжела и обняла его за талию.

— Ты жалеешь, что не остался с ней?

— Только не без тебя.

Когда она прижалась к нему, Говард почувствовал спиной ее груди.

— Мне очень хочется надеяться, что с ними все будет хорошо, — промолвила она. — Во всем этом виновата я одна.

— Никакой твоей вины в этом нет.

— Нет, я виновата во всем. Если бы не моя мама, мы бы вообще сюда не пришли. Складывается впечатление, что она использовала вас всех,

понимаешь? Только для того, чтобы вы привели меня сюда.

Говард обернулся. На Анжеле была ветровка, которую он ей купил. Нараспашку. Он запустил в нее руки и притянул девушку к себе. Тенниска на спине была слегка влажной.

Поодаль на поляне Лана склонилась над своим открытым рюкзаком и что-то в нем искала. Стоявший рядом Кит наблюдал за нею. Неподалеку от них лежал на спине Глен, возле него сидела Дорис и разрывала пачку печенья.

Никто не смотрел в их сторону, и Говард поцеловал Анжелу в губы. Та тихо застонала и стала тереться об него. Через несколько секунд он плавно отнял губы.

— Знаешь что? — спросил он.

— Что?

— Я не переставая думаю обо всем этом. Все время, пока мы спускались. И все это мне представляется очень странным.

— Ты мне будешь рассказывать.

— Особенно то, что касается Батлер. Ты помнишь это «ты дай» на вечеринке? Батлер заста-

вила тебя снять блузку. Прямо перед всеми. Довольно странно, если учесть, что она твоя мать.

— Я бы даже сказала, что это не укладывается в голове.

— Вначале я подумал, что она, видимо, хотела отвести от тебя подозрения. Чтобы представить тебя жертвой и никто не заподозрил, что она на твоей стороне. Но потом мне в голову пришла другая мысль. Хочешь знать мое мнение, почему она это сделала?

— Почему?

— Чтобы вовлечь меня. Чтобы я... наконец-то тебя приметил.

Анжела тихо рассмеялась, и Говард почувствовал, как вздрагивает ее тело.

— Значит, чтобы ты смог меня увидеть в бюстгальтере?

— Ну да. И это сработало, черт побери! До того момента я и представить тебя не мог в качестве... — он почувствовал, как начинает краснеть, — кандидатки на роль своей девушки.

— Ты считаешь, что она выступила в роли сводни?

— Да, я так думаю. Мне кажется, она знала о твоём одиночестве. Возможно, даже увидела во мне такого парня, который. . . — Он пожал плечами. — Быть может, она догадывалась, что нам будет хорошо вместе, поэтому и посодействовала. И это еще не все. Благодаря поискам этих сокровищ ты вырвалась от этого Скеррита.

Говард почувствовал, как напряглось ее тело.

— Тебе обязательно было вспоминать о нем? — пробормотала она.

— Ты к нему не вернешься. Я не позволю тебе. С этого момента ты всегда будешь со мной. Что бы ни случилось. Так что не волнуйся о нем, ладно? Все это было частью плана твоей матери. Она хотела, чтобы мы полюбили друг друга, и, я уверен, она хочет, чтобы ты жила со мной и позабыла о Скеррите.

— Следует ли нам расспросить обо всем этом планшетку?

— Думаю, сейчас лучше вернуться в лагерь и поесть.

— Ладно. — Она слегка прижалась к нему, затем взяла за руку.

Вместе они поднялись вверх по склону и присоединились к компании.

— Опять облизывались? — окликнул их Кит, откусывая кусок шоколада от плитки.

— При первой же возможности, — ответила Анжела.

Лана, перепрыгивавшая с ноги на ногу в попытке натянуть джинсы, проронила:

— Погодите, мы сейчас выудим вам что-нибудь пожевать. — Ее шорты валялись на земле, но свисавшие полы рубашки не позволяли Говарду увидеть, в чем же она была одета. Если на ней вообще что-нибудь было. И он нехотя отвернулся.

— Угощайтесь печеньем, — предложила Дорис.

— Клевая штука, — отозвался Глен, и из его рта во все стороны полетели крошки.

Они подошли к Дорис и взяли пару огромных сахарных печений из протянутой коробки.

— Нам надо сделать вот что, — начал Кит. — Проверить их запасы. — Он показал оттопыренным большим пальцем за плечо, словно останавливая попутную машину. На небольшом рассто-

янии за его спиной, к тому бревну, на котором прошлой ночью сидели у костра на дежурстве Говард и Анжела, были приставлены два рюкзака.

— У нас самих достаточно, — возразила ему Лана. Говард рискнул на нее взглянуть и с радостью заметил, что та уже натянула брюки и теперь застегивала ширинку.

— Ну и что? Забавно было бы взглянуть, что там у них.

— Это не наше дело.

— Блин! Да у них осталась половина нашей жрачки.

— Заткнись и ешь, — бросила ему Лана, присела на корточках над своим рюкзаком и достала целлофановый кулек, наполненный плитками «тропического» шоколада. Вынув одну шоколадку для себя, она швырнула кулек Говарду и вновь полезла в рюкзак. — Есть немного высушенных абрикосов и другое дерьмо. Желающие будут?

— Дерьма мне не надо, — заявил Глен.

— Оно у тебя уже из ушей лезет, — поддразнил его Кит.

— А вот от этих абрикосов не отказался бы.

Лана бросила ему пакет, затем вынула упаковку «завтрака туриста».

— Ага, это уже посерьезнее. — Повернувшись к остальным, она нахмурилась. — Знаете, мы могли бы поесть по-настоящему. Ведь нам, в принципе, не к спеху. При сложившихся обстоятельствах мы доберемся до Парди только после полуночи, не раньше, а спасателей пошлют в лучшем случае на рассвете.

— Нам придется развести костер, — промолвил Глен.

— Обойдемся, — проронил Кит.

— И еще нам придется мыть посуду, — добавила Дорис.

Это замечание вызвало улыбку Глена. Она ухмыльнулась в ответ, но сунула руку в его пакет абрикосов и взяла пригоршню.

Вскрывая упаковку «завтрака», Лана, все еще стоявшая на ногах, тоскливо смотрела на озеро.

— Досадно, что мы пришли сюда поздновато для купания. Еще час назад я так надеялась искупаться.

— Ты можешь и сейчас пойти, — заметил Кит.

— Да? И отморозить задницу. Я уже заходила в это озеро после наступления темноты.

— Еще не темно.

— Но очень скоро будет. Нет, не хочу.

— Нет уж, — отозвался Глен, — я не полезу в это озеро ни за какие коврижки. Не прыгну в него, даже если буду гореть.

— Это ты слегка преувеличиваешь, — заметила Дорис.

— А как бы тебе понравилось наткнуться там на своего старого дружка Губи?

Дорис перестала жевать и побледнела.

— А я об этом и не подумала, — пробормотала она, наморщив носик.

— А я подумал об этом в ту же минуту, когда Дорис сказала нам, что он спикировал в поток. Ручей ведь впадает в озеро. Так что он, возможно, прямо сейчас и всплывает в него. — Глен посмотрел на Анжелу, а потом на Говарда. — Вы, ребята, часом не заметили его, а?

— С их шуры-мурами им разве было до этого, — съязвил Кит.

— Вполне вероятно, что он и не доплыл сюда, — предположила Лана. — Он мог застрять в камнях, где-нибудь выше по течению.

— Возможно, — проронил Глен, заталкивая в рот очередной сморщенный диск абрикоса. — С другой стороны, он в любой момент может всплыть где-нибудь тут.

— Он даже может сам выплыть, — подхватил Кит. — Кто сказал, что он мертв?

— Я выстрелила в него дважды, — промолвила Дорис с таким видом, словно неожиданно потеряла интерес к еде. — И он свалился с такой кручи. Да и доктор Дальтон пару раз пульнула в него.

— А попала?

— Не знаю.

— Тогда как мы можем быть уверены, что он мертв?

— Я уверена, — недовольно пробубнила Дорис.

И все головы медленно повернулись к озеру. Но Говард глядел в землю прямо перед собой. До этого момента у него не было ни малейших

сомнений в том, что Губерт мертв. Ведь так сказала им Дорис.

Если даже его не прикончили пули, то dokonало падение. Если он и долетел до ручья живым, то скорее всего утонул или разбился насмерть о камни, проплывая пороги.

«Он должен быть мертвым», — убеждал себя Говард.

А что, если нет?

— Да перестаньте, ребята, — взмолилась Лана. — Никто не смог бы выжить после такого. — Но, судя по выражению ее лица, она и сама не верила своим словам.

— Слышали когда-нибудь о Распутине, сумасшедшем русском монахе? — подлил масла в огонь Кит. — Этого сукиного сына отравили мышьяком, потом изрешетили пулями, потом проткнули пару миллионов раз кинжалом и бросили в воду, а он все никак не хотел отдавать Богу душу.

— Получил взбучку, а она ему до ручки, — сострил Глен.

У Говарда вырвался стон, и все оглянулись на

него.

— Какие проблемы, Гаубица?

— Может, пару человек должны подняться назад и остаться с доктором Дальтон?

— Спустись на землю, — бросил Кит.

— А что, если тот тип жив?

— Если и жив, — заметила Лана, — в чем я очень сомневаюсь, то определенно не в том состоянии, чтобы вскарабкаться на такую кручу.

— Но, если хочешь, тебя никто не держит, — добавил Кит. — Анжела останется с нами, а ты можешь идти.

— Все одно это будет напрасной тратой времени, — вставила Дорис. — Тот парень мертв, и я его убила.

— А голос у тебя такой, словно тебя это до сих пор беспокоит, — заметил Кит.

Дорис посмотрела на него исподлобья.

— Убивать людей еще не стало моей привычкой. А скольких уже убил ты?

— Этот, во всяком случае, получил по заслугам, — сказала Лана.

— Легко тебе говорить. Это ведь не ты его

пристрелила.

Глен положил пакет с абрикосами на колени, потянулся и взял Дорис за руку. Говард ожидал, что та выдернет руку и нагрубит. Но она лишь посмотрела Глену в глаза. Рука ее осталась в его руке, а рот так и не открылся.

— Тебе ничего не оставалось.

— Я понимаю, но все равно чувствую себя гадко.

— Это был подонок, — заметил Кит. — И, если он мертв, ты оказала миру неоценимую услугу.

— Да, как же.

— Ты поступила правильно, — поддержал его Глен. — Это большое счастье, что ты оказалась там, да еще и с револьвером. Если бы ты пошла с нами, он, скорее всего, убил бы Корин. А затем наверняка пошел бы к своей шахте и наткнулся на нас.

— Тогда бы нам пришлось прикончить этого ублюдка, — сказал Кит.

— Но и с нашей стороны могли быть жертвы, — добавила Лана.

— Надо полагать.

— Мы действительно твои должники, — заключила она.

— Может, следует выделить Дорис дополнительную долю из сокровищ, — предложил Глен.

— Я поддерживаю это предложение, — вставил Говард.

Анжела кивнула головой.

— И я тоже.

— Мне не нужно больше, чем всем, — возразила Дорис. — Тем более не за убийство человека.

— Хорошенькое дельце, — заметил Кит. — От такой щедрости меня с души воротит.

Когда все поели, Лана встала и заявила:

— Мне кажется, нам лучше взять палатки с собой.

— Они замедлят наш спуск, — возразил Кит.

— Ты ведь не хочешь бросать здесь свою палатку, Глен? — спросила она.

— Конечно же, нет.

— Так мы их можем никогда больше не увидеть.

— А разве мы не вернемся сюда со спасате-

лями? — поинтересовался Говард.

— Кто его знает? А вдруг нам не разрешат. Или они пойдут другим маршрутом.

— А возможно, полетят на вертолете, — вставил Глен.

— Во всяком случае, вряд ли станут возиться с нашими палатками, а мне не особенно хотелось бы возвращаться сюда за ними.

— А как насчет этих? — спросила Анжела, кивая головой в сторону двух рюкзаков. — Если мы не собираемся возвращаться, не следует ли нам взять их с собой?

— Успокойся, — буркнул Кит.

— У меня и Дорис нет никакой поклажи, — заметил Говард.

Он ожидал, что Дорис запротестует, но та сказала:

— Я не против. Могу взять рюкзак доктора Дальтон, если ты возьмешь рюкзак Чеда.

Ему самому хотелось понести рюкзак Кори. Было бы приятно нести на спине ее груз и оказать ей услугу. Но, начни он спорить, его могли бы неправильно понять.

— Я возьму тот, который тяжелее, — ответил он.

— Что ж, справедливо.

— Погодите, давайте минуту подумаем, — предложила Лана. — Потому что это может оказаться медвежьей услугой. Что, если Кори понадобится что-нибудь из вещей и она спустится за ними?

— Мы оставили ей предостаточно, — заметил Глен.

— Да, но кто знает? Быть может, возникнет какая-нибудь задержка с помощью, и у них закончится еда. Это маловероятно, но все может произойти. Если мы оставим их рюкзаки здесь, по крайней мере, будут какие-нибудь запасы и вещи, которые она сможет использовать.

— Правильно, — поддержал Кит.

— Лучше оставить, — согласилась Анжела.

Кивая головой, Говард буркнул:

— Да.

Он не рассматривал возможности задержки спасателей, но вынужден был признать, что все могло случиться. Неожиданно могла разразить-

ся страшная буря и вызвать непредвиденную отсрочку. Или команда спасателей могла оказаться задействованной на других срочных работах и не смогла бы прийти на помощь завтра. Или, в случае использования воздушного транспорта, мог потерпеть крушение вертолет.

Да и мы сами могли бы разбиться по пути в Парди. Что, если мы все погибнем в лобовом столкновении на шоссе, так и не успев вызвать помощь?

Говард понимал, что у него слишком разыгралось воображение. Вряд ли произойдет что-нибудь подобное. Но случиться могло что угодно.

И когда он встал и пошел помогать снимать палатки, Говард представил себе, как доктор Дальтон ожидает на склоне горы спасателей, которые никогда не придут. В конце концов, не дождавшись медицинской помощи, умирает Чед. Еда заканчивается, и она спускается вниз по тропе, изголодавшаяся и убитая горем. И вот достигает озера. Ее рюкзак на том же самом месте, где был оставлен ею. С благодарностью она садится отдохнуть и поесть. А за ее спиной из озера выби-

рается Губерт. Мокрый и голый, если не считать черного гульфика. И как раз в тот момент, когда маньяк хватается ее, появляется Говард и бросается на него с ножом. Перерезает ублюдку горло, и доктор Дальтон, рыдая от счастья, бросается ему в объятия.

«Вероятность этого не больше, чем автомобильной катастрофы», — подумал он.

Но разве не замечательно?

А как же Анжела?

Он посмотрел на сидевшую рядом на корточках и вытягивавшую один из колышков палатки Анжелу. Та повернула голову, и их глаза встретились. И Говард понял, что доктор Дальтон — только для фантазий. Анжела же была для реальной жизни. Для его жизни.

— Подождите минутку, — попросила Лана. — Кто-то был внутри. Змейка расстегнута. — Она уже вытащила колышек с оттяжкой и держала натянутой веревку, поддерживая палатку в вертикальном положении. — Говард, поддержи. Я хочу заглянуть.

— Может, там Губи, — крикнул из-за палатки

Кит.

— Я сам взгляну, — вызвался Говард.

Тревога мелькнула в глазах Анжелы.

— Губерт мертв, — заметила Лана.

Глен и Дорис перестали разбирать другую палатку и посмотрели на Говарда.

Тот остановился в нерешительности, борясь с желанием достать нож.

«Только не у всех на глазах, — подумал он. — Чего доброго, посчитают трусом».

Присев на корточки и приготовившись быстро отпрянуть назад, он поднял одну сторону свисавшего полога. И у него отлегло от сердца.

Залегшего в засаде Губерта там не оказалось.

— Здесь какая-то одежда, — объявил он.

— Тащи ее сюда, — отозвалась Лана.

Протиснувшись в палатку, он опустился на колени.

Половинки полога сомкнулись за его спиной, и в палатке стало темно.

Но, несмотря на почти полный мрак, Говард увидел достаточно, чтобы ощутить трепетное волнение.

На полу лежали туристские ботинки, белые носки, клетчатая блузка, поверх нее тонкий черный бюстгальтер и шорты, из которых выглядывали черные трусики. Похоже, что шорты и трусики снимали вместе.

Одежда доктора Дальтон. . .

Каким образом она здесь оказалась? Не здесь ли Губерт схватил Корин?

Гнев накатил на Губерта. И еще зависть. И чувство вины, когда он представил себя в этой палатке вместе с Корин. словно это он, а не Губерт раздевает ее.

Сидя перед нею на коленях, заводит руки ей за спину, расстегивает бюстгальтер и снимает его. Но груди у нее такие же, как у Анжелы. Небольшие бледные конусы, с огромными торчащими сосками. Он смотрит ей в лицо, и это лицо Анжелы. Чувство вины исчезает. У него перехватывает дыхание, и его распирает от желания, но каким-то образом все это кажется естественным, вполне нормальным, а не чем-то подлым и грязным или какой-то изменой, после того, как место Корин в его мыслях занимает Анжела.

Заталкивая носки в ботинки и сворачивая одежду, Говард подумал о том, когда теперь снова им удастся побыть наедине.

Возможно, еще этой ночью. Может быть, добравшись до Парди и известив полицию, они остановятся в каком-нибудь мотеле. Возможно, удастся взять отдельную комнату, только для них с Анжелой.

С ботинками в одной руке, другой прижимая сверток одежды к груди, Говард выполз из палатки.

Глава 31

— Что ты делаешь? — встревоженно закричал Чед.

— Часы посещения! — крикнула в ответ Кори, опуская ногу в пропасть.

— Ты с ума сошла? Оставайся на месте.

— Не волнуйся.

— Господи Боже мой, и не думай об этом.

Кори, извиваясь, стала сползать вниз. Жесткий гранит давил на живот, задирая кофту. Ветер обдавал холодом спину и бока, но скала все еще хранила тепло солнца. Опустившись чуть пониже, Кори вцепилась в край обрыва и стала водить правой ногой по отвесной скале, пока не нашла опору, которую высмотрела еще до начала спуска.

— Корин, пожалуйста.

— Я знаю, что делаю.

Во всяком случае, надеялась, что знает.

Мысль о том, чтобы спуститься вниз и побыть с Чедом, пришла ей в голову вскоре после того, как ребята ушли. Но вызвала лишь испуг, и Кори загнала ее в глубину сознания, а сама занялась хлопотами о Чедде.

Сначала попросила его отвязаться. Затем подняла веревку и спустила ему флягу. После этого вновь подняла веревку и приготовила целую передачу: «завтрак туриста», печенье, бекон, плитки шоколада, набор сушеных фруктов — все это в плотно завязанной рубашке, позаимствованной из рюкзака Говарда. Когда сверток безопасно опустился на грудь Чедда, она подняла вверх веревку, легла навзничь и поддерживала беседу, пока Чед ел.

И изучала склон в поисках пути вниз.

Оценивая возможные маршруты.

Но все еще не решаясь испробовать.

К чему рисковать? Она могла видеть его отсюда, говорить с ним.

Это почти то же, как быть с ним там.

Но только почти.

Он был всего на двадцать футов ниже ее, но, казалось, находился в далекой стране.

Откуда он мог никогда не вернуться.

Солнце уже давно закатилось за дальние отроги. Скоро здесь будет ночь. Если и дальше откладывать, то темнота погубит все шансы.

Кори понимала, насколько глупо спускаться. Идиотски глупо. Это ничего не даст. Но также знала, что если не сделает это, то проведет одинокую темную ночь на тропе, сожалея об утраченной возможности.

А вдруг за ночь что-то произойдет.

Совсем не хотелось думать об этом. Ночь пройдет. Наступит рассвет, и солнце согреет этот склон горы. И Чед по-прежнему будет там, на узком выступе, живой и в добром здравии, хотя и раненый.

Но ничего нельзя знать наверняка.

В жизни бывает всякое.

Кори чувствовала, что должна спуститься к нему. Сейчас. Хотя бы ненадолго. Хотя бы для того, чтобы побыть с ним несколько минут.

Перед тем, как начать спуск, она приняла меры предосторожности — закрепила страховочную веревку. Веревке Кори не доверяла, сомневалась, что та выдержит ее полный вес и не оборвется, но решила, что она может оказаться полезной в том случае, если ей вдруг не за что будет ухватиться рукой.

Она закрепила один конец веревки за небольшой округлый выступ скалы, в нескольких футах вверх по тропе от того места, откуда свалился Чед, затем протянула другой конец вокруг спины, под мышками и над грудью и завязала. Чтобы узел не попал в лицо, Кори отодвинула его в сторону, к правому плечу.

Затем смотала веревку в моток и положила на край тропы, надеясь, что та будет медленно разматываться по мере спуска. Если она понадобится в качестве опоры, можно будет просто сдернуть ее вниз и натянуть. До этого, однако, она не будет мешать.

Распластавшись на животе, Кори подвинулась назад и перевесила ноги через край.

И продолжала медленно продвигаться вниз, несмотря на протесты Чедда. Веревка разматывалась согласно плану. Пока что-то неожиданно не свалилось ей на голову. От неожиданности Кори ахнула и вжалась в склон. В первое мгновение она подумала, что на нее упала змея. Причем змея огромных размеров. Но затем по голове заскользили кольца, и грязная серая верев-

ка мелькнула перед ее глазами. Царапнув кончик носа, она чиркнула по подбородку и осела на груди.

Большая ее часть приземлилась именно там. Кори почувствовала, что одна петля обхватила шею.

— Черт! — это был не ее голос, а Чеда. — Не двигайся.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Мне кажется, у тебя на шее петля.

— Черт! — На этот раз это был голос Кори.

Но на груди у нее было так много свободной веревки, что она посчитала это пустяком.

И сделала движение вниз.

— Осторожно!

Веревка затянулась. Кори ахнула. Сердце заколотилось. И задрожала, как ей показалось, каждая мышца тела. От страха. И еще от усилий, которые она предпринимала, чтобы удержаться в распятом положении на отвесном склоне.

— Все нормально, — сказал Чед.

— Да, разумеется! — прохрипела она.

— Не паникуй.

— Кто, я?

— Тебе станет лучше, когда ты полезешь вверх.

— Я не могу двигаться.

— Конечно, можешь. Просто испугалась, вот и все.

— И все.

— Расслабься, успокойся, и все будет нормально.

— Эта чертова веревка должна была обеспечить безопасность, а не стараться повесить меня.

— Ну, на то они и веревки, чтобы на них висеть.

— Мне что, можно смеяться?

— Просто немного висельного юмора.

— Ха-ха-ха. Если спросишь, как мне висится, я спущусь и дам тебе по башке.

— По крайней мере это излечит тебя от зависти к мужскому половому органу.

— Чед!

— А теперь, когда ты так хорошо висишь...

— О, ну ты и отвязался. Радости полные штаны. Я знаю, почему ты это делаешь. Просто пы-

таешься отвлечь меня от мыслей о моем гребаном положении.

— И получается?

— Нет!

— Ну, тогда мне, может быть, удастся дотянуться до твоей ноги и слегка подтолкнуть тебя.

— Я что, так близко?

— Не совсем. Но через пару минут я встану и попробую.

— О Боже! — Кори освободила правую руку, подняла ее вверх и перехватила веревку над головой. Подтягиваясь за натянутую веревку, она чуть-чуть приподнялась. Петля ослабилась. Между шеей и рукой веревка слегка обвисла, и Кори протянула ее по затылку и дернула вперед. Веревка ободрала и заломила ухо, обожгла скулу и челюсть. А когда Кори сдергивала ее с лица, оцарапала нос и подбородок.

Но петли не стало.

— Все нормально, — объявила она. — Я ее одолела.

— Слава Богу! А теперь влезай, пожалуйста, назад на тропу, пока ничего больше не случилось.

Кори не ответила. Отпустив веревку, она нашла твердую опору на склоне и подождала, пока восстановится дыхание и пульс. Затем возобновила спуск.

— Корин!

— Расслабься, — бросила она.

— Зачем ты это делаешь?

— Мне так хочется.

Вскоре за правым плечом она увидела Чеда. Тот запрокинул голову назад, чтобы иметь возможность наблюдать за нею. Корин теперь была над ним, ее ступни находились примерно на уровне его тела. Но немного в стороне. Как и предполагалось.

Опустившись еще ниже, она нашла узкий выступ, который заметила еще с тропы. Он был примерно на ярд ниже карниза, остановившего падение Чеда, шириной только в несколько дюймов. Но этого было достаточно, чтобы поставить ноги.

Кори осторожно продвинулась бочком.

— У тебя не все дома.

— Тебе одиноко здесь внизу, а мне там навер-

ху, думаешь, нет?

Она нашла надежную опору для руки на стене над его лицом и, ухватившись за нее левой рукой, вывернулась и наклонилась. Затем оперлась правой ладонью на угол полки над его плечом и приблизила свое лицо к его лицу.

— Ты очень хорошо смотришься в перевернутом виде, — заметила она.

— Ты же упадешь, черт возьми.

— А вот и нет. — Напрягшись, она наклонилась и поцеловала его. Губы у него пересохли и потрескались. Тело Кори стало дрожать от напряжения, и она поняла, что не сможет долго находиться в такой опасной и неуклюжей позе. Но его теплое дыхание проникало ей в рот. И она была рада, что спустилась.

Кори поцеловала его в кончик носа.

Затем поцеловала его глаза, чувствуя трепетание век под губами.

После этого выпрямилась.

— Тебе разве не стало лучше?

— Боже мой, Корин.

Она вспомнила, как целовала его колени, там,

на озере. Как давно это было! Только сегодня днем. И целовала его пенис. . .

— Жаль, что я не могу всего тебя обцеловать, — сказала она. — Но это было бы немножко рискованно. Почти как взгромоздиться тут на тебя.

Он улыбнулся. Или скривился. Кори не была уверена, что именно.

— Я и сам хотел уже попросить тебя об этом.

— Конечно.

— Я серьезно.

— А тебе не кажется, что любовные приключения лучше отложить до. . .

— Я говорю о ноге.

— Что, плохо?

— Нет, болит не очень сильно, но онемела, и невозможно пошевелить ею.

Кори понимающе кивнула. Его правая нога была согнута в колене, икра плотно прижата к тыльной стороне бедра, а щиколотка и ступня попали под левую ягодицу.

Еще раньше, когда Кори была наверху, во время беседы, Чед высказал предположение о том,

что у него, вероятно, сломаны берцовые кости. Ему удалось дотянуться до них и ощупать рукой.

— Закрытый перелом, — объявил он ей. — Торчащих концов костей или чего-нибудь подобного нет. — Тогда Кори сделала для себя вывод, что его ранение не было особенно опасным, и единственную неприятность усматривала в том, что оно делало его неспособным выкарабкаться на тропу.

Теперь же она заволновалась.

— Что я должна сделать? — поинтересовалась она.

— Выпрямить. Вытащи ее из-под меня, если сможешь. Оттого, что я на ней лежу, нарушается нормальное кровообращение.

— Почему ты мне ничего не сказал раньше?

— Ты бы попыталась спуститься.

— Мне можно было и самой догадаться. Ладно, как будем исправлять положение?

— Очень осторожно.

— Да ну тебя! — Провисшая часть веревки доставала до пояса. Правой рукой Кори собрала ее и сунула за пазуху, запихнув под неплотную

страховочную петлю. Уверенная в том, что веревка больше не вывалится и не запутает ее, она наклонилась к Чеду. По обе стороны его головы было достаточно места для одного колена. Его левое плечо и бедро находились вровень с вертикальным склоном. Справа, рядом с его бедром, Кори увидела примерно два дюйма свободного места.

Туда можно было положить правую руку.

— Может, лучше не рисковать? — промолвил Чед.

— Я знаю, что делаю, — ответила она, и внутри у нее все оборвалось, когда со своего места она юркнула на карниз Чед. Судорожно втянув в себя воздух, Кори тихонько взвизгнула.

Когда ее колени опустились на гранит, Кори пошатнулась и почувствовала, как Чед схватил ее, за бедра. Она завалилась вперед, левая рука вцепилась ему в левое бедро, а правая ладонь уперлась в каменный срез справа от него.

— Боже, Боже, Боже! — заахала она.

— С тобой все в порядке. Все нормально.

Переводя дыхание, она пробормотала:

— Черт возьми.

— Ты в порядке?

— Думаю, да. Но лучше не терять времени.

— Тебе будет легче, если я подниму колено?

— Да.

— Я не зашибу тебя, нет? Мне ничего не видно, кроме твоих брюк.

— Только не очень резко.

Его левое колено поднялось к ее лицу. Отпустив бок Чеда, Кори схватилась за поднятое бедро и сильно его сжала. Затем быстро перенесла правую руку от края карниза к правой щиколотке, схватила и потянула его ступню из-под зада. Чед поморщился от боли и ахнул, а его пальцы впились ей в бедра.

Медленно отклоняясь назад, пока ее плечо не коснулось верхушки его колена, она потянула его правую ногу и выпрямила ее. Затем положила правую ладонь на гранит рядом с его бедром.

— Вот и все, — сказала она. — Сделать что-нибудь еще? Наложить шину?

— Из чего?

— Ну, не знаю. Из моих туфель? Можно было

бы использовать твой ремень. . .

— Нет, не стоит. И так хорошо. Это не имеет значения, я ведь не буду на нее опираться. А тебе лучше вернуться назад на тропу, пока еще хоть что-нибудь видно.

Кори подняла голову. Судя по небу, ночная темнота была уже не за горами. Возможно, минут пятнадцать — и станет совсем темно. На склон уже легла густая темно-серая тень.

Она понимала, что надо побыстрее взбираться вверх.

Но уходить не хотелось.

«Если я останусь, — подумала она, — возможно, удастся развернуться и лечь ничком на него. Но если кто-нибудь из нас станет ночью ворочаться. . . » Нет, об этом не могло быть и речи. Не говоря уже о большой вероятности падения, на его сломанную ногу навалится лишний вес. А еще холод. Им обоим нужны спальные мешки, и она с самого начала хотела спустить ему один. Без этого не обойтись.

— Я могу еще что-нибудь сделать для тебя? — спросила она.

— Учитывая наши позы, очень многое. Но ты, вероятно, упадешь, когда попытаешься расстегнуть мою ширинку.

— Вероятно.

— Меня все это время так и подмывает предпринять что-нибудь со своей стороны.

— Ради меня?

— Тебя уже не нужно отвлекать. — Его руки скользнули по тыльной поверхности ее ног и нежно стиснули ее ягодицы через толстые тренировочные брюки. Она ожидала, что между ногами у нее поднимется его голова, собиралась почувствовать его губы. Но его голова осталась лежать. — Тебе лучше идти, — промолвил он.

— Легче сказать, чем сделать.

— А ты не могла бы поставить ступни туда, где сейчас находятся твои колени, и встать?

— Можно попробовать.

— Придерживайся за мое колено и свою веревку.

— Ладно. Проклятье!

— Что?

— Я не хочу покидать тебя.

— Ты должна это сделать.

— Я знаю.

— Ступай, Мария, мой бобрик. Ты пойдешь, и я пойду с тобой. Мы пойдем вместе.

— Прекрати.

— А? Тебе не нравится, как я подражаю Куперу?

— Роберт Джордан погиб.

— А со мной все будет в порядке. Мне действительно станет лучше, как только ты вернешься туда, где должна находиться.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. — И он легонько шлепнул ее по попке. — Мы поженимся еще до того, как снимут гипс с моей ноги. А сейчас иди, ладно?

— Ладно.

Кори высоко подняла руку, схватила веревку и натянула ее. Не особенно доверяя ей, стараясь только удерживать равновесие с ее помощью, она оттолкнулась от поднятого колена Чеда и стала поднимать свое правое, пока подушечка ступни не нашла место на карнизе. Затем повторила эту

операцию с левой ногой.

После этого начала приподниматься.

С большой неохотой Кори отпустила колено Чеда и потянулась к стене. Схватиться там было не за что, но она все равно прижала к ней ладонь, чтобы встать.

Ощущение было такое, словно она нависла над Чедом.

Казалось, его лицо было далеко внизу. Он смотрел на нее серьезно и озабоченно.

— Я сейчас спущу тебе спальный мешок, — сказала она.

— Спи крепко, ладно?

— И ты тоже. Не возражаешь, если я наступлю на тебя?

— Буду только рад.

Развернувшись на левой пятке в сторону горы, Кори оперлась правой ногой Чеду на плечо, но только на один миг. Затем подняла ее вверх, поставила в расселину и начала взбираться.

Глава 32

Говард завалился на заднее сиденье автомобиля со вздохом облегчения. Удивительно приятно было разгрузить натруженные и натертые ноги и наконец-то усесться, к тому же на мягкие подушки, а не на бревно, землю или камень.

Рядом опустилась Анжела. Как только хлопнулась дверца, Говард положил руку ей на плечо.

— Я уже не надеялся, что мы дойдем.

— Да, приятной прогулкой это не назовешь.

— Но, кажется, длилась она не так уж долго.

От озера к машине дорога в основном шла под гору, и по залитым лунным светом петлям серпантина путников подгоняла сила тяжести. Говарду казалось, что его кто-то толкает в спину, отчего приходилось делать более широкие и быстрые шаги, чем хотелось. И все время надо было удерживать себя, чтобы стремительно не понестись по тропе и, чего доброго, не сорваться в пропасть. Это торможение крайне пагубно сказалось на физическом состоянии: пальцы ног буквально расплющивались о носки ботинок, бедренные мышцы превратились в какой-то

вялый дрожащий студень.

Говард понимал, что спуск был еще тяжелее для тех, у кого за спиной подпрыгивал рюкзак. Несколько раз он предлагал Анжеле понести ее рюкзак, но всякий раз его предложение вежливо отклонялось. Зная, что в нем находится, Говард неизменно чувствовал огромное облегчение. Несмотря на то, что скелет принадлежал матери Анжелы, от одного воспоминания о нем ползли мурашки по спине. Но из-за того, что он шел налегке, Говард чувствовал угрызения совести. Он предлагал отдать ему рюкзак и Лане, но та лишь поблагодарила его и сказала: «Все нормально».

Естественно, Кит и Глен не преминули предложить ему поднести их рюкзаки. Но муки совести были не настолько острыми, так что Говард со смехом посоветовал им прибавить шагу.

Эти двое действительно сбежали последний отрезок тропы к подножию горы. Так-то им нужна была помощь. Конечно, к тому времени они, видимо, настолько утомились, что не захотели больше утруждать себя сопротивлением силе тяжести.

— Ты никогда не замечал, — спросила Анжела, — что, когда откуда-нибудь возвращаешься, это всегда кажется быстрее?

— Наше возвращение на самом деле было намного быстрее.

— Да. Это точно, — она тихо рассмеялась. — Я думаю, пальцы на ногах теперь никогда не выпрямится.

— Жаль, что ты не позволила мне поднести твой рюкзак.

— Он не такой тяжелый. К тому же, сам понимаешь, там моя мать.

Лана, Кит и Глен, завершив погрузку автомобиля, сгрудились на переднем сиденье.

— Будем молиться Богу, чтобы эта крошка завелась, — промолвила Лана.

Двигатель несколько раз чихнул и заглох. Затем радостно заурчал. Лана увеличила обороты, и он взревел.

— Где Дорис? — поинтересовалась Анжела.

— Отошла по-маленькому, — проронила Лана.

— Вот наша единственная возможность потерять ее, — бросил Кит.

— Пошел ты к хренам собачьим! — рявкнул Глен.

— Эй, это всего лишь шутка.

— И шутки твои туда же. Понял? Она спасла Лану вчера ночью, а сегодня — доктора Дальтон. Нормальная девчонка. Даже лучше, чем нормальная. И заслуживает уважения.

— Мне каэца, ты в нее втюрился, во чо мне каэтца.

— Ну так что, если и так? У тебя какие-нибудь проблемы?

— У кого, у меня?

— Тогда брось свои шуточки. Прямо сейчас. Усек?

— Конечно, конечно. Ты — босс.

— Ладно тебе.

Через несколько секунд вернулась Дорис. Она забралась в машину и села рядом с Говардом. Не успела закрыться дверь, как Лана стала сдавать назад. Объехав машину Корин, она включила переднюю передачу и вывернула руль в другую сторону.

Повернувшись, Говард посмотрел в заднее

стекло. В темноте нетронутая лунным светом машина была совершенно черной и напоминала припавшего к земле зверя.

— С ними все будет в порядке, — проронила Анжела.

— Кому-то из нас следовало остаться, — пробормотал Говард.

— У тебя был шанс, Гаубица.

— В это время завтра ночью, — вмешалась в разговор Лана, — Чед и Кори лягут в каком-нибудь уютном мотеле и займутся любовью.

— Забавляясь игрой в «спрячь колбаску», — не удержался Кит. — Разумеется, Дальтон придется быть сверху.

— Какой же ты кретин, — обронила Дорис.

— Эй, Глен хочет, чтобы я был с тобой полубезнее. Не усложняй мне задачу.

— Тогда прекрати отпускать свои сальные шуточки. Это совсем не смешно.

— Я лишь пытался своим исключительно кретинским способом унять тревогу Гаубицы о безопасности нашей профессорши.

— Все равно, не смей говорить о ней подоб-

ным образом.

— Да пошел ты...

— Сам пошел...

— Почему бы вам всем не заткнуться, хотя бы ненадолго, — попросила Лана. — У меня от вас голова болит. Ну и дорога. Сущая пытка. Давайте посидим хоть немного мирно и тихо.

— Слышали, о чем попросила леди? — Кит оглянулся через плечо. — Эй, вы, там, на галерке, а ну-ка прекратите нытье. — Он повернулся вперед и, тихо хихикая, опустился на свое сиденье.

Когда Анжела сжала ногу Говарду, он поглядел на нее. Хотя от жестокой тряски ее лицо превратилось в скачущее и вибрирующее расплывчатое пятно, ему показалось, что она улыбается. И он потянул ее к себе. Чтобы рука не мешала, Анжела подняла ее, завела ему за спину и стала нежно поглаживать его по пояснице. Они подскакивали, раскачивались и сталкивались.

Вскоре Говард услышал похрапывание Дорис.

Поразительно. Как можно уснуть, когда так трясет и кидает?

Он и сам смертельно устал и сожалел о том, что не может заснуть. Но если ему суждено бодрствовать, все было не так уж и плохо. В машине темно и тепло, и он обнимал Анжелу.

Они попытались поцеловаться, но только больно ударились.

— Ты в порядке? — прошептал он.

— Кажется, да. А ты? Губу не рассек? Зубы не повыбивал?

— У меня все нормально.

— Попробуй здесь.

И она показала пальцем. Говард легонько дотронулся губами к щеке. Слегка вибрировавшая кожа была гладкой и теплой. Машину внезапно бросило в сторону, и скула ударила его по носу.

— О, с тобой все в порядке?

Говард схватился за нос. Глаза заслезились.

— Кровь идет?

Он шмыгнул носом, покачал его из стороны в сторону, затем приложил пальцы к ноздрям.

— Нет, не похоже.

— Лучше и не пытаться.

Говард отвернулся в сторону. Никто на них

не смотрел. Хотя Дорис продолжала храпеть, Говард не был уверен в том, мог ли кто-нибудь спереди слышать их. Скорее всего, нет. Во-первых, шум мотора, затем скрип и глухие стуки подпрыгивающего автомобиля. Потом еще скрежет камней под колесами, хруст и треск больших и маленьких веток, шишек и всякого иного переезжаемого мусора.

— Давай не будем, — шепнул он.

— Не будем что?

— Останавливаться.

— Я не хочу, чтобы ты поранился.

— Будем осторожнее.

Анжела кивнула и, наклонившись вперед, стала стаскивать с себя ветровку. Говард помог ей освободить руки из рукавов. Пока держал куртку, она сунула руки за спину под тенниску. Когда до Говарда дошло, что она делает, у него захватило дух и участился пульс.

Руки Анжелы тем временем вернулись вперед. Она откинулась на сиденье, взяла у Говарда куртку и прикрылась ею.

Развернувшись боком, Говард бережно завел

левую руку ей за голову, а правая рука скользнула под нейлоновое покрывало. Там она встрети­лась с рукой Анжелы, и они вместе освободили тенниску из тренировочных брюк.

Но не только вытащили рубашку — они еще и подняли ее вверх.

Рука Говарда заскользила по шелковистой теплой коже живота. Он старался гладить очень нежно. Иногда покачивания машины отрывали руку. Иногда сильные толчки бросали девушку на его руку или сотрясали его так, что ладонь резко съезжала в сторону.

Постепенно рука поднималась все выше и выше.

То же можно было сказать и о руке Анжелы, лежавшей на его бедре.

Дрожа и задыхаясь от волнения, Говард ласкал ее под левой грудью. Не терпелось потрогать грудь, но он никак не мог решиться на это.

«Глупо, — твердил он себе. — Прошлой ночью мы занимались с ней любовью. По полной программе».

Но грудь была словно тайное сокровище. И

он боялся к ней прикоснуться.

«Она сама хочет, чтобы я это сделал, — убеждал он себя. — Она и прикрылась курткой для того, чтобы я смог это сделать. Даже расстегнула бюстгальтер. Куда уж очевиднее».

И все же он колебался.

Пока рука Анжелы не переместилась к нему в пах и нежно погладила через брюки пенис.

Говард выгнулся и еле сдержался, чтобы не застонать.

И подвел ладонь снизу под грудь. Такая гладкая и теплая... Легонько обернув ее ладонью, он почувствовал, как та дрожит. От неожиданного резкого толчка машины грудь легонько шлепнула по ладони.

«Это невероятно, — подумалось ему. — То, что мы делаем такое, прямо здесь в машине. И никто ни о чем не догадывается».

И тут он заметил, что рука Анжелы больше не гладит его. Ему стало интересно, почему она остановилась. И он решил, что знает причину: чересчур возбудилась. Все его внимание сосредоточилось на груди и руке.

Или, возможно, она почувствовала, что так недолго и контроль над собой потерять.

Хорошее предзнаменование.

Словно прочитав его мысли, Анжела отняла руку от паха и начала гладить его бедро.

Следующий толчок машины — и ее грудь мягко шлепнулась в его ладонь.

Анжела застонала, когда его большой палец, подвинувшись вверх по склону, коснулся изогнутого краешка твердой плоти, прочертил полукруг по периметру и затем скользнул на нее. Волнистый набухший конус вздымался круто вверх, завершаясь вертикально торчащим столбиком. Говард медленно провел по нему пальцем, нашел его закругленный кончик, погладил, нажал — тот согнулся, а Анжела ахнула, затрепетала и сжала его ногу. Заволновавшись, Говард снял с соска палец, и тот подскочил вверх, как на пружине.

— Тебе больно? — прошептал он.

— Нет. Боже, нет. Было так замечательно.

«Это, пожалуй, даже лучше, чем вчера ночью», — подумал он, снова подводя к груди указательный палец и используя его вместе с боль-

шим, чтобы насладиться ощущением соска и возбудить его.

Ночью было здорово. Лучше, чем здорово. Но тогда было неистовство страсти, спешка — и все быстро кончилось. Сейчас же совсем по-другому — медленное исследование контуров, фактуры и реакций. Они не могли делать ничего иного, как только тайно прикасаться друг к другу. Здесь, в машине, в присутствии такой аудитории, другое было просто немыслимо. Зато это могло длиться вечно. Или, по крайней мере, до тех пор, пока не проснется Дорис или не обернется кто-нибудь из сидящих спереди. Если повезет, это может продолжаться до тех пор, пока они не выедут на главную дорогу.

Что случится никак не раньше, чем через час.

Целый час, возможно, и дольше.

Большой промежуток времени. Но не такой уж и большой, если разобраться. Говарду показалось, что этого времени не хватит даже на одну грудь. А была еще и другая. А еще эта глубокая аппетитная впадина между ногами.

Позволит ли она запустить туда руку.

Скорее всего, да.

А что она сделает? На что отважится?

И Говард накрыл ладонью мягкий холмик: сосок торчал между слегка растопыренными пальцами. Когда он нежно свел ладонь, Анжела выгнула спину и с присвистом втянула воздух. Кончики ее пальцев буквально впились ему в колено.

Машину раскачивало и подбрасывало в разбитой колее грунтовой дороги, а Говард продолжал ласкать грудь Анжелы. Он водил по ней рукой, гладил и тискал, держал в ладони, наслаждаясь ощущением гладкой тяжести, трясущейся и подпрыгивающей вместе с автомобилем, нежно пощипывал и подергивал за сосок. Иногда Анжела сидела смирно с закрытыми глазами, а иногда вздыхала, ахала и ерзала. Свою руку она держала подальше от его паха, как будто чувствуя, что малейшее прикосновение может вызвать взрыв.

Ощущения, испытываемые Говардом от прикосновения к ее груди, приобретали почти невыносимую остроту. И время от времени, приближаясь к пределу, он убирал руку, чтобы немного

успокоиться.

Вспомнив о том, что их время истекает, Говард переключил внимание на правую грудь. Хотя едва ли та особенно отличалась от левой, ее изгибы и фактура показались волшебными: свежими и волнующими. И она была ближе к нему, к ней легче было дотянуться.

Говард держал грудь в чашечке своей ладони, ощущая, как та дрожит в его руке, когда Анжела подняла руку и сдвинула куртку ровно настолько, чтобы обнажить его руку и грудь под ней. Взгляд на передние сиденья убедил Говарда в том, что никто на них не смотрит. Его соседка, Дорис, продолжала храпеть. Говард посмотрел на расплывчатое пятно лица Анжелы. Выражения он не рассмотрел, но увидел, что девушка кивнула.

Говард опустил взгляд. Тенниска Анжелы и спрятанный в ней бюстгальтер образовывали пухлый валик как раз над грудью. Его рука выглядела очень темной на фоне бледной кожи. Он опустил ее вниз, чтобы не портила ему вид.

Потому что теперь он не мог оторвать глаз от кремового холмика с темным конусом и столби-

ком. Он наблюдал за его мелкой дрожью, ощущал, как тот отскакивает от его ладони. Смотрел, как кончики пальцев скользят по склонам, смотрел, как нажимают, чувствовал, как поддается кожа, но затем пружинисто расправляется, чуть только давление ослабевает.

Будь здесь побольше света.

Будь они одни. . .

Наклонившись, Говард прижался щекой к смятому гнезду, образованному рубашкой и бюстгальтером, поцеловал верхнюю часть груди, затем повернул голову и с некоторым усилием опустил ее чуть ниже. Лизнув сосок, он затолкал его языком в рот, плотно сжал вокруг него губы и принялся сосать. Анжела, вся дрожа, утопила пальцы в волосах у него на затылке и крепко прижала его к себе. Тогда Говард втянул в рот столько груди, сколько поместилось, и начал исследовать ее языком и зубами. Она была пружинистой и теплой, скользкой от слюны.

Ему показалось, что его пенис вот-вот порвет брюки и начнет пульсировать и стучать, как сердце.

Только не сейчас!

Ты еще не спустился туда, вниз!

Рука Говарда скользнула вниз по животу девушки, под эластичный пояс тренировочных брюк. Когда он попытался просунуть кончики пальцев под тоненький поясок трусиков, Анжела за волосы оттянула назад его голову и прошептала:

— Нет, не надо. — Влажно хлюпнув, грудь вывалилась у него изо рта.

Смутившись и обидевшись, Говард внезапно весь сник. Выпрямившись, он увидел, что Анжела отодвинула ветровку в сторону, чтобы прикрыть грудь.

— Что случилось? — прошептал он.

Она покачала головой.

— Анжела?

— Извини.

— Что я сделал не так?

Она снова покачала головой. Затем повернулась к нему. Ветровка упала с плеч на колени, и Говард увидел, что она уже опустила тенниску вниз. Из-за бюстгальтера та причудливо оттопы-

ривалась на груди.

Анжела положила руку ему на затылок и притянула его к себе, прижавшись щекой к его щеке.

— Мне действительно жаль, — прошептала она, щекоча своим дыханием его ухо. — Я очень не хотела тебя останавливать. Мне это так нравится, и я люблю тебя. Но... я чувствую себя очень неловко.

— Что?

— Я боюсь... я не могу позволить тебе трогать меня. Только не там.

— Все нормально, — шепнул он.

Но Говард был подавлен. Что было не так? Прошлой ночью она не жаловалась. Они занимались любовью — ни много ни мало. Так почему же, ни с того ни с сего, она теперь запрещает трогать себя?

Из-за того, что могут узнать другие?

Как так? Она ведь даже показала мне грудь. Если боялась, что Кит или Глен повернутся, то почему это сделала?

— Ты что, расстроился? — прошептала она.

— Нет.

— Я сумею чуть позже утешить тебя.

— Да все в порядке, честное слово.

— Беда в том... — Она замялась. — Я испугалась, что если ты... А я так сильно хочу в туалет.

— Что?

— Вот почему. Иначе я бы просто не смогла удержаться.

Тяжелый камень свалился с груди Говарда, и он рассмеялся. Анжела нервно заерзала, рука поднялась к лицу и она потерла ухо.

— Совсем не смешно, — шепнула она.

— Давай попросим их остановить машину.

— Мне не хотелось бы делать из этого большую проблему.

— Но если тебе надо выйти...

— Я могу подождать еще немножко. Мы должны быть уже почти... на ровной дороге будет не так тяжело. Возможно, я смогу потерпеть, пока мы доедем до города.

— Такое не следует откладывать.

— Парни будут насмехаться. Ты же знаешь.

— Если тебя беспокоит только это, я скажу,

что выйти надо мне.

— Давай лучше. . .

Толчок встряхнул машину. Анжела застонала и схватилась за Говарда, когда их подбросило вверх и они рухнули вниз с такой силой, что подушки сидений заскрипели под тяжестью их тел.

— С тобой все в порядке? — поинтересовался он.

— Еще удерживаюсь.

— Я сейчас им скажу. . . — Он почувствовал, как машина повернула вправо, и ощутил неожиданное и удивительное спокойствие. Автомобиль покатил без рывков и толчков. Выглянув поверх макушки Кита, Говард увидел, что они выехали на шоссе.

— Слава Богу, — вздохнула Анжела.

— Ты все еще намерена терпеть до города? Туда, насколько мне известно, не менее десяти миль.

— Думаю, лучше потерплю. Если получится.

За спиной раздался храп Дорис. Затем она коротко ахнула и промурлыкала:

— А?

Анжела отпустила Говарда и подтянула ветровку вверх. Они вдвоем откинулись на спинку сиденья. Говард посмотрел на Дорис. Та протирала кулаками глаза.

«Удивительно, — подумал он. — Проспала такую тряскую дорогу, чтобы проснуться, как только машину перестало подбрасывать и раскачивать».

Дорис потянулась, затем повернулась и посмотрела в окно.

Говард отвернулся к Анжеле. Ветровка, прикрывавшая ее, ожила подвижными бугорками, когда та подсунула под нее руки, чтобы вернуть бюстгальтер на место. Руки ушли, остались только бугорки-двойняшки, выпятившие ткань, когда Анжела изогнулась дугой, чтобы застегнуть на спине застёжки. Закончив, она тяжело опустилась на сиденье и похлопала Говарда по колену.

— Думаю, нам лучше. . .

— Эй! — вскрикнул Кит. — А вот кому-то чертовски не повезло.

— У них не такой надежный и неукротимый стальной конь, как мой, — заметила Лана.

— Спустило колесо, — проронил Глен.

За головой Дорис в окне Говард увидел темные очертания застывшего автомобиля.

— Слава Богу, мы не пробили ни одного колеса, — промолвила Лана. — Меня удивляет, как мы вообще остались с колесами после этой чудной дорожки.

— Нельзя ли съехать на обочину, — попросил Говард. — А то у меня скоро зубы поплывут.

— Высунь его из окна, — предложил Кит.

— Я серьезно.

— Мне бы тоже не помешало кой-куда сходить, — сказала Лана. Машина стала замедлять ход, свернула вправо и слегка накренилась, когда одна сторона съехала с проезжей части на обочину. Прохрустев несколько футов, она остановилась. — Все, кому надо сходить, — объявила Лана, — пусть сделают это сейчас. Потому что до города ехать еще минут двадцать.

Все четыре двери «Гранады» распахнулись.

Говард вышел из машины вслед за Анжелой. Пока она просовывала руки в рукава ветровки, он закрыл дверцу и увидел, как Лана сдвигается по

переднему сиденью. Затем Анжела потянула его за руку, ведя в кусты на другой стороне дороги.

— Тебе не надо будет смотреть, — задыхаясь, прошептала она. — Просто постоишь рядом.

— Куда это вы, друзья, направляетесь?

Говард обернулся. Лана стояла возле машины и поверх нее глядела на них. Дорис ожидала рядом. Кит и Глен, обходя машину спереди, оглянулись через плечо.

— Извращенцы! — выкрикнул Кит.

Глен рассмеялся и покачал головой.

— К черту их! — бросила Анжела и, не выпуская его руки, нырнула в густой подлесок сразу за обочиной дороги. Ближайшая группа деревьев стояла слева. Она побежала к ним. Говард бежал рядом.

Почти у самых деревьев они перепрыгнули через глубокую колею: одновременно оттолкнулись от центрального возвышения и перемахнули через вторую рытвину.

Затем Анжела отпустила его руку и, подскокив к соседнему дереву, спряталась за ствол. Но полностью скрыться из виду не удалось: дерево

было тонким.

Говард увидел правый бок, серый, в пятнах лунного света, когда она стянула тренировочные брюки на щиколотки, прогнулась назад и села на корточки.

Ветровка зацепилась за ствол и задралась. Затем Говард мельком увидел изгиб попки и боковую сторону согнутой ноги. Когда послышался плеск, он отвернулся.

Затем расстегнул ширинку и вынул вялый пенис.

Хотя он знал, что Анжела достаточно близко и могла все увидеть и что сама она сейчас без штанов, сексуального возбуждения Говард не испытывал.

«Перевозбудился», — подумал он и направил струю в ближайшую колею.

«Он так долго стоял, — успокаивал себя Говард, — что выдохся».

Закончив, он стряхнул последние капли, заправился и застегнул змейку.

Анжела все еще не поднималась.

Он стоял к ней спиной и не чувствовал ника-

кого желания посмотреть на нее, что показалось ему странным. Никакого сексуального влечения. Вместо этого его охватило сильное чувство нежности. И близости. словно она была лучшим другом, а не его девушкой. Они были приятелями, которые заскочили в лесок, чтобы быстренько отлить.

— Дело сделано, — объявила она, и Говард услышал звуки ее приближающихся шагов. — Как же я себя теперь здорово чувствую, черт возьми!

Она похлопала его по заду, и он усмехнулся.

— Это хорошо, что мы остановились именно сейчас.

— Как раз вовремя, я бы сказала.

Они повернулись друг к другу, и Анжела обвила его шею руками. Говард крепко прижал ее к себе и поцеловал в открытые губы. Девушка дрожала.

— Холодно? — прошептал он.

— Сейчас уже не так. Ты хочешь это... Ну, ты знаешь.

— Здесь.

— Ага.

— Боже.

— Если мы сделаем это быстро.

— Как быстро?

— Очень быстро. Потому что остальные скоро начнут волноваться за нас.

— Не знаю. Я хотел бы, но...

— Наверное, это не очень удачное предложение.

— Нам придется действительно поторопиться. Намного приятнее, когда никуда торопиться не надо.

— И в теплом месте.

— На кровати.

— Я могла бы подождать, если ты сможешь.

— Может быть, мы сегодня попадем в мотель.

— Хотелось бы надеяться. Уже очень поздно.

Кстати, который час?

Говард выпустил ее из объятий и шагнул назад. Затем нажал кнопку подсветки циферблата на часах.

— Четверть первого.

— Мы потратили совсем немного времени.

— И совсем неплохо его провели.

— Последняя пара часов, несомненно, были наилучшими, — она взяла его руку и пожала ее. — Думаю, нам лучше вернуться к машине, да?

— Согласен.

Анжела шагнула к ближайшей колее. Говард потянул ее в сторону.

— Лужа, — предупредил он.

— О, — она тихонько рассмеялась.

Говард обвел ее мимо мокрого участка.

— Здесь уже безопасно?

— Вероятно.

Ступив в колею, Анжела затем поднялась на возвышение центральной полосы и пошла по ней. Говард шел рядом с ней, только по колее.

— Я тебе нравлюсь высокая? — спросила она. Глаза ее были на одном уровне с его глазами.

— Ты выглядишь по-другому. Но мне не хотелось бы, чтобы ты как-то менялась.

— Совсем?

— Ты — само совершенство.

— Сиськи слишком маленькие.

— Они мне очень нравятся.

— Может быть, когда отыщем сокровища и разбогатеем, я смогу сделать имплантанты. Ну, знаешь, увеличить их.

— Нет! Ты шутишь?

— Тебе разве не нравится... Странно.

— Странно, ну и пусть. Они...

— Я не о том. — Остановившись, она подняла его руку своей рукой и выкинула ее вперед, словно указывая. — Взгляни.

Говард повернул голову вперед.

Не более чем в десяти футах перед ними колея, казалось, заканчивалась. До этого Говард не обращал на нее большого внимания, но в самом начале подумал, что она выведет их на главную дорогу. Однако, как раз на опушке леса, дорогу им преградила куча веток и прутьев.

— Можно обойти, — сказал он и потянул Анжелу за руку. Но она уперлась.

— Нет, подожди. Тебе не кажется это странным? Говард пожал плечами.

— Давай посмотрим. — Отпустив его руку, Анжела подбежала к преграде. Присев на корточки,

она потянула за одну ветку и вытянула ее к своей ноге. Наклонившись вперед, Анжела сняла с кучи небольшой куст и отбросила его в сторону.

— Что ты делаешь?

Анжела встала и повернулась к нему лицом.

— Ну вот, так я и думала. — Голос ее был тихим и взволнованным.

— Что именно?

— Кто-то свалил все это в кучу. Чтобы замаскировать эту дорогу, понимаешь?

— Ну и что?

— Сокровища. Они должны находиться в стороне от дороги на Парди, верно? Так вот, это и есть ответвление от нее.

— Да, но наверняка существует не менее дюжины других ответвлений. . .

— Кто-то потрудился, чтобы спрятать именно это.

Анжела повернула голову. Говард сделал то же самое. Колея тянулась вдаль и терялась в темноте леса.

— Если мы достаточно далеко проедем по ней, — прошептала Анжела, — я уверена, что мы

найдем автобус.

Глава 33

Застонав, Кори подняла лицо со свернутых тренировочных брюк Дорис. Тропа перед нею была настолько яркой, что в первый момент показалось: наступил рассвет.

Всего лишь лунный свет.

Она буркнула:

— Блин!

Эту ночь можно причислить к самым длинным ночам в ее жизни. Ощущение было такое, словно в спальном мешке она находится уже целую вечность.

Защищая от холода, мешок совсем не спасал от жесткой поверхности тропы, несмотря на то, что Кори подстелила под него куртку и другую одежду.

Стоило повернуться на бок, давило в бедро и плечо и быстро немела рука. Когда она ложилась на живот, начинали болеть колени, сдавливалась грудная клетка и расплющивались груди. Кори, возможно, смогла бы найти некоторое облегчение на спине. Лопатки и ягодицы некоторым образом играли роль подушек, но она расцарапала их до крови, когда Губерт отшвырнул ее и она

проехалась по камням. Достаточно было полежать несколько минут на спине, как ссадины начинали нестерпимо жечь.

Таким образом, за эти часы Кори меняла положение бесконечное число раз. И всегда с большой осторожностью, памятуя о близком соседстве пропасти.

Кори не была уверена, спала ли она вообще. Наверное, урывками, по несколько минут.

Напротив, ей казалось, что все это время она бодрствовала, иногда даже сохраняя способность к трезвому мышлению. Но чаще сознание, помимо воли, переносило ее в мир крайне неприятных и сюрреалистических видений, которые смущали и приводили в ужас. Там, среди странных ландшафтов, ее преследовал Губерт. Голый, блестящий и заливающийся смехом.

Иногда ловил ее.

Однажды даже поднял ее над головой и швырнул со скалы. Камнем падая вниз, она пролетела мимо лежавшего на узком карнизе Чеда и крикнула ему: «До свидания», а тот печально помахал ей на прощание рукой.

В другой раз, поймав ее, Губерт поднимал ее за щиколотки. Все выше и выше. Пока она не увидела перед собой его лицо и широко открытый рот — слишком широко открытый, — и тогда он начал ее опускать. Макушка ее головы вошла ему в рот, и челюсти сомкнулись. Его зубы впились в кожу чуть повыше ушей и стали сжиматься. Она схватилась за голову, чтобы не дать мозгам выплеснуться, и на этом данный эпизод закончился.

Но ему на смену пришел другой: Губерт бежал за нею по песчаным дюнам, в которых вязли ноги. Это сильно замедляло бег, и расстояние между ними стремительно сокращалось. В ужасе оглянувшись, Кори заметила, что на нем были снегоступы. «Это несправедливо!» — закричала она. «Да, да, да!» — зашипел тот и стал вертеть над головой мачете. В конце концов, при попытке взобраться на очередной песчаный бархан, она потеряла равновесие и, завалившись назад, съехала по склону прямо к ногам преследователя. Дважды блеснуло мачете. Вжик, вжик! Отсекая ей груди.

Содрогнувшись, Кори вернулась к реальности, в которой обнаружила, что лежит лицом вниз в спальном мешке, а груди болят оттого, что так сильно прижаты.

Повернувшись на спину, она сделала еще одну попытку уснуть, в которой Губерт нанес ей очередной краткий визит. Скоро она начала скользить ногами вперед по крутой гранитной стене, грубая поверхность которой срывала кожу с зада и спины. Опускаясь, она оставляла за собой мокрый красный след, усеянный лоскутами кожи. Далеко внизу ждал Губерт. Вернее, ждало его мачете.

— Расставь их пошире, Джейн! Налезай прямо на него! — Кори сползала все ближе и ближе к лезвию. Она лягнула его. Нога ткнулась в спальный мешок, Кори поняла, что делает, и снова перевернулась.

И зарыдала, уткнувшись в мягкую подушку из брюк Дорис.

Он мертв. Почему он не оставит меня в покое?

«Все это скоро кончится, — успокаивала она

себя. — Придет рассвет, и все будет хорошо».

Да зачем я вообще пытаюсь уснуть? Почему бы мне не сесть или что-нибудь в этом роде?

Кори выбралась из спального мешка и поползла от него подальше. Ползла до тех пор, пока голова ее не уткнулась в голые голени, и Губерт потащил ее за волосы вверх.

— Так легко от меня не отделаешься, — прошепелявил он, когда Кори раскачивалась перед ним в воздухе.

— Мать твою! — взвизгнула она и ткнула ему пальцами в глаза. Глазные яблоки лопнули, обдавая ее брызгами. Оба пальца глубоко вошли в глазницы. Он моргнул, и веки его сомкнулись, подобно маленьким челюстям. Кори закричала и отдернула руку. Из обрубков хлынула кровь.

— Нет!

Звук ее голоса разрушил чары.

«Нет — это правильное слово», — подумала она.

Этого не было.

Она не выползала из спального мешка, а только подумала об этом.

Со стоном Кори оторвала лицо от свернутых тренировочных брюк Дорис, увидела залитую лунным светом тропу, буркнула: «Блин!» и пожелала, чтобы ночь поскорее закончилась. Глаза и щеки зудели от слез, и она протерла их рукавом кофты. Затем опустила боковую змейку, встала на четвереньки и выкарабкалась из мешка.

Холод моментально сковал ее. Тренировочный костюм, промокший после серии ужасных снов или галлюцинаций, или чем они там были, прилип к телу и сбился набок. Студеный ветер вымораживал из него влагу и продувал через плотную материю, словно окатывая ледяной водой. Стиснув зубы и дрожа всем телом, Кори выдернула из-под мешка куртку Говарда и надела ее.

Куртка помогла, но недостаточно. Ниже пояса Кори окоченела, и ноги превращались в сосульки.

Быстро порывшись в рюкзаке Дорис, Кори нашла еще две пары носков, уселась на спальный мешок и закинула ногу за ногу. Ей хотелось

стянуть мокрые носки, но те словно приклеились к подошве: белая хлопчатобумажная ткань, отчетливо выделявшаяся в молочном лунном свете, пестрела пятнами крови. Попытки их снять теперь были чреваты неизвестно какими новыми повреждениями.

— Спасибо тебе за все, Губерт, — пробормотала она дрожащим голосом.

И натянула по паре чистых носков на каждую ногу. Стало намного лучше.

Затем развернула тренировочные брюки, служившие подушкой, и надела их. Дополнительный слой ткани почти защитил от ветра, и из груди ее вырвался вздох облегчения.

Сунув руки в карманы, Кори сидела на спальном мешке, рассчитывая медленным и размеренным дыханием помочь себе успокоиться и преодолеть дрожь.

— Не так уж и плохо, — наконец сказала она себе.

Намного лучше, чем торчать в спальном мешке, вертеться юлой от боли и видеть эти проклятые сны.

Поднявшись на колени, Кори повернулась в сторону, наклонилась и уперлась ладонями в гранит на краю тропы. Подавшись немного вперед, она поглядела вниз на облитый ярким лунным светом склон. Прямо перед ее лицом веревка отклонялась в сторону и походила на твердый серый стержень, ведущий вниз, к Чеду. Видна была лишь макушка его головы. Остальную часть скрывал темный продолговатый пуховый спальный мешок.

— А я думала, что это мне жестко спать, — пробормотала она. — Боже, Чед!

Хотя Чед был надежно обвязан веревкой и опасность падения ему особо не грозила, от гранита его отделяла лишь одежда, которая была на нем. Забраться в спальный мешок он не мог. По крайней мере, самостоятельно. Слишком велик был риск сорваться с выступа. И Чед пригрозил сбросить мешок в пропасть, если Кори попытается спуститься на помощь.

«Как там, должно быть, ужасно», — подумала она, глядя вниз.

Ей хотелось позвать Чеда, поговорить с ним.

Однако, насколько она могла судить, тот, вероятно, спал.

Хотя это представлялось маловероятным. Как вообще можно было уснуть в таких условиях?

Но, если все же он спал, будить было бы непростительно жестоко.

А если ему худо?

А если он умирает?

— Это ты? — голос Чеда прозвучал... весело?

— Как там у тебя дела?

— Это не самая приятная ночь в моей жизни.

— Можно представить. Ты мерзнешь?

— Не так сильно. Похоже, здесь безветренно.

— Это замечательно. А мне в этом отношении не повезло.

— Почему ты не спишь?

— Не смогла уснуть. А ты?

— Я только несколько минут назад проснулся. И какая досада, черт возьми! Видел такой чудный сон. С твоим участием, между прочим.

— Повезло.

— Ну, не совсем. Мне вот-вот должно было повезти, а я проснулся.

— Скверная история. Послушай, могу ли я тебе чем-нибудь помочь?

— Да. Найди себе где-нибудь удобное место. Тебе не обязательно торчать всю ночь на этой проклятой тропе. Ты говорила, что она впереди расширяется. Почему бы тебе не перейти туда. По крайней мере, тогда не будешь беспокоиться о том, чтобы не сорваться в пропасть.

— Я предпочитаю побыть здесь, с тобой.

— Откровенно говоря, я нервничаю, когда думаю о том, что ты тут. Я бы чувствовал себя намного лучше, если бы ты перешла в более безопасное место.

— Ладно, я подумаю. Ты не голоден? Может, еще что-то?

— Я прекрасно себя чувствую. Правда.

— Как нога?

— Не настолько плохо, чтобы не давать мне спать. Но хорошо, что ты вытащила ее из-под меня.

— Рада была услужить.

— Мне кажется, это происшествие может помешать осуществлению моего предложения о том, чтобы провести медовый месяц с рюкзаками за спиной.

— Какое еще предложение о проведении медового месяца с рюкзаками?

Снизу послышался смех.

— О, раньше я никогда не осмелился бы сделать тебе подобное предложение, — ответил он. — Но эта мысль как-то залетела мне в голову сегодня днем. Пока я наблюдал, как ты плаваешь.

— Надеюсь, она так же быстро вылетела.

— Все было очень даже неплохо, пока не появился этот ублюдок.

— Это верно, — согласилась она. — Помню, как я сама подумала о том, что хорошо было бы сюда вернуться. Вдвоем — и больше никого. В свое удовольствие, а не гоняясь за детьми. Но не в качестве медового месяца.

— Трусишка.

— Я просто беспокоюсь за твои колени.

Чед промолчал. Сначала Кори решила, что

он придумывает какой-нибудь остроумный ответ. Но пауза затянулась, а он так и не подавал голос.

— Чед?

— Такое невезение... чертов маньяк... я исходил эти горы вдоль и поперек. Никогда никаких проблем. До этого момента. Это просто неудачное стечение обстоятельств. Мне хотелось бы надеяться, что ты не побоишься попробовать еще раз.

— Не знаю. Посмотрим.

— Было чертовски здорово, пока к нам не привязался этот тип.

— Да, лучше и придумать невозможно.

— К тому же нигде нельзя себя чувствовать в абсолютной безопасности.

— Я знаю.

— С таким выродком можно столкнуться где угодно. И большинство их не уходит в горы. Предпочитают цивилизацию, а не подобные места. Они там, где люди.

— Я никогда не говорила, что ни за что не вернусь сюда. Но в настоящий момент мысль об этом представляется мне не совсем удачной. Мне

холодно и страшно, я устала... да мало ли еще что. В общем, чувствую себя паршиво.

— Одиноко?

Кори думала об этом.

— И да, и нет. Беседовать, конечно, здорово. Но мне хотелось бы обнять тебя.

— И мне тоже. Но даже не думай о том, чтобы попытаться еще раз ко мне спуститься.

— Ну а хоть продолжить беседу можно?

— Я пока никуда не ухожу.

— Может, я не даю тебе уснуть?

— Возможно, это обернется для меня потерей такого классного сна, но я это переживу. Потому что в реальной жизни ты еще лучше.

Глава 34

— Блин, посмотрите сюда! — Присев на корточки над грудой веток и сорняков, Кит приподнял один конец длинной деревянной планки, по всей длине утыканной острыми гвоздями. — Чуть не продырявился, — пробормотал он.

— Эх ты, упустил удовольствие уколоться пару десятков раз против столбняка, — проронила Лана.

Кит поднял планку, размахнулся и отшвырнул ее в сторону.

Когда закончили разбирать баррикаду, Лана вытерла руки о кофту и промолвила:

— Ладно, давайте проверим.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался Говард.

— Проедемся по ней немного и посмотрим, не встретим ли автобус.

— Сейчас?

— Сейчас самое подходящее время.

— Мы не можем так поступить, — возразила Дорис.

— А вот и можем, — вмешался Кит.

— Это не займет много времени.

— Нам не следует ничего делать, пока мы не побываем в полиции, — запротестовала Дорис. — Это наш долг перед доктором Дальтон и...

Лана пожала плечами.

— Полчаса туда, полчаса сюда большой роли для них не сыграет. Сейчас середина ночи. Никто не пошлет спасателей до утра.

Повернувшись, она шагнула на проезжую часть шоссе. Кит присоединился к ней. Вместе они пошли к брошенной машине, стоявшей через дорогу как раз напротив «Гранады» Ланы.

Другие поплелись следом.

«Бред какой-то», — подумал Говард.

Анжела взяла его за руку. Он поднял голову и покачал ею.

— Знаю, — пробормотала она. — Не следовало бы этого делать.

«Зачем мы только показали им эту дорогу? — злился на себя Говард. — Это было крупной ошибкой».

Даже когда они начали расчищать завал, преграждавший въезд на боковую дорогу, Говард и подумать не мог, что кто-то серьезно отнесется

к поездке по ней этой ночью. Нет, они поедут дальше, в город, сообщат о бедственном положении Корин и Чеда властям, затем найдут какой-нибудь ночлег. Мотель, где он мог бы побыть с Анжелой наедине. Было бы замечательно. А утром снова соберутся и все вместе приедут сюда на поиски этого автобуса.

Утром.

Они забрались в автомобиль, и Лана завела двигатель. Но не поехала, а обернулась через плечо.

— Ну так как, толпа, что делаем?

— Я уже высказала свои взгляды по существу вопроса, — отозвалась Дорис. — Я не меньше вашего заинтересована в том, чтобы найти соковища, но наша первая обязанность — перед доктором Дальтон. Мы сможем вернуться сюда завтра. К тому же считаю необходимым отметить, что, судя по словам Батлер, именно завтра мы должны их найти. Завтра, а не сегодня.

— На тот случай, если ты не заметила, — язвительно вмешался Кит, — это завтра уже наступило. А насчет дневного света Батлер ничего не

говорила.

— Я бы предпочел светлое время суток, — вставил Говард.

— Неудивительно, ты всегда был пугливым.

— Перестань, — бросила Киту Лана.

— Я и сам не горю желанием ехать туда в темноте, — начал Глен. — Но, мне кажется, нам все же следует это сделать. У меня предчувствие, что так оно и предполагалось. То есть именно сейчас мы должны отправиться на поиски. Обратимся к фактам. Завтра — уже пришло. Автобус должен быть где-то у дороги на Парди, и найти его должна именно Анжела. Так вот, она-то и отыскала эту колею. Все сходится.

— Вот именно, — поддержал его Кит.

— Если бы предполагалось отложить поиски до утра, — продолжал Глен, — я думаю, Анжела не наткнулась бы на эту грунтовую дорогу до того времени.

— Отличный аргумент, — похвалил Кит.

— Анжела, а ты что думаешь? — спросила Лана.

Говард почувствовал, как ее плечо слегка при-

поднялось.

— Не знаю. Мне бы не хотелось упустить возможность отыскать сокровища, но...

— Утром их там уже может не оказаться, — заметил Кит.

— Это не столь важно, — продолжала она, — как вызвать помощь доктору Дальтон и Чеду.

— Здесь не ситуация взаимоисключающего выбора, — отметил Глен.

— Я вот что вам скажу, — перехватила инициативу Лана. — Давайте потратим на это пять или максимум десять минут. — Она потихоньку поехала вперед, выворачивая руль и медленно разворачивая машину. — Мы только немножко проедемся по дороге, и если в самое ближайшее время ничего не обнаружим, то направимся напрямиком в город и вернемся сюда утром для тщательных поисков.

— Отлично, — промолвил Кит.

Глен кивком подтвердил свое согласие.

— Ладно, согласна, — сказала Анжела.

— Хорошо, — произнес Говард.

— Ну вас к черту, — пробормотала Дорис.

— Ты в меньшинстве, — заявил ей Кит.

Когда Лана свернула на грунтовую дорогу, машина качнулась и подпрыгнула.

— Подумаешь, дела, — заговорила она. — На пятнадцать или двадцать минут больше или меньше — для Кори и Чеда никакой разницы.

Говард положил руку Анжеле на плечо и притянул девушку к себе. Теперь на всех ухабах они подпрыгивали и раскачивались вместе. На первый взгляд это очень напоминало то, что было в самом начале их поездки. Но отличия были огромные.

«Нам не следовало бы здесь находиться», — подумал он.

Говард считал, что Лана была права относительно Кори и Чеда. Краткая отсрочка не имела большого значения.

Но дорога эта ему не нравилась. Совершенно не нравилась.

Кто-то пытался спрятать въезд на нее.

Баррикада подсказала, что это была та самая дорога. Но почему то, что кто-то воздвиг эту преграду, никого из ребят не взволновало? Кто-то,

кто не желал посторонних?

А эта брошенная машина со спущенным колесом?

И эта доска с гвоздями.

«Плохой знак», — подумал Говард.

«Батлер — мать Анжелы, — напомнил он себе. — Она не послала бы нас навстречу беде».

Нет? А как насчет Губерта? Это она направила нас на негр.

Может, ей совершенно наплевать, что случится со всеми нами, кроме Анжелы.

Кто знает, что она замышляет на самом деле. Строит себе козни там, в багажнике.

В багажнике. Все это время Говард никак не мог позабыть о том, что они везли в багажнике скелет матери Анжелы. Но до последнего времени его это не беспокоило.

Сейчас же стало пробираться.

Кости без плоти, оскалившийся череп. Втиснуты в рюкзак, вместе с потрепанным плюшевым котенком. Если бы не спинка заднего сиденья, до них можно было бы дотянуться рукой.

Жуткая мертвая пассажирка молча ехала с

ними, но в то же время и вела их. Вела в чащу леса посреди ночи по только ей одной ведомым причинам.

— Уже прошло больше пяти минут, — заметила Дорис.

— Здесь негде развернуться, — ответила Лана. — Я не собираюсь ехать задним ходом до самого шоссе.

«Малоубедительная отговорка», — подумал Говард. Ему было хорошо видно в ветровое стекло за головой Кита. Хотя с обеих сторон колеи росли деревья, они отстояли от нее на достаточном расстоянии. Так что Лана могла развернуть машину, если бы захотела.

— Мне совсем не кажется, что здесь так тесно, — не унималась Дорис.

— Успокойся, — бросил ей Кит.

— Еще чуточку, — промолвила Лана. — И тогда мы. . . Боже!

Говард мельком увидел впереди поляну. Затем яркие белесые лучи фар исчезли, словно их засосало обратно в машину.

Лана резко нажала на тормоза, машина дер-

нулась и остановилась.

— Свят, свят, свят! — забормотал Кит.

Глен протянул:

— Ой, парни.

— Вот он! — отчеканила Лана.

Говард уже и сам увидел.

Автобус.

Он скорее догадался, что это был автобус. Там, в дальнем конце залитого лунным светом поля, примерно в ста ярдах от них. Но все, что он мог видеть, так это длинный ряд прямоугольников, которые, казалось, парили над землей. Тусклый малиновый отсвет догорающих угольков. Очевидно, окна были зашторены красными занавесками.

— Жутковатый вид, скажу я вам, — прошептал Глен.

— Какого черта он тут делает? — спросила Лана.

— Мы нашли его, — промолвила Дорис. — А теперь давайте повернем и уедем отсюда.

— Ни за что! — воскликнул Кит. — Это оно. Это то, что мы так долго искали. Мы не можем

сейчас отступить.

— Ну, я не знаю, — засомневалась Лана. — Похоже, там кто-то есть.

— Если бы там не было света, мы могли бы его не увидеть. Свет включен для нас. Верно, Глен? Так было задумано. Батлер должна была сделать так, чтобы мы заметили эту хреновину.

— Мне это не нравится, — буркнул Глен.

— Это показывает, что ты сохранил крупинку здравого смысла, — заметила Дорис.

— Может, лучше подождать до утра, — неуверенно произнесла Лана.

— Утром его может здесь не оказаться. Послушайте, давайте просто выйдем из машины и подкрадемся поближе. Оглядимся. Не обязательно заходить внутрь, но, по крайней мере, надо посмотреть поближе. Ведь там должны быть наши сокровища.

— Я думаю, если мы будем осторожны, — пробормотала Лана.

— Я никуда не пойду, — отрезала Дорис.

— Фу-ты ну-ты, — прыснул Кит, — какая большая неожиданность!

— Говард, сделай так, чтобы свет в салоне не загорелся. Нам не нужно иллюминации, когда мы будем открывать двери.

Говард поднял руку и потянул за пластиковый колпак плафона. Когда плафон выскочил, он пошарил внутри, повернул лампочку и вынул ее из цоколя.

— Готово. — Лампочка отправилась в карман вельветовых джинсов.

— Идемте, — скомандовала Лана.

Три двери одновременно распахнулись. Сдвигаясь по сиденью к выходу, Говард оглянулся на Дорис.

— Увидимся, — бросил он ей.

— Ты такой же дурень, как и все остальные.

Вот и будь после этого с нею любезным.

Выбираясь из машины, Говард заметил, как тихо прикрывала Лана водительскую дверь. Он плавно закрыл свою, придавив до щелчка замка. Кит, который вылез вслед за Гленом с другой стороны, также постарался прикрыть дверь бесшумно.

«Без единого хлопка», — мысленно отметил

Говард.

Все напуганы до смерти.

Собрались вокруг Ланы, позади машины. Зазвенели ключи. Отыскав наконец нужный ключ, Лана нагнулась над багажником и сунула его в замок.

— Что ты делаешь? — прошептал Глен.

— Фонари и оружие.

Лана повернула ключ. Послышался тихий щелчок, и крышка багажника медленно поплыла вверх. Лана нырнула в темноту, подняла рюкзак, повернулась и протянула его Анжеле.

— Подержи-ка минуту.

Анжела взяла рюкзак, шагнула назад, поставила его у ног и наклонила раму так, чтобы та оперлась о ноги. Сверху на рюкзак легла молочная дорожка лунного света, точно с единственной целью осветить для Говарда его выпуклость. Ту самую, образованную макушкой черепа.

«Это не что-то ужасное, — убеждал себя он, когда по затылку поползли мурашки. — Это мать Анжелы».

Но лучше бы она была замкнута в багажнике.

На земле теперь оказались и три других рюкзака. Их открывали хозяйева.

— Возьмите фонари, — прошептала Лана, — но не включайте.

— Я беру с собой вот эту игрушку, — промолвил Кит, вытаскивая из рюкзака топорик.

— Махнем? — спросил Глен, протягивая ему зачехленный нож.

— Когда ты съешь мои шорты.

Лана достала свой револьвер.

— Ты, верно, шутишь, — скривился Кит. — Он же пустой.

— А никто, кроме нас, не знает об этом.

— Из пустой пушки никого нельзя застрелить.

— Может, и так, но доставить кому-то пару неприятных минут можно. — Заведя руку за спину, она приподняла кофту. Когда засовывала ствол за пояс джинсов, Говард увидел полосу бледной кожи над ремнем.

— Я теперь уже и не знаю, — пробормотала Анжела.

— Чего ты не знаешь? — спросила Лана.

— Посмотри, как вы все вооружаетесь. Если

это так опасно, может, нам не следует туда соваться?

— Да мы просто предпринимаем обычные меры предосторожности. Если бы я действительно верила, что идем навстречу большим неприятностям, даю тебе слово, и близко не подошла к этому автобусу.

— Быть ко всему готовым никогда не повредит, — заметил Глен.

Говард поймал себя на мысли, что его правая рука давно уже теребит на дне кармана джинсов складной нож.

— Если тебе это не по душе, — проронил Кит, — тогда оставайся здесь. Составишь компанию Дорис.

— Наверное, так и сделай, — поддержал его Говард. — Нет никакой необходимости идти туда всем. Может, подождешь здесь?

— Я пойду туда, куда пойдешь ты.

— Нет, ну разве это не мило? Именно на такую отговорку и надеялся Гаубица.

— Пошел ты... — огрызнулась Анжела.

— О, а у нас характерец.

— Перестань, Кит, — угрожающе зашипела на него Лана.

— Кроме того, — продолжала Анжела, — я не собиралась здесь оставаться. Пойду к автобусу вместе со всеми. Это ведь я должна найти сокровища, помните?

— Ладно, загружайтесь и пойдём. — Застегнув свой рюкзак, Лана подняла его в багажник. Затем по очереди поставила туда сначала рюкзак Кита, затем Глена и, наконец, Анжелы. Когда все рюкзаки были внутри, опустила крышку багажника и, придерживая ее рукой, обернулась и толкнула его задом. Замок защелкнулся. — Все готовы?

— Давайте возьмем чемоданы, — предложил Кит. — Могут пригодиться, когда найдем добычу.

— Не помешает, — согласилась Лана.

Кит и Глен сняли два чемодана с верхнего багажника. Глен оставил чемодан себе, а Кит протянул свой Говарду со словами: «Сделай хоть что-нибудь полезное».

Принимая чемодан, Говард увидел, что это был Анжелин, и понял, что ему будет даже при-

ятно его нести.

Через поле Лана и Кит пошли первыми. Сразу за ними держались Говард с Анжелой, а замыкал шествие Глен.

Говард дрожал от холода. Он пожалел о своей куртке, но был рад, что оставил ее Корин. «Ей она нужна больше, чем мне, — убеждал он себя. — Там, высоко в горах, наверняка гораздо холоднее».

Ледяной ветер, казалось, продувал рубашку насквозь. Волосы Ланы, серебрившиеся в лунном свете, ерошились, а серая кофта бледнела.

«Как здесь светло, черт побери! — подумал он. — Стоит кому-нибудь выглянуть в одно из окошек...»

И внезапно Говард понял, что дрожал бы точно так же, даже если бы укутался в шубу. Дрожь вызывал автобус.

Как он здесь оказался?

Теперь он мог получше рассмотреть его. Дюжина малиновых окошек. Передние светятся немного ярче задних. Водительское окошко, так же как остальные, занавешено.

«Наверное, когда-то это был школьный автобус», — подумал Говард. Хотя трудно было себе представить, что когда-то это был самый обычный автобус — полный крикливых, смеющихся детей. Вид у него был такой зловещий. Все поле купалось в молочном лунном свете, но только не автобус. Он стоял у самой опушки леса, и нависавшие ветви бросали на его кузов мрачные тени. Если бы не красные окошки, он был бы темнее самого леса.

Неужели черный?

Черный автобус. Иисусе.

Кто-то наверняка в нем живет.

Что за люди такие...

А может, окажется пустым. Ничего, кроме сокровищ Батлер. Вот было бы здорово!

Интересно, что это будут за сокровища. Деньги? Драгоценности? Трудно было представить, что в таком автобусе можно было найти что-нибудь ценное.

Все это может оказаться охотой вслепую.

Ловлей курицы в темном сарае.

А как насчет курицы, несущей золотые яйца?

Ух, ух, ух, чую человеческий дух.

Замечательно. «Джек и бобовый стручок».

Сказка, которая всегда до смерти пугала его в детстве.

И вот мы здесь, три Джека и две Джилл, пришли за золотом.

Джек упал и проломил череп.

Это уже другой Джек.

Господи, что мы тут делаем?

В нескольких шагах от автобуса Кит и Лана остановились. Они стояли неподвижно, уставившись на окна. Прислушиваются? Говард встал рядом с ними, Анжела взяла его за руку. Стихли и шаги Глена.

Глядя в упор на занавешенные окна, Говард затаил дыхание и прислушался. Он услышал бие-ние собственного сердца, крики птиц вдали, шум ветра в деревьях, шорох листьев о крышу автобуса. Но изнутри, похоже, не доносилось ни звука.

«Кто-то должен быть внутри», - подумал он.

Кит топориком ткнул вправо и пошел. Лана последовала за ним, Анжела за нею, а Говард — следом, чувствуя на спине неровное дыхание

Глена.

У задней части автобуса они вновь сбились в кучу. Окна запасного выхода были занавешены красной материей, точно так же, как остальные.

Окинув всех взглядом, Кит отвернулся, наклонился вперед и заглянул за угол. Затем медленно выпрямился и повернулся к ним лицом.

— Та гребаная дверь открыта, — прошептал он. — Передняя дверь.

Говарда ударил озноб, в жилах застыла кровь. Он почувствовал, как мошонка сжалась в тугий шар, а пенис втянулся так, словно хотел спрятаться.

— Вах-вах-вах, — забормотал Глен.

— Мне это совсем не нравится, — низким дрожащим голосом произнес Кит.

— Тем легче для нас, — прошептала Лана.

— Блин, — тихо сказал Кит. — Там точно кто-то есть.

— Теперь я уже не отступлю, — объявила Лана и, запустив руку за спину под кофту, вытащила револьвер. — Просто давайте медленно и осторожно. При первом же признаке опасности

— руки в ноги и врассыпную.

Кит кивнул.

— А, была не была, — бросил он и шагнул за угол автобуса. Лана пошла следом, за нею Анжела. Когда Говард, крадучись, обогнул автобус, то увидел остальных прямо перед собой. Они жались к борту автобуса и пригибались, словно боясь, что их могут увидеть из окон.

Эти окна, как и все другие, были драпированы красным.

Впереди Кита из открытой передней двери лился бледный свет.

Когда Говард пригнулся, чемодан зацепился за землю, он немного приподнял его и медленно пошел за Анжелой. Теперь чемодан терся об ногу.

Лес был очень близко, справа, до некоторых деревьев можно было дотянуться рукой.

«В случае чего, — подумал Говард, — можно скрыться в нем. Там так темно и так много деревьев. Уйма хороших мест, где можно спрятаться».

Перед самой дверью Кит остановился, выпрямился и поднял левую руку.

Все встали.

Тогда он вошел в поток света, повернулся к дверному проему и приподнял голову. Затем поставил ногу на первую ступеньку. Когда Кит скрылся из виду, на свет вышла Лана и поглядела ему вслед.

Через несколько мгновений и она вошла в автобус.

— Должно быть, все в порядке, — прошептал Глен.

— Похоже, — промолвил Говард, неожиданно почувствовав слабость, после того, как спало напряжение.

Кит внутри, внутри и Лана. Ясно, что они не увидели ничего страшного.

Следующей в автобус поднялась Анжела. Поднявшись, она повернулась лицом к проходу, пристально посмотрела на что-то справа, затем обернулась к Говарду, покусывая нижнюю губу. Их глаза встретились. В ее взгляде была тревога. Она отвела взгляд вверх и стала вглядываться в темноту за его головой.

— Что? — шепнул он.

Анжела покачала головой, прижала палец к губам и пошла по проходу.

Говард занес чемодан вперед, встал на первую ступеньку и попробовал заглянуть внутрь, но из-за металлической перегородки ничего не было видно. После следующего шага он мог уже видеть поверх нее. Кит, Лана и Анжела стояли в проходе недалеко от места водителя спиной к нему. И что-то рассматривали.

Что-то на одном из пассажирских сидений, завернутое в грязное коричневое одеяло.

«Чем бы это ни было, — подумал Говард, — вряд ли что-то серьезное. Потому что они просто смотрели, а не убегали прочь».

И он преодолел остальные ступеньки.

Внутри было не так холодно, как снаружи, хотя и не намного теплее. И неприятно пахло, как в грязном баре или притоне. Затхлая смесь табачного дыма, пота, алкоголя, мочи и массы иных мерзких запахов.

Пройдя мимо водительского сиденья, Говард остановился рядом с Анжелой.

В одеяло была завернута женщина. Она непо-

движно лежала на длинном сиденье, расположенном параллельно проходу. Одеяло укрывало ее с головы до ног. Над грудью оно слегка приподымалось и опускалось в такт ее дыханию.

Спутанные каштановые волосы и почти кирпичного цвета лицо, словно от чересчур долгого пребывания на солнце, пересохшие и растрескавшиеся губы, темный синяк на левой щеке.

Несмотря на ее состояние, Говард увидел, что она была красива. И еще сравнительно молода. Вероятно, чуть больше двадцати лет.

«Неужели она здесь живет?» — подумал он. А если живет, неужели одна?

Хотя трудно было отвести глаза, Говард все же заставил себя отвернуться.

Скамья с другой стороны прохода была завалена всякой всячиной: бумажные пакеты из магазинов, смятые пивные банки, колесный колпак, наполненный пеплом и окурками, пачки печенья и чипсов, нераспечатанные и скомканные, пустые, кучи тряпок и грязной одежды.

— Проверю остальной автобус, — шепнул Кит. Говард вновь посмотрел на женщину. Та все

еще спала.

Кит побрел в хвост автобуса. Несколько передних рядов сидений были сняты, чтобы освободить место для матрацев. Трех матрацев, заваленных одеялами и одеждой.

Спальные места еще для троих человек.

«Интересно, где они сейчас? — подумал Говард. — Что, если они вдруг вернуться и застанут нас тут?»

А что, если они уже здесь, прячутся за сиденьями?

Говард увидел, как Кит остановил взгляд на одном из матрацев и повернул голову к двум морским сундучкам. Их крышки были засыпаны мусором. На одном из них стоял фонарь Коулмэна, спаренные лампы которого шипели, заполняя автобус ярким светом.

Кит пошел дальше, высоко подняв топорик, точно приготовившись к удару. Он водил головой из стороны в сторону, проверяя каждый ряд сидений.

Наконец дошел до запасного выхода.

«Слава Богу», — подумал Говард.

Кит повернулся и возвратился на прежнее место.

— Ничего? — шепотом спросила Лана.

Он покачал головой.

— Надо заглянуть в сундучки. Возможно, именно там. . .

— Надо убираться отсюда, — перебила его Анжела. — Немедленно. И мы должны взять ее с собой.

— Какого. . .

— Да ты принюхайся, какая здесь вонь! А как это место выглядит! И глянь на нее! — Она неожиданно присела на корточки, прикрыла ладонью рот спящей женщины и сорвала с нее одеяло.

Женщина была голой. Раскрасневшейся, словно весь день жарилась на солнце. Все ее тело пестрело синяками, полосами рубцов, следами мелких ножевых или бритвенных порезов. На плечах, грудях и бедрах виднелись серповидные следы укусов. На запястьях были застегнуты наручники, а щиколотки связаны веревкой.

Все это Говард увидел, когда женщина,

вздвогнув, проснулась, резко открыв глаза. Когда она рванулась в попытке сесть. Когда Кит ахнул: «Черт!», Глен застонал, а Лана буркнула: «Боже мой». Когда женщина вытянула руки вниз, прикрывая скрещенными ладонями пах. Когда повалилась назад и лежала неподвижно на сиденье, глядя на склонившиеся над нею лица.

— Мы здесь, чтобы помочь вам, — сказала Анжела, убирая ладонь со рта женщины.

— Они убили Роджера! — воскликнула та. — Они убили его, и они. . .

— Чарли и близнецы? — спросила Анжела.

— Да! Да! Старик — Чарли. Пожалуйста, вы. . .

— Где они?

— Не знаю.

— Чарли? — в замешательстве произнес Глен.

— Отчим Анжелы, — пояснил Говард.

— Он? Боже мой, что происходит?

— Где сокровища, мэ́м? — спросил Кит.

— Забудь о них, — бросила ему Лана. — У нас проблемы. Забираем ее и сматываемся.

Анжела просунула руку под голову женщины.

Когда она начала поднимать ее, Говард поставил на пол чемодан, подошел ближе к Анжеле и взял женщину под руку. Глен обнажил нож и, присев на корточки, начал перепиливать веревки вокруг ее щиколоток.

Взрыв чуть не разорвал Говарду барабанные перепонки.

Левый глаз Глена лопнул, и из глазницы выплеснул на сиденье перед ним красный сгусток.

Резко развернувшись на месте, Говард схватил Анжелу за плечи и толкнул на пол. Страшный рев прокатился по салону. Кит, стоявший лицом к хвосту автобуса, был сбит с ног и отброшен назад. Лана направила свой револьвер на пару рыжеволосых парней с обрезам, летевших по проходу. За спиной Говарда раздался сухой треск быстрых пистолетных выстрелов. В спину Лане попало три пули и она пошатнулась. Две пули попали и в Говарда, после того как залп из обреза развернул Лану. Левая сторона ее кофты была вырвана. Лана упала на колени, рука ее дернулась вверх, к кровавому месиву, где раньше была грудь.

Близнецы остановились над нею и направили свои обрезы ей в голову.

— Нет! — пронзительно закричал Говард.

За спиной у него прозвучали выстрелы.

Глава 35

«Совсем неплохая мысль», — подумала Кори.

Она расстелила на земле куртку, затем вытащила спальный мешок из нейлоновой оболочки.

Здесь, на широком пологом склоне за пределами тропы, ей не будет грозить опасность свалиться в пропасть. И отвесные скалы защищали от ветра.

Кори очень не хотелось покинуть свое гнездо над Чедом, но тот сам попросил об этом, и, как только он уснул, она решила удовлетворить его просьбу. Свернув спальный мешок и перегрузив все, что могло ей понадобиться, в один рюкзак, она поплелась вверх по тропе, морщась от боли при каждом шаге, несмотря на то, что три пары носков были довольно толстыми и пружинили под разбитыми ногами.

Довольная своей идеей, Кори уложила спальный мешок так, чтобы куртка оказалась под боком. Скинув мешковатые тренировочные брюки, она свернула их в форме подушки, влезла в спальный мешок и застегнула змейку.

Хорошо. Тепло и уютно. Но земля здесь была ничуть не мягче.

Кори перевернулась на живот, и тут же гранит придавил бедра и грудную клетку, примял груди. Подсунув руки под подушку, она несколько облегчила давление на груди.

«Не так уж и плохо, — подумала она. — Жить можно».

Оставалось лишь надеяться, что не будут больше мучить эти ужасные галлюцинации.

«Думай о Чеде», — приказала она себе.

Думай о том, как хорошо будет, когда они спустятся отсюда вниз.

Но Кори понимала, что находилась всего в нескольких ярдах от того места, где вырвалась от Губерта. Правая щека лежала на подушке, и край спального мешка, высоко поднятый над плечом, не позволял видеть то место. Однако вовсе не мешал мысленно вновь переживать случившееся.

Она снова видела, как он везет ее на спине, чувствовала, как плавает по его скользкой коже, как его голова трется об ее пах. Свинцовая тяжесть сдавила живот, когда Кори вспомнила, как ласкала своего мучителя.

«Мне пришлось это сделать, — оправдыва-

лась она перед собой. — Это был мой единственный шанс, и это сработало».

Но какой ценой.

Гладила его член.

«А я так до сих пор и не помыла руку», — вспомнила она.

И рука эта сейчас под свернутыми брюками, всего в нескольких дюймах от лица.

Может быть, утром смогу спуститься вниз к ручью.

И вновь увидела, как Губерт срывается в пропасть, как плавает лицом вниз в тихой заводи.

Нет, не смогу туда пойти.

«Но его там уже нет, — напонила она себе. — Течение снесло его вниз, как бревно. Если только он где-нибудь не застрял, то наверняка его вынесет в озеро. Даже вода в той заводи будет уже не той, которая касалась его, а свежей, неоскверненной, холодной и чистой».

Туда можно будет пойти. И она пойдет.

К тому времени, пока доберется до дна ущелья, она запарится и вспотеет.

Кори прикрыла глаза и представила себя там,

внизу. Как стоит у края заводи, яркое солнце играет на закручиваемой водоворотами поверхности, которая блестит и сверкает до рези в глазах. Вода такая прозрачная, что она видит свою тень на каменном дне. Потом снимает влажную тяжелую одежду, подставляя тело солнечному свету и легкому ветерку, и ее пробирает ледяная стужа, как только она заходит в воду. Ух — вода страшно холодная! Но очень скоро неприятные ощущения сменяются приятными.словно прохладные успокаивающие ласки. Она ложится на спину, и солнце греет застывшую кожу.

Вот она лежит на воде, а та колышется, бережно приподымая и опуская ее, прохладным атласом скользя по спине и ягодицам.

— Да!

Чья-то рука грубо опустилась ей на макушку, вцепилась в волосы и дернула голову вверх. Острая боль обожгла череп. Кори увидела сидевшего перед нею на корточках Губерта, попыталась убедить себя в том, что это всего лишь один из кошмаров, но понимала, что это не так.

Губерт был здесь.

Живой.

— Нет! — вскрикнула она, впиваясь ногтями в тянущую ее руку и пытаюсь встать на колени. Но спина уперлась в спальный мешок. Тогда она вытянулась вперед и, вместо того чтобы искать опоры, вцепилась в руку. Но как ни извивалась и ни брыкалась, из спального мешка ее выволокли. И потянули: колени заскребли по граниту, а она напрасно порывалась подняться.

Губерт все пятился назад.

Резким поворотом руки он швырнул Кори на спину и, освободив руку, подскочил сбоку и пнул ногой в ребра. Боль взорвала грудную клетку, перехватив дыхание. Кори подтянула колени к груди, силясь глотнуть хоть чуточку воздуха.

Толчком ноги Губерт толкнул ее колени вниз и поднял ногу. В следующее мгновение она почувствовала, как его ботинки крепко стиснули ей бедра. Теперь он возвышался над нею, словно огромная башня, и в упор смотрел на нее.

Где-то он раздобыл одежду. Ботинки, перебивавшиеся в ярком лунном сиянии брюки, косматый меховой тулуп. Одетый, он и выглядел

по-другому. Огромнее. Темных очков не было, и искорки лунного света мерцали в тенях глазных впадин. Гладко выбритая голова блестела, словно отполированный кусок слоновой кости.

Переведя наконец дыхание, Кори пристально всматривалась в него, мучаясь догадками, действительно ли это Губерт.

Губерт должен был умереть.

Близнец?

Но потом вспомнила, что он не пользуется левой рукой. Та безжизненно болталась сбоку. Должно быть, это сделала первая пуля Дорис.

Но не убила его.

А второй выстрел просто царапнул спину. Пули не убили. Падение не убило. И в воде он не утонул.

Наверное, ничто не способно уничтожить его.

— Не делай мне польше польно, — пробубнил он.

— Что?

— Не делай мне польно и не убегай. — Он говорил громко, но слова звучали невнятно, словно язык его прилип к гортани. — Я не упью тебя, ес-

ли пудешь сепя хорошо вести. Опеццаешь?

— Ты не будешь меня бить? — спросила Кори.

— А?

Кори повторила вопрос громче:

— Ты обещаешь не бить меня?

Он покачал головой.

— Я не слышу тебя. Я ничего не слышу. Это ты сделала. Ты ударила меня. Теперь я глухой. — Он выдержал паузу, затем закричал: — Я простреленный и у меня все болит. И все из-за тебя! — с яростным ревом он занес над нею правую ногу.

Когда нога опускалась, Кори схватила рукой ботинок и дернула. Не достигнув живота, тот описал дугу над ее лицом, и Кори изо всех сил толкнула его вверх. Губерт вскрикнул и пошатнулся.

Быстро перебирая ногами, Кори вскочила и обернулась. Лежавший на спине Губерт поднялся, злобно рыча.

«Беги!» — надсадно кричал ее внутренний голос.

Но, если она бросится наутек, он пустится в

погоню. И наверняка догонит.

И Кори кинулась прямо на него.

Он приподнялся на правой руке, высоко расставив колени и опершись на пятки, готовый вот-вот вскочить на ноги.

Кори вскинула руки над головой, сжала их в кулаки и нырнула ему между коленями.

Ее кулаки обрушились на его лицо. От удара локти подогнулись, и кулаки отскочили назад. В этот момент она ринулась на него, и он рухнул на землю.

Голова Губерта грохнулась о гранит.

Но он не отключился.

Его правая рука обхватила Кори за спину, а ноги стиснули ее бедра.

Казалось, еще минута — и он раздавит ее. Рот плотно вжался в тулуп, и Кори не могла дышать. Но она не переставая молотила кулаками его по лицу, царапала ногтями, пытаясь отыскать глаза.

Затем он убрал руку.

Подняв лицо, Кори судорожно глотнула воздуха.

Вдруг он схватил за левое запястье и резко

отвел ее руку вниз, вбок и за спину, выворачивая вверх. Затрещали рвущиеся мышцы и связки, и, взвизгнув от боли, Кори скорчилась, выгнула позвоночник и, откинув назад голову, увидела перед собой его лицо. Правой ладонью она отжимала его лоб.

Глаз, мелькнуло в голове. Выцарапай глаз!

Но не успела — Губерт резко толкнул ее согнутую руку еще выше. Кори почувствовала — нет, услышала, — как кость выскочила из плечевого сустава. За вспышкой острой боли пришла свобода. Губерт все еще удерживал ее руку сверху, но та теперь свободно болталась и больше не стесняла ее движений.

И Кори камнем упала вниз, расшибая лбом его переносицу.

Испустив слабый стон, Губерт обмяк. Его рука отвалилась от запястья, и ноги перестали сжимать ее.

Кори подняла голову и снова хлестко опустила вниз. Потом еще раз.

Затем сползла чуть пониже и правой рукой рванула на себя воротник. Верхняя пуговица от-

скочила в сторону. Тогда она потянула тулуп к плечу, оголив шею.

Резкий толчок в подбородок повернул его голову набок.

Взгляд остановился на толстой, вздувшейся мускулами шее.

Не размышляй. Действуй. Он сейчас очнется. Кори прижалась открытым ртом к теплой коже и сомкнула челюсти. Глубоко впившись зубами, она принялась грызть.

Кровь фонтаном хлынула ей в рот.

Закашлявшись, Кори отдернула голову, и в лицо ей плеснул кровавый поток. Когда она отвернулась, струя забрызгала ухо.

Кори быстро попятилась назад, отталкиваясь от тела правой рукой. Едва колени коснулись земли, она выпрямилась и заскрежетала зубами, когда левая рука скользнула вниз и наотмашь, от плеча рубанула по воздуху.

Поймав болтающееся запястье, Кори плотно прижала его к животу. И поглядела на Губерта.

Готовая в любой момент побежать.

Он пережил все остальное, так почему бы и

не это?

Кровь больше не пульсировала из шеи. Это должно было означать остановку сердца.

Но она никак не могла поверить, что он уже не встанет и не кинется на нее.

«Он мертв», — убеждала она себя.

Нет, еще недостаточно мертв.

Кори зашла сбоку и села. Когда придвигалась ближе к лежащему, то на себе почувствовала, насколько холодным был гранит — это ощущалось даже через толстую материю тренировочных брюк. Положив левую руку на колени и поддерживая себя сзади правой, она уперлась ногами в бедро и грудную клетку Губерта. И толкнула. Тяжелое тело немного сдвинулось.

Кори снова придвинулась к нему и снова толкнула.

Снова и снова медленно толкала его перед собой.

Толкала мимо того места, куда он выполз с тропы давным-давно в самый разгар дня, везя ее на себе.

Толкала к краю склона.

И толкнув в последний раз, сбросила в пропасть.

И замерла, напряженно прислушиваясь. Но не услышала ничего, даже ветра. Точно тот прервал свою яростную атаку на горы специально ради нее.

Затем донесся слабый звук, словно где-то далеко-далеко кто-то топнул в гнев ногой.

Кори отползла чуть-чуть назад. Лежа на спине с поднятыми коленями, она тупо уставилась на белый лунный диск.

Глава 36

Откуда-то издалека доносились крики. Не очень громкие, но достаточно слышные, и Говард узнал голос Анжелы, причитающей нараспев: «Нет. Пожалуйста. Нет. Пожалуйста. Нет. Пожалуйста». И пронзительный крик: «Не-е-е-ет!», переросший в отчаянный вопль.

«Они терзают ее, — подумал он. — Делают с нею ужасные вещи. Подобные тем, о которых она рассказывала».

Чарли и близнецы.

Убивают ее.

Они убили нас всех.

По крайней мере, Анжела жива. Она не мертва, как мы все.

Интересно, как это можно быть мертвым и еще думать?

И еще чувствовать боль.

— Не надо. Не надо. Я умоляю. Пожалуйста-а-а-а!

И еще слышать.

И еще плакать.

Плач перешел в дрожь, и каждый спазм рвал раскаленными добела щипцами голову, спину и

бока.

«Может, я не мертв?» — мелькнуло у него в голове.

Всхлипывая, Говард попытался поднять правую руку. Точно налитая свинцом, она все же двигалась. Он поднес ее к лицу и понял, что действительно мертв.

Там, где должно было находиться лицо, пальцы нащупали кровавое месиво: лоскутки и кусочки кожи, твердые осколки костей, и все это слеплено в мягкие мокрые комки. У него не было ни глаз, ни щек, ни носа. Только какая-то жидкая каша, приправленная раздробленными костями. Но он ощущал глаза: они жгли и пощипывали, чувствовал влагу слез. И веки, похоже, были на месте. Только чем-то придавлены.

Говард отодвинул кусочек кости, погрузил пальцы в кашу и прикоснулся к своему веку.

Это все не мое!

И неожиданно вспомнилась Лана. В последний раз он видел ее на коленях. С вырванной грудью. С двумя обрезами, приставленными к затылку.

О Боже!

Словно эхо издали донесся крик Анжелы:

— О Боже!

Рыдая, Говард соскребал кровавое месиво с лица, очищая глаза, лоб, щеки и нос. Пару раз организм отреагировал рвотными движениями, и каждый спазм пронзал тело острой болью.

Ран на лице не обнаружилось.

Тогда Говард попытался открыть глаза. Но веки, казалось, прочно склеились. Кончиками пальцев он аккуратно стер еще немного клейкой массы, затем раздвинул веки.

Ночь, а над ним — деревья.

— Не-е-е-ет! — Снова Анжела.

Я должен ей помочь.

Говард уперся локтями в землю и чуть не взвыл. Левая рука дернулась и подломилась. Но боль была не там, а сзади. В спине, в области лопатки. И ниже. Там, по грудной клетке, словно прохаживались кувалдой. И выше. На макушке и на правой стороне головы. Опустившись на землю, он поднес к голове правую руку. Верхняя часть уха отсутствовала. Прямой срез свежей ра-

ны пылал огнем.

Говард долго не решался исследовать рану на макушке, боясь того, что может там обнаружить.

Первое же прикосновение подтвердило его опасения. Сердце обмерло. Но вскоре до него дошло, что большая часть этой липкой слизи и костяной крошки принадлежала не ему, а Лане.

Его была только борозда. Пуля процарапала в скальпе желобок длиной примерно два дюйма. Говард предположил, что рана была не проникающей, но пощупать вокруг, чтобы выяснить это, не отважился.

И опустил руку на землю.

И подумал: «Я должен встать и спасти Анжелу».

Следующей мыслью было: а сумеет ли он встать?

«Боже, — подумал он, — у меня четыре пулевых ранения».

А может, и больше.

Я как тот Распутин.

Побитый, разбитый, а продолжает тикать.

Как «ролекс».

А как насчет Анжелы? Что они ей делают?

И тут он понял, что уже долго не слышал ее криков. Может, они перестали ее мучить? Или она потеряла сознание?

Возможно, они убили ее?

Нет!

Только не Анжелу! Только не его Анжелу!

Но они это сделают.

Надо остановить их.

Говард уперся правым локтем в землю, качнулся и, вскрикнув: «А-а-а-а!», вытолкнул себя в сидячее положение.

Что, если они меня услышали?

Поперек его ног лежала Лана. Он успел лишь заметить темную спину тренировочной кофты, потому что быстро отвел взгляд в поисках автобуса, опасаясь, что кто-то мог прийти сюда и прикончить его.

Автобус был прямо впереди, возможно, в тридцати-сорока футах. Деревья почти заслоняли видимость, но Говард все же разглядел тусклый красный свет нескольких окон. И двери, до

сих пор открытые.

Никто не вышел.

«Не услышали», — успокоил он себя.

Но продолжал смотреть на двери, уповая на то, что его пристальный взгляд каким-то образом удержит убийц внутри, — и боясь того, что мог увидеть, поглядев вниз. Придавившую его ноги Лану. Кита и Глена. Потому что, даже не сводя глаз с двери, Говард видел темные контуры их тел: одно — под ногами Ланы, другое — справа от него, на расстоянии вытянутой руки.

Если бы только удалось подольше задержать взгляд на двери, тогда бы не пришлось смотреть на них.

Когда Говард услышал хруст, у него екнуло сердце. Он вздрогнул и невольно вскрикнул. Звук шага. За спиной.

Еще один шаг.

Треснула веточка.

Говард тихонько лег, закрыл глаза и затаил дыхание.

Еще шаги, медленно приближающиеся.

Затем быстрый вздох.

— О Боже! — Возглас испуганно оборвался.

— Дорис?

— Говард?

Он открыл глаза и увидел ее справа. Дорис посмотрела на него, затем на остальных. Она прижимала ко рту руку.

— Помоги мне.

Дорис присела на корточки сбоку от него, положила руку на плечо и снова взглянула на другие тела. Говард слышал ее шумное и частое дыхание.

— Они нас всех перестреляли, — сказал он. — Мы были в автобусе, когда они словно из-под земли выросли.

«Не совсем из-под земли, — мысленно поправил он себя. — Один вошел в передние двери, тогда как те двое с обрезамми — через запасной выход в задние».

— Где Анжела? — спросила Дорис.

— Все еще у них. Думаю, ее не застрелили, но схватили. И безжалостно мучают. Она так кричала.

Дорис кивнула.

— Знаю. Я здесь уже какое-то время. Пришла, когда услышала выстрелы. Подкралась за деревьями. Мне надо было узнать, что... А потом услышала здесь какие-то звуки.

— Это был я.

— Насколько серьезно ты ранен?

— Не знаю. В меня попали четыре раза. Это точно. А потом нас вышвырнули и оттащили сюда.

— Господи! Давай отвезем тебя в больницу.

— Нельзя бросать Анжелу.

Помолчав несколько секунд, Дорис спросила:

— Можешь двигаться?

— Могу сесть. — Он качнулся в ее сторону и уперся локтями в землю. Дорис потянула его за затылок, помогая подняться.

Едва он наклонился вперед, как Дорис быстро переместилась за спину и стала осторожно ощупывать ее. Когда ее руки касались ран, Говард дергался.

— Почти ничего не видно, — пробормотала она. — По-моему, одна пуля попала тебе в лопатку. Другая пониже, но, похоже, прошла насквозь.

Там много крови.

— Хлещет?

— Нет. В данный момент большого кровотечения нет. С легкими все в порядке?

— Кажется. Глубоко дышать очень больно, но...

— Нам понадобятся ключи от машины.

Дорис проползла мимо него и, встав на колени по другую сторону тела Глена, схватила Лану за щиколотки и, пяясь, потянула. Когда грудь Ланы скользнула у него по колену, Говард вздрогнул, а увидев ее голову, закрыл глаза.

Там не хватало верхней части.

В следующее мгновение тело Ланы соскользнуло с него.

Услышав стон, Говард открыл глаза. Лана лежала сверху Глена, и Дорис уже успела перевернуть ее. Она сунула руку в передний накладной кармашек кофты Ланы.

— Нашла, — прошептала она, вытаскивая руку с зажатыми в ней ключами. — Теперь можно отсюда сматываться.

— Мы должны спасти Анжелу. Дорис в упор

смотрела на него.

— Мы не можем ее просто бросить.

— Сколько там человек?

— Трое.

— И у всех огнестрельное оружие?

— Да.

— Думаешь, ты сможешь идти?

— Не знаю.

— Тогда давай узнаем.

— А-а-а-а! — завопил Говард. — Ой, мамочка, больно! Ой, как больно!

Повернув голову, прислоненную к дереву почти у самой земли, он посмотрел на Дорис. Та стояла чуточку справа, не более чем в ярде от его вытянутых ног, и, прижимаясь к толстому стволу, поглядывала из-за него на автобус.

Тогда он перевел взгляд на открытую дверь.

Вскоре в ней появился человек. Там, вверху, возле водительского сиденья. В одной руке он держал револьвер, тогда как другую силился всунуть в рукав клетчатой рубашки. Джинсы были расстегнуты. Справившись с рубашкой, он

застегнул ширинку и быстро сбежал по ступенькам.

Ветер тут же раздул за спиной рубашку и разметал косматую рыжую шевелюру. Буркнув что-то, рыжий слегка пригнулся и быстрыми мелкими шагами пошел в лес, напрямик к телам.

Никто не вышел за ним следом.

«Как мы и предполагали», — подумал Говард.

Для такой простой и неприятной работы, как прикончить недобитого, выйдет только один.

Возможно, лишь с ножом, в случае чего их план срывался.

Но этот взял с собой на такое дело револьвер.

Остановившись, рыжий посмотрел на тела, затем поднял голову.

— Говнюк! — только и сказал.

И пошел по направлению к Говарду.

— Нет! — задыхаясь всхлипнул Говард. — Не убивайте меня. Пожалуйста.

— Пошел ты... — Он остановился у ног Говарда и поднял револьвер.

— Подождите. Там девушка. Я знаю, где

Вы. . .

Рыжеволосый выстрелил, но уже качнувшись назад, отдернутый за волосы. Говард услышал, как пуля тюкнула в ствол над головой, и увидел руку Дорис, которая, выскользнув из-за головы стрелявшего, обхватила шею и резко дернулась назад, распарывая горло складным ножом.

Едва брызнула кровь и бандит стал заваливаться назад, как Дорис дважды всадила ему нож в грудь. Рыжий забился в судорогах, но так и не вскрикнул. «Потому что уже не мог кричать, — подумал Говард. — А кто бы смог с перерезанным горлом».

Через несколько секунд парняга неподвижно лежал у ног Дорис.

— Вставай, — шепнула она Говарду.

Пока тот силился подняться на ноги, Дорис перевернула тело убитого и стащила с него рубашку. Затем подала рубашку Говарду, помогла надеть ее поверх его собственной и быстро застегнула пуговицы.

— Сомневаюсь, чтобы это кого-нибудь обмануло, — пробормотал он.

— А нам надолго и не надо, — ответила она.

Затем Дорис вернулась к телу. И начала кроить голову мертвого. Когда она потянула за волосы, послышался мокрый треск.

«Как она могла такое сделать?» — удивился Говард. Но понял, что и сам бы сделал это без малейших сожалений.

Дорис приладила скальп Говарду на голову. Как парик. Тот пришелся как раз впору. Расправляя его, она несколько раз извлекла из него хлюпающие звуки и пару раз больно задела рану. Затем пальцами расчесала шевелюру покойника, опустив несколько локонов на лоб Говарду.

— Ну вот, готово, — прошептала она.

Шатаясь и скрипя зубами от накатывающей волнами боли, Говард двинулся в наступление на автобус. Дорис забежала вперед. Когда она наклонилась, чтобы поднять нож и револьвер, он проскочил мимо, боясь остановиться. Потому что остановка грозила падением. А если бы он упал, то, возможно, не смог бы уже подняться.

Прямо по курсу был узкий проход — свободная дорожка между телом Кита и останками го-

ловы Ланы. Покачиваясь, Говард аккуратно прошел по нему, больше смерти боясь наступить на своих мертвых товарищей.

Дорис обогнала его и, пятясь, сунула ему в правую руку револьвер.

Говард сделал еще один порывистый шаг, затем еще один.

Дорис обернулась и, выставив в стороны руки, словно для равновесия, на цыпочках пошла к автобусу.

И добралась туда очень быстро.

Говард увидел, как она присела на корточки возле дорожки света и положила руку на колено, направив лезвие ножа в воздух.

Затем перевел взгляд на дверной проем. Ему показалось, что тот подпрыгивает и раскачивается. И еще увеличивается в размерах.

Затем Говард был уже в нем: ставил ногу на первую ступеньку и взбирался на нее.

Перед глазами выросла перегородка.

«Хорошо, — подумал он. — Если я не могу видеть их, то и они меня не увидят».

Глядя прямо перед собой, Говард со всей

быстротой, на которую был способен, преодолел следующие две ступеньки и повернулся лицом к проходу.

Женщина на продольном сиденье снова была укрыта. Она лежала на боку, повернувшись к спинке, словно пыталась спрятаться.

— Эй, Джордж, присоединяйся... Что за херня!

Это был другой близнец. Он стоял сразу же за первым рядом сидений, обращенных к Говарду. Лицо Анжелы было у него в паху, а его руки придерживали девушку за затылок. Выше пояса стрелять было безопасно. Говард большим пальцем отвел курок и выстрелил. Пуля ударила в самую середину обнаженной груди, и руки его отлетели от головы Анжелы.

Когда он зашатался и повалился назад, стоявший рядом с ним пожилой мужчина оглянулся через плечо на Говарда. У него отвисла челюсть и полезли из орбит глаза.

— Поднимайся! — скомандовал Говард, понимая, что не сможет стрелять, не рискуя попасть в спину или голову Анжеле.

Тот вышел из нее и выпустил из рук ее бедра. Анжела, руки которой были привязаны к подлокотникам сидений по обе стороны прохода, рухнула вниз, ударившись коленями об пол, и бесчувственно повисла на руках. Ее мучитель встал на ноги между ее широко раздвинутыми коленями и повернулся к Говарду. И медленно поднял вверх руки.

Его возбужденный член был мокрым и блестящим.

— Ты Чарли, — проронил Говард.

— Не стреляй. Я сдаюсь. Не нужно...

Пуля пробила ему лоб. Из маленького отверстия брызнула кровь, а из затылка вылетела густая красная струя. Какое-то мгновение Чарли стоял неподвижно и глаза его медленно закатывались вверх. Затем накренился вперед и рухнул на матрац.

И загородил проход, так что Говарду пришлось на него наступить. Зайдя между ног Анжелы, он выстрелил поперек ее головы, всадив вторую пулю в грудь близнецу. Потом промахнулся, и пуля попала в пол. Следующая пуля легла возле

носа близнеца.

Бросив револьвер, Говард опустился на колени и нежно провел рукой по спине Анжелы, почувствовав скользкую кровь, припухшие рубцы, порезы. На коже были вырезаны буквы «Ч» и «К».

Чарли Карнес.

— Нет, — зашептала она. — Пожалуйста. Нет.

— Это я, — сказал Говард. — Мы их всех убили.

Глава 37

Они лежали бок о бок, приподнявшись на локтях. Окна спальни были открыты, и теплый утренний ветерок легко скользил по спине Кори. Блаженство. Она сделала глубокий ленивый вдох. В воздухе пахло травой и розами.

— Мне кажется, здесь, — начал Чед, ткнув пальцем в разложенную на матрасе у них перед глазами карту. — Места там прекрасные. Я побывал там не далее как прошлым летом.

— А где пик Отчаяния? — поинтересовалась Кори.

Палец сместился вниз и в сторону.

— За добрых тридцать миль.

— Думаю, это достаточно далеко.

— Там целое ожерелье озер. Просто фантастика. Я провел на их берегах целую неделю, так и не встретив ни одной живой души.

— Звучит привлекательно.

— Ты не думаешь, что у нас могут возникнуть определенные проблемы с рюкзаками?

— А ты не думаешь, что у нас могут возникнуть проблемы с ходьбой?

— Ты действительно уверена, что хотела

бы этого? Где-то в глубине Кори почувствовала неприятный холодок.

— Да, — ответила она. — Думаю, что да. Видишь ли, мне одновременно хочется и не хочется.

— Я испытываю то же самое.

— Но, по-моему, мы все же должны поехать сейчас. До начала семестра осталась всего неделя. Если отложим поездку до следующего лета. . . кто его знает. К тому времени я могу оробеть. Все было так замечательно до. . . этих неприятностей.

— На этот раз ничего плохого не случится, — сказал Чед.

— Обещаешь?

— На всякий случай возьмем оружие, но. . .

Звонок в дверь оборвал его фразу.

— Чудесно, — буркнула Кори. Она приподнялась, похлопала Чеду по заднице и сползла с кровати. — Не уходи никуда, — попросила она. — Это, наверное, свидетели Иеговы или еще кто-нибудь.

— Можно было бы притвориться, что нас нет дома.

Звонок зазвонил вновь.

— Я сейчас открою дверь в таком вот виде и посмотрю на выражение их лиц.

— А вот и не посмеешь.

Тихо рассмеявшись, она вышла из спальни нагой.

— Эй! — окликнул он ее.

— Вызов остается вызовом, — бросила она ему через плечо и, усмехаясь, заторопилась по коридору в гостиную. Видимо, Чед позабыл, что она оставила халат прошлой ночью на диване. Кори подняла его, накинула, запахнула и подвязала поясом уже по пути к входным дверям.

Посмотрев в глазок, она узнала Говарда Кларка и открыла дверь.

На крыльце рядом с ним стояла Анжела, прижимая к боку планшетку для спиритических сеансов. Пластиковую сердцеобразную стрелку она держала в руке.

— Замечательно выглядите, — промолвила Кори. Последний раз, когда она их видела, — как раз после выписки Говарда из больницы, — оба выглядели изможденными и угрюмыми. Теперь

они имели здоровый вид, улыбались и даже одежды были одинаково: оба были в белых рубашках с короткими рукавами, клетчатых шортах и белых прорезинках. Только на Анжеле еще были белые гольфы.

— Входите же, — сказала Кори.

Они замялись, а Говард, увидев халат, покраснел.

— Может, мы некстати? — спросил он.

— Ну, что вы. Друзья здесь всегда кстати. — Она жестом пригласила их войти, отступая назад. — Но вот эту штуковину глаза б мои больше не видели. — Она кивком указала на планшетку.

— Ну, — смущенно проговорил Говард, — она принадлежит вам. Нам ее вернули родители Ланы. Они не хотят хранить ее у себя.

— Я тоже не хочу.

— И мы не хотим ее.

— Ну, можете оставить ее здесь. Я сожгу эту проклятую планшетку, и это будет ее конец. — Взяв у Анжелы планшетку и стрелку, Кори повела их в гостиную. — Устраивайтесь поудобнее, — предложила она, жестом показывая на диван. —

Я предупрежу Чеда, что вы здесь. Может быть, по чашечке кофе или еще чего-нибудь.

— О, нет, спасибо, — отказался Говард, и Анжела покачала головой.

Когда они проходили к дивану, Кори положила планшетку и стрелку на ночной столик.

— Я сейчас вернусь, — бросила она.

Когда она вошла в спальню, Чед уже стоял на ногах, натягивая шорты.

— Это Говард и Анжела.

— Что это я вижу, ты одета? А как же вызов?

— Ты что же, держишь меня за безмозглую дуру?

Она подождала, пока Чед наденет тенниску, после чего они вместе вышли в гостиную.

— Доброе утро, — поздоровался Чед.

Гости поприветствовали его, и он опустился в кресло. Кори села на пол и прислонилась к его ногам.

— Они принесли назад планшетку, — объяснила она.

— Как раз то, что нам надо. Ну и что вы теперь собираетесь делать?

Говард пожал плечами. Он немного нервничал. Кори поняла, что он специально отрастил длинные волосы — чтобы прикрыть поврежденное ухо.

— Многое, — промолвил он. — Мы намерены сегодня заняться поисками квартиры.

— И когда же вы собираетесь соединиться узами? — поинтересовался Чед.

Оба стали пунцовыми.

— Мама и папа считают, что нам следует подождать до окончания университета.

— Совсем неплохая мысль, — согласилась Кори.

— Как прошел ваш медовый месяц? — спросила Анжела.

— Превосходно.

— В муках.

— Чед.

— И сумбурно.

— Перестань.

Говард засмеялся, но румянец все еще не сошел с его лица.

— Быть может, нам следовало бы подождать,

пока придете в себя?

— Все было не так уж плохо, как он пытается это представить. А как у вас дела? Вид у вас просто замечательный.

— У меня часто болит голова, но... — Говард пожал плечами. — Это пустяки.

— Его самочувствие постоянно улучшается, — вставила Анжела. — Врачи говорят, он поправится.

— Ну, а ты?

Она пожала плечами.

«Какая пара, — подумала Кори. — Краснеют и пожимают плечами по каждому поводу. Они просто созданы друг для друга».

— Со мной все нормально, — наконец вымолвила она. — У нас у обоих несколько милых шрамов. Но мы живы и вместе, — добавила Анжела. — А это самое главное. Никогда я не была еще такой счастливой. Если бы не то, что случилось с... — В ее голосе появилась хрипотца, и глаза заблестели от слез.

— Я знаю, — тихо промолвила Кори.

Положив руку на плечо Анжелы, Говард неж-

но притянул ее к себе.

— Пару дней назад заходила Дорис, — сообщил Чед. — Вы видели ее последнее время?

— Нет. Как она?

— Такая же противная, как всегда.

Кори рассмеялась, то же самое сделали и гости. Анжела вытерла глаза.

— Старая добрая Дорис.

— Она намерена записаться на мой семинар по Чосеру, — сказала Кори. — Вы оба тоже будете посещать его, верно?

— Это не восьмичасовой, нет? — осведомилась Анжела.

— На два часа после обеда. По понедельникам, средам и пятницам.

Анжела шмыгнула носом и улыбнулась.

— В таком случае считайте, что мы уже там.

— У вас есть адрес Дорис? — спросил Говард. — Мы хотели бы зайти и кое-что ей передать. У нас и для вас есть приятный сюрприз. — Наклонившись вперед, он запустил руку в задний карман шорт и вытащил оттуда бумажник. — Это главная причина нашего визита.

— Ага, значит, не только для того, чтобы вытащить нас из постели?

— Чеду нравится наблюдать, как люди краснеют, — улыбнулась Кори.

— Как бы там ни было, — продолжил Говард, доставая из бумажника листочек бумаги, напоминавший чек. Анжела пожалала его ногу. Затем поднялся, пересек комнату и вручил бумажку Кори.

Это был чек, выписанный на имя Чеда и Кори Далтон. Со счета Анжелы и подписанный ею. Чек на сумму двадцать пять тысяч долларов.

Кори посмотрела исподлобья на Говарда. Тот уже направлялся назад, к дивану.

— Что это? — спросила она Анжелу.

— Это ваша доля сокровищ.

— Что?

— Позволь-ка.

Она передала чек Чеду.

— Двадцать пять штук? — Голос у него был удивленный. — Вы, надо полагать, шутите.

— Это на самом деле две доли, — объяснила

Анжела. — По двенадцать пятьсот на человека. Мы разделили всю сумму на восьмерых. Дорис тоже получит свою долю, и мы уже отослали чеки. . . — Она вновь расплакалась.

— Семье Ланы, — дополнил Говард. — Семьям Кита и Глена. Каждый получит. . . — Он поперхнулся. — Или их родственники.

— Откуда взялись эти деньги? — спросила Кори. — Что это?

— Сокровища Батлер, — ответил Говард.

Анжела кивнула и потянула носом.

— Да, оно было на самом деле, — сказал Говард, глубоко вздохнув. — Это так странно. И совсем не надо было ехать за ними в горы. Я имею в виду, нам надо было лишь отъехать, но. . .

— Оно уже было, когда мы выехали, — пояснила Анжела. — Появилось, когда меня забирали от Скеррита.

— От кого?

— Анжелиного дяди. Она жила с ним в квартире на втором этаже.

— Он был против моего отъезда.

— Но мы все равно сделали по-своему и уеха-

ли.

— Он очень огорчился.

— Даже бросился за нами в погоню, — добавил Говард. — И упал. На следующее утро его нашли под лестницей. Свернул себе шею и умер.

— Боже мой, — пробормотала Кори. — Как это ужасно.

— Он был стар, — заметила Анжела. — И человек не очень хороший.

— Он был застрахован на случай смерти на сто тысяч долларов, — пояснил Говард.

Анжела кивнула.

— И я была определена как получатель этой суммы.

— Вы хотите нас убедить, — вмешался Чед, — что сокровища Батлер... богатства, которые обещала вам планшетка... заключались в страховке этого старика?

— Именно так мы и считаем, — объявил Говард. — Все, что было необходимо, это чтобы он упал и убился. Это, видимо, случилось всего через несколько минут после того, как мы отъехали от его квартиры той ночью. Это означает, что

наш поход в горы... все остальное... не было необходимостью.

— А мама считала это необходимым.

— Ну, да.

— Она хотела, чтобы я нашла ее. Хотела, чтобы ее тело наконец вернули домой. И, мне кажется, жаждала мести.

— Она добилась своего, — пробормотал Говард.

PDF Generation

Generated on *26 марта 2010 г.* by **fb2pdf** version 3.14

<http://www.fb2pdf.com/>